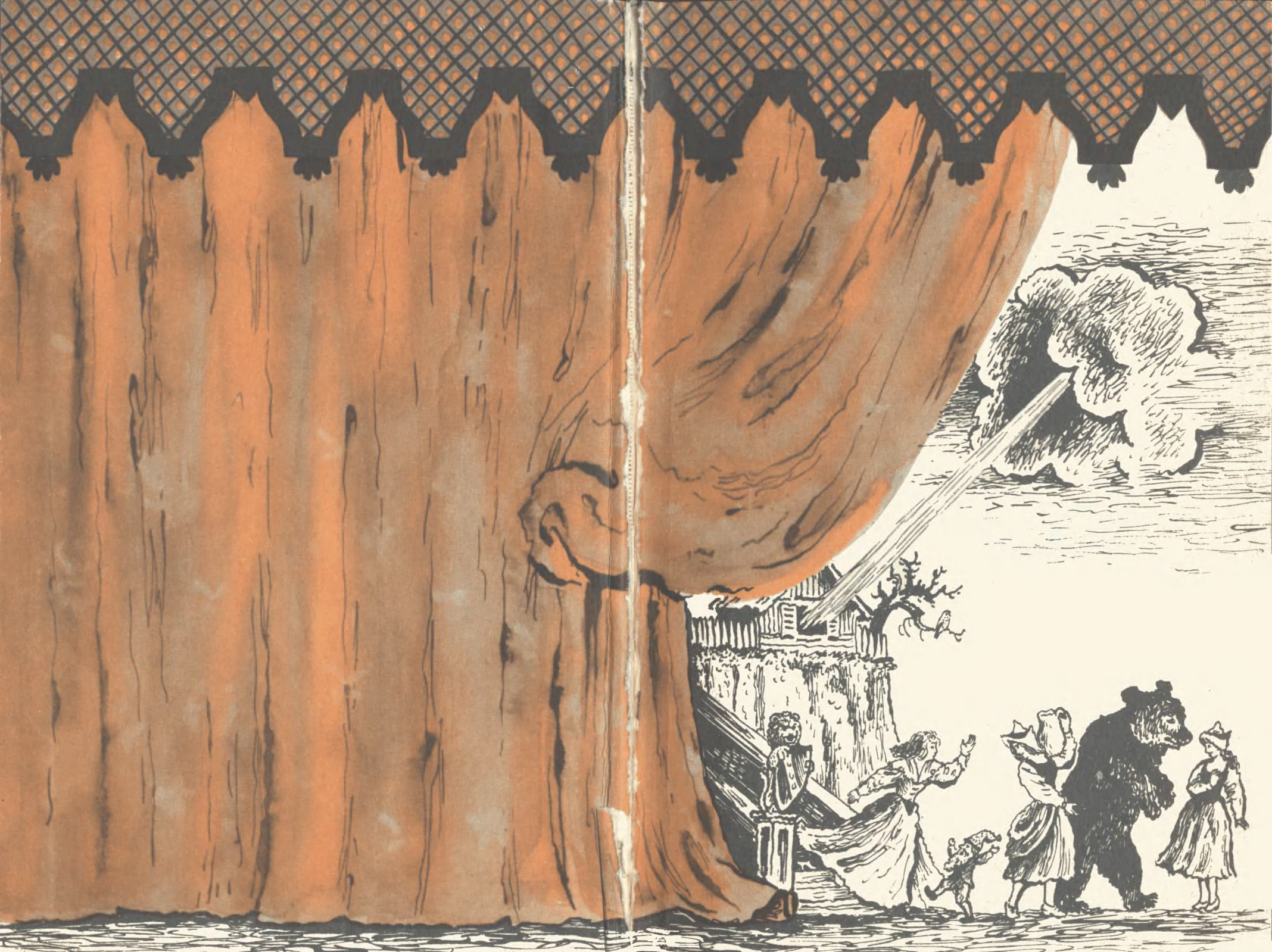

По дорогам сказки

Издательство „Детская литература“

По дорогам сказки

Сказки
писателей
разных стран

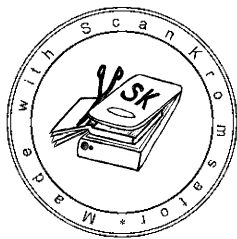
в пересказах
М. Таббе и А. Любарской

Оформление
В. Конашевиза

Издательство
„Детская литература“ · Москва · 1971

В этой книге собраны лучшие сказки писателей разных стран. Наши маленькие читатели найдут здесь сказки великого датского сказочника Ганса-Христиана Андерсена, норвежского писателя Асбь-ернсена, французского — Шарля Перро, немецких собирателей сказок — братьев Гримм. По сравнению с двумя предыдущими изданиями книга сокращена — применительно к программам вне-классного чтения в 1—4-х классах школы.

Scan AAW

Гадкий утёнок

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овёс зеленел, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски—этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами темнел большой лес, а в лесу прятались глубокие синие озёра. Да, хорошо было за городом! Солнце освещало старую усадьбу, окружённую глубокими канавами с водой. Вся земля—от стен дома до самой воды—заросла лопухом, да таким высо-

ким, что маленькие дети могли стоять под самыми крупными его листьями во весь рост.

В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это занятие порядком надоело. К тому же её редко навещали,— другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да крякать вместе с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

Утята зашевелились, застучали клювами и высунули головки.

— Пип, пип!— сказали они.

— Кряк, кряк!— ответила утка. — Поторапливайтесь!

Утята выкарабкались кое как из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зелёные листья лопуха. Мать не мешала им — зелёный цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир!— сказали утята.

Ещё бы! Теперь им было куда просторнее, чем в скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир?— сказала мать.— Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда за сад, за поле... Но, по правде говоря, там я отроду не бывала!.. Ну что, все уже выбрались?— И она поднялась на ноги.— Ах нет, ещё не все... Самое большое яйцо целёхонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

— Ну, как дела?— спросила старая утка, просунув голову в чашу лопуха.

— Да вот, с одним яйцом никак не могу справиться,— сказала молодая утка.— Сижую, сижую, а оно всё не лопается. Зато посмотри на тех малюток, что уже вылупились. Просто прелесть! Все, как один,—в отца! А он-то, негодный, даже не навестил меня ни разу!

— Постой, покажи-ка мне сперва то яйцо, которое не лопается,— сказала старая утка.— Уж не индю-

шечьё ли оно, чего доброго? Ну да, конечно!.. Вот точно так же и меня однажды провели. А сколько хлопот было у меня потом с этими индюшатами! Ты не поверишь: они до того боятся воды, что их и не загонишь в канаву. Уж я и шипела, и крикала, и просто толкала их в воду,— не идут, да и только. Дай-ка я ещё раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечьё! Брось-ка его да ступай учи своих деток плавать!

— Нет, я, пожалуй, посижу,— сказала молодая утка.— Уж столько терпела, что можно ещё немного потерпеть.

— Ну и сиди!— сказала старая утка и ушла.

И вот наконец большое яйцо треснуло.

— Пип! Пип!— пропищал птенец и вывалился из скорлупы.

Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его со всех сторон и всплеснула крыльями.

— Ужасный урод!— сказала она.— И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зелёный лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьёй отправилась к канаве. Бултых!— и она очутилась в воде.

— Кряк-кряк! За мной! Живо!— позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперёд. Лапки у них так и заработали, так и заработали. Даже гадкий серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок?— сказала утка.— Вон как славно гребёт лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не так дурен, если хорошенько присмотреться к нему. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко

мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро утка со всем своим выводком добралась до птичьего двора. Бог ты мой! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за головки угря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

— Вот так всегда и бывает в жизни!— сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки.— Ну, ну, шевелите лапками!— скомандовала она, поворачиваясь к утятам.— Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у неё на лапке красный лоскуток! До чего красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что её не хотят потерять,— по этому лоскутку её сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утёнок должен выворачивать лапки наружу. Вот так! Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: «Кряк!»

Утята так и сделали.

Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну вот, ещё целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то какой гадкий! Этого уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

— Оставьте его!— сказала утка-мать.— Ведь он вам ничего не сделал!

— Положим, что так. Но какой-то он большой и несуразный!— прошипела злая утка. — Не мешает его немного проучить.

А знатная утка с красным лоскутком на лапке сказала:

— Славные у тебя детки! Все очень, очень милы, кроме одного, пожалуй... Бедняга не удался! Хорошо бы его переделать!

— Это никак невозможно, ваша милость! — отве-

тила утка-мать.— Он некрасив — это правда, — но у него доброе сердце. А плавать он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому немного перерос.— И она разгладила клювом пёрышки на его спине.— Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьёт себе дорогу в жизнь.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала знатная утка.— Ну, будьте как дома, а если найдёте угриную головку, можете принести её мне.

И вот утята стали вести себя как дома. Только бедному утёнку, который вылупился позже других и был такой гадкий, никто не давал проходу. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже куры.

— Слишком велик! — говорили они.

А индийский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя чуть не императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утёнку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью. Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же было ему уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеётся над ним!

Так прошёл первый день, а потом стало ещё хуже. Все гнали бедного утёнка, даже братья и сёстры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утатила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «Глаза б мои на тебя не глядели!» Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утёнок не выдержал. Он перебежал через двор и, распустив свои неуклюжие крылышки, кое-как перевалился через забор прямо в колючие кусты.

Маленькие птички, сидевшие на ветках, разом вспорхнули и разлетелись в разные стороны. «Это оттого, что я такой гадкий», — подумал утёнок и,

зажмутив глаза, бросился бежать, сам не зная куда. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки.

Тут он провёл всю ночь. Бедный утёнок устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки проснулись в своих гнёздах и увидели нового товарища.

— Это что за птица?— спросили они.

Утёнок вертелся и кланялся во все стороны как умел.

— Ну и гадкий же ты!— сказали дикие утки.— Впрочем, нам до этого нет никакого дела, только бы ты не лез к нам в родню.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы ему позволили жить в камышах да пить болотную воду,— о большем он и не мечтал.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они совсем недавно научились летать и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище!— сказали они.— Ты такой чудной, что на тебя смотреть весело. Хочешь дружить с нами? Мы птицы вольные — куда хотим, туда и летим. Здесь поблизости есть ещё болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап! Рап!» Ты так забавен, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! Паф!— раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мёртвыми, а вода покраснела от крови.

Пиф! Паф!— раздалось опять, и целая стая диких гусей поднялась над болотом. Выстрел гремел за выстрелом. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них забрались на деревья и вели стрельбу сверху. Голубой дым облаками окутывал вершины деревьев и стлался над водой. По болоту рыскали охотничьи собаки. Только и слышно было: шлёп-шлёп! А камыш раскачивался из стороны в сторону. Бедный утёнок от страха был ни жив ни мёртв.

Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним выросла охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утёнка, оскалила острые зубы и — шлёп-шлёп! — побежала дальше.

«Кажется, пронесло, — подумал утёнок и перевёл дух. — Видно, я такой гадкий, что даже собаке противно съесть меня!»

И он притаился в камышах. А над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утёнок долго ещё боялся пошевелинуться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся вокруг и пустился бежать дальше по полям и лугам.

Дул такой сильный встречный ветер, что утёнок еле-еле передвигал лапками.

К ночи он добрался до маленькой убогой избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, — потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утёнка, — приходилось прижиматься к самой земле, чтобы не унесло. К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и так перекосилась, что сквозь щель можно легко пробраться внутрь. И утёнок пробрался.

В избушке жила старуха со своей курицей и котом. Кота она звала Сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже сыпать искрами, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие коротенькие ножки, и потому её так и прозвали Коротконожкой. Она прилежно несла яйца, и старушка любила её, как дочку.

Утром утёнка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица кудахтать.

— Что там такое? — спросила старушка.

Она поглядела кругом и увидела в углу утёнка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка!— сказала старушка.— Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень.

И она решила оставить бездомную птицу у себя. Но прошло недели три, а яиц всё не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой — курица. Оба они всегда говорили: «Мы и весь свет!» Они считали самих себя половиной всего света и притом — лучшей половиной. Утёнку, правда, казалось, что на сей счёт можно быть другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умеешь ты нести яйца?— спросила она утёнка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, сыпать искрами и мурлыкать?

— Нет!

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утёнок сидел в углу нахохлившись.

Как-то раз дверь широко отворилась, и в комнату ворвалась струя свежего воздуха и яркий солнечный луч. Утёнка так сильно потянуло на волю, так захотелось ему поплавать, что он не мог удержаться и сказал об этом курице.

— Ну, что ещё выдумал?— напустилась на него курица.— Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдёт!

— Ах, плавать так приятно!— сказал утёнок.— Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубь!

— Вот так удовольствие!— сказала курица.— Ты совсем с ума сошёл! Спроси у кота — он рассудительней всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж не говорю. Спроси, наконец, у нашей госпожи старушки, умнее её уж наверно

никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубь!

— Вы меня не понимаете!— сказал утёнок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймёт! Ты, видно, хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури и будь благодарен за всё, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда поступают истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да сыпать искрами!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят!— сказал утёнок.

— Ну и ступай себе!— ответила курица.

И утёнок ушёл. Он жил на озере, плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

А между тем настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели. Они так и сыпались с ветвей, а ветер подхватывал их и кружил по воздуху. Стало очень холодно. Тяжёлые тучи сеяли на землю то град, то снег. Даже вóрон, сидя на изгороди, каркал от холода во всё горло. Брр! Замёрзнешь при одной мысли о такой стуже!

Плохо приходилось бедному утёнку.

Раз под вечер, когда солнышко ещё сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудесных, больших птиц. Таких красивых птиц утёнок никогда ещё не видел — все белые как снег, с длинными гибкими шеями... Это были лебеди.

Их крик был похож на звуки трубы. Они распростёрли свои широкие, могучие крылья и полетели с холодных лугов в тёплые края, за синие моря... Вот уж они поднялись высоко-высоко, а бедный утёнок всё смотрел им вслед, и какая-то непонятная тревога охватила его. Он завертелся в воде, как волчок, вытя-

нул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Он не мог оторвать глаз от этих прекрасных птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, потом выплыл опять и всё-таки долго ещё не мог опомниться. Утёнок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но любил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал. Ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был бы рад-радёхонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утёнок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утёнок должен был плавать по озеру без отдыха, чтобы не дать воде замёрзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась всё меньше и меньше. Мороз был такой, что даже лёд потрескивал. Утёнок без усталости работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примёрз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примёрзшего ко льду утёнка, разбил лёд своим деревянным башмаком и отнёс полумёртвую птицу домой к жене.

Утёнка отогрели.

Дети задумали поиграть с ним, но утёнку показалось, что они хотят обидеть его. Он шарахнулся от страха в угол и попал прямо в подойник с молоком. Молоко потекло по полу. Хозяйка вскрикнула и всплеснула руками, а утёнок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда в бочонок с мукой. Легко представить, на что он стал похож!

Хозяйка бранила утёнка и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта,— утёнок выбежал, растопылив крылья, кинулся в кусты, прямо на свежавыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья гадкого утёнка в эту суровую зиму.

Наконец солнышко опять пригрело землю своими тёплыми лучами. Зазвенели жаворонки в полях. Вернулась весна!

Утёнок выбрался из камышей, где он прятался всю зиму, взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и подняли его над землёй. Не успел он опомниться, как долетел уже до большого сада. Яблони стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зелёные ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весною!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чуждых белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утёнок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

«Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверно, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но всё равно! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!»

И он опустил на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, а лебеди, увидев его, замахали крыльями и поплыли прямо к нему.

— Убейте меня!— сказал гадкий утёнок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел своё собственное отражение. Он был уже не гадким тёмно-серым утёнком, а красивым белым лебедем!

Теперь утёнок был даже рад, что перенёс столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить своё счастье. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали дети. Они стали бросать лебедям кусочки хлеба и зерно, а самый младший из них кричал:

— Новый прилетел! Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Да, новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом с матерью и опять стали бросать в воду кусочки хлеба и пирожного.

И дети и взрослые говорили:

— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. Но всё это было позади. Теперь люди говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей. Сирень склоняет к нему в воду душистые ветки, а солнышко ласкает своими тёплыми лучами... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был ещё гадким серым утёнком!

Соловей

Ты, верно, знаешь, что в Китае все жители китайцы и сам император китаец.

Давным-давно это было, но потому-то и стоит рассказать эту историю, пока она ещё не забылась совсем.

В целом мире не нашлось бы дворца лучше, чем дворец китайского императора. Он весь был из драгоценного фарфора, такого тонкого и хрупкого, что страшно было до него и дотронуться.

Дворец стоял в прекрасном саду, в котором росли

чудесные цветы. К самым красивым цветам были привязаны серебряные колокольчики. И, когда дул ветерок, цветы покачивались и колокольчики звенели. Это было сделано для того, чтобы никто не прошёл мимо цветов, не поглядев на них. Вот как умно было придумано!

Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что даже главный садовник и тот не знал, где он кончается. А сразу за садом начинался дремучий лес. Этот лес доходил до самого синего моря, и корабли проплывали под сенью могучих деревьев.

Тут в лесу, у самого берега моря, жил соловей. Он пел так чудесно, что даже бедный рыбак, слушая его песни, забывал о своём неводе.

— Ах, как хорошо, — говорил он, вздыхая, но потом снова принимался за своё дело и не думал о лесном певце до следующей ночи.

А когда наступала следующая ночь, он опять, как зачарованный, слушал соловья и снова повторял то же самое:

— Ах, как хорошо, как хорошо!

Со всех концов света приезжали в столицу императора путешественники. Все они любовались великолепным дворцом и прекрасным садом, но, услышав пение соловья, говорили: «Вот это лучше всего!»

Вернувшись домой, путешественники рассказывали обо всём, что видели. Учёные описывали столицу Китая, дворец и сад императора и никогда не забывали упомянуть о соловье. А поэты слагали в честь крылатого певца, живущего в китайском лесу на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот одна толстая книга дошла до самого китайского императора. Он сидел на своём золотом троне, читал и кивал головой. Ему очень нравилось читать о том, как хороша его столица, как прекрасны его дворец и сад. Но вот на последней странице книги император прочитал: «В Китае много чудесного, но лучше всего маленькая

птичка, по имени соловей, которая живёт в лесу близ императорского сада. Ради того, чтобы послушать её пение, советуем каждому съездить в Китай».

— Что такое?— сказал император.— Как?! В моём государстве и даже рядом с моим собственным дворцом живёт такая удивительная птица, а я ни разу не слыхал, как она поёт! И я узнаю о ней из иностранных книг!

Он захлопнул книгу и велел позвать своего первого министра. Этот министр напускал на себя такую важность, что, если кто-нибудь из людей пониже его чином осмеливался заговорить с ним или спросить его о чём-нибудь, он отвечал только: «Пф»,— а это ведь ровно ничего не означает.

— Я прочёл в одной учёной книге, что у нас есть замечательная птица, которую зовут соловей,— сказал император министру.— Её считают первой достопримечательностью моего государства. Почему же мне ни разу не докладывали об этой птице?

— Ваше величество!— отвечал первый министр и поклонился императору.— Я даже и не слыхал о ней. Она никогда не была представлена ко двору.

— Весь свет знает, что у меня есть такая редкостная птица, и только я один не знаю этого,— сказал император.— Я хочу, чтобы сегодня же вечером она была здесь и пела передо мной!

— Я разыщу её, ваше величество,— сказал первый министр.

Сказать-то было нетрудно. А где её сыщешь?

И вот первый министр забегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из придворных не мог ему сказать, что за птица соловей и где этот самый соловей живёт.

Первый министр вернулся к императору и доложил, что соловья в Китае нет и никогда не было.

— Ваше величество напрасно изволит верить всему, что пишут в книгах,— сказал он.— Всё это одни пустые выдумки.

— Не говори глупостей!— сказал император.— Я хочу слышать соловья. Он должен быть во дворце сегодня же вечером! А если его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина отколотить тебя и всех министров палками по пяткам.

— Тзинг-пе!— сказал первый министр и опять принялся бегать вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам.

С ним бегали все сановники и придворные — никому не хотелось отведать палок.

То и дело они сталкивались носами и спрашивали друг друга:

— Что такое со-ло-вей?

— Где найти со-ло-вья?

Но никто в императорском дворце даже не слышал о соловье, про которого знал уже весь свет.

Наконец придворные прибежали в кухню. Там сидела маленькая девочка и вытирала тарелки.

Первый министр спросил девочку, не знает ли она, где живёт соловей.

— Соловей?— сказала девочка.— Да как же мне не знать! Он живёт в нашем лесу. А уж как поёт! Я каждый день ношу моей больной маме остатки обеда с императорской кухни. Живём мы у самого моря. Рядом в лесной чаще есть старое дерево с большим дуплом и густыми-густыми ветвями. И каждый раз, когда я сажусь отдохнуть под этим деревом, я слышу песню соловья. Он поёт так нежно, что слёзы сами собой текут у меня из глаз, а на душе становится так радостно, будто меня целует матушка.

— Девочка,— сказал первый министр, — я назначу тебя шестой придворной судомойкой и даже позволю посмотреть, как обедает сам император, если ты покажешь нам, где живёт соловей. Он приглашён сегодня вечером ко двору.

И вот все отправились в лес.

Впереди шла девочка, а за ней министры и сановники.

Шли они, шли, и вдруг где-то неподалёку замычала корова.

— О!— сказали придворные.— Это, наверно, и есть соловей. Какой, однако, у него сильный голос!

— Это корова мычит,— сказала девочка.— Ещё далеко до того дерева, на котором живёт соловей.

И все пошли дальше.

Вдруг в болоте заквакали лягушки.

— Чудесно!— сказал придворный бонза.— Наконец-то я слышу соловья. Точь-в-точь серебряные колокольчики в нашей молельне!..

— Нет, это лягушки,— сказала девочка.— Но теперь, я думаю, мы скоро услышим и самого соловья.

И в самом деле, из чащи ветвей послышалось чудесное пение.

— Вот это и есть соловей!— сказала девочка.— Слушайте, слушайте! А вот и он сам!— И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, которая сидела на ветке.

— Пф!— сказал первый министр.— Никак не думал, что этот знаменитый соловей так невзрачен с виду. Наверно, он посерел от страха, увидев так много знатных особ.

— Соловушка!— громко закричала девочка.— Наш милостивый император хочет послушать тебя.

— Очень рад!— ответил соловей и запел ещё звонче.

— Пф, пф!— сказал первый министр.— Его голос звенит так же звонко, как стеклянные колокольчики на парадном балдахине императора. Взгляните только, как работает это маленькое горлышко! Странно, что мы до сих пор никогда не слышали такого замечательного певца. Он несомненно будет иметь огромный успех при дворе.

— Не желает ли император, чтобы я спел ещё?— спросил соловей. Он думал, что с ним говорит сам император.

— Несравненный господин соловей!— сказал

первый министр.— Его величества императора здесь нет, но он возложил на меня приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением.

— Песни мои гораздо лучше слушать в зелёном лесу,— сказал соловей.— Но я охотно полечу с вами, если это будет приятно императору.

А во дворце между тем готовились к празднику. Все бегали, хлопотали и суеились. В фарфоровых стенах и в стеклянном полу отражались сотни тысяч золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены прекрасные цветы, а привязанные к цветам колокольчики от всей этой беготни, суматохи и сквозного ветра звенели так громко, что никто не слышал своего собственного голоса.

И вот наступил вечер. Посреди огромной залы восседал император. Напротив императорского трона поставили золотой шест, а на самой верхушке его сидел соловей. Все придворные были в полном сборе. Даже бедной девочке из кухни позволили стоять в дверях,— ведь она была теперь не простая девочка, а придворная судомойка. Все были разодеты в пух и прах и не сводили глаз с маленькой серенькой птички.

Но вот император милостиво кивнул головой.

И соловей запел.

Он пел так нежно, так чудесно, что даже у самого императора выступили на глазах слёзы и покатались по щекам.

Тогда соловей залился ещё громче, ещё нежнее. Пение его так и хватало за сердце.

Когда он кончил, император сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался.

— Я уже и так вознаграждён,— сказал соловей.— Я видел слёзы на глазах императора. Какой же ещё желать мне награды?

И опять зазвучал его чудесный голос.

— Ах, это очаровательно!— восклицали наперебой придворные дамы.

И с тех пор, когда им нужно было разговаривать с кем-нибудь, кому они хотели понравиться, они набирали в рот воды, чтобы она булькала у них в горле. Придворные дамы, видите ли, вообразили, что это бульканье похоже на соловьиные трели.

Соловья оставили при дворе и отвели ему особую комнату. Два раза в день и один раз ночью ему разрешали гулять на свободе.

Но к нему приставили двенадцать слуг, и каждый из них держал привязанную к ножке соловья шёлковую ленточку.

Нечего сказать, большое удовольствие могла доставить такая прогулка!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если на улице встречались трое знакомых, один из них говорил: «Со», другой подхватывал: «ло», а третий заканчивал: «вей», после чего все трое вздыхали и поднимали к небу глаза.

Одиннадцать лавочников дали своим сыновьям новое имя: «Соловей»— в честь императорского соловья,— хотя голоса у этих младенцев были похожи на скрип несмазанных колёс.

Словом, маленькая лесная птичка прославилась на весь Китай.

Но вот однажды императору прислали из Японии ящичек, завёрнутый в шёлковую материю. На ящичке было написано: «Соловей».

— Это, наверно, новая книга о нашей знаменитой птице,— сказал император.

Ящик открыли, но в нём была не книга, а разукрашенная коробочка. А в коробочке лежал искусственный соловей. Он был очень похож на живого, но весь осыпан брильянтами, рубинами и сапфирами. Стоило завести игрушечную птицу— и она начинала петь одну из тех песен, которые пел настоящий соловей, и вертеть позолоченным хвостиком. На шейке у птицы

была ленточка с надписью: «Соловей императора японского ничто в сравнении с соловьём императора китайского».

— Какая прелесть!— сказали все.

А того, кто привёз драгоценную птицу, сейчас же возвели в чин «придворного поставщика соловьёв».

— Теперь пускай этот новый соловей и наш старый певец споют вместе,— решил император.

Но дело не пошло на лад: настоящий соловей каждый раз пел свою песню по-новому, а искусственный повторял одну и ту же песенку, как заведённая шарманка.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как и настоящий соловей, но при этом был куда красивее — весь так и блестел, так и сверкал драгоценными камнями.

Тридцать три раза пропел он одно и то же и несколько не устал.

Придворные охотно послушали бы его песенку ещё тридцать три раза, но император сказал, что теперь надо послушать для сравнения и настоящего соловья. Тут все обернулись и посмотрели на золотой шест. Но соловья там не было. Куда же он девался?

Никто и не заметил, как соловей выпорхнул в открытое окно и улетел домой, в свой зелёный лес.

— Что же это, однако, такое?— сказал император.

И все придворные стали бранить соловья и называть его неблагодарной тварью.

— Лучшая-то птица всё-таки осталась у нас!— говорили все, и заводному соловью пришлось спеть свою единственную песню в тридцать четвёртый раз.

Придворный капельмейстер всячески расхваливал искусственную птицу и уверял, что она гораздо лучше настоящей и наружностью и голосом.

— Я возьму на себя смелость утверждать, высокий повелитель мой, и вы, достопочтенные господа,— говорил он,— что преимущества искусственного соловья перед живым соловьём неоспоримы. Изволите

ли видеть, имея дело с живым, вы никогда не знаете заранее, что ему заблагорассудится спеть, в то время как вам всегда известно наперёд, что именно будет петь искусственный. Если вам угодно, вы даже можете разобрать его и посмотреть, как он устроен, как расположены и действуют все его валики, винтики и пружинки — плод человеческого ума и учёности.

— О да, мы тоже так думаем,— сказали придворные.

А император велел показать птицу всему городу в следующее же воскресенье.

— Пусть и народ послушает её,— сказал он.

Горожане послушали с удовольствием и выразили своё полное одобрение — словно их угостили отличным чаем, а ведь китайцы, как известно, ничто так не любят, как чай.

Все в один голос восклицали: «О!», поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами.

Только бедные рыбаки, которым доводилось слышать настоящего соловья, говорили:

— Недурно поёт! Даже похоже на живого соловья. Но всё-таки не то! Чего-то недостаёт, а чего — мы и сами не знаем.

А тем временем император издал указ, скреплённый самой большой императорской печатью. В этом указе настоящего соловья объявили навсегда изгнанным из китайского государства. А искусственный занял место на шёлковой подушке, возле самой императорской постели. Вокруг него были разложены все пожалованные ему драгоценности, в том числе золотая императорская туфля.

Заводной птице дали особое звание: «Первый певец императорского ночного столика с левой стороны», потому что император считал более важной ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у императора!

Учёные написали об искусственном соловье двадцать пять толстенных книг, полных самых мудрёных

и непонятных китайских слов. Однако все придворные уверяли, что прочли эти книги и поняли от слова до слова,— иначе ведь их прозвали бы невеждами и отколотили бы палками по пяткам.

Так прошёл год. Император, весь двор и даже весь город знали наизусть каждую нотку в песне искусственного соловья. Поэтому-то пение его так нравилось. Все теперь сами могли подпевать птице. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клю-клюк-клюк!» И даже сам император напевал иногда: «Ци-ци-ци! Клю-клюк-клюк!» Ну, что за прелесть!

И вот однажды вечером искусственная птица распевала перед императором, а он лежал в постели и слушал её. Вдруг внутри птицы что-то зашипело, зажужжало, колёсики быстро завертелись и остановились. Музыка смолкла.

Император вскочил с постели и послал за своим личным лекарем. Но что тот мог поделать? Ведь он никогда не лечил соловьёв—ни живых, ни искусственных. Тогда призвали часовщика. Часовщик разобрал птицу на части и долго рассматривал какие-то колёсики и подвинчивал какие-то винтики. Потом он сказал, что птица хоть и будет петь, но обращаться с ней надо очень осторожно: маленькие зубчики истёрлись, а поставить новые нельзя. Вот какое горе!

Все были очень опечалены. Император издал новый указ, в котором говорилось, что «Первого певца императорского ночного столика с левой стороны» разрешается заводить только раз в год, да и то ненадолго.

Для успокоения горожан придворный капельмейстер произнёс речь, в которой он с большим искусством доказал, что заводной соловей несколько не стал хуже. Ну, а если это сказал придворный капельмейстер, значит, так оно и было.

Прошло ещё пять лет.

Однажды император простудился и заболел. Доктора уже не надеялись на его выздоровление. Мини-

стры и придворные собирались провозгласить нового императора, а народ толпился на улице и спрашивал первого министра о здоровье старого императора.

— Пф!— отвечал первый министр и покачивал головой.

Бледный и похолодевший, лежал император на своём великолепном ложе. Все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Слуги бегали взад и вперёд по дворцу и узнавали последние новости, а служанки проводили время в болтовне за чашкой чая. Во всех залах и коридорах были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мёртвая тишина.

Но старый император ещё не умер, хотя и лежал совсем неподвижно на своём великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями. Окно было раскрыто, и месяц глядел на императора и заводного соловья, который лежал так же неподвижно, как и сам император, на шёлковой подушке возле постели больного.

Бедный император едва дышал, ему казалось, что кто-то сжимает его горло. Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидит Смерть. Она надела себе на голову корону императора, в одной руке у неё была его золотая сабля, а в другой — императорское знамя. А кругом из всех складок бархатного балдахина выглядывали какие-то страшные рожи: одни безобразные и злые, другие — красивые и добрые. Но злых было гораздо больше. Это были злые и добрые дела императора. Они смотрели на него и наперебой шептали.

— Помнишь ли ты это?— слышалось с одной стороны.

— А это помнишь?— доносилось с другой.

И они рассказывали ему такое, что холодный пот выступал у императора на лбу.

— Я забыл об этом,— бормотал он.— А этого никогда и не знал...

Ему стало так тяжело, так страшно, что он закричал:

— Музыку сюда, музыку! Бейте в большой китайский барабан! Я не хочу видеть и слышать их!

Но страшные голоса не умолкали, а Смерть, словно старый китаец, кивала при каждом их слове.

— Музыку сюда, музыку!— ещё громче вскричал император.— Пой хоть ты, моя славная золотая птичка! Я одарил тебя драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю!.. Пой же, пой!

Но птица молчала: некому было завести её, а без этого она петь не умела.

Смерть, усмехаясь, глядела на императора своими пустыми глазными впадинами. Мёртвая тишина стояла в покоях императора.

И вдруг за окном раздалось чуждое пение. То был маленький живой соловей. Он узнал, что император болен, и прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он сидел на ветке и пел, и страшные призраки, обступившие императора, всё бледнели и бледнели, а кровь всё быстрее, всё жарче прилиwała к сердцу императора.

Сама Смерть заслушалась соловья и лишь тихо повторяла:

— Пой, соловушка! Пой ещё!

— А ты отдашь мне за это драгоценную саблю? И знамя? И корону?— спрашивал соловей.

Смерть кивала головой и отдавала одно сокровище за другим, а соловей всё пел и пел. Вот он запел песню о тихом кладбище, где цветёт бузина, благоухают белые розы и в свежей траве на могилах блещут слёзы живых, оплакивающих своих близких. Тут Смерти так захотелось вернуться к себе домой, на тихое кладбище, что она закуталась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо тебе, милая птичка!— сказал император.— Я узнаю тебя. Когда-то я прогнал тебя из моего государства, а теперь ты своей песней отогнала от моей постели Смерть! Чем мне вознаградить тебя?

— Ты уже наградил меня,— сказал соловей.— Я видел слёзы на твоих глазах, когда первый раз пел перед тобой,— этого я не забуду никогда. Искренние слёзы восторга — самая драгоценная награда певцу!

И он запел опять, а император заснул здоровым, крепким сном.

А когда он проснулся, в окно уже ярко светило солнце. Никто из придворных и слуг даже не заглядывал к императору. Все думали, что он умер. Один соловей не покидал больного. Он сидел за окном и пел ещё лучше, чем всегда.

— Останься у меня!— просил император.— Ты будешь петь только тогда, когда сам захочешь. А искусственную птицу я разобью.

— Не надо!— сказал соловей.— Она служила тебе как могла. Оставь её у себя. Я не могу жить во дворце. Я буду прилетать к тебе, когда сам захочу, и буду петь о счастливых и несчастных, о добре и зле, обо всём, что делается вокруг тебя и чего ты не знаешь. Маленькая певчая птичка летает повсюду — залетает и под крышу бедной крестьянской хижины, и в рыбацкий домик, которые стоят так далеко от твоего дворца. Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне...

— Всё, что хочешь!— воскликнул император и встал с постели.

Он успел уже надеть своё царское одеянье и прижимал к сердцу тяжёлую золотую саблю.

— Обещай мне не говорить никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всём большом мире. Так дело пойдёт лучше.

И соловей улетел.

Тут вошли придворные, они собрались поглядеть на умершего императора, да так и застыли на пороге.

А император сказал им:

— Здравствуйте! С добрым утром!

Дюймовочка

ила на свете одна женщина. У неё не было детей, а ей очень хотелось ребёночка. Вот пошла она к старой колдунье и говорит: — Мне так хочется, чтоб у меня была дочка, — хоть самая маленькая!..

— Чего же проще! — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не из тех, что зреют у вас на полях и родятся птице на корм. Возьми-ка его да посади в цветочный горшок. Увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать медяков.

Потом она пошла домой и посадила ячменное зёрнышко в цветочный горшок.

Только она его полила, зёрнышко сразу же проросло. Из земли показались два листочка и нежный стебель. А на стебле появился большой чудесный цветок, вроде тюльпана. Но лепестки цветка были плотно сжаты: он ещё не распустился.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пёстрые лепестки.

В ту же минуту в сердцевине цветка что-то щёлкнуло, и он раскрылся. Это был в самом деле большой тюльпан, но в чашечке его сидела живая девочка. Она была маленькая-маленькая, всего в дюйм¹ ростом. Поэтому её так и прозвали — Дюймовочка.

Колыбельку для Дюймовочки сделали из блестящей лакированной скорлупки грецкого ореха. Вместо перинки туда положили несколько фиалок, а вместо одеяльца — лепесток розы. В эту колыбельку девочку укладывали на ночь, а днём она играла на столе.

---

¹ В одном дюйме два с половиной сантиметра.

Посередине стола женщина поставила глубокую тарелку с водой, а по краю тарелки разложила цветы. Длинные стебельки их купались в воде, и цветы долго оставались свежими и душистыми.

Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и она плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо вёсел у неё были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоса, как у неё, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату пробралась большущая старая жаба, мокрая и безобразная. С подоконника она прыгнула на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Как хороша!— сказала старая жаба.— Славная невеста будет моему сыну!

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Возле сада протекала речка, а под самым её берегом было топкое болотце. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь мамаша!

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс!— только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Ещё разбудишь, чего доброго, и она убежит от нас,— сказала старая жаба.— Ведь она легче пёрышка. Давай-ка отнесём её на середину реки и посадим там на лист кувшинки — для такой крошки это целый остров. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнёздышко.

В реке росло много кувшинок. Их широкие зелёные листья плавали по воде. Самый большой лист

был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спала девочка.

Ах, как испугалась бедная Дюймовочка, проснувшись поутру! Да и как было не испугаться! Со всех сторон её окружала вода, а берег чуть виднелся вдали. Дюймовочка закрыла глаза руками и горько заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и жёлтыми кувшинками,— она хотела угодить молодой невестке. Когда всё было готово, она подплыла со своим гадким сынком к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять её кроватку и перенести к себе в дом.

Сладко улыбнувшись, старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживёте с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс!— только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней. А Дюймовочка всё стояла одна посреди реки на большом зелёном листе кувшинки и горько-горько плакала — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за её противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, услышали, что сказала старуха жаба. Жениха с матушкой они видели и раньше. Теперь они высунули из воды головы, чтобы поглядеть на невесту.

Взглянув на Дюймовочку своими круглыми глазками, они ушли на самое дно и стали думать, что же теперь делать. Им было ужасно жалко, что такой милой маленькой девочке придётся жить вместе с этими отвратительными жабами где-нибудь под корягой в густой жирной тине. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки собрались у листа кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебелёк листа.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение

было сильное, и лист плыл очень быстро. Теперь-то уж старая жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку.

Дюймовочка плыла всё дальше и дальше, а маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на неё и пели:

— Какая миленькая маленькая девочка!

Лёгкий белый мотылёк всё время кружился над Дюймовочкой и наконец опустился на лист — уж очень ему понравилась эта крошечная путешественница.

А Дюймовочка сняла свой шёлковый пояс, один конец набросила на мотылька, другой привязала к листу, и листок поплыл ещё быстрее.

В это время мимо пролетал майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил её и унёс на дерево. Зелёный лист кувшинки поплыл без неё дальше и скоро скрылся из виду, а с ним вместе и мотылёк: ведь он был крепко привязан к листу шёлковым поясом.

Как испугалась бедная Дюймовочка, когда рогатый жук обхватил её лапками и взвился с ней высоко в воздух! Да и белого мотылька ей было очень жалко. Что-то с ним теперь будет? Ведь он умрёт с голоду, если ему не удастся освободиться.

А майскому жуку и горя мало. Он уселся на ветке большого дерева, усадил рядом Дюймовочку и сказал ей, что она ему очень нравится, хоть и совсем не похожа на майских жуков.

Потом к ним пришли в гости другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они с любопытством разглядывали Дюймовочку, а их дочери в недоумении разводили крылышками.

— У неё только две ножки! — говорили одни.

— У неё даже нет щупалец! — говорили другие.

— Какая она слабенькая, тоненькая! Того и гляди, переломится пополам, — говорили третьи.

— Очень на человека похожа, и к тому же некрасивая, — решили наконец все жуки.

Даже майскому жуку, который принёс Дюймовочку, показалось теперь, что она совсем нехороша, и он решил с ней распрощаться — пусть идёт куда знает. Он слетел с Дюймовочкой вниз и посадил её на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было грустно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали её!

А на самом деле она была премиленькая. Пожалуй, лучше её и на свете-то никого не было.

Всё лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в большом лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и подвесила её под большим листом лопуха, чтобы укрываться от дождя и от солнышка. Она ела сладкий цветочный мёд и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Близилась долгая холодная зима. Птицы улетели, цветы завяли, а большой лист лопуха, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубку.

Холод пробирал Дюймовочку насквозь. Платице её всё изорвалось, а она была такая маленькая, нежная — как тут не мёрзнуть! Пошёл снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снега. Мы-то ведь большие, а она была ростом всего-навсего с дюйм. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала, как осенний листок на ветру.

Тогда Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе приют на зиму.

За лесом, в котором она жила, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мёрзлой земли.

В поле было ещё холоднее, чем в лесу, и Дюймовочка совсем замёрзла, пока пробиралась между высохшими жёсткими стеблями. Наконец она добрела до норки полевой мыши. Вход в норку был заботливо прикрыт травинками и былинками.

Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у неё были битком набиты хлебными зёрнами. Дюймовочка, как нищенка, остановилась у порога и попросила подать ей хоть кусочек ячменного зерна — вот уже два дня во рту у неё не было ни крошки.

— Ах ты, бедняжка!— сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха).— Ну, иди сюда, погрейся да поешь со мною!

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела.

— Ты мне нравишься,— сказала ей мышь, поглядев на неё блестящими, как бисер, чёрными глазками.— Оставайся-ка у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты прибирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

И Дюймовочка осталась. Она делала всё, что приказывала ей старая мышь, и жилось ей совсем неплохо в тёплой укромной норке.

— Скоро у нас будут гости,— сказала ей однажды полевая мышь.— Раз в неделю меня приходит навестить мой сосед. Он очень богат и живёт куда лучше меня. У него большой дом под землёй, а шубу он носит такую, какой ты, верно, и не видывала,— великолепную чёрную шубу! Выходи, девочка, за него замуж! С ним не пропадёшь! Одна беда: он слеп и не разглядит, какая ты хорошенькая. Ну, уж ты зато расскажешь ему самую лучшую сказку, какую только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за богатого соседа: ведь это был крот — угрюмый подземный житель.

Вскоре сосед и в самом деле пришёл к ним в гости. Правда, шубу он носил очень нарядную — из тёмного бархата. К тому же, по словам полевой мыши, он был учёный и очень богатый, а дом его был чуть ли не в двадцать раз больше, чем у мыши. Но он терпеть не мог солнца и ругал все цветы. Да и не

мудрено! Ведь он никогда в жизни не видел ни одного цветка.

Хозяйка-мышь заставила Дюймовочку спеть для дорогого гостя, и девочка волей-неволей спела две песенки, да так хорошо, что крот пришёл в восхищение. Но он не сказал ни слова — он был такой важный, степенный, неразговорчивый...

Побывав в гостях у соседки, крот прорыл под землёй длинный коридор от своего дома до самой норки полевой мыши и пригласил старушку вместе с приёмной дочкой прогуляться по этой подземной галерее.

Он взял в рот гнилушку — в темноте гнилушка светит не хуже свечки — и пошёл вперёд, освещая дорогу. На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но нам её нечего бояться — она мёртвая. Да вот можете сами поглядеть.

И крот стал тыкаться своим широким носом в потолок, пока не прорыл в нём дыру. Дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мёртвую ласточку.

Должно быть, бедная птичка погибла от холода. Её крылья были крепко прижаты к телу, ножки и голова спрятаны в пёрышки.

Дюймовочке стало очень жалко её. Она так любила этих весёлых легкокрылых птичек: ведь они целое лето пели ей чудесные песни и учили её петь. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и проворчал:

— Что, небось притихла? Не свистишь больше? Вот то-то и есть!.. Да, не хотел бы я быть этакой пичужкой. Только и умеют носиться в воздухе да щебетать. А придёт зима — что им делать? Помирай, и всё тут. Нет уж, моим детям не придётся пропадать зимой от голода и холода.

— Да, да, — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья и щебета? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься!

Дюймовочка молчала. Но, когда крот и мышь повернулись к птице спиной, она нагнулась к ласточке, раздвинула пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глаза.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно пела летом,— подумала девочка.— Сколько радости принесла ты мне, милая ласточка!»

А крот тем временем снова заделал дыру в потолке. Потом, подобрав гнилушку, он проводил домой старуху мышь и Дюймовочку.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большой ковёр и, пробравшись в подземную галерею, прикрыла им мёртвую птичку. Потом она отыскала в кладовой у полевой мыши тёплого пуху, сухого мха и устроила для ласточки что-то вроде гнёздышка, чтобы ей не так жёстко и холодно было лежать на мёрзлой земле.

— Прощай, милая ласточка,— сказала Дюймовочка.— Прощай! Спасибо тебе за то, что ты пела мне свои чудесные песни летом, когда деревья были ещё зелёные, а солнышко так славно грело.

И она прижалась головой к шелковистым пёрышкам на груди у птички.

И вдруг она услышала, что в груди у ласточки что-то мерно застучало: «Стук! Стук!»— сначала тихо, а потом громче и громче. Это забилося сердце ласточки. Ласточка была не мёртвая — она только окоченела от холода, а теперь согрелась и ожила.

На зиму стаи ласточек всегда улетают в тёплые края. Осень ещё не успела сорвать с деревьев зелёный наряд, а крылатые путницы уже собираются в дальнюю дорогу. Если же какая-нибудь из них отстанет или запоздает, колючий ветер миглом оледенит её лёгкое тело. Она окоченеет, упадёт на землю замертво, и её занесёт холодным снегом.

Так случилось и с этой ласточкой, которую отогрела Дюймовочка.

Когда девочка поняла, что птица жива, она и об-

радовалась и испугалась. Ещё бы не испугаться! Ведь рядом с ней ласточка казалась такой огромной птицей.

Но всё-таки Дюймовочка собралась с духом, теплее укрыла ласточку своим плетёным ковром, а потом сбегала домой, принесла листочек мяты, которым сама укрывалась вместо одеяла, и укутала им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птица уже совсем ожила, но была ещё очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку. Дюймовочка стояла перед нею с куском гнилушки в руках — другого фонаря у неё не было.

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — теперь так холодно, идёт снег! Останься лучше в своей тёплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

И она принесла ласточке ячменных зёрнышек и воды в цветочном лепестке. Ласточка попила, поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в тёплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше уже ласточка ничего не помнила. Она даже не знала, как попала сюда, в это подземелье.

Всю зиму прожила ласточка в подземной галерее, а Дюймовочка ухаживала за ней, кормила и поила её. Ни кроту, ни полевой мыши она не сказала об этом ни слова — ведь оба они совсем не любили птиц.

Когда настала весна и пригрело солнышко, Дюймовочка открыла то окошко, которое проделал в потолке крот, и тёплый солнечный луч проскользнул под землю.

Ласточка простилась с девочкой, расправила крылышки, но, прежде чем вылететь, спросила, не хочет

ли Дюймовочка выбраться вместе с ней на волю. Пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зелёный лес. Но Дюймовочке было жалко бросить старую полевую мышь — она знала, что старушке будет очень скучно без неё.

— Нет, мне нельзя! — сказала она вздыхая.

— Ну что ж, прощай! Прощай, милая девочка! — прошебетала ласточка.

Дюймовочка долго глядела ей вслед, и слёзы капали у неё из глаз — ей тоже хотелось на простор, да и грустно было расставаться с крылатой подругой.

— Тви-вить, тви-вить! — крикнула в последний раз ласточка и скрылась в зелёном лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. С каждым днём ей жилось всё хуже, всё скучнее. Старая мышь не позволяла ей уходить далеко от дома, а поле вокруг норки заросло высокими толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды старуха мышь сказала Дюймовочке:

— Наш сосед, старый крот, приходил свататься к тебе. Теперь тебе нужно готовить приданое. Ты выходишь замуж за важную особу, и надо, чтоб у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням пряхть пряжу.

Старуха мышь наняла четырёх пауков. Они днём и ночью сидели по углам мышиной норки и втихомолку делали своё дело — ткали разные ткани и плели кружева из самой тонкой паутины.

А слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю и она снова сделается мягкой и рыхлой. Вот тогда-то они и сыграют свадьбу. Но Дюймовочка всё грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж, да ещё за толстого слепого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышиной

норки. Иногда весёлый ветерок раздвигал верхушки колосьев, и девочке удавалось увидеть кусочек голубого неба.

«Как светло, как хорошо тут на поле!» — думала Дюймовочка и всё вспоминала о ласточке. Ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточка не показывалась над полем. Должно быть, она вилась и носилась далеко-далеко там, в зелёном лесу над голубой рекой...

И вот наступила осень. Приданое для Дюймовочки было готово.

— Через четыре недели твоя свадьба! — сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и ответила, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

Старуха мышь рассердилась.

— Пустяки! — сказала она. — Не упрямясь, а не то попробуешь моих зубов. Чем тебе крот не муж? Одна шуба чего стоит! У самого короля нет такой шубы! Да и в погребах у него не пусто. Благодарим судьбу за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришёл за своей невестой. Значит, ей всё-таки придётся идти с ним в его тёмную нору, жить там, глубоко-глубоко под землёй, и никогда не видеть ни белого света, ни ясного солнышка, — ведь крот их терпеть не может?! А бедной Дюймовочке было так тяжело распрощаться навсегда с высоким небом и красным солнышком! У полевой мыши она могла хоть изредка, с порога норки, любоваться ими.

И вот она вышла взглянуть на белый свет в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и опять из земли торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла подальше от мышиной норки и протянула к солнцу руки.

— Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Милый цветочек, если увидишь ласточку, передай ей поклон от Дюймовочки.

— Тви-вить, тви-вить!— вдруг раздалось у неё над головой.

Дюймовочка подняла голову и увидела ласточку, которая пролетала над полем. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась. Она опустилась на землю, и Дюймовочка, плача, рассказала своей подруге, как ей не хочется выходить замуж за старого угрюмого крота и жить с ним глубоко под землёй, куда никогда не заглядывает солнце.

— Уже наступает холодная зима,— сказала ласточка,— и я улетаю далеко-далеко, в дальние страны. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синие моря, в тёплые края, где солнышко светит ярче, где стоит вечное лето и всегда цветут цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в тёмной холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой!— сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому и крепкому перу.

Ласточка стрелой взвилась к небу и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в тёплые перья ласточки и высунула только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Вот наконец и тёплые края! Солнце сияло тут гораздо ярче, чем у нас, небо было выше, а вдоль изгородей вился кудрявый зелёный виноград. В рощах попевали апельсины и лимоны, а по дорожкам бегали весёлые дети и ловили больших пёстрых бабочек.

Но ласточка летела дальше и дальше.

На берегу прозрачного голубого озера посреди

раскидистых деревьев стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнёзда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом!— сказала она.— А ты выбери себе самый красивый цветок. Я посажу тебя в его чашечку, и ты отлично заживёшь.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу, в траве, лежали куски белого мрамора— это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три части. Между мраморными обломками росли крупные, белые как снег цветы.

Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо? В чашечке цветка оказался маленький человечек, такой светлый и прозрачный, словно он был из хрусталя или из утренней росы. За плечами у него дрожали лёгкие крылышки, на голове блестела маленькая золотая корона, а ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф не на шутку перепугался. Ведь он был такой маленький, а ласточка такая большая!

Зато как же он обрадовался, когда ласточка улетила, оставив в цветке Дюймовочку! Никогда ещё он не видал такой красивой девочки одного с ним роста. Он низко поклонился ей и спросил, как её зовут.

— Дюймовочка!— ответила девочка.

— Милая Дюймовочка,— сказал эльф,— согласишься ли ты быть моей женой, королевой цветов?

Дюймовочка поглядела на красивого эльфа. Ах, он был совсем не похож на глупого, грязного сынка старой жабы и на слепого крота в бархатной шубе! И она сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка, перегоняя друг друга, вылетели эльфы. Они окружили Дюймовочку и одарили её чудесными подарками.

Но больше всех других подарков понравились Дюймовочке крылья — пара прозрачных лёгких крылышек, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке за плечами, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок. То-то была радость!

— Тебя больше не будут звать Дюймовочкой. У нас, эльфов, другие имена, — сказал Дюймовочке король. — Мы будем называть тебя Майей!

И все эльфы закружились над цветами в весёлом хороводе, сами лёгкие и яркие, как лепестки цветов.

А ласточка сидела наверху в своём гнезде и распевала песни как умела.

Всю тёплую зиму эльфы плясали под её песни. А когда в холодные страны пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

— Прощай, прощай! — прощеветала она своей маленькой подруге и полетела через моря, горы и леса домой, в Данию.

Там у неё было маленькое гнёздышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки. Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали эту историю.

Снежная королева

*История первая,
в которой говорится о зеркале
и его осколках*

у, начнём. Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь.

Так вот, жил-был на свете злой-презлой тролль, настоящий дьявол. Он всегда рад был причинить кому-нибудь неприятность. Однажды он был в особенно хорошем расположении духа: ему

удалось смастерить такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось до того, что его и разглядеть было невозможно, а всё негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и становилось ещё хуже. Прекраснейшие леса и поля, отражаясь в этом зеркале, казались варёным шпинатом, а красивейшие из людей — отвратительными уродами: голова у них была там, где должны быть ноги, ноги — там, где голова, а туловища совсем не было. А если у кого-нибудь на щеке или на носу была веснушка или родинка, она расплывалась по всему лицу, так что лица и вовсе нельзя было узнать.

Это очень забавляло тролля, и он не мог нарадоваться своей выдумке.

Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале, словно о каком-то чуде.

— Вот теперь, — говорили они, — можно увидеть наконец весь мир и людей в настоящем свете.

И они принялись шнырять со своим зеркалом по всей земле. Скоро не осталось ни одной страны, где бы они не побывали, ни одного человека, на которого бы они не навели своё кривое зеркало. Напоследок захотелось им добраться до самого неба.

Всё выше и выше, всё ближе и ближе к солнцу летели они, и зеркало у них в руках кривилось и корчилось всё больше и больше. И вдруг оно до того перекосилось, что вырвалось у них из рук и, рухнув на землю, разбилось вдребезги.

Но ничего хорошего из этого не получилось. Миллионы, биллионы, триллионы осколков натворили на земле ещё больше бед, чем само зеркало.

Мельчайшие осколки, не крупнее песчинки или даже ещё меньше, разлетелись по всему свету. Они попадали людям в глаза да так и оставались там. Но это бы ещё ничего. Гораздо хуже было то, что человек с таким осколком в глазу начинал всё видеть вверх ногами, шиворот-навыворот, вкривь и вкось, в хорошем видел плохое, а плохого не отличал от хорошего, потому что каждый осколок кривого зеркала так же искажает то, что в нём отражается, как и всё зеркало. Иной раз осколок попадал человеку прямо в сердце, и это было страшнее всего: сердце превращалось от этого в кусок льда.

Были осколки и побольше, они вполне годились для очков. Но в этих очках люди видели не лучше, а хуже: ясное казалось в них мутным, а прямое — кривым.

Были совсем большие осколки — их даже можно было вставлять в оконные рамы. Но уж в эти окна не стоило смотреть на белый свет, на свою улицу, на добрых друзей: всё равно ничего хорошего не увидишь!

Злой тролль от удовольствия потирал руки и хохотал до колик, словно его щекотали.

А по ветру носилось ещё многое множество осколков разбитого зеркала.

Послушаем же, что случилось.

История вторая.

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов, а в домах столько людей, что далеко не каждому удаётся отгородить себе даже самый маленький клочок земли для сада, и где поэтому большинство жителей довольствуется только комнатными цветами в горшках, жили двое детей.

Они были очень бедны, но всё-таки у них был садик, правда, только чуточку побольше цветочного горшка.

Мальчик и девочка любили друг дружку, как брат и сестра, хотя они вовсе не были ни родные, ни двоюродные, а просто соседи.

Родители их жили бок о бок, на чердаках двух домов, которые стояли так близко, что крыши их почти сходились и окошко глядело в окошко. Под окнами, вдоль стен обоих домов, тянулся водосточный жёлоб, и стоило только перешагнуть с одного жёлоба на другой, как вы оказывались в гостях у соседей.

У каждой семьи было по большому деревянному ящику, в котором росли овощи и небольшие кусты роз. Весной и летом кусты эти покрывались чудесными цветами.

Однажды кому-то из старших пришло в голову поставить ящики поперёк желобов, и вот словно две цветущие грядки протянулись из окон от одного дома к другому. Горох спускался из ящика зелёными гирляндами, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями, а мальчик и девочка ходили друг к другу в гости по крыше и сидели на скамеечке под розами. И как же весело они здесь играли!

А зимою эти игры кончались. На крышу уже нельзя было выбраться. Окна замерзали. Но дети нагрели

вали на печке медные монетки, прикладывали их к замёрзшим стёклам, и сейчас же оттаивало чудесное крошечное окошко, круглое-круглое, а в окошечко смотрел чей-то смеющийся глазок. Это глядели, каждый в своё окошечко, мальчик и девочка: Кай и Герда.

Летом они могли одним прыжком очутиться в гостях друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься во двор вниз по лестнице, на которой было много-много ступенек, и потом по другой лестнице подняться на столько же ступенек вверх.

А на дворе в это время дул ветер и кружились лёгкие снежинки.

— Это роятся белые пчёлки,— говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева?— спрашивал Кай. Он знал, что у настоящих пчёл есть своя королева.

— А как же!— отвечала бабушка.— Только её трудно разглядеть: она всегда в самой гуще снежного роя. Снежинки так и выются вокруг неё, а она летает, пляшет, скользит, будто хочет спуститься на землю, но никогда не спускается. Покружится, покружится и улетит неизвестно куда на чёрном облаке. По ночам она часто пролетает по городским улицам и заглядывает в окна. Вот оттого-то стёкла и покрываются ледяными узорами, словно цветами. Видели небось, какие цветы расцвели у нас нынче на окне?

— Да, да, видели, видели!— кричали дети наперебой и верили, что всё это сушая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда, к нам?— спросила однажды Герда.

— Пусть только попробует!— сказал Кай.— Я посажу её на тёплую печку, и она сразу растает.

Бабушка погладила его по голове и завела разговор о чём-то другом.

Вечером, перед самым сном, Кай захотел ещё раз взглянуть на снежную улицу. Он вскарабкался на стул и приник лицом к маленькому «окошечку» в стекле — там, где лёд немного оттаял.

За окном кружились белые снежинки. Одна снежинка упала на край цветочного ящика и на глазах у Кая стала быстро расти. Она росла, росла, и Кай вдруг увидел, что перед ним стоит ослепительная красавица. На голову и плечи её было накинута покрывало, сотканное из миллионов сверкающих снежинок. Вся одежда её была из блестящего голубоватого льда. А глаза её сияли, как звёзды. До чего же она была хороша! Но каким холодным и тяжёлым был её взгляд!

Красавица кивнула Каю и поманила к себе.

Мальчик испугался.

Он спрыгнул со стула и убежал в самый дальний угол комнаты.

А за окном мелькнуло что-то белое, словно взмахнула крыльями огромная птица, и всё исчезло.

На другой день был славный морозец. Потом началась оттепель, а там пришла и весна.

Солнышко светило так ярко, в цветочных ящиках зазеленели первые побеги, ласточки с весёлым щебетом вили под крышей гнездо. В домах открыли окна, и дети снова сидели в своём маленьком садике высоко над землёй.

В то лето розы цвели особенно пышно. Кай и Герда не могли наглядеться на них и всякий вечер, уходя спать, прощались с ними и целовали их, а утром радовались каждому вновь распустившемуся цветку.

Однажды под вечер они сидели вдвоём у себя в садике и рассматривали книжку с картинками. На картинках были нарисованы разные звери и птицы.

Большие башенные часы пробили пять раз.

— Ай!— вдруг вскрикнул мальчик.— Что-то попало мне в глаз. И в сердце кольнуло!..

Девочка испугалась. Она ласково обвила его шею рукой и осторожно заглянула ему в глаза. Кай щурился, мигал, но соринки не было видно.

— Должно быть, сама вышла,— сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. Боль прошла, а соринка осталась,— и не только в глазу, но и в сердце.

И это было не что иное, как два крошечных осколка кривого зеркала.

Бедный Кай! Он теперь видел всё вкривь и вкось, а его сердце должно превратиться в кусок льда!

Так оно и случилось.

Кай посмотрел на Герду и спросил:

— Ну, что ты плачешь! Ведь это мне было больно, а не тебе. И какая ты стала противная,— смотреть на тебя не хочется...

Он отвернулся и поглядел в другую сторону, на розы. Но и розы больше не нравились ему.

— Фу!—закричал он, вскакивая с места.— Какая гадость!.. Эту розу точит червяк! А та совсем кривая. Да посмотри же, Герда! Неужели ты не видишь, что за скверные колючки торчат из этих грязных ящиков!

Он толкнул ящик ногой и сломал две самые лучшие розы.

— Кай, что ты делаешь!—закричала Герда.

А он, увидев, как девочка огорчена, сломал ещё одну розу—просто ей назло,—перепрыгнул через жёлоб и, смеясь, убежал домой.

С тех пор, каждый раз, когда Герда приносила ему книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши разве что для грудных детей, а когда бабушка начинала рассказывать сказку, он придирался ко всякому слову. И это ещё не всё! Он надевал её очки, ходил точь-в-точь, как она, говорил её голосом и так ловко её передразнивал, что все невольно смеялись. Скоро Кай научился передразнивать всех соседей. Ему отлично удавалось выставить напоказ их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана! Но лучше не попадаться ему на глаза!

Он высмеивал даже маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

А причиной всего были осколки зеркала, которые попали ему в глаз и в сердце.

Игры и забавы стали у него теперь совсем другие, мудрёные — не такие, как прежде.

Однажды зимою Кай и Герда вышли на улицу погулять. Падал лёгкий снежок. У Кая в руках было большое увеличительное стекло.

— Погляди-ка в стекло, Герда,— сказал он и поставил полу своей синей куртки, чтобы снег падал прямо на неё.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и напоминала то диковинный цветок, то десятиугольную звезду. В самом деле, это было очень красиво!

— Видишь, как искусно сделано,— сказал Кай.— Они гораздо лучше настоящих цветов. И какая точность! Ни одной неправильной линии. Ах, если б только они не таяли!

В тот же вечер Кай явился к Герде в больших рукавицах и с санками за спиной. Он крикнул ей в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками, а тебя я с собой не возьму!»— и убежал.

На площади собралось много детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к большим крестьянским саням и катили до самых городских ворот.

Ну и весело же было на площади! И вот в самый разгар катанья, неизвестно откуда, появились большие белые сани. Того, кто сидел в них, совсем нельзя было разглядеть — белая меховая шапка была накинута до самых бровей, воротник белой меховой шубы поднят до самых глаз. Сани неторопливо объехали вокруг площади два раза. Кай привязал к ним свои санки, и вдруг большие сани понеслись быстрее ветра. Они свернули с площади в переулок, в другой, в третий... Человек, сидевший в них, обернулся и дружески кивнул Каю, как знакомому.

Несколько раз пытался Кай отвязать свои санки, но стоило ему взяться за верёвку — человек в белой шубе кивал ему, и Кай ехал дальше.

Наконец они выехали за городские ворота. Снег вдруг повалил сплошными хлопьями, сразу стало так темно, что Кай не мог разглядеть своей протянутой руки. Он на ощупь распутал верёвку, которой были связаны сани, но его маленькие санки точно приросли к большим саням и вихрем неслись всё дальше и дальше.

Кай громко закричал, но ему никто не отозвался. Снег валил, санки мчались, то ныряя в сугробах, то прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, он хотел прочесть молитву, но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

А снежные хлопья всё росли и росли и обратились под конец в мохнатых белых кур. Вдруг все они разлетелись в разные стороны, большие сани остановились, и тот, кто сидел в них, встал во весь рост. Это была высокая, статная, величавая женщина в ослепительно белой шубе и шапке из чистого снега. Снежная королева!.. Кай сразу узнал её.

— Славно проехались!— сказала она.— Но, я вижу, ты совсем замёрз. Перелезай ко мне, я укурую тебя своей шубой.

И, посадив мальчика к себе в сани, она укутала его полней своей белой пушистой шубы. Ему показалось, что он провалился в снежный сугроб.

— Всё ещё холодно?— спросила Снежная королева и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда. Холод пробрал Кая насквозь, проник до самого сердца, а его сердце и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту мальчику казалось, что он умирает, но нет. Сердце его только на мгновение замерло, а потом Каю стало совсем хорошо, он даже перестал чувствовать мороз.

— Мои санки! Где мои санки?— спохватился он прежде всего,

— Вот они!— сказала королева.

Санки были привязаны к спине одной из белых кур, которая летела следом за большими санями.

А Снежная королева поцеловала Кая ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду тебя целовать,— сказала она,— от моего третьего поцелуя ты умрёшь.

Кай взглянул на неё. Она была так хороша! Ему уже не казалось, что она вся из льда, как в тот вечер, когда он впервые увидел её за окном и она кивнула ему головой.

Он больше не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре правила арифметики да ещё дроби; знает, сколько в каждой стране квадратных миль и сколько жителей. А Снежная королева слушала его и только улыбалась в ответ. И тогда он подумал, что, пожалуй, знает ещё совсем мало.

В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились на чёрное облако. Буря выла и стонала, словно пела старинные заунывные песни. Они летели над лесами и озёрами, над горами и морями, под ними дули холодные ветры, сверкал снег, носились с криком чёрные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц.

История третья.

Цветник женщины, умевшей колдовать

что же было с Гердой, когда она узнала, что Кай не вернулся с площади домой? Она стала спрашивать о своём друге всех и каждого. Но никто не знал, куда девался Кай, никто не мог ей ничего сказать о нём.

Мальчики говорили, что видели его в последний раз, когда он привязывал свои санки к большим великолепным саням, которые промчались через площадь, а потом свернули в переулок и выехали за городские ворота.

Много слёз пролили родные Кая, горько плакала о нём Герда.

Наконец все решили, что Кай умер, что он утонул в проруби, когда переезжал через реку.

Долго тянулись хмурые зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло из-за туч апрельское солнце.

— Кай умер и больше не вернётся, — сказала Герда, когда первый весенний луч заглянул к ней в комнату.

— Не верю, — ответил солнечный луч.

— Кай умер и больше не вернётся, — сказала она ласточкам.

— Не верим, — ответили они.

Наконец и сама Герда перестала этому верить.

«Надену-ка я свои новые красные башмачки. Ведь Кай ни разу не видел их, — подумала она однажды утром. — И пойду искать его».

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела новые красные башмачки и побежала за город, прямо к реке.

— Говорят, что ты взяла моего названного братца? — сказала Герда. — Правда ли это? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад.

Река ничего не ответила. Только волны покачивались и как будто кивали Герде пенистыми гребешками.

Девочка сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у неё было, — и бросила их в реку. Но они упали недалеко от берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу — словно река не хотела брать у Герды её новые красные башмачки, потому что не могла отдать ей Кая.

А Герда подумала, что надо было бросить башмачки подальше. Она прыгнула в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду.

Лодка не была привязана, но Герда заметила это только тогда, когда стала медленно отплывать от берега. Она хотела поскорее выпрыгнуть обратно на берег, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже была на середине реки и быстро неслась по течению.

Герда очень испугалась, она стала плакать и звать на помощь, но никто, кроме воробьёв, не слышал её.

А воробьи не могли перенести её на сушу. Они только летели за ней вдоль берега и громко чирикали, словно хотели её утешить:

— Ничего! Ничего! Мы тут! Мы тут!

Лодку уносило всё дальше и дальше, а новые красные башмачки Герды плыли за своей хозяйкой, но никак не могли её догнать.

Герда сидела смирно, боясь пошевелиться.

«Может быть, река несёт меня к моему дорогому Каю», — подумала она и сразу повеселела.

Берега реки были очень красивы — цветущие луга, тенистые рощи... Но нигде ни живой души.

Наконец лодка приплыла к большому вишнёвому саду, в котором приютился домик с красными и синими стёклами в окнах и с крышей из соломы. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо.

Герда окликнула их — она приняла деревянных солдат за живых, — но они, понятно, не ответили ей. Лодка подплыла ещё ближе, чуть ли не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче.

На её крик из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, разрисованной чудесными цветами.

— Ах ты, бедная малютка, — сказала старушка. — Как же это ты решилась плыть одна по такой большой быстрой реке?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своей клюкой и подтянула к берегу.

Герда была рада-радешенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдём, да Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, что случилось, а старушка только покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!»

— Скажите, а вы не видели Кая? — спросила Герда, кончив свой рассказ.

— Нет, он ещё не показывался тут, — ответила старуха, — но ты не горюй: рано или поздно ему не миновать моего домика, и мы его непременно увидим. А пока попробуй вишен да полюбуйся цветами, что растут у меня в саду: ни в одной книжке с картинками нет таких красивых цветов, да к тому же ещё они умеют говорить.

Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко, под самым потолком, и все из разноцветных — красных, голубых, жёлтых — стёклышек. От этого и свет в комнате был какой-то удивительный, словно над комнатой стояла радуга.

Старушка поставила на стол корзинку с чудесными вишнями. Герда могла есть их сколько душе угодно. А пока она ела, старушка расчёсывала ей золотым гребешком волосы.

— Давно мне хотелось иметь такую славную девочку. Вот увидишь, как ладно мы с тобой заживём! — приговаривала она, проводя гребешком по кудрям девочки.

И от каждого прикосновения гребешка Герда всё больше и больше забывала своего названного брата Кая. Дело в том, что старушка умела колдовать. Она не была злой колдуньей и колдовала лишь изредка, для своего удовольствия. Вот и теперь она взялась за свой волшебный гребешок только потому, что ей очень захотелось оставить у себя Герду. Расчесав девочке волосы, она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те как стояли в полном цвету, так и ушли глубоко-глубоко в землю, даже следа

от них не осталось. Старушка боялась, что, если Герда увидит розы, она вспомнит о доме и о своём названном братце да и убежит от неё.

Когда все розы были хорошо спрятаны, старушка повела девочку в свой цветник. У Герды глаза разбежались: тут были цветы всех стран и всех времён года. В целом мире не нашлось бы книжки с картинками ярче и красивее этого цветника. Герда прыгала от радости. Она играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постель с красными шёлковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились такие чудесные сны, каких не видит даже королева в день своей свадьбы.

На другой день старушка опять позволила Герде играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много дней. Герда знала каждый кустик, каждый цветочек в саду. И, хоть их было так много, что и не сосчитать, ей всё казалось, что какого-то недостаёт. Но какого же?

Однажды она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, разрисованную цветами. И самым красивым из них была всё-таки роза,— старушка забыла её стереть. Вот что значит рассеянность!

— А почему в саду нет роз?—воскликнула Герда и сейчас же побежала искать их. Она обегала все углы и закоулки сада — нигде ни одной розы!

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Горячие слёзы упали как раз на то место, где цвёл раньше один из розовых кустов. И чуть только слёзы проникли в глубь земли, оттуда поднялся на солнечный свет пышный розовый куст — такой же цветущий, как прежде.

Герда обняла его и принялась целовать каждый лепесток. И тут она вспомнила о тех чудесных розах, что цвели у неё дома, и о своём милом Кае.

— Что ж это я напрасно теряю время! — всполошилась Герда. — Ведь мне надо искать Кая. Не знае-

те ли вы, где он? — спросила она у роз. — Может быть, он умер?

— Он не умер, — прошелестели розы. — Мы были под землёй, где лежат все мёртвые, но Кая нет среди них.

— Спасибо вам, — сказала Герда. — Если он жив, я найду его.

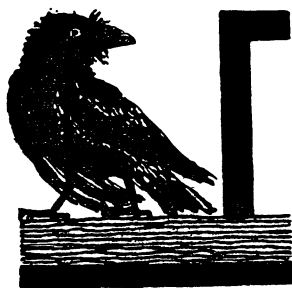
И она бегом побежала прочь из волшебного сада. Калитка была закрыта на задвижку. Герда дёрнула ржавый засов, калитка распахнулась, и девочка, как была — босиком, — пустилась бежать по дороге. Несколько раз оборачивалась она назад и прислушивалась, нет ли погони, но никто не гнался за нею. Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: на дворе стояла поздняя осень. Герда только теперь это заметила. В чудесном саду старушки, где вечно сияло солнце и цвели цветы всех времён года, нельзя было догадаться, что лето уже прошло.

«Скорей, скорей в путь! — подумала Герда. — Я вышла из дому весной, а теперь уже осень на дворе. Нельзя больше терять ни минутки!..»

И она побежала так быстро, как только могла.

Ах, как болели её бедные усталые ножки! Как холодно, как сыро было в лесу и в поле! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями, и капли медленно — одна за другой — падали на землю. Листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими терпкими ягодами.

Каким серым, каким унылым казался весь мир!

Герда долго бежала без отдыха. Наконец она опять присела отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Он то и дело посматривал на девочку, кивал ей головой и, наконец, сказал:

— Каррр-каррр! Здравствуй!

Он не очень-то складно говорил по-человечьи, но, видимо желая девочке добра, дружелюбно спросил её, куда это она бредёт по белу свету одна-одинёшенька. Слова «одна-одинёшенька» Герда поняла отлично,—слишком хорошо она знала, что это значит. Девочка рассказала ворону всю свою жизнь и спросила, не видел ли он Кая.

— Очень вероятно, очень вероятно!

— Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила вёрона поцелуями.

— Осторожней, осторожней! — сказал ворон.— Да, я думаю, что видал твоего Кая. Но только он, верно, забыл тебя и живёт у своей принцессы.

— Разве он живёт у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай,—сказал ворон.—Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всём куда лучше.

— По-вороньи, я совсем не понимаю,—сказала Герда.—Бабушка, та, наверно, понимает. А меня не учили.

— Ну ничего,—сказал ворон.—Расскажу, как сумею. Слушай! В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и уже позабы-

ла всё, что прочла,—вот до чего она умная! Однажды она сидела на троне — а если верить людям, это не такое уж весёлое занятие — и напевала песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» И вдруг она подумала: «А ведь и в самом деле, отчего бы мне не выйти замуж?» Но в мужья она решила выбрать такого человека, который бы не только важничал и хвастался своей короной, но умел бы и поговорить. И вот барабанщики забили в барабаны, и всем придворным дамам была объявлена воля принцессы. Придворные дамы очень обрадовались и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами об этом думали!» Всё это истинная правда,—прибавил ворон.— У меня при дворе есть невеста — она ручная ворона,— от неё я и знаю эту историю. И вот на другой день все газеты вышли в рамочках из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности, желающий жениться на принцессе, может явиться во дворец и побеседовать с нею. Того, кто будет держаться свободно и непринуждённо и за словом в карман не полезет, принцесса возьмёт себе в мужья. Да, да! — сказал ворон.— Всё это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобой. На следующий день народ валом повалил во дворец. Давка была такая, что и рассказать нельзя. Но толку из всей этой суеты не вышло никакого — ни в первый день, ни во второй. На улице перед дворцом все женихи вели себя необыкновенно свободно и непринуждённо и болтали, как сороки. Но стоило им перешагнуть дворцовый порог и увидеть гвардию в серебре, а лакеев в золоте, стоило им войти в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подойдут к трону, где сидит принцесса, и слова сказать не смеют. Она что-нибудь спрашивает, а они и ответить не могут, только повторяют её последние слова. Ну, а ей это не по вкусу. Право, можно было подумать, что всех женихов опоили дурманом. И ведь обиднее всего то, что, едва они выходили из дворца, к ним снова возвращал-

ся дар речи. И так со всеми — от первого до последнего. А было их столько, что от дворцовых ворот до дверей тронного зала вытянулся длинный-предлинный хвост. Женихи стояли целый день, и никому во дворце не пришло в голову предложить им хотя бы глоток воды или кусочек хлеба. Кто был поумнее, принёс из дому бутерброды и жевал их всухомятку. Я сам там был и видел всё это собственными глазами.

— Ну, а что же Кай? — спросила Герда. — Он тоже приходил свататься?

— Постой, постой. Сейчас мы доберёмся и до него. На третий день во дворец явился какой-то человек, ни в карете, ни верхом, а, как говорится, пешком с посошком, и прямо — без лишних слов — к принцессе. Глаза у него блестели, как у тебя, волосы были кудрявые, но одет он был небогато.

— Это Кай! Это Кай! — радостно воскликнула Герда. — Наконец-то я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка, — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки, — сказала Герда. — Он ушёл из дому с санками.

— Вполне возможно, что это были санки, — согласился ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста, придворная ворона, рассказывала мне, что, когда этот молодчик вошёл во дворец и увидел у ворот гвардию в серебре, а на лестнице лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, а только покачал головой и сказал: «Ну и скучно же стоять тут на дворе да на лестнице, лучше я пойду прямо в комнаты». Все залы были залиты светом; полы блестели, как зеркало; знатные вельможи расхаживали в одних чулках без сапог, разнося золотые блюда с угощениями, — уж торжественнее ничего и не придумаешь! А сапоги нашего молодца скрипели на весь дворец, но его это нисколько не смущало.

— Ну конечно, это был Кай! — воскликнула Гер-

да.— Я знаю, что на нём были новые сапоги. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они таки порядком скрипели,— сказал ворон.— Но он смело подошёл к принцессе и поклонился ей так непринуждённо, что ему мог бы позавидовать любой вельможа. Принцесса сидела на жемчужине величиной с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы и кавалеры, горничные придворных дам, служанки горничных, камердинеры придворных кавалеров, слуги камердинеров и прислужники слуг камердинеров. Чем дальше от принцессы и чем ближе к двери стояли придворные и слуги придворных, тем важнее и надменнее они себя вели. На младшего прислужника слуги младшего камердинера самого младшего из придворных, который стоял на пороге тронной залы, нельзя было и взглянуть без дрожи—такой он был важный.

— Вот страшно-то! — прошептала Герда.— А Кай все-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и обручён с вороной. Уж я-то не полезу за словом в карман. Но твой Кай может поспорить в красноречии даже со мной. Он сразу же пустился с принцессой в разговоры и говорил так же бойко, как я, когда говорю по-вороньи,— так, по крайней мере, сказала моя невеста ручная ворона. Держался он очень свободно и мило и заявил, что пришёл не свататься, а послушать умные речи принцессы. Ну и вот, он ей очень понравился, и она ему тоже.

— Да, да, это Кай! — сказала Герда.— Он ведь такой умный. Он знает все четыре правила арифметики, а с дробями обращается так же просто, как с целыми числами. Ах, проводи меня скорее во дворец!

— Легко сказать,— отвечал ворон,— да как это сделать? Постой, я поговорю с моей невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты, кажется, воображаешь, что тебя вот так прямо и пустят во дво-

рец. Как же, не очень-то пускают туда девочек вроде тебя!

— Меня пустят!—сказала Герда.—Вот увидишь! Когда Кай услышит, что я здесь, он сейчас же прибежит за мной.

— Подожди меня тут у решётки,—сказал ворон, тряхнул головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и сразу закаркал:

— Каррр! Каррр! Моя невеста шлёт тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его на кухне — там их много, а ты, верно, проголодалась. Ну, а во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пустят тебя. Но не плачь. Моя невеста кое-что придумала. Она знает, как пройти в спальню принцессы с чёрного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они пробрались в сад и, неслышно ступая, пошли по длинной аллее, усыпанной пожелтевшими осенними листьями. А когда все огоньки в дворцовых окнах погасли один за другим, ворон осторожно впустил девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

Ах, как сильно билось сердце у Герды от страха и нетерпения! Она шла затаив дыхание, будто затеяла какое-то дурное и опасное дело. А ведь она всего-навсего хотела узнать, не здесь ли её милый Кай? Да, да, он, наверно, здесь! Герда так и видела перед собой его ясные глаза, кудрявые волосы, весёлую улыбку... Таким он был, когда они сидели вместе под кустами роз... Как он, наверно, обрадуется её приходу, как будет расспрашивать обо всём, что было с ней в дороге и что делалось дома после его исчезновения!..

Они поднялись на площадку лестницы. На шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона и поглядывала по сторонам.

Герда поклонилась ей и низко присела, как учила её бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня,— сказала ручная ворона.— Повесть вашей жизни, как принято выражаться, очень тронула меня. Не угодно ли вам взять лампу? Я пойду впереди и буду показывать дорогу. Вы можете не бояться, тут мы никого не встретим.

— Мне кажется, кто-то идёт за нами,— робко сказала Герда.

И в ту же минуту мимо неё с лёгким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами, охотники, трубящие в медные трубы, нарядные дамы и кавалеры.

— Это сны,— сказала ручная ворона.— Знатным особам при дворе, очевидно, снится охота. Что ж, пусть себе спят и охотятся во сне, а мы тем временем поглядим на них и узнаем, нет ли среди спящих вашего друга. Надеюсь, что в случае удачи вы докажете, что у вас благодарное сердце, и не забудете моей услуги.

— Об этом нечего и говорить! Само собой разумеется,— сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первую залу. Стены её были обтянуты розовым атласом, затканым золотыми и серебряными цветами.

Опять мимо Герды пронеслись сны, но так быстро, что она не успела рассмотреть всадников.

Залы были одна великолепнее другой, у Герды прямо глаза разбегались. Никогда, даже во сне, не видела она ничего подобного. Наконец они дошли до спальни принцессы. Потолок здесь был похож на вершину огромной пальмы, только листья были не настоящие, а из драгоценного хрусталя. Сверху спускался золотой стебель, а на стебле висели две огромные лилии—постели принца и принцессы. Одна лилия была красная, другая—белая. В белой спала принцесса, а в красной—принц. Герда осторожно отогнула один из красных лепестков и увидела тёмно-русый затылок. Ну конечно, это Кай! Она громко назвала его

по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь. Принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не он, не её милый Кай!

Тут из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю с самого начала. Не забыла она упомянуть и о вóроне с вороной, которые так много для неё сделали.

— Ах ты, бедняжка! Как нам жалко тебя! — в один голос воскликнули принц и принцесса.

Вóрона и ворону они похвалили, сказали, что ничуть не гnevаются на них, и хотели даже наградить их за доброту, если только они пообещают никогда больше так не поступать.

— Хотите занять должность придворных ворóн на полном довольствии из кухонных остатков? — спросила принцесса. — Или, может быть, хотите быть вольными птицами?

Ворон с вороной поклонились и сказали, что предпочитают должность при дворе.

— Что ни говори, а хорошо иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Так и было решено.

Потом принц встал и уступил свою постель Герде — больше он ничего не мог для неё сделать.

«Как они все добры ко мне!» — подумала Герда, закрыла глаза и сладко заснула. И сейчас же опять в спальню прилетели сны, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, он издали кивал Герде головой, как будто звал её. Увы, всё это было лишь во сне и сразу исчезло, чуть только Герда проснулась.

На другой день принцесса приказала одеть Герду с ног до головы в шёлк и бархат. Ей позволили остаться во дворце, сколько она пожелает. Кажется, чего уж лучше — живи себе при дворе без всяких забот и хлопот! Но она погостила всего только пять дней, а потом попросила, чтобы ей дали башма-

ки и повозку с лошадьё: пора ей снова пуститься в путь разыскивать по белу свету названого брата Кая.

Ей дали башмаки, и муфту, и чудесную шубку. А когда она уже в сотый раз простилась со всеми, к воротам подъехала золотая карета с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы. У кучера и выездных слуг красовались на головах маленькие золотые короны. Карета была набита сахарными кренделями, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел отпраздновать свою свадьбу, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с ней—он считал невежливым поворачиваться спиной к лошадям. Ручная ворона взлетела на верхнюю перекладину ворот и махала им вслед крыльями. Она не могла поехать провожать Герду, потому что страдала головными болями. Это началось с тех пор, как она получила место при дворе и стала слишком много есть.

— Прощай, прощай!—закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже.

Проехали три мили. Тут и лесной ворон простился с девочкой. Прощание было очень трогательное. Ворон взлетел на самое высокое дерево и махал чёрными крыльями до тех пор, пока золотая карета не скрылась из виду.

Маленькая разбойница

Скоро Герда въехала в густой лес. В лесу было темно, но карета сияла, как солнце, и сама себе освещала путь. Не мудрено поэтому, что её сразу заметили разбойники. Глаза у них так и разгорелись. — Золото! Золото! — кричали разбойники, налетая со всех сторон. Они схватили лошадей под уздцы, убили кучера и слуг и вытащили из кареты испуганную Герду.

— Ишь какая славенькая, жирненькая! Видно, орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жёсткой бородой и мохнатыми нависшими бровями. — Нежная, что барашек молоденький. А какова на вкус будет!

И старуха вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

Но вдруг она закричала: «Ай!» — и подпрыгнула на месте. Её собственная дочка, которую она несла на спине, укусила её за ухо.

— Ах ты, дрянная девчонка! — закричала мать и выронила нож.

— Она будет играть со мной! — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, свою шубку, своё хорошенькое платьице и будет спать со мной вместе.

Тут девочка укусила мать за другое ухо, да так больно, что та завертелась волчком.

Разбойники захохотали:

— Ишь как пляшет вокруг своей девчонки!..

А маленькая разбойница не унималась.

— Я хочу сесть в карету! — закричала она на весь лес.

Надо сказать правду: она была ужасно избалованна и упряма, эта девчонка,— настоящая маленькая разбойница!

И вот она уселась вместе с Гердой в карету, и они помчались через пни и кочки в самую чащу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Герду, но гораздо шире в плечах. Глаза у неё были совсем чёрные и какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет,— ответила Герда, и опять ей пришлось рассказать обо всём, что с ней было: как пропал Кай, как она отправилась искать его, как попала во дворец к принцессе и принцу.

Маленькая разбойница серьёзно выслушала её, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя,— я лучше сама тебя убью.

И она отёрла слёзы на щеках у Герды, а потом спрятала руки в её хорошенькую, мягкую и тёплую муфточку.

Наконец карета остановилась: они съехали во двор разбойничьего замка.

Стены старого замка были изрезаны глубокими трещинами, из которых целыми стаями вылетали вороны.

Откуда-то выскочили бульдоги, такие огромные, что каждый мог без труда проглотить человека. Они прыгали вокруг да около, но лаять не лаяли— это было строго запрещено.

Посреди высокой просторной залы с обшарпанными и закопчёнными стенами прямо на каменном полу пылал огонь. Дым подымался к потолку, а дальше должен был сам искать себе выход. Над огнём кипел в громадном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной, вот тут, возле

моего зверинца,— сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Над самой их головой дремали на жёрдочках голуби — их было, наверно, больше сотни.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница и, схватив одного голубя за лапки, тряхнула его из всей силы. Голубь отчаянно забил крыльями, пытаясь вырваться. — Что, испугался? — засмеялась маленькая разбойница. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя прямо в лицо Герде. — А вот здесь сидят лесные бродяжки, — сказала она, показывая на двух голубей, которые сидели за деревянной решеткой в небольшом углублении, сделанном в стене. — Их надо держать взаперти, не то они живо улетят. Так в лес и смотрят! А вот и мой милый ручной оленёнок. — И девочка потянула за рога привязанного к стене большого северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже надо держать на привязи, иначе удерёт. Каждый вечер я щекочу его своим острым ножом — он до смерти боится этого.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное задрожало каждой жилкой, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты и во сне не расстаёшься с ножом? — спросила Герда, покосившись на острый нож.

— А то как же! — ответила маленькая разбойница. — Кто знает, что может случиться. Но Расскажи мне ещё раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда опять рассказала всё с самого начала. Когда она кончила, все голуби уже спали. Только два лесных голубя ещё тихо ворковали в клетке. Маленькая разбойница обвила одной рукой шею Герды — в другой руке у неё был нож — и захрапе-

ла. А Герда не могла сомкнуть глаз. Да и как заснуть, когда не знаешь, убьют тебя или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха разбойница точила ножи. Бедной девочке даже глядеть на это было страшно.

И вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его саночки, а он сам сидел в санях Снежной королевы. Они пролетали над лесом, когда мы были ещё голыми птенчиками и лежали в гнезде вместе со своими братьями и сёстрами. Снежная королевадохнула на наше гнездо, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите!—воскликнула Герда.—Куда же полетела Снежная королева? Ах, скажите, вы, наверно, знаете...

— Должно быть, в Лапландию. Куда же ещё? Там вечная зима — снег, лёд, стужа... Вот спроси сама у северного оленя, он тебе скажет.

— Да, правда, там вечный снег и лёд. Ах, как там хорошо!—грустно сказал северный олень. — Там носятся по сверкающим ледяным равнинам мои вольные братья. Там раскинут летний шатёр Снежной королевы, а зимний её дворец — где-то у самого Северного полюса, на острове Шпицберген.

— Кай, мой бедный Кай!—воскликнула Герда.

— Лежи смирно!—прикрикнула на неё маленькая разбойница.— Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей всё, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьёзно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть. Отправляйся за своим Каем. А ты знаешь, где Лапландия?—спросила она у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне!—ответил северный олень, и глаза у него заблестели.— Там я родился и вырос, там я бегал на воле по снежным равнинам...

— Так слушай!—сказала Герде маленькая раз-

бойница.— Видишь, все наши ушли. Дома одна мать. Немного погодя она хлебнёт из большой бутылки и заснёт, тогда я кое-что сделаю для тебя.

Тут маленькая разбойница подбежала к старухе матери, обняла её и, дёрнув за бороду, сказала:

— Здравствуй, мой милый козлик!

— Ах ты моя маленькая разбойница!— ласково ответила старуха и так щёлкнула дочку по носу, что нос у неё сразу покраснел.

— Сама ты разбойница!— ответила дочка и подала матери большую бутылку.

Старуха хлебнула из бутылки раз-другой и захрапела. А маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Я бы ни за что не рассталась с тобой. Уж очень смешно ты мотаешь головой и брыкаешься, когда я щекочу тебя острым ножом. Ну, да так и быть! Я отпускаю тебя на вольную волю. Можешь убираться в свою Лапландию. Но сначала ты отвезёшь во дворец Снежной королевы вот эту девочку— там живёт её названный братец. Ты ведь, конечно, слышал её рассказ. Она говорила довольно громко, а у тебя всегда ушки на макушке.

Олень так и подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница положила к нему на спину мягкую подушечку, а на подушечку посадила Герду и крепко привязала её, чтобы она не свалилась в пути.

— Так и быть, Герда, возьми назад свои меховые сапожки— на Северном полюсе, говорят, довольно холодно. А муфту я оставляю себе, очень уж она хороша. Но мёрзнуть ты всё-таки не будешь. Я дам тебе матушкины рукавицы. Они такие огромные, что будут тебе до локтей. Ну-ка сунь в них руки. Очень хорошо! Теперь ты до локтей похожа на мою матушку-разбойницу!

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут,— сказала маленькая разбойница. — Ты должна теперь смеяться,

а не плакать. Вот тебе ещё два хлебца и окорок на дорогу. Небось не проголодаешься.

Привязав мешок с едой северному оленю на спину, разбойница отворила ворота, заманила собак в дом, а потом перерезала острым ножом верёвку, которой был привязан северный олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да смотри береги девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и поблагодарила её от всего сердца.

Едва успела она попрощаться с маленькой разбойницей, как северный олень пустился во всю прыть. Он скакал через пни и колоды. Леса, равнины, болота так и мелькали перед глазами у Герды. Волки провожали её воем, вороны каркали ей вслед... Вдруг на небе что-то затрещало и столбы огня взвились над землёй.

— Вот моё родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как полыхает!..

И он побежал дальше, бежал не останавливаясь ни днём, ни ночью — всё вперёд и вперёд.

Хлеб был съеден до крошки, окорок — до последнего кусочка, и вот они уже в Лапландии.

История шестая.

Лапландка и финка

Олень остановился у маленькой, выросшей в землю избушки. Крыша её опускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что в неё можно было войти только на четвереньках. В избушке не было никого, кроме старухи лапландки. Она варила рыбу при тусклом свете жирового светильника. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды. Правда, сперва он рассказал

свою собственную историю — она казалась ему гораздо важнее и трогательнее. Герда же так замёрзла, что долго не могла говорить.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Далёкий ещё предстоит вам путь. Сто миль с лишком придётся вам пройти, пока вы доберётесь до Финляндии, — Снежная королева живёт там в своём дворце и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу несколько слов на сушёной треске — бумаги у меня нет, — а вы отнесёте моё письмо финке, которая живёт в тех местах и лучше моего научит вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала что-то на сушёной треске и велела Герде хорошенько беречь рыбу. Потом она привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался по снежным полям и горам.

В небе опять потрескивал голубой огонь, и целые столбы пламени взлетали над землёй.

Так добежал северный олень с Гердой до Финляндии и постучался в дымовую трубу домика, где жила старая финка, — дверей там и вовсе не было.

Ну и жара стояла у неё в доме! Финка, старая низенькая женщина, прежде всего стащила с Герды шубку, рукавицы и сапоги, чтобы девочке было не так жарко. Потом она положила северному оленю на голову кусок льда и только тогда принялась читать письмо, нацарапанное на сушёной треске. Она прочла всё от головы до хвоста три раза, пока не выучила наизусть, а потом сунула треску в суповой котёл, — не пропадать же рыбе!

Тут северный олень снова принялся рассказывать, сначала — подробно — рассказал всю свою историю, а потом — вкратце — историю Герды.

Финка слушала его молча и только иногда покачивала головой.

— Ты такая мудрая женщина! — воскликнул северный олень, окончив свой рассказ. — Я знаю, ты

можешь связать одной ниткой все четыре ветра. Не приготовишь ли ты для девочки питьё, которое даст ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву.

— Силу двенадцати богатырей?— сказала финка.— Да, нечего сказать, много от этого будет толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: он весь был испещрён какими-то непонятными письменами.

Финка уселась и принялась читать. Она читала до тех пор, пока пот градом не покатился с её лба.

Наконец она свернула свиток, переменяла лёд на голове северного оленя и сказала:

— Кай на самом деле у Снежной королевы. Но ему там очень нравится, и он думает, что нигде не может быть лучше. И всё это потому, что в глаз и в сердце ему попали осколки кривого зеркала. Если они там останутся, он никогда не освободится от власти Снежной королевы.

— Вот потому-то я и прошу тебя сделать Герду сильнее Снежной королевы,— сказал северный олень.

— Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать,— ответила финка.— Разве ты сам не видишь, как велика её сила? Не видишь, что ей служат и люди и звери? Ведь она босая обошла полсвета. Нет такой силы, которая заставила бы её отступить от задуманного дела. Уж если она не сможет проникнуть во дворец Снежной королевы и вынуть из сердца Кая осколок зеркала, так этого никто не сделает! Всё, чем я могу помочь ей,— это показать дорогу. В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, опусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на спину северного оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ах, мои тёплые сапожки! Мои рукавицы!— закричала Герда.

Но олень не слышал её. Он мчался, как вихрь, и остановился только тогда, когда увидел в снегу куст, усыпанный красными ягодами. Тут он опустил девочку на землю, поцеловал её, и на глазах у него заблестели крупные прозрачные слёзы. Потом он повернулся и стрелой пустился назад.

Бедная девочка осталась одна-одинёшенька, на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперёд что было мочи. А навстречу ей двинулись целые полчища снежных хлопьев. Это было очень странно, потому что небо было совсем чистое и на нём полыхало северное сияние. Нигде не видно было ни тучки. Откуда же мог падать снег? Но снег не падал, он нёсся прямо по земле. Снежные хлопья надвигались на Герду и с каждой минутой становились всё больше и больше, точно те снежинки, которые она видела когда-то под увеличительным стеклом.

Это было войско Снежной королевы. Одни снежинки были похожи на больших белых ежей, другие — на взъерошенных медвежат, третьи — на серебряных многоголовых змей. И все они были живые!

Но Герда смело шла вперёд и вперёд, — ведь она во что бы то ни стало должна была найти и освободить Кая!

И вот наконец она добралась до чертогов Снежной королевы.

А что же в это время было с Каем?

Он и не думал о Герде и уж меньше всего догадывался о том, что она тут, рядом с ним.

История седьмая.

Что случилось в чертогах Снежной королевы и что случилось потом

Снежная королева жила среди вечных снегов и нetaющих льдин. Метели возвели стены её чертогов, буйные ветры пробили в них окна и двери.

Громадные белоснежные залы тянулись одна за другой на сотни миль — просторные, высокие, до самого неба. Их освещало разноцветными огнями северное сияние. Вьюги разостлали здесь пушистые, блестящие серебром ковры. Но холодно и пустынно было в этих белых, ослепительно сверкающих залах. Никогда не заглядывало сюда веселье. Хоть бы один раз устроили здесь праздник для белых медведей, чтобы под музыку бури могли они показать, как ловко и грациозно умеют ходить на задних лапах. Хоть бы раз составила здесь за ледяным столом партия в лото, где игроки горячо спорят, ссорятся, а иной раз даже и дерутся. Хоть бы когда-нибудь здесь сошлись на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисиčky, — нет, никогда, ничего! Всегда одинаково холодно, мертво и пусто!

Посреди самой большой пустынной снежной залы было круглое замёрзшее озеро. Лёд, затянувший его, растрескался на тысячи кусков. И все тысячи кусков были совершенно одинаковой величины, каждый точь-в-точь как другой, даже трудно поверить этому.

А на самой середине замёрзшего озера стоял ледяной трон Снежной королевы. Когда ей не нужно было улетать по делам из дому, она всегда сидела на этом троне и гляделась в ледяное зеркало. Королева называла его «зеркалом разума» и уверяла, что это самое верное и чистое зеркало на свете.

Тут же, в этой пустынной зале, жил и названный

брат Герды, Кай. От стужи он совсем побелел, хоть сам и не чувствовал холода. Да это и не удивительно — ведь у него вместо сердца был кусок льда. А такое сердце не чувствует ничего — ни радости, ни грусти, ни тепла, ни мороза.

Кай ни о чём не жалел, никого не вспоминал. Целыми днями сидел он на ступеньках трона у ног Снежной королевы, перебирая плоские ровные льдинки и выкладывая из них окоченевшими руками различные фигуры.

Вы все, должно быть, знаете игру, которая называется «китайская головоломка»? Из деревянных дощечек надо складывать разные сложные узоры. Вот такой головоломкой был занят Кай, только вместо дощечек у него были льдинки, а игра называлась «игрой холодного разума».

Ему казалось, что на свете нет ничего важнее этого занятия, и всё потому, что вместо сердца у него был кусок льда, а видеть ему мешал маленький осколок кривого зеркала. Он складывал из льдин не только фигуры, но и разные слова. Только одно слово, которое ему особенно хотелось сложить, у него не выходило — слово «вечность».

А между тем Снежная королева не раз говорила ему: «Если ты сложишь это слово, я отпущу тебя на волю и подарю тебе весь свет и пару новых коньков в придачу».

В сотый раз складывал Кай из льдинок восемь упрямых букв, но буквы, словно нарочно, рассыпались или укладывались не в том порядке, как надо.

Снежная королева только качала головой.

— Нет, опять не так! — сказала она с усмешкой, когда он в сто первый раз показал ей свою работу. — Ну что ж, подумай, подумай хорошенько. А пока ты думаешь, я полечу в тёплые края, загляну в чёрные котлы — котлами она называла кратеры огнедышащих гор Этны и Везувия, — хорошо бы их немного побелить!

И она улетела, а Кай остался один в огромной снежной зале, он смотрел на льдины и всё думал, думал, так, что голова у него трещала. Он сидел не шевелясь, бледный, как снег, прозрачный, как лёд, неподвижный, как мертвец. Можно было подумать, что он замёрз.

В это самое время в огромные ворота ветров вошла Герда. Ветры так удивились, что свернули крылья и притихли, и Герда свободно вошла в ледяную залу. Она сразу увидела Кая, бросилась к нему на шею и крепко обняла его.

— Кай! Милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он словно не видел и не слышал её. Он сидел такой же неподвижный и холодный, как прежде. Тогда Герда заплакала. Её горячие слёзы упали ему на грудь, проникли в самое сердце, и ледяное сердце Кая оттаяло.

Он взглянул на Герду и тоже заплакал. Слёзы потоками полились у него из глаз и унесли с собой осколок кривого зеркала. Тут только Кай узнал Герду и улыбнулся ей.

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — Он с удивлением огляделся по сторонам. — Как здесь холодно, как пустынно!

И Кай крепко обнял Герду. А Герда смеялась и плакала от радости, и, глядя на неё, радовалось всё вокруг. Даже льдинки в озере пустились в пляс, а когда они устали и улеглись, из них составилось то самое слово, которое Снежная королева велела сложить Каю. Теперь Кай был свободен и, если бы захотел, мог бы получить в подарок весь свет и пару новых коньков в придачу. Пусть Снежная королева возвращается, — у неё уже нет над ним власти! Его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами!

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять покрылись румянцем, поцеловала его в глаза, и они

заблестели; она коснулась его рук и ног, и Кай снова стал бодрым и здоровым.

Кай и Герда взялись за руки и вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о родном доме, о розах, что цвели у них под окнами, обо всём, что с ними было. И, заслушавшись их, стихали холодные ветры и выглядывало из-за туч солнце. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, Герда увидела, что её уже поджидает старый друг — северный олень.

Не успели Кай и Герда оглянуться, как он домчал их до жилья старой финки.

Они обогрелись у неё и отправились дальше — к лапландке. Лапландка сшила им тёплую одежду из пушистых шкур, дала свою собачью упряжку и даже сама поехала провожать их.

Северный олень тоже провожал Кая и Герду. Так все вместе добрались они до южной границы Лапландии. Тут уже пробивалась первая травка, и на санях ехать было нельзя.

Кай и Герда простились с лапландкой и с северным оленем и пошли дальше одни.

Вот перед ними и лес. На деревьях уже набухли зелёные почки, на ветках распевали весенние птицы. Из лесу, навстречу Каю и Герде, выехала верхом на белом коне молоденькая девушка в ярко-красной шапочке, с пистолетами за поясом. Герда сразу узнала коня — он был когда-то впряжён в золотую карету, — узнала и девушку. Это была маленькая разбойница.

За это время она немного подросла и решила посмотреть белый свет. Не сидеть же весь век дома, в глухом лесу!

Маленькая разбойница тоже сразу узнала Герду. Вот была радость!

— Эх ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Герда спросила её о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края!— ответила маленькая разбойница.

— А ворон с вороной?— спросила Герда.

— Лесной ворон умер. Ручная ворона осталась вдовой, она оделась в траур, ходит с чёрной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но всё это пустяки. Лучше ты Расскажи, что с тобой было и как ты нашла своего братца.

Герда и Кай рассказали ей обо всех своих приключениях.

— Ну, вот и сказке конец!— сказала маленькая разбойница.

Она пожала им руки и обещала навестить их, если ей случится когда-нибудь побывать у них в городе. На том они и простились. Молодая разбойница отправилась своей дорогой. Кай и Герда — своей.

Они шли, и под ногами у них расцветали цветы, зеленела трава. Издали до них донёсся колокольный звон, и они узнали голос старого колокола, который будил их по утрам, и увидели башню своего родного города.

Скоро они поднялись по знакомой лестнице, открыли дверь в комнату, где всё было по-прежнему: так же тикали часы, так же двигались по кругу часовые стрелки. Но дверь показалась им почему-то низенькой, и, переступив порог, они поняли, что стали взрослыми людьми.

Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытые окна.

На дворе стояло тёплое благодатное лето!

Стойкий оловянный солдатик

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков. Все сыновья одной матери — старой оловянной ложки, — и, значит, приходились они друг другу родными братьями. Это были славные, brave ребята: ружьё на плече, грудь колесом, мундир красный, отвороты синие, пуговицы блестят... Ну, словом, чудо что за солдатики!

Все двадцать пять лежали рядком в картонной коробке. В ней было темно и тесно. Но оловянные солдатики — терпеливый народ, они лежали не шевелясь и ждали дня, когда коробку откроют.

И вот однажды коробка открылась.

— Оловянные солдатики! Оловянные солдатики! — закричал маленький мальчик и от радости захлопал в ладоши.

Ему подарили оловянных солдатиков в день его рождения.

Мальчик сейчас же принялся расставлять их на столе. Двадцать четыре были совершенно одинаковые — одного от другого не отличить, а двадцать пятый солдатик был не такой, как все. Он оказался одноногим. Его отливали последним, и олова немного не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твёрдо, как другие на двух.

Вот с этим-то одноногим солдатиком и произошла замечательная история, которую я вам сейчас расскажу.

На столе, где мальчик построил своих солдатиков, было много разных игрушек. Но лучше всех игрушек был чудесный картонный дворец. Через его окошки можно было заглянуть внутрь и увидеть все комнаты. Перед самым дворцом лежало круглое зеркальце. Оно

было совсем как настоящее озеро, и вокруг этого зеркального озера стояли маленькие зелёные деревья. По озеру плавали восковые лебеди и, выгнув длинные шеи, любовались своим отражением.

Всё это было прекрасно, но самой красивой была хозяйка дворца, стоявшая на пороге, в широко раскрытых дверях. Она тоже была вырезана из картона; на ней была юбочка из тонкого батиста, на плечах — голубой шарф, а на груди — блестящая брошка, почти такая же большая, как голова её владелицы, и такая же красивая.

Красавица стояла на одной ножке, протянув вперёд обе руки, — должно быть, она была танцовщицей. Другую ножку она подняла так высоко, что наш оловянный солдатик сначала даже решил, что красавица тоже одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену! — подумал оловянный солдатик. — Да только она, наверно, знатного рода. Вон в каком прекрасном дворце живёт!.. А мой дом — простая коробка, да ещё набилось нас туда чуть не целая рота — двадцать пять солдат. Нет, ей там не место! Но познакомиться с ней всё же не мешает...»

И солдатик притаился за табакеркой, стоявшей тут же, на столе.

Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу, которая всё время стояла на одной ножке и при этом ни разу даже не покачнулась!

Поздно вечером всех оловянных солдатиков, кроме одноногого — его так и не могли найти, — уложили в коробку, и все люди легли спать.

И вот, когда в доме стало совсем тихо, игрушки сами стали играть: сначала в гости, потом в войну, а под конец устроили бал. Оловянные солдатики стучали ружьями в стенки своей коробки — им тоже хотелось выйти на волю и поиграть, но они никак не могли поднять тяжёлую крышку. Даже щелкунчик принялся кувыркаться, а грифель пошёл плясать по доске, оставляя на ней белые следы, — тра-та-та-та,

тра-та-та-та! Поднялся такой шум, что в клетке проснулась канарейка и начала болтать на своём языке так быстро, как только могла, да притом ещё стихами.

Только одноногий солдатик и танцовщица не двигались с места.

Она по-прежнему стояла на одной ножке, протянув вперёд обе руки, а он застыл с ружьём в руках, как часовой, и не сводил с красавицы глаз.

Пробило двенадцать. И вдруг — щёлк! — раскрылась табакерка.

В этой табакерке никогда и не пахло табаком, а сидел в ней маленький злой тролль. Он выскочил из табакерки, как на пружине, и огляделся кругом.

— Эй ты, оловянный солдат! — крикнул тролль. — Не больно заглядывайся на плясунью! Она слишком хороша для тебя.

Но оловянный солдатик притворился, будто ничего не слышит.

— Ах, вот ты как! — сказал тролль. — Ладно же, погоди до утра! Ты меня ещё вспомнишь!

Утром, когда дети проснулись, они нашли одноногого солдатика за табакеркой и поставили его на окно.

И вдруг — то ли это подстроил тролль, то ли просто потянуло сквозняком, кто знает? — но только окно распахнулось, и одноногий солдатик полетел с третьего этажа вниз головой, да так, что в ушах у него засвистело. Ну и натерпелся он страху!

Минуты не прошло — и он уже торчал из земли вверх ногой, а его ружьё и голова в каске застряли между булыжниками.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на улицу, чтобы отыскать солдатика. Но сколько ни смотрели они по сторонам, сколько ни шарили по земле, так и не нашли.

Один раз они чуть было не наступили на солдатика, но и тут прошли мимо, не заметив его. Конечно, если бы солдатик крикнул: «Я тут!» — его бы сейчас

же нашли. Но он считал непристойным кричать на улице — ведь он носил мундир и был солдат, да при том ещё оловянный.

Мальчик и служанка ушли обратно в дом. И тут вдруг хлынул дождь, да какой! Настоящий ливень!

По улице расползлись широкие лужи, потекли быстрые ручьи.

А когда наконец дождь кончился, к тому месту, где между булыжниками торчал оловянный солдатик, прибежали двое уличных мальчишек.

— Смотри-ка,— сказал один из них.— Да, никак, это оловянный солдатик!.. Давай-ка отправим его в плавание!

И они сделали из старой газеты лодочку, посадили в неё оловянного солдатика и спустили в канавку.

Лодочка поплыла, а мальчики бежали рядом, подпрыгивая и хлопая в ладоши.

Вода в канаве так и бурлила. Ещё бы ей не бурлить после такого ливня! Лодочка то ныряла, то взлетала на гребень волны, то её кружило на месте, то несло вперёд.

Оловянный солдатик в лодочке весь дрожал — от каски до сапога,— но держался стойко, как полагается настоящему солдату: ружьё на плече, голова кверху, грудь колесом.

И вот лодочку занесло под широкий мост. Стало так темно, словно солдатик опять попал в свою коробку.

«Где же это я?— думал оловянный солдатик.— А если бы со мной была моя красавица танцовщица! Тогда мне всё было бы нипочём...»

В эту минуту из-под моста выскочила большая водяная крыса.

— Ты кто такой?— закричала она.— А паспорт у тебя есть? Предъяви паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и только крепко сжимал ружьё. Лодку его несло всё дальше и дальше, а крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо

щёлкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держите его! Держите! У него нет паспорта!

И она изо всех сил загребала лапами, чтобы догнать солдатику. Но лодку несло так быстро, что даже крыса не могла угнаться за ней. Наконец оловянный солдатик увидел впереди свет. Мост кончился.

«Я спасён!»— подумал солдатик.

Но тут слышался такой гул и грохот, что любой храбрец не выдержал бы и задрожал от страха. Подумать только: за мостом вода с шумом падала вниз — прямо в широкий бурный канал!

Оловянному солдатiku, который плыл в маленьком бумажном кораблике, грозила такая же опасность, как нам, если бы нас в настоящей лодке несло к настоящему большому водопаду.

Но остановиться было уже невозможно. Лодку с оловянным солдатиком вынесло в большой канал. Волны подбрасывали и швыряли её то вверх, то вниз, но солдатик по-прежнему держался молодцом и даже глазом не моргнул.

И вдруг лодочка завертелась на месте, зачерпнула воду правым бортом, потом левым, потом опять правым и скоро наполнилась водой до самых краёв.

Вот солдатик уже по пояс в воде, вот уже по горло... И наконец вода накрыла его с головой.

Погружаясь на дно, он с грустью подумал о своей красавице. Не видать ему больше милой плясуньи!

Но тут он вспомнил старую солдатскую песню:

Шагай вперёд, всегда вперёд!

Тебя за гробом слава ждёт!.. —

и приготовился с честью встретить смерть в страшной пучине. Однако случилось совсем другое.

Откуда ни возьмись, из воды вынырнула большая рыба и мигом проглотила солдатику вместе с его ружьём.

Ах, как темно и тесно было в желудке у рыбы,

темнее, чем под мостом, теснее, чем в коробке! Но оловянный солдатик и тут держался стойко. Он вытянулся во весь рост и ещё крепче сжал своё ружьё. Так он пролежал довольно долго.

Вдруг рыба заметалась из стороны в сторону, стала нырять, извиваться, прыгать и наконец замерла.

Солдатик не мог понять, что случилось. Он приготовился мужественно встретить новые испытания, но вокруг по-прежнему было темно и тихо.

И вдруг словно молния блеснула в темноте.

Потом стало совсем светло, и кто-то закричал:

— Вот так штука! Оловянный солдатик!

А дело было вот в чём: рыбу поймали, свезли на рынок, а потом она попала на кухню. Кухарка распоролла ей брюхо большим блестящим ножом и увидела оловянного солдатика. Она взяла его двумя пальцами и понесла в комнату.

Весь дом сбежался посмотреть на замечательного путешественника. Солдатика поставили на стол, и вдруг — каких только чудес не бывает на свете! — он увидел ту же комнату, того же мальчика, то же самое окно, из которого вылетел на улицу... Вокруг были те же игрушки, а среди них возвышался картонный дворец, и на пороге стояла красавица танцовщица. Она стояла по-прежнему на одной ножке, высоко подняв другую. Вот это называется стойкость!

Оловянный солдатик так растрогался, что из глаз у него чуть не покатались оловянные слёзы, но он вовремя вспомнил, что солдату плакать не полагается. Не мигая, смотрел он на танцовщицу, танцовщица смотрела на него, и оба молчали.

Вдруг один из мальчиков — самый маленький — схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверно, его подучил злой тролль из табакерки.

В печке ярко пылали дрова, и оловянному солдатику стало ужасно жарко. Он чувствовал, что весь горит, — то ли от огня, то ли от любви — он и сам не

знал. Краска сбежала с его лица, он весь полинял — может быть, от огорчения, а может быть, оттого, что побывал в воде и в желудке у рыбы.

Но и в огне он держался прямо, крепко сжимал своё ружьё и не сводил глаз с прекрасной плясуньи. А плясунья смотрела на него. И солдатик почувствовал, что тает...

В эту минуту дверь в комнате распахнулась настежь, сквозной ветер подхватил прекрасную танцовщицу, и она, как бабочка, порхнула в печку прямо к оловянному солдатику. Пламя охватило её, она вспыхнула — и конец. Тут уж и оловянный солдатик совсем расплавился.

На другой день служанка стала выгребать из печки золу и нашла маленький комочек олова, похожий на сердечко, да обгорелую, чёрную, как уголь, брошку.

Это было всё, что осталось от стойкого оловянного солдата и прекрасной плясуньи.

Лесной холм

рюркие ящерицы бегали вверх и вниз по истрескавшемуся корявому стволу старого дерева. Они отлично понимали друг друга, потому что все говорили на одном языке — по-ящеричьи.

— Нет, вы послушайте только, как шумит и гудит наш старый лесной холм,— сказала одна из ящериц.— Из-за этой музыки я уже две ночи подряд глаз сомкнуть не могу! Точно у меня зубы болят,— тогда я тоже не сплю.

— Там что-то затевается,— сказала другая.— Я сама видела, как холм поднялся на своих четырёх

красных столбах, да так и простоял, пока петухи не запели. Верно, его хотят хорошенько проветрить. А дочери лесного царя выучились новым танцам и только и знают, что вертятся при лунном свете. Даю хвост на отсечение, там что-то затевается!..

— Я говорила с одним моим знакомым дождевым червяком,— сказала третья.— Он много ночей и дней рылся в этом хламе и подслушал кое-что. Видеть этот бедняга ничего не видит, зато пролезать всюду ощупью и подслушивать он мастер. Так вот он рассказывает, что в лесном холме ожидают чужеземных гостей. И каких-то очень важных! Кого именно, дождевой червяк сказать не хотел, да, пожалуй, и сам не знал. Известно, что все блуждающие огоньки, светляки и даже гнилушки приглашены участвовать в факельном шествии или как это у них там называется?.. И всё золото и серебро — а этого добра в лесном холме довольно — чистят песком и мелом и выставляют на лунный свет...

— Да кого же они ждут?— спрашивали друг у друга ящерицы.— Что там такое затевается? Слышите, слышите, как шумят в лесном холме?

В эту самую минуту холм приподнялся, раскрылся, и оттуда, семена ножками, выбежала старая лесная дева. У неё совсем не было спины, но одета она была очень прилично. На голове — чепчик из паутины, а на шее — шарф из болотного тумана.

Это была ключница и дальняя родственница самого лесного царя, потому она и носила на лбу янтарное сердечко.

Ножки её так и мелькали — топ-топ,— и она живо очутилась на болоте, в гостях у ночного ворона¹.

— Лесной царь приглашает вас сегодня к себе в

---

¹ Ночной ворон, мёртвая лошадь, могильная свинья — это фантастические существа, которые часто являются персонажами народных датских легенд и преданий. Вот что рассказывалось о них в этих легендах: если где-

холм на ночной праздник,— сказала она.— Приходите, пожалуйста, то есть прилетайте. Но сначала я попросила бы вас оказать нам большую услугу: потратить часок-другой и передать приглашения остальным гостям. Надо же приносить хоть какую-нибудь пользу, тем более что своего хозяйства у вас нет и делать вам решительно нечего. Мы ждём,— добавила она шёпотом,— очень знатных чужеземцев, норвежских троллей, или, как они называются у себя на родине, трольдов. И наш лесной царь не хочет ударить лицом в грязь.

— Кого же приглашать? — спросил ночной ворон хрипло.

— На бал при лунном свете могут явиться все, даже и люди, если только они говорят и ходят во сне и вообще отличаются какими-нибудь причудами в нашем вкусе. А вот званый обед — другое дело. Тут уж надо думать да думать. Общество должно быть самое избранное. Я спорила с лесным царём даже насчёт призраков и привидений,— по-моему, их не следует приглашать: уж очень пустой народ... Прежде всего надо, конечно, позвать морского царя с дочками. Правда, они не очень-то любят выходить на сушу, ну, да ничего, мы посадим их на мокрый камень или ещё что-нибудь придумаем. Авось не откажутся! Потом надо позвать всех старых троллей первого разряда с

нибудь, тревожа людей, появлялось привидение, знахарь заклинаниями загонял его в землю и, очертив круг, вбивал на заклятом месте осиновый кол. В полночь раздавался крик: «Освободи!» Кол вынимали, и привидение навсегда улетало из тех краёв, приняв вид старого чёрного ворона с перебитым левым крылом.

Мёртвая лошадь и могильная свинья — это призраки животных, которых когда-то, по древнему обычаю, сохранившемуся ещё от времён язычества, живьём закапывали при закладке церковных зданий. Существовало поверье, что появление такого призрака возле какого-нибудь дома предвещает смерть тому, кто в нём живёт.

хвостами и рожками, затем водяных, домовых, болотных, и, конечно, нельзя обойти приглашением могильную свинью, мёртвую лошадь и церковного карлика, как-никак они в родстве с нами и очень обидятся, если мы их не позовём.

— Карр!..— крикнул ночной ворон и полетел приглашать гостей.

А старая ключница отправилась домой, к лесному холму, где уже плясали дочери лесного царя с длинными прозрачными шарфами в руках. Шарфы были сотканы из лунных лучей и вечерней мглы, а это очень красиво по мнению тех, кому такие вещи нравятся.

Парадная зала лесного холма была разубрана на славу: пол вымыт лунным светом, а стены натёрты ведьминым салом, так что блестели при свете гнилушек, как серебро.

В кухне жарились на вертелах сотни жирных лягушек, готовились шкурки ужей с начинкой из улиток и слизняков и салат из мухоморов, сырых мышинных мордочек и белены.

Пиво было доставлено с завода бабы-болотницы¹, а искромётное селитряное вино — из кладбищенских погребов. Словом, всё было, как полагается. На сладкое были припасены груды ржавых гвоздей и осколки разноцветных церковных стёкол.

Старый лесной царь велел почистить свою золотую корону толчёным грифелем. Для этого нужно было добыть грифели первых учеников, — а это для лесного царя нелёгкая задача.

В спальне повесили паутинные занавески и прикрепили их иголками ежа и слюной ужа.

То-то было хлопот!

— Ну, теперь остаётся только покурить здесь палёным волосом и щетиной, и моё дело сделано! — сказала старая лесная дева.

---

¹ «Баба-болотница варит пиво»,— говорят датчане при виде поднимающегося над болотами тумана.

И она подпалила целый конский хвост и щетинистую кожу дикого кабана.

— Да кто же они такие — эти знатные гости, которых мы поджидаем? — спросила самая младшая дочь лесного царя. — Скажи нам наконец!

— Так и быть, — ответил лесной царь, — скажу! Две из вас должны быть наготове, — нынче, я надеюсь, они выйдут замуж. Старый норвежский тролль, тот, что живёт в скале Доврэ и владеет множеством гранитных дворцов и золотых россыпей (они у него ещё богаче, чем думают), едет сюда женить своих сыновей. Старый тролль — настоящий норвежец, весёлый, прямой! Я давно его знаю. Мы даже пили с ним «на ты», когда он приезжал сюда жениться. Жена его уже давно умерла, она была дочерью короля меловых утёсов на Мэне и славилась белизной своей кожи. Да, приятно мне будет повидать старика тролля! Сыновья-то у него, говорят, не слишком удались — невежи, задиры! Ну, да это, может быть, так — пустые слухи, сплетни... Я сам в молодости был сорванцом. С годами это проходит. К тому же я надеюсь, что вы сумеете их вышколить, когда выйдете за них замуж.

— А когда же они приедут? — спросила одна из дочерей.

— Смотря по погоде и ветру, — сказал лесной царь. — Норвежцы скуповаты и едут с оказией, на попутных судах. Я-то советовал им ехать через Швецию, но старый тролль до сих пор ещё косится на шведов. Что поделаешь — давние счёты!.. Старик, по правде сказать, немного отстал от века. Этого я в нём не одобряю.

В эту минуту к ним примчались во всю прыть два сторожевых блуждающих огонька. Один был попроворнее и прибежал первым.

— Едут, едут! — кричали они.

— Подайте мне мою корону! — сказал лесной царь. — Я выйду на лунный свет, чтобы она поярче блестела.

Девицы разом взмахнули шарфами и присели чуть ли не до земли. Они были воспитанные барышни и к тому же очень хотели понравиться женихам.

Старый тролль был в короне из ледяных сосулечек и полированных еловых шишек, в медвежьей шубе и мохнатых меховых сапогах. Старики любят тепло. А сыновья его, здоровенные парни, носили кафтаны нараспашку и на королевский приём явились с голыми шеями и без подтяжек.

— Разве это холм? — спросил младший, показывая на дворец своего будущего тестя. — По-нашему, по-норвежски, это нора!

— Или дыра! — добавил старший.

— Вот так умники! — сказал старый тролль. — Нора идёт вниз, а холм вверх. Где у вас глаза?

Молодые люди захохотали.

— Ну-ну, не прикидывайтесь дурачками, — сказал им отец. — Право, можно подумать, что вы малышки.

Он взял под руку лесного царя, и все вошли в холм, где уже собралось самое избранное общество.

Любопытнее всего было то, что никто и не заметил, когда и как явились гости. Можно было подумать, что их всех ветром принесло.

Для каждого из приглашённых было заранее приготовлено удобное местечко: для ночного ворона — осиновый кол, для могильной свиньи — крышка гроба, водяные гости сидели в больших чанах с водой и чувствовали себя как дома.

Все вели себя за столом вполне прилично, кроме молодых норвежцев, троллей. Они положили ноги на стол, думая, что это выходит у них очень мило.

Впрочем, отец тут же напомнил им, что это не принято делать.

— Ноги долой! — крикнул он, и они послушались, хоть и не сразу.

Своих соседей за столом они щекотали еловыми

шишками — у них были полные карманы этих шишек. А потом сняли с себя для удобства сапоги и дали их поддержать дамам.

Старый тролль, тот вёл себя совсем не так.

Он умел в одно и то же время и есть, и пить, и говорить. За столом он рассказывал чудеснейшие истории о величавых норвежских скалах, о клубящихся водопадах, которые с гулом и рёвом, напоминающим грохот грома или гудение органа, низвергаются с отвесных утёсов; рассказывал о лососях, которые прыгают и бьются в пене вод, поднимаясь по горным рекам против течения; рассказывал о зимних звёздных ночах, когда по накатанным дорогам весело скрипят полозья и звенят бубенчики, а молодые парни с горящими смоляными факелами в руках бегут по гладкому льду, до того прозрачному, что видно, как под ним мечутся испуганные рыбы.

Да, умел-таки рассказывать старый тролль. Слушатели словно сами видели и слышали, как шумят бурливые водопады и водяные мельницы, как поют и пляшут деревенские парни и девушки. Тра-ла-ла! Тра-ла-ла!

И старый тролль до того разошёлся, что ни с того ни с сего чмокнул старую лесную деву, точно он был её дядюшка, родной или двоюродный, а они вовсе и родственниками-то не были!

Потом дочерей лесного царя заставили танцевать. Они прекрасно исполнили несколько танцев, и простых и с притопыванием. И, наконец, должны были протанцевать новый, самый мудрёный. Он назывался «танец без танца». Девицы его только что разучили — к приезду гостей.

Да, нечего сказать, это была пляска! Плясуньи вытягивались, как вечерние тени, летали, как пушинки одуванчиков, мелькали, как солнечные зайчики. Где начало, где конец, где рука, где нога — ничего нельзя было разобрать, словно снежинки вихрем закрутило. Под конец они так завертелись на месте, что у мёрт-

вой лошади закружилась голова, и она вынуждена была выйти из-за стола.

— Брр! — сказал старый тролль. — Вот как они у тебя работают ножками! Славно! А умеют они делать ещё что-нибудь? Или только вертеться и кружить головы другим?

— А вот сейчас узнаешь! — сказал лесной царь и позвал самую младшую дочь.

Она была так тонка и прозрачна, что сквозь неё был виден лунный свет, и считалась самой нежной и хрупкой в семье.

Младшая выступила вперёд, взяла в рот какой-то белый прутик и вдруг исчезла, словно растаяла.

В этом и было всё её искусство.

Но старый тролль сказал, что для примерной жены такое искусство совсем не подходит. Да и сыновьям его оно вряд ли придётся по вкусу.

Вторая из дочерей умела ходить справа и слева от себя самой, так что можно было подумать, что у неё есть тень, хоть всем известно, что у троллей и духов тени не бывает.

Третья сестра была совсем в другом роде. Она не умела исчезать и наводить тень. Зато она обучалась варить пиво у самой бабы-болотницы и отлично шпиговала светлячками моховые кочки.

— Из неё выйдет славная хозяйка! — сказал старый тролль лесному царю и чокнулся с ним взглядом: он не хотел больше пить.

Четвёртая дочь лесного царя вышла с золотой арфой в руках. Она ударила по одной струне, и каждый из присутствующих невольно поднял ногу, левую, потому что тролли и духи — левши и всегда встают с левой ноги.

Она ударила по другой струне — и все пустились в пляс.

— Опасная особа! — сказал старый тролль.

А молодые тролли взяли да и ушли из залы — им уже надоели все эти фокусы.

— Ну, а следующая что умеет? — спросил старый тролль, зевая.

— Любить всё норвежское! — сказала пятая. — Если я выйду замуж, так только за норвежца.

— Это мило, — сказал старый тролль.

Но самая младшая сестрица в это время шепнула ему на ухо:

— Она слышала одну норвежскую песню... Знаете, там ещё говорится, что когда придёт конец света и всё на земле разрушится, то устоят одни норвежские скалы. Вот ей и хочется попасть в Норвегию — она страсть боится погибнуть.

— Эге! — сказал старый тролль. — Вот оно что!.. Ну, а седьмая, последняя, что умеет?

— Перед седьмой есть ещё шестая! — сказал старый лесной царь. Он, видимо, хорошо умел считать.

Но шестая даже не хотела показаться гостям.

— Я умею говорить только правду в глаза, — сказала она. — Поэтому я никому не нужна.

Наконец дошла очередь и до седьмой. Что же она умела делать? Рассказывать сказки, когда угодно, о чём угодно и сколько угодно.

— Вот тебе мои пять пальцев! — сказал старик тролль. — Расскажи мне сказку о каждом из них.

Она взяла его руку и принялась рассказывать, а он слушал и смеялся до упаду. Ему и в голову не приходило прежде, что о каждом пальце можно рассказать целую историю, да ещё такую забавную и поучительную. Когда же она дошла до безымянного пальца, который называется иногда «златоперстом», потому что на нём носят золотое обручальное кольцо, старик сказал:

— Стой! Держи этот палец покрепче. Он твой, да и вся рука твоя. На тебе женюсь я сам.

Сказочница поблагодарила старого тролля, но не забыла, что он ещё не дослушал сказки о «Златоперсте» и о «Петрушке-бездельнике» (так она называла мизинец).

— Прибереги эти сказки, — сказал старый тролль. — В долгие зимние вечера ты dokonчишь нам сказку о пяти пальцах, а заодно расскажешь и обо всём на свете. У нас в Норвегии никто не умеет плести такие небылицы. Мы будем сидеть у себя в горной пещере при свете смолистых сосновых лучин и пить мёд из старинных позолоченных рогов. Эти рога я получил в подарок от речного духа. Он и сам придёт к нам в гости и споёт тебе все песни, которые слышал у себя на родине от горных пастухов. То-то весело будет у нас! Лососи запрыгают в струях водопада и будут биться о стены нашего дворца. Только не попасть им к нам, сколько ни бейся!.. Эх, хорошо в нашей старой славной Норвегии... А где же мои молодцы?

В самом деле, куда девались сыновья старого тролля? Они бегали по полю и задували блуждающие огоньки, которые так любезно явились участвовать в факельном шествии.

— Что вы носитесь без толку? — сказал старый тролль. — Я за это время нашёл для вас мать, и теперь вы можете жениться на любой из ваших тёток, какая вам только понравится.

Но сыновья сказали, что им больше по вкусу пить со всеми гостями «на ты» и произносить заздравные речи, а жениться вовсе не хочется.

Спорить с ними было невозможно. Они без конца говорили речи, пили со всеми «на ты», а потом опрокидывали кубок себе на ногу. Это означало, что на дне не осталось ни капли.

Под конец оба брата сняли с себя кафтаны и растянулись на столе отдыхать — они никого не стеснялись. А старый тролль пустился со своей молодой невестой в пляс и потом поменялся с ней сапогами. Это поновей, чем меняться обручальными кольцами. Да и потерять сапог труднее, чем кольцо.

— Чу, поёт петух! — сказала старая ключница. — Пора нам закрыть холм, пока солнце не сожгло нас. И холм закрылся.

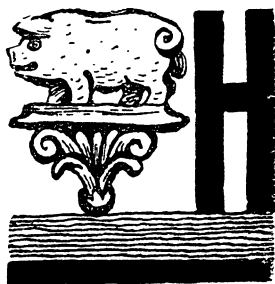
...А по стволу гнилого дерева бегали взад и вперёд юркие ящерицы и болтали между собой по-ящеричьи.

— Ах, как нам понравился старый норвежский тролль! Как он нам понравился!..

— А с моей точки зрения — молодые лучше, — еле слышно прошептал дождевой червяк.

Но так как он был слеп, то никто не поверил, что у него есть точка зрения.

Свинья-копилка

у и много же игрушек было в детской — прямо не сосчитать! А высоко над ними, на шкафу, стояла копилка — глиняная свинья. В спине у неё, как и полагается, была прорезана щель для монет. Сначала эта щель была узенькая, но потом её чуточку расширили перочинным ножиком, чтобы в неё пролезали и крупные серебряные монеты. Две такие монеты уже лежали на дне её брюшка, а уж про мелочь и говорить нечего. Мелочью свинья была, как говорится, битком набита, так что и брякнуть не могла. Чего же больше? Ни одна свинья с деньгами не могла бы пожелать лучшей участи. К тому же она ещё занимала очень высокое положение: стояла на шкафу и смотрела на всех сверху вниз. Она знала, что денег у неё по горло и, стоит только захотеть, она может купить все игрушки, которые лежат и стоят внизу. А сознавать это довольно приятно, уж во всяком случае свинье.

Игрушки знали, чего стоит свинья и что она о себе думает, но не говорили об этом. Да и к чему? Они и без того находили о чём поболтать.

Однажды, когда в детской никого не было, из полуоткрытого ящика выглянула большая кукла. Она была уже не слишком молода, не раз теряла голову, и поэтому шея у неё была подклеена.

Кукла поглядела направо, налево и сказала:

— Давайте играть в людей. От скуки и это не худо!

— Давайте, давайте! — закричали все и засуетились в своих коробках и ящиках.

Даже картины и те закачались на стенах, хотя им и не следовало бы показывать свою оборотную сторону, потому что на ней, как известно, ничего не нарисовано.

Было уже совсем поздно. Пробило двенадцать часов. В окна заглядывал месяц и светил вовсю, не требуя за освещение никакой платы.

В игре приняли участие все игрушки до одной, даже детская коляска, хотя она была такая большая и неуклюжая, что её считали скорее мебелью, чем игрушкой.

Но коляска на это не обижалась.

— Каждому — своё, — говорила она. — Не всем же быть знатными господами и забавляться с утра до вечера. Надо кому-нибудь и дело делать.

Только одной свинье-копилке послали приглашительный билет. Её нельзя было просто позвать — она стояла так высоко над всеми, что могла и не слышать.

Впрочем, и на письменное приглашение свинья не соизволила ответить, придёт она или не придёт. Да в конце концов так и не пришла. В самом деле, зачем ей спускаться до других? Пусть другие позаботятся, чтоб она всё видела, не сходя со своего места.

Делать нечего, пришлось исполнить её желание. Кукольный театр поставили прямо против шкафа, сценой к свинье.

Праздник решили начать с весёлой дружеской беседы, потом предполагалось представление и, наконец, общее чаепитие.

Именно с беседы и началось. Лошадь-качалка высказала несколько мыслей о бегах, скачках и чистоте конской породы, детская коляска — о железных дорогах, о поездах, которые будто бы движутся паром, и о прочих новинках. В самом деле, кто же мог об этом судить, если не они... Лошадь — о лошадях, коляска — о поездах!.. Стенные часы рассуждали по поводу политики-тики-тики! Часы думали, что идут впереди своего времени, но злые языки утверждали, что они порядком отстают. Бамбуковая тросточка хвалилась своим серебряным колпачком и железным башмачком. Ещё бы! Ведь она могла считать себя щеголихой с головы до ног! По углам дивана молча лежали две пухленькие, расшитые шелками подушечки. Обе были премиленькие и преглупенькие.

Наконец началась кукольная комедия.

Куклы на нитках представляли, а куклы без ниток и другие игрушки должны были смотреть и хлопать в ладоши. Те же, у кого не было ладоней, могли щёлкать и стучать чем попало.

Впрочем, один бойкий хлыстик наотрез отказался щёлкать, когда на сцену выходят старые, потрёпанные куклы, и сказал, что он щёлкает только молоденьким нарядным куколкам.

— Нет, по-моему, уж если хлопать, так всем, — заявил пистон.

«А мне бы только свой угол! — думала плевательница. — Лишь бы плевать в меня удобно было».

Одним словом, каждый рассуждал по-своему.

Комедия, если говорить по правде, не стоила и гроша ломаного, но актёры играли превосходно. Они показывались зрителям только лучшей своей стороной, потому что эта сторона была раскрашена. А нитки у них были такие длинные, что каждая кукла могла играть выдающуюся роль, или, как говорится, быть из ряда вон выходящей.

Зрители были очень растроганы. Кукла с подклеенной шеей до того размякла, что опять потеряла голову.

Даже свинья с деньгами и та чуть не прослезилась. Ей захотелось сделать что-нибудь хорошее, доброе,— например, упомянуть в своём завещании лучшего из актёров: пусть его похоронят рядом с ней, когда придёт пора...

Короче говоря, все были очень, очень довольны. На радостях даже отказались от чая — и хорошо сделали, потому что его не было. Вместо этого опять принялись болтать. Это называлось у них «играть в людей». Не то чтобы они передразнивали людей или насмехались над ними. Нет, они просто старались вести себя «по-людски»: каждый думал о себе да ещё о том, что скажет о нём свинья с деньгами.

А свинья, подумав о своём завещании, уже не могла больше думать ни о чём другом. «Когда придёт пора...» Ах, она всегда приходит неожиданно-негаданно...

Хлоп! Неизвестно отчего, свинья вдруг свалилась со шкафа и разбилась вдребезги. Монеты и монетки раскатились во все стороны. Мелочь при этом крутилась волчком, а большие тяжёлые монеты неторопливо катились вдоль половиц. Дальше всех катилась одна. Ей очень наскучило лежать в темноте без движения и теперь хотелось постранствовать по белу свету — других посмотреть и себя показать. Что ж, так оно и случилось: все монеты и монетки разбрелись в разные стороны, кто куда.

А глиняные черепки от свиньи-копилки вымели вместе с мусором.

Но уже на другой день на верхушке шкафа появилась новая свинья-копилка. В брюхе у неё ещё не было ни одной монетки, и поэтому, сколько бы её ни трясли, она не могла брякнуть — совсем как та старая свинья, у которой брюхо было до отказа набито серебряными и медными деньгами. А на первых порах и этого вполне довольно.

Довольно и с вас, милые читатели. Сказке конец.

П. К. АСБЪЕРНСЕН

Вороны Ут-Рёста

Нередко случается, что рыбаки северной Норвегии, вернувшись с промысла домой, находят то прилипшие к рулю хлебные колосья, то ячменные зёрна в желудке у выловленной рыбы. Тогда они знают, что их лодки проходили мимо чудесных островов, о которых поётся в старых дедовских песнях. Солнце светит там ярче, чем всюду, луга там зеленее, поля плодороднее, а рыба в море никогда не переводится: сколько ни закидывай сеть — всегда полна.

Но не всем дано увидеть эти острова. Только чистому сердцу и смелому душой в страшный час, когда яростные волны грозят гибелью, открываются эти таинственные земли. И счастлив тот, кто ступит на их приветливые, солнечные берега,— он спасён.

Предание рассказывает, что в море есть три таких острова.

Один остров называется Сандфлес. Он встаёт из морской глубины, недалеко от Гельгоlanda, и берега его славятся рыбой и дичью.

У другого острова нет названия. Словно нехотя поднимается он в водах Вестфьёрда. Его ровная поверхность так и остаётся под водой, и только тяжёлые налитые колосья колышутся над свинцовыми волнами.

Третий остров — самый большой—появляется недалеко от Рёста, южнее Лофотенских островов, и называется Ут-Рёст.

Жители этой благодатной земли не знают нужды.

По зелёным обширным пастбищам Ут-Рёста ходят тучные стада, поля золотятся ячменными колосьями, у причалов стоят суда с рыболовными снастями, всегда готовые выйти в плавание.

Старые рыбаки рассказывают, что им случалось видеть в море неведомые корабли, которые неслись им навстречу под всеми парусами.

Кажется, вот-вот корабль врежется в рыбачий баркас... Но в самую последнюю минуту корабль вдруг исчезал, словно облако, развеянное ветром.

— Это Ут-Рёст вышел на лов,— говорили старые рыбаки.

* * *

Много лет тому назад жил недалеко от Рёста бедный рыбак, по имени Маттиас.

Детей у него был полон дом, а добра всего-навсего — лодка и коза. Лодка была старая, вся в заплатах, а коза тощая и облезлая, потому что кормилась

рыбными хвостами да жалкой травкой, которую она сама собирала на прибрежных скалах.

Трудно жилось Маттиасу. Дети его частенько бегали голодные. Но он был не из тех, кто жалуется на судьбу и вешает голову, склоняясь перед неудачей.

— Ничего, нынче ветер встречный, завтра будет попутный,— любил приговаривать Маттиас, когда ему не везло. А не везло ему часто, гораздо чаще, чем везло.

И вот однажды вышел Маттиас в море на рыбную ловлю. Давно уже не было у него такого хорошего улова, как в этот раз.

Одну за другой вытаскивал он тяжёлые сети.

Лодка его чуть ли не до половины была полна рыбой, и он уже радовался, подсчитывая, сколько муки и сала купит он на деньги, вырученные от продажи рыбы.

Он был так занят своим делом, что не заметил, как чёрные тучи затянули небо. Вдруг стемнело, налетел ураган, и поднялась такая буря, какой Маттиас не видывал отроду.

Отяжелевшую от груза лодку так и бросало из стороны в сторону. В конце концов бедняге пришлось выбросить за борт весь улов, чтобы не пойти ко дну вместе со своим богатством...

И всё-таки ему было нелегко удержаться на расхोдившейся волне.

Но недаром Маттиас прожил всю свою жизнь на море.

Много часов боролся он с бурей, ловко поворачивая лодку всякий раз, когда тяжёлые валы обрушивались на неё и морская пучина готова была её поглотить.

Время шло, а буря не утихала, и туман сгущался всё больше и больше. В какую сторону ни всматривался Маттиас — земли нигде не было видно. То ли его закружила буря, то ли ветер переменялся, только он понял, что его несёт в открытое море.

Он плыл и плыл, а куда — и сам не знал.

Вот так всё и было.

И вдруг среди грохота волн и воя ветра где-то перед носом лодки раздался хриплый крик вóрона.

Сердце у Маттиаса сжалось.

«Это, верно, морской дух поёт мне погребальную песню,— подумал рыбак.— Видно, пришёл мой последний час...»

В мыслях своих он стал прощаться с женой и детьми и готовиться к смерти.

А карканье слышалось уже совсем рядом.

Маттиас поднял голову. Перед самым бортом мелькнуло что-то чёрное, и он увидел на обломках мачты трёх огромных воронов.

Но в это время сильная волна подхватила его лодку и понесла дальше.

Скоро Маттиас уже не мог бороться с бурей. Ослабевшие руки не справлялись с рулём. От голода и жажды он совсем обессилел. И кончилось тем, что он закрыл глаза и заснул, опустив голову на руль...

Очнулся Маттиас оттого, что ему почудилось, будто лодка его коснулась берега и тихо покачивается на месте.

Он вздрогнул и поднял голову.

Тучи разошлись. Сквозь разрывы облаков проглядывало солнце и своими яркими лучами освещало прекрасную землю. Склоны холмов, покрытые бархатными лугами и золотыми нивами, спускались к самому берегу, а горы до самых вершин были одеты в зелёный лесной наряд.

Воздух был словно пропитан душистым запахом травы и цветов, и Маттиас вдыхал его всей грудью, словно это был сладкий живительный напиток.

«Теперь я спасён,— подумал Маттиас.— Это Ут-Рёст!»

Он вытащил лодку на песок и пошёл по тропинке, которая едва заметной ниточкой тянулась через ячменное поле. С удивлением смотрел Маттиас по сторо-

нам — никогда в жизни не видел он таких тяжёлых налитых колосьев.

Тропинка привела его к низенькой землянке, покрытой свежим дёрном. На её зелёной крыше паслась белая коза с золотыми рогами и шёлковой шерстью. А перед землянкой на почерневшей колоде сидел маленький старичок в голубом кафтане и курил трубку. Борода у него была такая длинная, что свешивалась чуть не до самых колен.

— Добро пожаловать, Маттиас, к нам на Ут-Рёст,— сказал старичок.

— Пусть счастье никогда не покинет эту землю, отец,— сказал Маттиас.— Но разве ты меня знаешь?

— А как же мне тебя не знать? Конечно, знаю,— сказал старичок.— Может, погостишь у нас?

— С радостью, отец,— ответил Маттиас.

— И мы хорошему человеку всегда рады,— сказал старичок.— Скоро и сыновья мои вернутся. Да ты не видел ли их в море?

— Нет, отец, никого я в море не видел, кроме трёх воронов.

— Да ведь это мои сыновья и были,— сказал, посмеиваясь, старик. Он выколотил свою трубочку и встал.— Ну входи, входи, добрый человек. Небось проголодался, пить-есть хочешь.— И он открыл перед Маттиасом дверь своей землянки.

Маттиас переступил порог, да так и застыл на месте от удивления. В жизни своей не видел он сразу столько всякой еды. Стол прямо ломился под тяжестью мисок, плошек, горшков, кувшинов. И чего только в них не было! И жареное, и варёное, и солёное, и копчёное, и творог, и сметана, и сыр, и паштет, и целая гора бергенских баранок, и вино, и пиво, и мёд!..

Маттиас ел без усталости, пил без отдыха, и всё равно тарелка перед ним всё время была будто нетронутой, а стакан ни на минуту не оставался пустым.

Сам старичок хозяин ел немного, говорил и того меньше и всё на дверь поглядывал.

Вдруг снаружи зашумели, захлопали сильные крылья, и послышалось хриплое карканье.

Дверь с шумом отворилась, и в землянку вошли три рослых, плечистых парня — один выше другого.

— Вот они, мои сыновья! — сказал старичок с гордостью.

Маттиасу стало не по себе, когда он увидел этих здоровенных молодцов. Он поспешил встать из-за стола. Но братья снова усадили его и принялись потчевать наперебой.

Каждый из трёх братьев ел и пил за троих, а на столе ничего не убывало, словно никто не прикасался к еде.

Вино братья запивали пивом, пиво — мёдом, но никто из них не хмелел, а в кувшины чья-то заботливая рука всё время подливала питьё.

К концу ужина братья совсем подружились с Маттиасом. И, когда они встали наконец из-за стола, старший сказал Маттиасу:

— Ну, приятель, ложись отдыхать. Завтра на рассвете мы выйдем на лов и тебя возьмём с собой. Не возвращаться же тебе домой с пустыми руками!

На другое утро, чуть свет, они вышли в море.

Едва лодка отчалила от берега, как поднялась страшная буря.

Старший брат держал руль, средний держал парус, а младший сидел на носу.

Маттиасу дали большой черпак, чтобы он вычерпывал воду. Ну и пришлось же ему поработать! Черпак так и мелькал у него в руках. И, если бы Маттиас не был весь мокрый от воды, он давно бы промок от пота.

Лодка неслась под всеми парусами, и братья даже не приспустили их, а когда воды в лодке набиралось очень уж много, братья ставили её так, чтобы она накренилась на бок и вода водопадом стекала с кормы.

Наконец буря утихла — так же внезапно, как на-

чалась. Братья достали свои рыболовные снасти и закинули в море. И Маттиас закинул свою сеть.

Рыбы в этих местах водилось столько, что братья то и дело вытягивали полные сети, и только сеть Маттиаса как была, так и оставалась пустой.

— Что же это у тебя, приятель, дело неладится? — сказал старший брат и переглянулся с младшими. — Ведь рыбы кругом довольно.

— Рыбы-то много, да удачи мало, — ответил Маттиас.

— Может, у тебя сеть негодная? — сказал средний брат.

А младший прибавил:

— Возьми-ка вот эту! Она у нас запасная.

Маттиас закинул новую сеть, и не успела она погрузиться в море, как её уже надо было вытаскивать. За всю свою жизнь он не выловил столько рыбы, сколько выловил теперь за один раз.

Когда лодка была полна рыбой до краёв, братья опять поставили парус и повернули лодку к берегам своего чудесного острова.

Подул попутный ветер, и лодка скользила по волнам так же легко и быстро, как и тогда, когда она шла порожняя.

Вернувшись на берег, братья вместе с Маттиасом вычистили рыбу и развесили на вёшала — сушиться и вялиться.

А на другой день снова вышли в море... И в какую бы сторону они ни плыли, ветер всегда был для них попутный, а рыба словно поджидала их сети.

Целую неделю прожил Маттиас на Ут-Рёсте и наконец стал собираться домой.

Хозяева не удерживали его.

Они отдали ему всю рыбу, которую наловили в тот день, да сверх того подарили ему на прощанье новый восьмивесельный бот и в придачу к нему мешок муки, целую штуку тонкой парусины, бочонок сала и ещё много всякого добра.

Маттиас не знал, как и благодарить старика и его сыновей.

— Век не забуду вас и вашу счастливую землю, — говорил он кланяясь.

— А не забудешь, так милости просим к нам опять на ту весну, — сказал старичок. — Поедешь с нами рыбу продавать. К твоему приезду она как раз высушится.

— Да как же мне вас в другой раз найти? Нынче-то меня буря к вам забросила.

— А ты следуй за вороном, когда он прямо в открытое море летит, вот и найдёшь нас, — сказал старичок. — Ну, попутного тебе ветра! Прощай!

И не успел Маттиас отчалить от берега, как Ут-Рёст скрылся в тумане. Кругом, куда ни посмотришь, без конца и без края простиралось море.

Попутный ветер подхватил лодку Маттиаса и понёс к родным берегам.

* * *

Весь год прожил Маттиас дома без горя и забот.

А весною, чуть только миновали зимние бури, он снова снарядил свою лодку и вышел в море.

Сразу же над его парусом закружился ворон.

Ворон хрипло крикнул три раза и полетел, показывая Маттиасу путь к берегам Ут-Рёста...

У причалов чудесного острова уже стоял наготове корабль.

Маттиас никогда не видел такого большого, богатого корабля.

Он был до того велик, что от носа до кормы не долетал человеческий голос, и поэтому посередине корабля стоял матрос, который, услышав команду штурмана, передавал её рулевому. Да и то обоим приходилось кричать во всё горло.

Хозяева Ут-Рёста уже погрузили на корабль рыбу своего улова, и теперь оставалось только снести в трюм долю Маттиаса.

Но сколько ни снимали рыбы с вёшал, на которых она сушилась, рыбы на вёшалах не становилось меньше. На Ут-Рёсте ни в чём не бывает убыли.

Наконец трюм был набит доверху и корабль отчалил.

В Бёргене Маттиас удачно продал свою рыбу и на вырученные деньги, по совету старика, купил двухмачтовое судно со всем рыболовным снаряжением.

— Ну, Маттиас,— сказал хозяин Ут-Рёста, прощаясь с ним,— пришло время нам расставаться. Ты нас больше не увидишь. Но, пока сердце у тебя доброе, а душа отважная, мы будем стоять подле тебя у руля, своими плечами подпирать мачту, когда буря будет гнуть её, вместе с тобой будем закидывать сети. И счастье не покинет тебя!

Так оно с тех пор и пошло.

Какое бы дело ни начал Маттиас, удача ни разу не изменила ему, а беда далеко обходила его дом на суше и корабль на море.

И всегда, когда он вёл свой парусник по беспокойным морским волнам, когда он закидывал свои сети и вытаскивал их, чьи-то невидимые руки помогали ему держать руль, ставить паруса и тянуть сеть.

Правда, никогда больше не довелось ему увидеть волшебный остров и его щедрых хозяев, но каждый год, в тот самый день, когда буря принесла его к чудесным берегам Ут-Рёста, он убирал парусник разноцветными флагами и зажигал огни в честь своих невидимых друзей.

Рассказы Берты Туппенхаук

Лиса-обманщица была наконец убита, шкурка с неё снята, и в домике у старосты мы справили по рыжехвостой шумные поминки. Время стояло глухое, осеннее, за день все порядком устали, поэтому никто не хотел долго засиживаться. Когда пробило одиннадцать, все стали собираться по домам. Староста предложил мне лошадь. Это было очень любезно с его стороны, но я отказался. Прѣзжая дорога делала большой круг, и я предпочёл идти на лыжах напрямик через лес.

И вот с ружьём и с лисьей шкуркой за спиной я отправился в путь.

Лыжная тропа была отличная. Днём немного подтаяло, вечером подморозило, и глубокий снег покрылся плотным настом. В небе светил месяц и весело подмигивали звёзды. Что ещё может желать путник?

Я быстро мчался по лесистым холмам и берёзовым рощам. Вершины деревьев, побелевших от инея, переплетались ветвями, и над головой у меня сверкал блестящий серебряный свод. Было очень тихо. Лишь изредка раздавалось то уханье совы, то визгливый лай лисиц, затеявших драку, то лопотанье зайца — может, он жаловался на стужу, а может, испугался крика совы.

А потом опять всё стихало. И только шарканье лыж нарушало тишину ночи.

Вдруг, где-то совсем близко, послышался скрип полозьев, и вскоре со мной поравнялись лёгкие низенькие сани.

Я посторонился, чтобы дать дорогу, но незнакомец, сидевший в санях, придержал лошадь и заговорил со мной.

По ружью и лисьей шкурке у меня за плечами и по моей охотничьей шапочке он сразу догадался, что я охотник, и сказал, что только что, когда он ехал вдоль высокого берега реки, он видел стаю волков. Волки шли по льду на эту сторону. Если я потороплюсь, то, пожалуй, успею их догнать.

Поблагодарив его, я двинулся дальше в путь.

Крутой склон холма, спускавшийся к реке, порос еловым лесом и густым кустарником. Лыжи сами несли меня вниз, ветки хлестали по лицу, в глазах всё мелькало и рябило. Я летел вихрем, не различая дороги, ничего перед собой не видя, и, прежде чем успел что-нибудь сообразить, наскочил на пень.

Одна из лыж сломалась, ружьё отлетело в сторону, а я сам растянулся на снегу, да так, что с головой зарылся в сугроб.

Несколько минут пролежал я оглушённый. Потом попробовал встать, но почувствовал такую сильную боль в левой ноге, что не мог сделать и шагу.

Кое-как, ползая на коленях, я обшарил кругом снег и наконец нашёл своё ружьё. Опираясь на него, как на палку, я спустился вниз к реке.

Тут я притаился за бугром и с нетерпением охотника стал поджидать волков. Скоро они появились. Их было пять, они медленно шли друг за другом по берегу. Подпустив стаю шагов на сорок, я нажал правый курок моей двустволки. Ружьё дало осечку. Нажал левый курок, но слишком поспешно—порох вспыхнул, и пуля ударилась о вершину ели, стоящей на другом берегу.

Испуганные волки, вытянув хвосты, полным ходом умчались в глубь леса.

Раздосадованный, вылез я из своего убежища и, поминая недобрым словом проезжего, поплёлся по берегу, пытаюсь понять, где же я нахожусь. К великой моей радости, я скоро заметил на другом берегу лёгкий дымок, поднимавшийся над верхушками деревьев, и крышу, мелькнувшую между елями.

Ну, наконец-то знакомые места! Это мыза Туппенхаук. Хозяин её работает в том самом имении, где я живу.

Домик весело светился в темноте всеми своими оконцами. С трудом, сильно хромая, я перебрался на другой берег, еле-еле дотащился до двери, толкнул её и вошёл в комнату, облепленный снегом с головы до ног.

— Силы небесные! Кто это? — испуганно вскрикнула старая Берта Туппенхаук и выронила нож, которым она резала окорок.

— Добрый вечер, Берта, — сказал я. — Да ты не бойся! Разве ты не узнаёшь меня?

Берта всплеснула руками:

— Ах, это вы, господин студент!.. Ну, и напугали же вы меня! Смотрю — дверь открывается, и на пороге стоит кто-то белый... А время-то глухое, самая полночь.

Я рассказал ей в двух словах о том, что со мной случилось, и попросил послать кого-нибудь из её сыновей в имение за лошадью и санями.

— Ну, не правду ли я говорила, что волков лучше не трогать, — проворчала старуха. — Сколько раз предупреждала — не ставьте на волков капканы, не то худо будет! Да мне не верили. А вот и Пер Нёрдигорен в прошлом году сломал себе ногу, а нынче — вы!.. Теперь небось все поверят старой Берте. Да уж кто-кто, а волк никому не прощает обиды...

И, бормоча что-то себе под нос, она направилась в угол, где стояла большая кровать. Оттуда по всему дому разносился разноголосый семейный храп. Старая Берта наклонилась над белокурым пареньком, лежащим с краю, и принялась его будить.

— Вставай, вставай, маленький Ула! Надо сходить в имение за лошадью для господина студента. Вставай, говорю!

— А-а-а! — сладко зевнул белокурый Ула и повернулся на другой бок. Он любил хорошо поспать и

не видел необходимости отказывать себе в этом удовольствии из-за всяких пустяков.

Прошла целая вечность, пока он вздыхал, зевал, что-то невнятно бормотал и протирал глаза. Наконец он вылез из-под разноцветного тряпья, натянул штаны, влез в куртку. Но парень никак не мог взять в толк, что от него требуется, и только когда ему было обещано несколько монет за труды, в голове у него слегка прояснилось.

Пока Берта вела переговоры с сыном, я осмотрелся по сторонам. Чего только не было в этой хижине! И ткацкий станок, и прялка, и старые колоды, служившие, как видно, вместо стульев, и мётлы, и кадки, и полуобтёсанные топорища, и куры на насесте, и мушкет на стене, и сохнувшие чулки под потолком, и ещё множество разных вещей — всего не перечесть.

Выпроводив за дверь парнишку, Берта уселась рядом со мной возле очага.

Она была в праздничном наряде — синяя кофта, обшитая блестящей шёлковой тесьмой, чёрная юбка в складку, чепец с развевающейся сзади кисей.

Лицо у Берты было широкое, скуластое, кожа отливала желтизной, раскосые глаза смотрели так, что казалось, будто они пронизывают насквозь. Увидев её, каждый сказал бы, что она похожа на колдунью. А что касается жителей округи, так никто в этом и не сомневался.

— Послушай, Берта, уж не ждёшь ли ты гостей? — спросил я. — Очень уж ты принарядилась!

— Нет, я никого не жду, — сказала Берта. — Я сама вот только домой вернулась. Знаете, как бывает: идёшь к одному, а по дороге позовут ещё пятеро — того лихорадка трясёт, этот ногу повредил, у кого ребёнка сглазили, у кого лошадь занемогла. А кто поможет? Берта! Всё Берта!

— Скажи, а вывихи и ушибы ты тоже умеешь лечить? — спросил я с самой серьёзной миной.

— А как же! Сколько над беднягой Нордигоре-

ном мудрили все эти учёные доктора,— сказала Берта с усмешкой,— а на ноги он стал всё-таки тогда, когда за дело взялась старая Берта! Если господин студент не гнушается, я могу полечить и его. У меня как раз на такой случай есть наговорная водка.

— Сделай одолжение! Я не сомневаюсь, что только ты мне поможешь! — сказал я. Очень уж мне хотелось выведать её знахарские хитрости.

Берта подошла к старому, рассохшемуся шкафу и достала оттуда пузатую бутылку и рюмку на деревянной ножке.

Наполнив рюмку до краёв, она стянула с моей больной ноги сапог, а потом, наклонившись над рюмкой, стала что-то бормотать. А так как она была глуховата, то ей, верно, казалось, что она говорит очень тихо. Поэтому я от слова до слова услышал таинственное заклинание, которое Берта ни за какие деньги не открыла бы мне, если бы я стал её просить. Для успеха колдовства это заклинание надо повторить трижды, и я его отлично запомнил.

Воздух,
Вода,
Земля
И огонь!
Ногу сломал
Необъезженный конь.
Жилы срастутся,
Смешается кровь,
Всё, что разорвано,
Свяжется вновь!¹

Берта то вставала, то снова садилась и, повторив заклинание в третий раз, плюнула на все четыре стороны. Потом быстро вылила водку на ушибленное место и стала осторожно растирать мою распухшую ногу. От холодной водки и от растирания мне сразу стало легче. Чтобы знать эту премудрость, и вправду

---

¹ Стихи в свободном переводе С. Я. Маршака.

не надо быть доктором! Но я не хотел огорчать добрую старушку.

— Спасибо, Берта! Кажется, твоё заклинание уже помогает,— сказал я.— Может, ты мне выдашь секрет, скажешь, как ты заговариваешь водку?

— Нет-нет, и не просите,— поспешно ответила Берта.— Тому, кто научил меня этому делу, я поклялась страшной клятвой не открывать его тайны ни одному человеку.

— Да кто же это такой был? Верно, настоящий колдун? — допытывался я.

— Колдун не колдун, а с любым колдуном мог поспорить,— ответила Берта.— Это был мой дядя, брат моей матери, Масс. Он умел заговаривать любую болезнь, останавливать кровь и даже находить краденое. Нечего греха таить, случалось ему не только лечить, но и насылать всякие хворости. Вся округа его побаивалась... Да, никто не станет спорить — большого ума был человек!.. А всё-таки и он не уберёгся от порчи!..

— Как так? Расскажи, пожалуйста, если это не тайна,— пристал я к ней.

Старая Берта помолчала с минуту и начала рассказывать.

— Может, вы мне и не поверите,— сказала она, поглядев на меня искоса,— но я своими собственными ушами слышала от дяди Массы эту историю. Случилось это давно, когда я ещё девчонкой была. Дядя Масс жил тогда в Кнэ,— знаете Кнэ, что в Хюрдальской долине? Он был дровосек и часто уходил в горы рубить лес да и оставался там по несколько дней подряд.

Для дровосеков это дело привычное. Устроят себе шалаш из сосновых веток, разложат перед входом огонь и спят себе как дома.

Однажды дядя Масс работал в лесу с двумя товарищами.

Только что повалил он огромное дерево и присел на пень отдохнуть, вдруг видит: прямо под ноги ему

катится большой клубок пёстрых ниток. Дядя Масс удивился. В самом деле, откуда в дремучем лесу взяться клубку пёстрых ниток? Дядя Масс долго не решался даже дотронуться до него (и лучше бы ему никогда до этого клубка не дотрагиваться!), но что там ни говори, а любопытство всё-таки разобрало его. Поглядел он направо, налево, поднял голову вверх и видит — неподалёку от того места, где он только что повалил сосну, на уступе скалы сидит девушка. Сидит себе и шьёт.

Никогда ещё — ни во сне, ни наяву — не приходилось ему встречать такой красавицы. Смотрит он на неё во все глаза и пошевелинуться не может.

А она усмехнулась, повела бровью и говорит таким голосом, будто ручей журчит:

«Что же ты стоишь? Поддай мне мой клубок!»

Дядя Масс поднял клубок, подал ей, а сам всё глядит, глядит на неё, глаз не оторвёт.

Наконец опомнился, схватил топор и снова принялся за работу. Да какая уж тут работа! Машет топором, а у самого красавица из ума не идёт. Наконец не выдержал он и опять глянул вверх. Что за диво! На скале уже никого нет. Исчезла его красавица, будто на крыльях улетела.

Целый день ходил он сам не свой. Всё по сторонам оглядывался, красавицу свою искал. И ночью — товарищи его как легли, так и уснули, а ему не спится. Лежит и всё чего-то ждёт. И дождался-таки!

Вошла она в шалаш неслышным шагом, взяла его за руку и повела за собой. Даже не спросила — хочет он идти или не хочет. А он идёт и сам не понимает зачем, а всё-таки идёт... Привела она его к каменной горе. Там, в подземной пещере, было её жильё. Да ведь какое! Дядя Масс говорил, что и слов-то таких нет, чтобы описать тамошнее богатство!

Три дня прожил в подземном дворце дядя Масс, три дня праздновал свою свадьбу с лесной красавицей.

А на четвёртый день проснулся, открыл глаза — глядь, лежит он снова в своём сосновом шалаше подле товарищей. И ни красавицы, ни дворца — ничего нет!

Встал дядя Масс и поскорее взялся за топор. Товарищам ничего не рассказывает. Да и они его не спрашивают. Думают: верно, кончились у него припасы, он и ходил домой в Кнэ за хлебом да сыром, вот и всё.

А только с той поры стали они примечать за ним что-то неладное. Сидит он как ни в чём не бывало у костра, чинит что-нибудь или топор направляет, да вдруг как вскочит ни с того ни с сего и убежит в лес, будто его кто позвал...

А его и вправду позвали, только другим не слышать.

Воротится он из лесу и сядет где-нибудь в сторонке, подальше от людей. Молчит, смотрит в землю, усмехается. А спросят его: да что с тобой, Масс, где ты был? — только отвернётся да отмолчится — вот и весь ответ. Совсем околдовала его лесная жена...

Однажды рубил он колья для изгороди.

Только что повалил он дерево и забил клин, да так ловко, что расщепил ствол во всю длину, вдруг видит — выходит из чащи его красавица.

В руках у неё серебряное ведро. И несёт она ему в этом ведре обед — похлёбку из сметаны. Такую густую, жирную, вкусную — просто объедение!..

Уселся он на пенёк, поставил перед собой ведро, а жена напротив — на расщеплённое дерево присела.

Да не пришлось Массу этой похлёбки попробовать. Едва взялся он за ложку, смотрит — что такое? — из щели ствола, на котором сидит его жена, высовывается кончик хвоста... Тут Масса точно громом ударило.

Так вот оно что! Значит, жена-то его попросту русалка, нечисть лесная!

Вскочил он, вышиб с одного удара клин из дерева и защемил русалочий хвост.

Заметалась русалка, как лисица в капкане, оборвала хвост — и бежать.

Он даже глазом моргнуть не успел, а её и след простыл.

Стоит дядя Масс как вкопанный и только шепчет: «Сгинь! Пропади! Сгинь! Пропади!»

Сколько он так стоял, он и сам не помнил. Потом очнулся, смотрит: вместо серебряного ведра — перед ним корзина из берёсты, а вместо сметанной похлёбки — болотная тина со всякими там пауками, слизняками да головастиками.

С той поры дядя Масс никогда не заглядывал в этот лес. Очень уж он боялся, чтобы русалка в отместку не оборотила его в зверя, в птицу или просто в трухлявый пенёк. Они это умеют!

Прошло пять лет. И вот раз отправился дядя Масс разыскивать пропавшую лошадь. Шёл он, шёл и забрёл в тот самый лес. Просто ли он с дороги сбился или нечистая сила его заманила, а только попал он в такую чащу, в какой ему отроду бывать не приходилось. Глушь да темь.

И стоит в этой глуши маленькая хижина. От земли до крыши мхом обросла. И кому охота в таких дебрях жить!..

Заглянул дядя Масс в окошко, видит: хозяйничает в хижине какая-то женщина. Не поймёшь — старая или молодая, — уж больно безобразна.

Месит женщина какое-то тесто зелёное. А в углу сидит ребёнок лет четырёх — весь в мать лицом.

И вдруг оставила женщина работу, налила в кружку пива и говорит ребёнку:

«Вынеси-ка пива твоему отцу! Вон он там стоит, под окном».

Как услышал это дядя Масс, так и бросился бежать без оглядки! И только тогда дух перевёл, когда затворил за собой дверь своего дома в Кнэ и запер её на засов.

С тех пор дядя Масс никогда уже не ходил в горы и даже из Кнэ навсегда уехал, чтобы только подальше быть от тех мест...

А всё-таки, — закончила свой рассказ старая Берта, — даром это ему не прошло. Так и остался он с той поры и до конца дней своих словно не в себе. Большого ума человек, а с придурью!..

— Да он, может быть, так с придурью и родился, твой дядя Масс из Кнэ, — сказал я. — И уж что там ни говори, а в колдовстве он не много смыслил. Ну, что это за колдун, если сам не может уберечься от порчи!

Берта, может быть, и была в душе со мной согласна, но продолжала уверять, что такого умелого знахаря, как её дядя, и не было и не будет.

Я не стал с ней больше спорить, потому что мне хотелось услышать от неё ещё какую-нибудь чудесную историю.

И в самом деле старая Берта разговорилась.

Я набил трубку, закурил от горячей лучины, которую протянула мне Берта, и приготовился слушать.

— Да уж если русалки и тролли вздумают обморочить человека, — сказала Берта, — так будьте спокойны, они вам так отведут глаза, что вы самого себя не узнаете. Вот послушайте, что случилось однажды в городке Мельбу.

Как-то летом погнали девушки коров и коз на горные пастбища в Халланд.

Сначала всё было хорошо, но через несколько дней скот ни с того ни с сего начал беситься. Сладу с ним никакого не было. Девушки просто из сил выбились, гонясь за одичавшей скотиной.

Они уже не знали, что им и делать: гнать ли стада обратно в Мельбу или звать кого-нибудь на помощь. Но тут к ним на горное пастбище пришла ещё одна девушка из их селенья. По всей округе она считалась первой красавицей и была только что просватана.

И что ж вы думаете — стоило этой девушке показаться в горах, как скотина сразу успокоилась — и коровы, и овцы, и козы.

Пасти их стало так легко, что девушка уговорила подруг вернуться домой, а сама вместе со своей люби-

мой собакой осталась в горах присматривать за стадом.

Однажды сидела она после полудня у себя в хижине и пряла шерсть.

Вдруг дверь открывается и входит её жених.

Девушка удивилась. Она не ждала его в эту пору. А он как ни в чём не бывало садится возле неё на лавку и говорит, что решил не откладывать свадьбу на осень, а справить её сегодня же, здесь, на горном пастбище. Он уж и гостей позвал — всех родных и соседей.

Девушке бы радоваться, а у неё почему-то на сердце словно тяжёлый камень лежит.

А тут уж и гости стали съезжаться. Накрыли свадебный стол, устали его серебром, подали всякие кушанья.

Подружки подвенечное платье принесли и венец с алмазами.

Убрали они невесту как полагается и по старинному обычаю надели ей на голову венец, а пальцы унизали кольцами.

Все вокруг будто знакомые: родня, подруги, соседи, соседки... А девушке почему-то не по себе. И верный её пёс словно почуял недоброе — поджал хвост, ворчит, пятится от гостей. А когда невесту усадили за стол, он выскользнул из хижины и опрометью кинулся вниз — в Мельбу.

Прибежал — и давай бросаться от человека к человеку. Лаает, дёргает всех за полы, тянет за собой. Ну, люди и поняли, что в горах какая-то беда случилась.

Мигом собрались, захватили что под руку попало — топоры, палки, косы — и пошли в горы. А впереди всех — кто бы вы думали? — жених той девушки с ружьём в руках.

Первым на гору взобрался, первым подкрался к хижине да и заглянул в дверную щёлку.

И что же он видит? За накрытым столом сидят его родичи и соседи — те самые, что следом за ним бегут

сюда с палками да косами. А во главе стола, рядом с невестой, сидит он сам в праздничной одежде. Пьёт, ест, смеётся...

— Ну, вот видишь,— перебил я Берту,— а ты говорила, что если русалки и тролли захотят обморочить человека, так он сам себя не узнает. А жених-то ведь узнал, где он, где не он...

— Ну и что ж, что узнал? Зато невеста не узнала, где он, где не он. А это небось похуже, — ответила Берта.— Да вы слушайте, что дальше было.

Парень сразу смекнул, что это горные тролли приняли человеческий образ, чтобы украсть у него невесту.

Недолго думая вскинул он ружьё и выстрелил прямо в потолок.

В ту же минуту дверь хижины с треском распахнулась и оттуда прямо ему под ноги покатались какие-то лохматые клубки — один другого больше.

Не помня себя, жених ворвался в комнату и увидел свою невесту одну за свадебным столом в полном подвенечном уборе. Только на пальце у неё не хватало венчального кольца.

Весь стол был уставлен старинной серебряной посудой. А на блюдах и в чашах горами лежала всякая дрянь — ядовитые грибы, пауки, лягушки, змеи...

«Да что тут такое делается? — закричал жених не своим голосом.— И почему ты в подвенечном наряде?»

«Но ведь ты сам уговорил меня сегодня венчаться», — отвечает невеста.

«Я? — спрашивает жених.— Да это был такой же я, как эта жаба — свадебный пирог. А вот теперь я — и вправду я».

«Да посмотри — вон и гости, которых ты сам привёл», — говорит девушка и показывает за окно.

А там уже весь народ собрался.

Жених только смеётся. «Я, мол, этих гостей для того-то и привёл, чтобы тех гостей прогнать».

Мало-помалу девушка стала понимать, что с ней случилось, и рассказала всем, как отвели её глаза горные духи...

Были там и такие люди, которые, как вы, не очень-то верили в духов,— посмеиваясь, сказала Берта.— Да хочешь не хочешь, поверишь, когда на столе в простой пастушьей хижине стоит серебряная посуда, а на голове у деревенской девушки сияет алмазный венец.

Не мешкая долго, жених увёл свою невесту вниз, в Мельбу, и, чтобы никакому троллю не взбрело больше на ум украсть у него невесту, в тот же день обвенчался с ней, благо она уже была в свадебном наряде.

Пир был на славу. Невеста сидела за столом в том самом уборе, что принесли тролли. Только на этот раз угощение было получше, чем пауки да гадюки...

— Да, я слышал где-то эту историю,— сказал я.— Только мне говорили, что это случилось не в Халланде, а в Вальдресе,— прибавил я, чтобы немножко подразнить Берту.

Но старую Берту не так-то легко было смутить.

— Так это уже совсем не то! — сказала она.— Вы, наверно, думаете про девушку, по имени Барбру. Ей тоже горные духи чуть не отвели глаза, только это совсем другая история.

— Какая же? — спросил я.

— А вот какая. Однажды шла Барбру в горах и вдруг слышит такой громкий голос, будто сама гора заговорила.

«Король Хакен! Король Хакен!»

«Здесь я!» — отвечает голос из другой горы, да такой гулкий, что земля под ногами у неё задрожала.

«Король Хакен, сын мой, не хочешь ли ты жениться?» — спрашивает первый голос.

А второй отвечает:

«Только на Барбру!»

«Будет по-твоему».

Так оно и случилось. Не успела Барбру шагу сделать, как вдруг одна гора раскрылась, и оттуда вышли девушки со свадебным убором в руках. Окружили они Барбру и стали обряжать её к венцу. А Барбру точно оцепенела — что ей говорят, то и делает.

Тем временем из другой горы выехали всадники на чёрных лошадях с гривами по самую землю. Впереди всех ехал сам король Хакен, весь в золоте и серебре.

Так бы и увели тролли бедняжку Барбру в свои подземные пещеры, да, на её счастье, неподалёку в горах охотился её жених.

Потом он рассказывал людям, что ни с того ни с сего стало ему вдруг так тяжело, так беспокойно, будто кто ему на ухо шепнул: торопись, не то беда будет!

Бросился он бежать. Сам не знает, куда бежит, а ноги его несут прямо туда, где его невесту венчают с королём Хакеном.

Прибежал он, видит: стоят чёрные лошади под старинными сёдлами, какие-то люди толпятся, праздничные столы готовят. А девушки наряжают Барбру к венцу. Убрали её как полагается и подвели к своему королю.

«Всё готово,— говорят. — Только надо ей глаза отвести».

Тут жених сорвал с плеча ружьё, зарядил его — да не пулей, а старинной дедовской пуговицей — и выстрелил прямо в короля Хакена. Тот сразу упал как подкошенный. А в горах застонало, загудело, и вся земля затряслась.

Тролли подхватили на руки своего короля и в один миг исчезли в расселине скалы. А со стола запрыгали лягушки, поползли во все стороны черви да змеи и всякая прочая нечисть.

Только подвенечный убор и блюдо из литого серебра так и остались у Барбру. А потом они перешли к её дочке, а от дочки — внучке. Не верите — пойдите, сами поглядите.

...Берта могла бы рассказывать без конца, но в это время за окошком послышался скрип полозьев и фыркание лошадей. Это за мной приехали из имения.

Я распростился с Бертой, поблагодарил её за рассказы, дал несколько монет за лечение и отправился домой.

Холодные примочки и спиртовые компрессы очень помогли мне. Через несколько дней я опять бегал на лыжах как ни в чём не бывало.

Старая Берта приходила навестить меня. Она несколько не удивилась, узнав, что я уже здоров, и не без гордости сказала на кухне:

— Что ж, тому, кто знает тайные заклинания дяди Масса из Кнэ, не трудно вылечить ушибленную ногу. Мне и сломанные доводилось лечить...

Тут ребятишки, которым я уже успел рассказать, как лечила меня Берта, окружили её и со смехом запели:

Воздух,
Вода,
Земля
И огонь!
Ногу сломал
Необъезженный конь.
Жилы срастутся,
Смешается кровь,
Всё, что разорвано,
Свяжется вновь!

Старая Берта сначала очень рассердилась и дня три не показывалась у нас в имении. Но в конце концов мы с ней помирились, и она рассказала мне ещё немало чудесных историй.

Однако уже никогда больше не открывала она мне секретов своего колдовства и не произносила при мне — ни вслух, ни шёпотом — таинственных заклинаний дяди Масса из Кнэ.

Королевские зайцы

У одного старика было три сына. Старшего звали Пер, среднего — Поль, а младшего Эспен, по прозванию Лежебока. Хотя, если правду говорить, все трое были порядочные лентяи. Делать они ничего не хотели, потому что для всякой работы они, видите ли, были слишком хороши, а для них всякая работа была слишком плоха.

Как-то раз услышал старший брат Пер, что король ищет пастуха для своих зайцев, и говорит:

— Вот эта работа по мне! Ни забот, ни хлопот. Зайцы ведь не коровы, не лошади: их ни купать, ни поить, корму им не задавать... А честь не малая—как-никак самому королю служишь!

Отец стал его отговаривать:

— Да куда тебе, сынок, в пастухи наниматься! Зайцев пасти — не то что галок в небе считать. Ты вот с утра до вечера на лежанке валяешься, так тебе с боку на бок и то повернуться лень, а пойдёшь в заячьи пастухи — только успевай во все стороны поворачиваться.

Но сколько ни говорил отец — только напрасно слова тратил. Уж если Пер что-нибудь вбил себе в голову, значит, так тому и быть. Вскинул он дорожный мешок за плечи и пошёл наниматься к королю.

Шёл он, шёл и зашёл так далеко, что дальше, кажется, уж некуда. Вдруг видит: у самой дороги стоит пень, а возле пня — старуха. Топчется старуха на одном месте, а огойти не может, будто кто её привязал. Только на самом деле никто её не привязывал, а просто это нос у неё в расщелину попал — вот ей и не отойти от пня.

Как увидел это Пер — давай хохотать!

Рассердилась старуха.

— Ну чего зубы скалишь? — говорит. — Ты бы лучше помог мне. Вот уж сто лет прошло, а я дальше своего носа ничего не вижу. Крошки во рту не держала, маковой росинки не отведала.

Пер захохотал пуще прежнего.

— Вот это потеха так потеха!.. Ну, коли ты сто лет терпела, так можешь ещё сто потерпеть! — сказал Пер. И пошёл дальше.

Наконец пришёл он в королевский замок и потребовал, чтобы его провели прямо к королю.

Король сидел на золотом троне в королевской короне и в мантии.

Он милостиво принял Пера, и они быстро обо всём сговорились. Работы от Пера не требовалось никакой — только пасти зайцев, — а еду и жалованье король назначил ему прямо королевские. Правда, король сказал, что, если хоть один заяц из его королевского стада пропадёт, у Пера вырежут из спины три ремня, а самого его бросят живым в змеиный ров. Ну да Пера не так-то легко было запугать. Он и слушать про это не стал и сразу потребовал себе королевский ужин.

На другой день Пер отправился пасти зайцев.

Зайцы оказались послушными и смиренными, как ягнята. Они чинно шли по лугу, и ни один не отбился от стада даже на полшага. Но едва только Пер дошёл со своим стадом до леса, как зайцы — словно следом за ними неслась стая гончих — бросились врассыпную кто куда.

Пер с ног сбился, гоняясь за ними, — да где там! Разве зайца догонишь!

Целый день бегал Пер по холмам, по горам, но не поймал даже самого маленького зайчонка. Так и вернулся он в королевский замок один, без стада.

А в замке его уже поджидал палач с острым ножом в руках. Палач вырезал у Пера из спины три ремня и бросил его в змеиный ров.

Одним словом, что король пообещал, то Пер и получил.

Прошло немного времени, и стал средний брат Поль собираться в путь-дорогу. Тоже лёгкой работы захотел.

Уж как только отец его не отговаривал! Но Поль, так же как и Пер, и слушать его не стал.

Вскинул Поль дорожный мешок за спину и пошёл наниматься в королевские пастухи.

Ну, про это и рассказывать долго не стоит. Всё, что случилось с Пером, случилось и с Полем.

По дороге увидел он ту же самую старуху и пожелал ей — так же как и его старший братец — простоять, не сходя с места, ещё сто лет.

Потом он пришёл в королевский замок, нанялся в пастухи, утром вышел из ворот замка со стадом, а вечером вернулся в королевский замок без единого зайца.

Ну и дальше всё было точь-в-точь, как с его старшим братом: вырезали у Поля из спины три ремня и бросили самого его в змеиный ров.

Пришло время Эспену собираться в путь.

— Чем я хуже братьев? — говорит Эспен. — Зайцев пасти — дело нетрудное. Лежи себе, полёживай, грейся на солнышке да по сторонам поглядывай. От такой работы грех отказываться.

— Да что ты, сынок! — говорит ему отец. — Не берись не за своё дело, не по тебе эта работа. За таким зверем, как заяц, не то что бегать — птицей летать надо. А ты, как муха, прилипшая к смоле, ползаешь. К ногам у тебя словно гири стопудовые привязаны. Зайца поймать — не то, что блоху рукавицей убить. Пропадёшь ты, как пропали твои старшие братья. Лучше бы ты дома сидел. А работа тебе и здесь найдётся.

Но Эспена не так-то легко было уговорить.

Недолго думая вскинул он дорожный мешок за плечи и отправился в путь.

Шёл он, шёл и порядком проголодался. Вдруг видит — у дороги стоит пенёк.

«Вот сяду я на этот пенёчек да и подкреплюсь немного», — думает Эспен.

Подходит — что за диво! — старуха носом в пенёк вросла.

— Добрый день, бабушка, — поздоровался с ней Эспен. — Что это ты тут стоишь? Носик свой об пенёк точишь?

— Какое там — нос точу! Хотела я себе щепок наколоть, обед сготовить, — говорит старуха, — да и попала невзначай носом в щель. Сто лет возле этого пня стою, сто лет не пила, не ела, и никто меня не пожалел, — ты первый ласковое слово сказал. Сослужи мне, добрый человек, службу, помоги нос вытащить, а я уж тебя отблагодарю, в долгу не останусь.

Ну, Эспен живо скинул мешок, вогнал в расщелину пня толстый клин, — старуха и вытащила нос.

— А теперь, бабушка, — говорит Эспен, — давай закусим. Самое время сейчас завтракать.

Достал Эспен из мешка хлеб и сало и протянул старухе.

Сами понимаете, уговаривать её не пришлось — за сто лет порядком проголодалась!

Поела старуха как следует и говорит:

— Ну, парень, ты меня пожалел, от беды избавил, и я тебя пожалею, от беды спасу. На́ вот, возьми эту дудочку. Эта дудочка не простая. Свистнешь в один конец — все от тебя мигом разбегутся, свистнешь в другой конец — все к тебе назад прибегут. Да к тому же эта дудочка никогда не потеряется: продашь ли ты её, или обронишь, или выманят её у тебя — она всё равно к тебе вернётся.

— Вот это подарок! — говорит Эспен. — Спасибо тебе, бабушка!

Он засунул дудочку поглубже за пазуху — потому что хоть и волшебная она, хоть и не мог её никто украсть, а всё-таки лучше её от чужих глаз подальше

припрятать, — потом распрощался со старухой и пошёл своей дорогой.

Приходит он к королевскому дворцу, а там его как раз и ждали. Король сразу нанял его в пастухи, положил ему хорошее жалованье и даже пообещал отдать за него принцессу, если только он будет исправно пастить зайцев.

— Ну, а если не убережёшь стадо, — сказал король, — тогда пеняй на себя: вырежут у тебя из спины три ремня, а самого тебя бросят живым в змеиный ров.

— Что ж, согласен! — сказал Эспен. — А теперь давайте-ка мне скорее ужинать, а то с дороги я очень проголодался.

Поел Эспен, поспал, а утром, чуть свет, повёл зайцев на луг. Да прежде чем за ворота замка выйти, говорит королевским слугам:

— А ну-ка, сосчитайте ваших зайцев, чтобы потом лишних споров-разговоров не было.

— Чего там считать, — говорят ему слуги, — они у нас давно пересчитаны. Ровным счётом девяносто девять зайцев.

Ну, девяносто девять так девяносто девять.

Ушёл Эспен.

А король, чуть только закрылись за ним ворота, приказал сейчас же точить нож, да поострее! Король отлично знал, что никакому пастуху не уберечь зайцев, будь их девяносто девять или сто — всё равно.

Тем временем Эспен преспокойно пас себе зайцев.

Зайцы шли по лугу так чинно и послушно, словно они были не зайцы, а смирные овечки. Ни один не отобьётся, не вырвется, все друг к другу жмутся, один другого держится.

Так потихонечку, полегонечку добрёл Эспен со своим стадом до опушки леса. И тут, словно бес какой вселился в зайцев, все кинулись врассыпную.

Да только Эспен не стал особенно горевать.

— Скачите, — говорит, — себе на здоровье, куда ваши косые глаза глядят.

Достал он свою дудочку да ещё и посвистел зайцам вслед, чтобы они подальше убрались и не мелькали перед глазами.

А сам преспокойно улёгся на травке да так и проспал весь день...

Вечером, когда солнце спряталось за горами, Эспен снова достал свою дудочку и только свистнул разок, как все зайцы сбежались на лужайку. Да мало того что сбежались, а ещё выстроились рядами,— точь-в-точь как солдаты на параде.

— Ну, теперь — шагом марш! — скомандовал Эспен и повёл зайцев в королевский замок.

В это самое время король, королева и принцесса вышли из своих покоев, чтобы поглядеть, как палач будет расправляться с Эспеном. И вдруг видят: идёт себе по дороге Эспен, а за ним — в целости и сохранности — заячье стадо. Все так удивились, что глазам своим не поверили. Да и было чему удивляться! Зайцы шли в ногу, точно солдаты, а впереди шагал Эспен и наигрывал на дудочке марш.

У ворот замка Эспен остановился и скомандовал:

— Раз! Два! Смирно!

И зайцы, притопнув лапками, остановились и замерли.

Тут уж король не выдержал и, забыв о своём королевском достоинстве, принялся сам считать зайцев.

Как только он не старался! И справа налево считал, и слева направо пересчитывал, и с начала до конца, и с конца до начала, а всё-таки зайцев было ровно девяносто девять — откуда ни считай, — и ни одним меньше.

Тогда королева и принцесса тоже стали пересчитывать зайцев. Но и это не помогло ни на волос — зайцев было ровно девяносто девять.

— Я вижу, ты неплохой пастух, — проворчал

король и, не глядя на Эспена, пошёл в замок. Король был очень недоволен.

А принцесса подумала:

«Вот это молодец так молодец!» — и ласково взглянула на Эспена.

На другой день Эспен снова пошёл в лес со своим стадом. Зайцев он разогнал подальше, чтобы они не вертелись у него под носом, а сам опять улёгся на травке.

Солнышко ласково припекало, земляники кругом было столько, что Эспен, не сходя с места, собирал её целыми пригоршнями, под боком у него была сумка, доверху набитая и печёным, и солёным, и жареным, а в кармане лежала волшебная дудочка.

Кажется, чего уж лучше! И в самом деле Эспен ничего лучшего и выдумать не мог!

А король тем временем не знал ни одной спокойной минуты. Он даже от завтрака отказался и всё думал да раздумывал, как это Эспен ухитрился собрать всех зайцев. А так как додуматься он всё равно не мог, то он решил сделать вот что: подослать к Эспену фрейлину, чтобы она выведала у Эспена его секрет.

Фрейлина не очень-то обрадовалась такому поручению. Слыхано ли дело, чтобы первая фрейлина королевского двора разговаривала с простым пастухом! Но король не любил, когда с ним спорили, и ей пришлось пойти.

С кочки на кочку, от цветочка к цветочку, точно стрекоза, запрыгала фрейлина по лужайке и наконец добралась до опушки леса.

Разговор она начала издалека:

— Добрый день, Эспен!

— Добрый день, фрейлина!

— Не правда ли, какая хорошая погода, Эспен!

— Ваша правда, отличная погода, фрейлина!

— И птички как хорошо поют!

— Прекрасно поют, фрейлина!

Фрейлина замолчала, не зная, что бы ещё сказать.

И Эспен молчал.

— Послушай, Эспен, а что ты тут делаешь? — спросила наконец фрейлина.

— Как видите, пасу зайцев.

— Да ведь они у тебя все разбежались, — засмеялась фрейлина. — Я ни одного не вижу.

— Что ж, что разбежались, — сказал Эспен. — Когда надо будет, я их позову, они и сбегутся ко мне.

— Это удивительно! — воскликнула фрейлина. — И почему это зайцы тебя слушаются?

— Да они не меня слушаются, а мою дудочку, — сказал Эспен. — Вот поглядите сами.

Эспен дунул в свою дудочку — и верно, все зайцы мигом сбежались на лужайку.

— А хотите, дуну ещё раз, и все зайцы снова разбегутся.

Эспен дунул ещё раз, и верно, все зайцы разбежались.

— Ах, Эспен, что за прелесть эта дудочка! — воскликнула фрейлина. — Не продашь ли ты её? Я охотно дам тебе за эту безделицу сто талеров.

— Сто талеров, пожалуй, маловато за такую дудочку, — сказал Эспен.

— Да что ты, Эспен! Надо всё-таки и совесть иметь! Ты подумай только — сто талеров! Тебе, верно, и не снились такие деньги!

— Что правда, то правда, — больше одного талера я никогда ни во сне, ни наяву не видал. Ну ладно, давайте мне сто талеров, да в придачу снимите-ка с меня сапоги. Жара такая, что шевельнуться неохота.

Ух, как рассердилась фрейлина!

— Невежа! Грубиян! Как ты смеешь!.. Чтобы я, первая фрейлина королевского двора, снимала сапоги с какого-то пастуха!..

— Да я ведь вас не заставляю, — сказал ей Эспен спокойно. — Не хотите, не надо. Только дудочку я иначе не отдам.

Фрейлина чуть не заплакала с досады.

Нет, она ни за что не станет снимать сапоги с этого невежи! Во-первых, она знатная дама, первая фрейлина при дворе короля. Во-вторых, кто-нибудь может увидеть это, и тогда все придворные поднимут её на смех...

Но что там ни говори, а ведь без дудочки нельзя во дворец вернуться.

Она поглядела по сторонам. Нигде никого не было.

— Давай сюда ногу! — решительно сказала фрейлина.

Она зажмурила покрепче глаза, чтобы даже самой не видеть того, что делает, и стащила с Эспена сапоги — сперва левый, потом правый.

Наконец всё было кончено. Фрейлина отсчитала сто талеров, получила взамен дудочку и, очень довольная тем, что всё так хорошо обошлось, побежала домой.

Но всё обошлось не так уж хорошо. Когда фрейлина пришла в замок, дудочки у неё не было.

Она готова была поклясться чем угодно, что не потеряла дудочку, а всё-таки дудочки у неё не было. И в этом нет ничего удивительного. Ведь фрейлина не знала, что дудочка эта — самая волшебная из всех волшебных дудочек на свете и что она всегда возвращается к своему хозяину, кто бы её ни взял, куда бы ни спрятал.

Так оно и случилось. Не прошло и пяти минут, после того как фрейлина ушла, а дудочка уже лежала в кармане у Эспена, и, когда наступил вечер, он опять собрал всех зайцев и привёл их в королевский замок — всех до одного.

На следующий день король и королева решили послать к Эспену принцессу.

— Уж она-то выманит дудочку у Эспена, — сказала королева.

Принцесса сразу приступила к делу.

— Послушай, Эспен, — сказала она голосом нежным, как пение жаворонка, — я знаю, ты такой доб-

рый, что не откажешь мне в просьбе. Моя фрейлина говорила, что у тебя есть чудесная дудочка. Продай мне эту дудочку! Я дам тебе за неё двести талеров.

— Такую дудочку я бы никому и за тысячу талеров не уступил,— сказал Эспен.— Но вам, прекрасная принцесса, уж так и быть, отдам за двести, только вдобавок набейте-ка мне трубку да раскурите её хорошенько.

— Ты, кажется, с ума сошёл! — закричала принцесса и даже топнула ножкой.— Я скажу моему отцу, чтобы он сегодня же отрубил тебе голову. Ты забываешь, что я принцесса!

— Ну что ж, что принцесса,— преспокойно сказал Эспен.— А такой дудочки и у вас нет!

«Это верно»,— подумала принцесса. Потом ещё немного подумала и сказала:

— Ну ладно, давай сюда трубку.

Принцессе пришлось немало потрудиться, прежде чем она раскурила трубку. От горького дыма слёзы ручьём катились у неё из глаз, а в носу у неё так щекотало, что она чихнула по крайней мере двадцать семь раз. И это ещё не так много,— ведь она была самая настоящая принцесса, а принцессы трубок, как известно, не курят.

Наконец противная трубка раскурилась, принцесса отдала Эспену двести талеров, получила дудочку и бегом побежала домой.

Всю дорогу она так крепко сжимала кулак, в котором держала дудочку, что у неё даже рука онемела. И всё-таки, когда принцесса вернулась в замок, оказалось, что дудочки у неё нет, словно она сквозь пальцы выскользнула.

Тогда сама королева решила идти к пастуху.

Надо сказать, что королева была скуповата и никогда денег на ветер не бросала, но тут она сразу, не торгуясь, обещала Эспену триста талеров.

Но Эспену даже этого было мало. Он захотел, чтобы королева ещё почистила ему куртку.

Сначала королева отказалась наотрез и даже припугнула пастуха змеиным рвом.

Но дудочку надо было получить во что бы то ни стало. Что же королеве оставалось делать, как не согласиться? И она согласилась.

Правда, куртку королева вычистила из рук вон плохо, но много с неё и нельзя было спрашивать — ведь всё-таки она была королева.

Получив дудочку, она крепко-накрепко завязала её в свой шёлковый носовой платок, а платок спрятала в кружевной рукав.

Но это нисколько не помогло, и, когда королева вернулась в замок, платок был на месте, и завязан он был по-прежнему, а дудочки в нём не было.

Тут уж король совсем рассердился:

— Что за ерунда! Я вижу, что у меня в королевстве никто ничего не умеет делать. Придётся идти мне самому. Иначе мы так и не получим эту дурацкую дудочку.

И вот на следующее утро король отправился в лес.

Он милостиво кивнул Эспену и запросто уселся рядом с ним на травку.

Король угостил Эспена своим королевским табаком и даже дал ему затянуться из своей королевской трубки. Они беседовали как самые добрые друзья, и никто бы не сказал, что один из них — король, а другой — пастух.

Когда все любезности были закончены, король наконец приступил к делу.

— Послушай, Эспен, — сказал он, пуская дым кольцами, — говорят у тебя есть какая-то дудочка.

— Да, у меня есть дудочка, — сказал Эспен. — Она, правда, не золотая, но ни один король не отказался бы от такой дудочки.

И он вытащил её из кармана.

Дудочка, и верно, на вид была неказистая.

Король долго рассматривал её и для верности даже испробовал её волшебную силу. Дунул в один

конец — и все зайцы сбежались, дунул в другой — все зайцы разбежались.

— Да, отличная дудочка, — сказал король. — Я понимаю, что даром ты её не отдашь. Но я король и во всём поступаю по-королевски — я даю тебе за эту дудочку тысячу талеров.

— Тысяча талеров — это, конечно, не мало, но для такой дудочки и тысяча талеров цена небольшая. Ну, да вот что: видите там на лугу пасётся белая лошадь?

— Конечно. Это моя королевская лошадь. Если хочешь, я дам тебе её в придачу.

— Нет уж, оставьте её себе. А я хочу вот что: дайте мне тысячу талеров и поцелуйте эту лошадь, тогда дудочка будет ваша.

Король был очень смущён.

— Послушай, Эспен, нельзя ли придумать какое-нибудь другое условие?

— Нет, ни на что другое я не согласен, — сказал Эспен и лениво зевнул.

— Ну, а можно мне поцеловать лошадь через шёлковый платок?

— Через платок? — Эспен задумался. — А он королевский?

— Ну конечно, королевский. Он — мой, а я король, значит, платок королевский.

— Ладно, на это я согласен. Целуйте через платок.

И вот — вы только представьте себе! — король подошёл к лошади, накрыл её морду своим королевским платком и звонко чмокнул лошадь три раза.

После этого он отсчитал Эспену тысячу талеров, взял дудочку, положил её в кошелёк, кошелёк положил в карман, а карман застегнул на пуговицу. И не на какую-нибудь, а на королевскую, потому что у короля даже пуговицы королевские.

Вернувшись в замок, король позвал королеву, принцессу и фрейлину, расстегнул карман, вынул оттуда кошелёк, раскрыл его — и что же вы думаете? — дудочки в нём как не бывало.

Это было уж слишком!

Король так рассердился, что решил немедленно казнить Эспена.

Королева была совершенно согласна с королём, а это случалось не так уж часто.

И вот, когда вечером Эспен привёл стадо в замок, король сказал ему, что сегодня его казнят.

Эспен очень удивился.

— Это несправедливо,— сказал он.— Я исправно пас заячье стадо, и теперь вы должны не казнить меня, а отдать мне в жёны свою дочь.

— Пустяки,— возразил король,— сказал, казню — значит, казню. Я король — и моё королевское слово неизменно. Разве вот что: если ты сумеешь наговорить целую бочку лжи, да так, чтобы ложь через край потекла,— тогда я тебя, пожалуй, помиую.

— Ну, это проще простого! — сказал Эспен. — Прикажите только выкатить во двор бочку!

И он стал рассказывать обо всём, что с ним было, с самого начала: как он пошёл наниматься в пастухи, как встретил на дороге старуху, которая прищемила себе нос, как он помог ей вытащить нос и в награду за это получил волшебную дудочку.

Все очень смеялись над небылицами, которые сочинял Эспен.

— И вот,— рассказывал Эспен,— пришла ко мне первая фрейлина королевского двора и стала просить эту дудочку. Ей так хотелось получить дудочку, что она даже согласилась прислуживать мне и сняла с меня сапоги — сперва левый, потом правый.

— Неправда! — закричала фрейлина.

И все придворные закричали:

— Неправда!

— Ну, может быть, сперва правый, а потом левый! — сказал Эспен.

— Неправда! Неправда! Он всё лжёт! — кричала фрейлина, чуть не плача.

— Да ведь мне и велено говорить неправду,— ска-

зал Эспен.— Целую бочку надо наполнить ложью!.. Слушайте-ка лучше, что было дальше. На другой день явилась ко мне принцесса. Чтобы получить волшебную дудочку, ей пришлось набить и раскурить мне трубку...

— Это ложь! Как ты смеешь! — закричала принцесса.

— Ну конечно, ложь, — сказал Эспен. — Правдой бочку не наполнишь, вот и приходится плести невесть что... А потом пришла ко мне сама королева...

— Кажется, бочка уже совсем полна, — сказала королева, с беспокойством поглядывая на Эспена.

— Э, нет, ещё далеко не с верхом, — сказал король.

— Ну, раз не с верхом, надо ещё врать, — сказал Эспен. — Пришла, значит, ко мне сама королева. Торговалась она и рядилась, словно на базаре, и всё-таки пришлось ей выложить триста талеров и вычистить мне куртку.

Все придворные так и замерли, а Эспен как ни в чём не бывало спросил:

— Ну, как там — полна уже бочка?

— Полна, совсем полна, — поспешно сказал король.

— Нет, нет, ещё не с верхом, — решительно сказала королева.

Эспен почесал в затылке.

— Что бы мне ещё придумать? А, знаю! После всех пришёл ко мне король. А как раз в это время на лугу паслась его белая лошадь...

— Стой! Стой! — закричал король. — Не видишь, что ли, — ложь через край бьёт!..

Так и пришлось королю отдать принцессу за простого пастуха да в придачу ещё подарить половину королевства, чтобы жил там Эспен, как ему вздумается, а на его королевскую половину и не заглядывал.

Зимняя сказка

В большом дремучем лесу, далеко на севере Финляндии, росли рядом две огромные сосны.

Они были такие старые, такие старые, что никто, даже седой мох, не мог припомнить, были ли они когда-нибудь молодыми, тонкими сосенками. Отовсюду были видны их тёмные вершины, высоко поднимавшиеся над чащей леса.

Весной в густых ветвях старых сосен пел весёлые песенки дрозд, а маленькие розовые цветы вереска поднимали свои головки и смотрели снизу вверх так робко, будто хотели

сказать: «Ах, неужели и мы будем такими же большими и такими же старыми?»

Зимой, когда метель закутывала всю землю белым одеялом и цветы вереска спали под пушистыми снежными сугробами, две сосны, словно два великана, сторожили лес.

Зимняя буря с шумом проносилась по чаще, сметала с веток снег, обламывала вершины деревьев, валила наземь крепкие стволы. И только сосны-великаны всегда стояли твёрдо и прямо, и никакой ураган не мог заставить их склонить головы.

А ведь если ты такой сильный и стойкий — это что-нибудь да значит!

У опушки леса, где росли старые сосны, на небольшом пригорке уютилась хижина, крытая дёрном, и двумя маленькими оконцами глядела в лес. В этой хижине жил бедный крестьянин со своей женой. У них был клочок земли, на котором они сеяли хлеб, и небольшой огород. Вот и всё их богатство. А зимой крестьянин работал в лесу — рубил деревья и возил брёвна на лесопильню, чтобы скопить несколько монет на молоко и масло.

У крестьянина и его жены было двое детей — мальчик и девочка. Мальчика звали Сильвестр, а девочку — Сильвия.

И где только нашли для них такие имена! Наверно, в лесу. Ведь слово «сильва» на древнем, латинском языке значит «лес».

Однажды — это было зимой — брат и сестра, Сильвестр и Сильвия, пошли в лес, чтобы посмотреть, не попался ли в силки, которые они расставили, какой-нибудь лесной зверёк или птица.

И верно, в один силок попался белый заяц, а в другой — белая куропатка. И заяц и куропатка были живы, они только запутались лапками в силках и жалобно пищали.

— Отпусти меня! — пролопотал заяц, когда Сильвестр подошёл к нему.

— Отпусти меня! — пропихнула куропатка, когда Сильвия наклонилась над ней.

Сильвестр и Сильвия очень удивились. Никогда ещё они не слышали, чтобы лесные звери и птицы говорили по-человечьи.

— Давай-ка и вправду отпустим их! — сказала Сильвия.

И вместе с братом она принялась осторожно распутывать силки.

Едва только заяц почувствовал свободу, как со всех ног поскакал в глубь леса. А куропатка полетела прочь так быстро, как могли нести её крылья.

— Подопринебо!.. Подопринебо всё сделает, о чём вы ни попросите! — крикнул заяц на скаку.

— Просите Зацепитучу!.. Просите Зацепитучу!.. И всё у вас будет, чего только не захотите! — прокричала куропатка на лету.

И снова в лесу стало совсем тихо.

— Что это они говорили? — сказал наконец Сильвестр. — Про каких это Подопринебо и Зацепитучу?

— И я никогда не слыхала таких странных имён, — сказала Сильвия. — Кто бы это мог быть?

В это время сильный порыв ветра пронёсся по лесу. Вершины старых сосен зашумели, и в их шуме Сильвестр и Сильвия ясно расслышали слова.

— Ну что, дружище, стоишь ещё? — спросила одна сосна у другой. — Ещё держишь небо? Недаром ведь лесные звери прозвали тебя — Подопринебо!

— Стою! Держу! — загудела другая сосна. — А ты как, старина? Всё воюешь с тучами? Ведь и про тебя не зря говорят — Зацепитучу!

— Что-то слабею я, — прошелестело в ответ. — Нынче вот ветер обломил у меня верхнюю ветку. Видно, и вправду старость приходит!

— Грешно тебе жаловаться! Тебе ведь всего только триста пятьдесят лет. Ты ещё дитя! Совсем дитя! А вот мне уже триста восемьдесят восемь стукнуло!

И старая сосна тяжело вздохнула.

— Смотри, вон возвращается ветер,— прошептала сосна — та, что была помоложе.— Под его свист так хорошо петь песни! Давай-ка споём с тобой про далёкую старину, про нашу молодость. Ведь нам с тобой есть о чём вспомнить!

И под шум лесной бури сосны, качаясь, запели свою песню:

Мы скованы стужей, мы в снежном плену!

Бушует и буйствует вьюга.

Под шум её клонит нас, древних, ко сну,

И давнюю видим во сне старину —

То время, когда мы, два друга,

Две юных сосны, поднялись в вышину

Над зыбкою зеленью луга.

Фиалки у наших подножий цвели,

Белили нам хвою метели,

И тучи летели из мгlistой дали,

И бурю рушило ели.

Мы к небу тянулись из мёрзлой земли,

Нас даже столетья согнуть не могли

И вихри сломить не посмели...¹

— Да, нам с тобой есть о чём вспомнить, есть о чём порассказать,— сказала сосна — та, что была постарше,— и тихонько заскрипела. — Давай-ка поговорим с этими детьми.— И одна её ветка качнулась, как будто показывая на Сильвестра и Сильвию.

— О чём это они хотят с нами поговорить? — сказал Сильвестр.

— Лучше пойдём домой,— шепнула Сильвия брату.— Я боюсь этих деревьев.

— Подожди, — сказал Сильвестр. — Чего их бояться! Да вон и отец идёт!

И верно, по лесной тропинке пробирался их отец с топором на плече.

---

¹ Стихи к сказкам Топелиуса даны в свободном переводе С. И. Хмельницкого.

— Вот это деревья так деревья! Как раз то, что мне нужно! — сказал крестьянин, останавливаясь около старых сосен.

Он уже поднял топор, чтобы подрубить сосну — ту, что была постарше, — но Сильвестр и Сильвия вдруг с плачем бросились к отцу.

— Батюшка, — стал просить Сильвестр, — не тронь эту сосну! Это Подопринебо!..

— Батюшка, и эту не тронь! — просила Сильвия. — Её зовут Зацепитучу. Они обе такие старые! А сейчас они пели нам песенку...

— Чего только ребята не выдумают! — засмеялся крестьянин. — Где же это слыхано, чтобы деревья пели! Ну да ладно, пусть себе стоят, раз уж вы за них так просите. Я найду себе и другие.

И он пошёл дальше, в глубь леса, а Сильвестр и Сильвия остались возле старых сосен, чтобы услышать, что скажут им эти лесные великаны.

Ждать им пришлось недолго. В вершинах деревьев снова зашумел ветер. Он только что был на мельнице и так яростно крутил мельничные крылья, что искры от жерновов дождём сыпались во все стороны. А теперь ветер налетел на сосны и принялся бушевать в их ветвях.

Старые ветви загудели, зашумели, заговорили.

— Вы спасли нам жизнь! — говорили сосны Сильвестру и Сильвии. — Просите же теперь у нас всё, что хотите.

Но, оказывается, не всегда легко сказать, чего ты больше всего хочешь. Сколько ни думали Сильвестр и Сильвия, а ничего не придумали, словно им и желать было нечего.

Наконец Сильвестр сказал:

— Я бы хотел, чтобы хоть ненадолго выглянуло солнце, а то в лесу совсем не видно тропинок.

— Да-да, и я бы хотела, чтобы поскорее пришла весна и растаял снег! — сказала Сильвия. — Тогда и птицы снова запоют в лесу...

— Ах, что за безрассудные дети! — зашелестели сосны. — Ведь вы могли пожелать столько прекрасных вещей! И богатство, и почести, и слава — всё было бы у вас!.. А вы просите то, что случится и без вашей просьбы. Но ничего не поделаешь, надо выполнить ваши желания. Только мы сделаем это по-своему... Слушай же, Сильвестр: куда бы ни пошёл ты, на что бы ни взглянул, повсюду тебе будет светить солнце. И твоё желание, Сильвия, исполнится: куда бы ты ни пошла, о чём бы ни заговорила, всегда вокруг тебя будет цвести весна и таять холодный снег.

— Ах, это больше, чем мы хотели! — воскликнули Сильвестр и Сильвия. — Спасибо вам, милые сосны, за ваши чудесные подарки. А теперь прощайте! — И они весело побежали домой.

— Прощайте! Прощайте! — зашумели вслед им старые сосны.

По дороге Сильвестр то и дело оглядывался, высматривая куропаток, и — странное дело! — в какую бы сторону он ни поворачивался, всюду мелькал перед ним луч солнца, сверкая на ветках, словно золото.

— Смотри! Смотри! Солнце выглянуло! — крикнула Сильвия брату.

Но едва успела она открыть рот, как снег кругом начал таять, по обе стороны тропинки зазеленела трава, деревья покрылись свежей листвой, а высоко в синеве неба послышалась первая песня жаворонка.

— Ах, как весело! — воскликнули в один голос Сильвестр и Сильвия.

И чем дальше они бежали, тем теплее светило солнце, тем ярче зеленела трава и деревья.

— Мне светит солнце! — закричал Сильвестр, вбегая в дом.

— Солнце всем светит, — сказала мать.

— А я могу растопить снег! — закричала Сильвия.

— Ну, это каждый может, — сказала мать и засмеялась.

Но прошло немного времени, и она увидела,

что в доме что-то неладно. На дворе уже совсем стемнело, наступил вечер, а в избушке у них всё блестело от яркого солнца. И так было до тех пор, пока Сильвестру не захотелось спать и глаза у него не закрылись. Но это ещё не всё! Зиме конца не было видно, а в маленькой хижине вдруг повеяло весной. Даже старый, засохший веник в углу и тот начал зеленеть, а петух на своём насесте принялся петь во всё горло. И он пел до тех пор, пока Сильвии не надоело болтать и она не заснула крепким сном.

Поздно вечером вернулся домой крестьянин.

— Послушай, отец,— сказала жена,— боюсь я, не околдовал ли кто наших детей. Что-то чудное делается у нас в доме!

— Вот ещё что придумала! — сказал крестьянин. — Ты лучше послушай, мать, какую новость я принёс. Ни за что тебе не догадаться! Завтра в наш город придут собственными персонами король и королева. Они ездят по всей стране и осматривают свои владения. Как ты думаешь, не отправиться ли нам с детьми посмотреть на королевскую чету?

— Что ж, я не прочь,— сказала жена.— Ведь не каждый день в наши места приезжают такие важные гости.

На другой день чуть свет крестьянин с женой и детьми собрались в путь. По дороге только и было разговоров, что про короля и королеву, и никто не заметил, что всю дорогу солнечный луч бежал перед санями (хотя всё небо было обложено низкими тучами), а берёзки кругом покрывались почками и зелнели (хотя мороз был такой, что птицы замерзали на лету).

Когда сани въехали на городскую площадь, народу там было уже видимо-невидимо. Все с опаской поглядывали на дорогу и тихонько перешёптывались. Говорили, что король и королева остались недовольны своей страной: куда ни приедешь — повсюду снег, холод, пустынные и дикие места.

Король, как ему и полагается, был очень строг. Он сразу решил, что во всём виноват его народ, и соби-
рался как следует всех наказывать.

Про королеву рассказывали, что она очень замёрз-
ла и, чтобы согреться, всё время топает ногами.

И вот наконец вдалеке показались королевские
сани. Народ замер.

На площади король приказал кучеру остано-
виться, чтобы переменить лошадей. Король сидел, сердит-
то нахмутив брови, а королева горько плакала.

И вдруг король поднял голову, посмотрел по сто-
ронам — туда-сюда — и весело рассмеялся, совсем
так, как смеются все люди.

— Взгляните-ка, ваше величество, — обратился
он к королеве, — как приветливо светит солнце! Пра-
во, здесь не так уж плохо... Мне почему-то даже стало
весело.

— Это, наверно, потому, что вы изволили хорошо
позавтракать, — сказала королева. — Впрочем, мне
тоже стало как будто веселее.

— Это, вероятно, потому, что ваше величество хо-
рошо выспались, — сказал король. — Но, однако, эта
пустынная страна очень красива! Посмотрите, как
ярко освещает солнце вон те две сосны, что виднеются
вдалеке. Положительно, это прелестное место! Я при-
кажу построить здесь дворец.

— Да-да, непременно надо построить здесь дво-
рец, — согласилась королева и даже на минуту пере-
стала топтать ногами. — Вообще здесь совсем не пло-
хо. Повсюду снег, а деревья и кусты покрываются
зелёными листьями, как в мае. Это прямо невероятно!

Но ничего невероятного в этом не было. Просто
Сильвестр и Сильвия взобрались на изгородь, чтобы
лучше разглядеть короля и королеву. Сильвестр вер-
телся во все стороны — поэтому солнце так и сверкало
вокруг; а Сильвия болтала, ни на минуту не закрывая
рта, — поэтому даже сухие жерди старой изгороди по-
крылись свежей листвой.

— Что это за милые дети? — спросила королева, взглянув на Сильвестра и Сильвию. — Пусть они подойдут ко мне.

Сильвестр и Сильвия никогда раньше не имели дела с коронованными особами, поэтому они смело подошли к королю и королеве.

— Послушайте, — сказала королева, — вы мне очень нравитесь. Когда я смотрю на вас, мне становится веселее и даже как будто теплее. Хотите жить у меня во дворце? Я прикажу нарядить вас в бархат и золото, вы будете есть на хрустальных тарелках и пить из серебряных стаканов. Ну что, согласны?

— Благодарим вас, ваше величество, — сказала Сильвия, — но мы лучше останемся дома.

— Кроме того, во дворце мы будем скучать без наших друзей, — сказал Сильвестр.

— А нельзя ли их тоже взять во дворец? — спросила королева. Она была в отличном расположении духа и нисколько не сердилась, что ей возражают.

— Нет, это невозможно, — ответили Сильвестр и Сильвия. — Они растут в лесу. Их зовут Подопринебо и Зацепитучу...

— Что только не придёт в голову детям! — воскликнули в один голос король и королева и при этом так дружно рассмеялись, что даже королевские сани запрыгали на месте.

Король приказал распрягать лошадей, а каменщики и плотники принялись тотчас строить новый дворец.

Как ни странно, на этот раз король и королева были ко всем добры и милостивы. Они никого не наказали и даже распорядились, чтобы их казначей дал всем по золотой монете. А Сильвестр и Сильвия получили вдобавок крендель, который испёк сам королевский булочник! Крендель был такой большой, что четвёрка королевских коней везла его на отдельных санях.

Сильвестр и Сильвия угостили кренделем всех детей, которые были на площади, и всё-таки остался

ещё такой большой кусок, что он едва поместился на саях. На обратном пути жена крестьянина шепнула мужу:

— А ты знаешь, почему король и королева были сегодня так милостивы? Потому что Сильвестр и Сильвия смотрели на них и разговаривали с ними. Вспомни-ка, что я тебе вчера говорила!

— Это про колдовство-то? — сказал крестьянин. — Пустое!

— Да посуди сам, — не унималась жена, — где это видано, чтобы зимой распускались деревья и чтобы король и королева никого не наказали? Уж поверь мне, тут не обошлось без колдовства!

— Всё это бабьи выдумки! — сказал крестьянин. — Просто дети у нас хорошие — вот все и радуются, на них глядя!

И верно, куда бы Сильвестр и Сильвия ни пришли, с кем бы ни заговорили, у всех на душе сразу делалось теплее и светлее. А так как Сильвестр и Сильвия всегда были веселы и приветливы, то никто и не удивлялся, что они доставляют всем радость. Всё вокруг них цвело и зеленело, пело и смеялось.

Пустынные земли возле избушки, где жили Сильвестр и Сильвия, превратились в богатые пашни и луга, и в лесу даже зимой пели весенние птицы.

Вскоре Сильвестр был назначен королевским лесничим, а Сильвия — королевской садовницей.

Ни у одного короля ни в одном королевстве не было никогда такого чудесного сада. Да и не мудрено! Ведь ни один король не мог заставить солнце слушаться его приказаний. А Сильвестру и Сильвии солнце светило всегда, когда они хотели. Поэтому в саду у них всё цвело так, что любо было смотреть!

* * *

Прошло несколько лет.

Однажды глухой зимней порой Сильвестр и Сильвия пошли в лес, чтобы навестить своих друзей.

В лесу бушевала буря, в тёмных вершинах сосен
гудел ветер, и под его шум сосны пели свою песню:

Стоим, как бывало, крепки и стройны.
То выпадет снег, то растает...
И смотрим два друга, две старых сосны,
Как снова сменяется зелень весны
Снегами белей горностая,
Как тучи проходят, дождями полны,
И птички проносятся стаи.

Сосновая хвоя свежа и густа —
Завидуйте, вязы и клёны!
Зима не оставит на вас ни листа —
Развеет наряд ваш зелёный!
Но вечная соснам дана красота,
В подземные недра ушла их пята,
А в небо — высокая крона.

Пускай непогода бушует кругом —
Сосну не повалит ни буря, ни...

Но не успели они допеть свою песню, как внутри
стволов что-то затрещало, закрипело, и обе сосны
повалились на землю. Как раз в этот день младшей
исполнилось триста пятьдесят пять лет, а старшей —
триста девяносто три года. Что же тут удивительного,
что ветры наконец их осилили!

Сильвестр и Сильвия ласково потрепали седые, по-
росшие мхом стволы мёртвых сосен и такими добрыми
словами помянули своих друзей, что снег кругом на-
чал таять и розовые цветы вереска выглянули из-под
земли. И так много их было, что скоро они закрыли
старые сосны от самых корней до самых вершин.

Давно уже я ничего не слышал о Сильвестре и
Сильвии. Наверно, теперь они сами состарились и по-

седели, а короля и королевы, которых все так боялись, и вовсе нет на свете.

Но каждый раз, когда я вижу детей, мне кажется, что это Сильвестр и Сильвия.

А может быть, старые сосны одарили своими чудесными дарами всех детей, что живут на свете? Может быть, и так.

Недавно, в пасмурный, ненастный день, мне встретились мальчик и девочка. И сразу в сером, тусклом небе словно замелькал луч солнца, всё кругом посветлело, на хмурых лицах прохожих появилась улыбка...

Вот тогда среди зимы и наступает весна. Тогда и лёд начинает таять — на окнах и в сердцах людей. Тогда даже старый веник в углу покрывается свежими листьями, на сухой изгороди расцветают розы, а под высоким сводом неба поют весёлые жаворонки.

Сампо-Лопарёнок

или-были когда-то лопарь и лопарка, муж и жена.

А знаешь ли ты, что за народ лопари и где они живут?

Вот послушай, сейчас я тебе расскажу.

Живут лопари далеко на севере — севернее, чем шведы, норвежцы и финны.

Если ты взглянешь на большую карту, ты увидишь: как будто белый колпак надет на голову Финляндии. Вот это и есть страна, где живут лопари. Называется она Лапландия.

Удивительная это страна! Полгода там не заходит солнце, и тогда ночью, так же как днём, совсем свет-

ло. А потом полгода длится непрерывная ночь, и тогда даже днём на небе сверкают звёзды.

Зима там тянется долгих десять месяцев — почти весь год, — а на весну, лето и осень остаётся всего только два месяца.

Но лопари не боятся зимы. Пусть хоть круглый год держится санный путь! Все они — и взрослые и маленькие — где угодно проедут в своих небольших, лёгких, похожих на лодочки санях.

И в упряжке там ходят не лошади, а олени.

Ты видел когда-нибудь северного оленя?

Он напоминает низкорослую лошадку, шерсть у него серая, шея короткая, а его голову с большими ясными глазами украшают ветвистые рога.

И, когда олень бежит, кажется, будто ветер проносится по горам и холмам, взметая снежные тучи.

А знаешь ли ты, из чего делают лопари свои дома? Не из дерева и не из камня, а из оленьих шкур.

Построить такой дом очень просто: надо взять несколько длинных, тонких жердей, воткнуть их в снег, потом верхние концы жердей связать вместе и покрыть оленьими шкурами. Вот и всё. Жилище готово. И называется оно не дом, не изба, а чум.

Вверху оставляют небольшое отверстие — оно заменяет в чуме печную трубу. Когда в очаге разводят огонь, через это отверстие дым вытягивается наружу.

Внизу, с южной стороны, тоже оставляют отверстие — оно служит дверью, через него можно забраться в чум и выбраться из него.

Вот как живут лопари! Вот такая это страна!

А теперь начнём сказку сначала.

Жили-были в Лапландии муж и жена, лопарь и лопарка. Они жили в местечке Аймио, на берегу реки Тено-йоки.

Место это пустынное и дикое, но лопарю и его жене оно очень нравилось. Они были уверены, что нигде больше нет такого белого снега, таких ясных звёзд и такого красивого северного сияния, как в Аймио.

Здесь они построили себе чум.

Чум получился очень хороший — так, по крайней мере, думали лопарь и лопарка. В нём было тепло и удобно, хотя спать надо было прямо на полу.

У лопаря и лопарки был маленький мальчик, которого звали Сампо. Но у него было ещё другое имя. Вот как это получилось.

Однажды к чуму подъехали какие-то чужие люди в огромных, неуклюжих шубах. Они привезли твёрдые белые кусочки снега. Такого снега лопари никогда раньше не видели. Этот твёрдый снег назывался сахаром. Он был очень вкусный и очень сладкий. Приезжие люди дали несколько кусочков сладкого снега Сампо, потрепали его по щеке и сказали: «Лопарёнок! Лопарёнок!» Больше они ничего не могли сказать, потому что никто из них не умел говорить по-лапландски. Потом они уехали. Старой лопарке очень понравились эти люди. Она часто вспоминала сладкий снег, который они привозили, и даже стала называть сына так же, как они, — Лопарёнок.

Но старому лопарю это было не по душе.

— Разве Сампо плохое имя? — говорил он с досадой. — По-моему, это самое красивое имя. И оно ещё принесёт нашему сыну счастье и богатство. Вот увидишь, старуха, наш Сампо будет когда-нибудь первым человеком в Лапландии, повелителем пятидесяти чумов и хозяином тысячи оленей.

— Очень может быть, — говорила лопарка. — Но, по-моему, и Лопарёнок неплохое имя.

И она называла сына Лопарёнком, а отец называл его Сампо. Поэтому мы будем называть его Сампо-Лопарёнком.

Сампо-Лопарёнок был крепкий, коренастый мальчуган. У него были чёрные волосы, чёрные глаза и маленький вздёрнутый нос. Словом, он как две капли воды походил на своего отца, а старый лопарь слыл среди земляков первым красавцем.

Сампо-Лопарёнку было всего семь лет, но не вся-

кий и в пятнадцать бывает таким смелым и ловким. У него были свои собственные маленькие лыжи, на которых он, не задумываясь, съезжал с самого крутого холма, и свой собственный маленький олень, которого он запрягал в свои собственные сани.

Ты бы видел, какой поднимался снежный вихрь, когда Сампо нёсся на своём олене по высоким сугробам! Вниз — вверх! Вверх — вниз! Маленького Лопарёнка совсем не было видно, и только изредка в снежных облаках мелькала прядка его чёрных волос.

— Нехорошо, что мальчик ездит один куда ему вздумается,— сказала как-то мужу старая лопарка.— Того и гляди, на него нападут в горах волки или, ещё того хуже, Золоторогий Олень. Не было ещё человека, который мог бы справиться с Золоторогим Оленем.

Сампо-Лопарёнок слышал всё, что говорила мать, и сразу решил, что уж кто-кто, а он-то справился бы с Золоторогим Оленем.

— Вот бы мне такого оленя! — воскликнул Сампо-Лопарёнок.— На нём, наверно, даже на Растекайс можно взобраться!

А надо тебе сказать, что Растекайс — самая высокая, самая неприступная гора во всей Лапландии и её голая вершина видна далеко кругом.

— Перестань болтать глупости! — прикрикнула лопарка на сына.— Растекайс — пристанище всякой нечистой силы. Там живёт сам Хийси.

— Хийси? А кто это такой? — спросил Сампо-Лопарёнок.

«Ничего-то он не пропустит мимо ушей,— подумала старая лопарка.— Пожалуй, не нужно было говорить ему про Хийси... А может, это и к лучшему! Не мешает немного припугнуть его, чтобы отбить охоту ездить на Растекайс. Очень уж он смелый!»

И она сказала:

— Хийси — это горный король, страшный, злой великан. Целый олень для него всё равно что для

нас один кусочек мяса, а маленьких мальчиков он глотает сразу пригоршнями. Я бы не советовала тебе взбираться на Растекайс.

Сампо ничего не сказал. Но про себя подумал:

«Вот бы посмотреть на этого Хийси! Издали, конечно!»

Было самое тёмное время года — ни утра, ни дня, ни вечера, всегда бесконечная ночь, всегда светит луна, всегда горят звёзды, и на тёмном небе полыхает северное сияние.

Сампо так давно не видел солнца, что даже забыл, какое оно, солнце.

А когда отец и мать говорили о лете, он только и мог вспомнить, что летом очень много комаров и они такие злые, что готовы съесть его живьём.

«Пусть бы совсем не было лета,— думал Сампо,— только бы стало немного светлее! А то в темноте так трудно ходить на лыжах!»

И вот однажды в полдень (хотя темно было так же, как в полночь) старый лопарь позвал сына:

— Поди-ка скорей сюда, Сампо, я хочу тебе показать кое-что.

Сампо выполз из чума.

— Посмотри вон в ту сторону,— сказал отец и показал рукой на юг.

Далеко-далеко, на самом краю неба, Сампо увидел узенькую красную полосу, очень похожую на красноватые отблески северного сияния.

— Знаешь ли ты, что это такое? — спросил лопарь.

— Это южное сияние,— ответил Сампо.

Он прекрасно знал, где находится север и где юг, и сразу рассудил, что на юге не может быть северного сияния.

— Нет,— сказал старый лопарь,— это не южное сияние. Это предвестник солнца. Завтра или послезавтра оно взойдёт. Да ты только погляди, как красиво освещена вершина Растекайса!

Сампо повернулся на запад: мрачная, тёмная вершина Растекайса алела, точно выкрашенная красной краской. И он снова подумал:

«Ах, как хорошо было бы посмотреть сейчас на великана Хийси! Издали, конечно!»

Но он ничего не сказал.

Весь этот день и полночи Сампо-Лопарёнок только и думал о великане Хийси. Он даже не мог спать.

«Если бы хоть раз увидеть горного короля! Один только раз!»

Он думал и думал и наконец потихоньку выбрался из-под оленьих шкур и выполз из чума.

Мороз стоял такой, что всё вокруг так и сверкало, а снег под ногами скрипел от каждого шага.

Но Сампо-Лопарёнок холода не боялся. На нём была меховая куртка, меховые штаны, меховые сапоги, меховая шапка и меховые рукавицы.

А когда на тебе такой наряд, никакой мороз не страшен!

Сампо-Лопарёнок стоял около чума и смотрел на звёзды, которые яркими огнями горели в небе.

И вдруг он услышал, как его маленький олень скребёт копытом снег.

«А если я немного покатаюсь?» — подумал Сампо-Лопарёнок.

Он так и сделал — запряг оленя в свои санки и помчался по огромному пустынному снежному полю.

«А не поехать ли мне в сторону Растекайса? — опять подумал Сампо. — Конечно, на самую гору я не буду взбираться, а только посмотрю, какая она вблизи».

Решено — и сделано.

Сампо-Лопарёнок погнал своего оленя через замёрзшую реку. С берега — вниз, на лёд! А потом — вверх, на другой берег! А потом всё дальше и дальше на запад, туда, где высится тёмная вершина Растекайса...

Вот сейчас ты читаешь эту сказку про маленького Сампо. А знаешь ли ты песенку: «Беги, мой оленёнок...»? Эту песенку пел Сампо в то время, когда олень мчал его по снежным холмам:

Беги, мой оленёнок
С ветвистыми рогами,
По тундре, занесённой
Пушистыми снегами,
И лёд пусть будет звонок
Под быстрыми ногами!
Скорей!

Здесь вьюги строят
Высокие сугробы.
Скорей!

Здесь волки воют
От голода и злобы...
Скорей, олень, скорей!

И верно, волки, точно серые собаки, уже бежали за санями. Сампо видел, как в темноте горят у них глаза.

Но он несколько не боялся волков. Он знал, что никогда волкам не догнать его доброго оленя.

Весёлая это была езда! С холма на холм, всё вперёд и вперёд! У Сампо даже в ушах свистело. Копыта оленя мелко постукивали, месяц в небе мчался с ним вперегонки, а высокие горы двигались навстречу.

И вдруг — раз! — сани перевернулись, и Сампо-Лопарёнок кубарем покатился в снег.

Олень, не чуя беды, бежал всё дальше, а Сампо даже не мог крикнуть: «Тпру!» — потому что рот у него был забит снегом (правда, так кричат, чтобы остановить лошадь, а не оленя, но это неважно).

Прошло немало времени, пока Сампо-Лопарёнок выкарабкался из сугроба.

Сначала всё происшествие показалось ему даже забавным. И в этом нет ничего удивительного: он был цел и невредим и совсем не ушибся.

Сампо-Лопарёнок огляделся по сторонам.

Всюду снег, снег, снежные поля, снежные горы... Одна гора была выше всех, и Сампо догадался — это Растекайс. Длинная чёрная тень от неё падала на снег.

Вот здесь, на этой горе, живёт злой великан Хийси. Целый олень для него — то же, что для нас кусочек мяса, а маленьких мальчиков он глотает пригоршнями.

Ах, как страшно стало Сампо-Лопарёнку! Как захотелось ему быть подальше от этой горы, в тёплом чуме, около отца с матерью!

Но как добраться до дому? Ведь, пока он будет искать дорогу, горный король увидит его и проглотит, словно жалкого, маленького комара.

Сампо-Лопарёнок даже заплакал от страха.

Но посуди сам: стоит ли плакать, если слёзы сразу же замерзают и, точно горошины, скатываются по мохнатой куртке? Сампо-Лопарёнок подумал и решил, что не стоит, тем более что мороз с каждой минутой прохватывал его всё сильнее и ему приходилось приплясывать на месте, чтобы не замёрзнуть. А какие же могут быть слёзы, когда пляшешь!

Скоро Сампо-Лопарёнок немного согрелся и повеселел.

«Пойду-ка я к горному королю,— подумал он.— Если он захочет меня съесть — что ж, пусть ест. Конечно, было бы гораздо приятнее, если бы он съел волков, которые здесь рыщут. Они пожирнее, чем я, да и, кроме того, на мне ведь столько всего надето — и куртка, и штаны, и шапка, и рукавицы, и сапоги,— а у волка всего одна шкура!»

И Сампо-Лопарёнок смело зашагал к Растекайсу. Он уже был у самого подножия горы, как вдруг услышал, что кто-то за его спиной тихо ступает по снегу.

Сампо-Лопарёнок оглянулся. В двух шагах от него стоял огромный косматый волк.

Маленькое сердечко Сампо забилося сильнее, но он и виду не показал, что испугался.

— Эй, не вздумай съесть меня! — крикнул он волку. — Я иду к горному королю. У меня к нему очень важное дело. И, если тебе дорога шкура, советую не трогать меня!

— Ну-ну, потише! — сказал волк (на Растекайсе все звери умеют говорить по-человечьи). — Кто ты такой?

— Меня зовут Сампо-Лопарёнок. А ты кто такой?

— Я вожак волчьей стаи его величества горного короля, — ответил волк. — Сейчас я рыскал по всем горам и равнинам и созывал подданных короля на праздник ночи. Раз уж нам с тобой по дороге, садись ко мне на спину, я, так и быть, довезу тебя до вершины.

Сампо-Лопарёнок не стал долго раздумывать. Он вскочил на волка, и они помчались через горные ущелья и пропасти.

— Скажи, пожалуйста, что это за праздник ночи, о котором ты говорил? — спросил по дороге Сампо.

— Неужели ты не знаешь? — удивился волк. — Сегодня ведь должно взойти солнце. Перед его восходом на Растекайсе собираются все звери, все тролли и гномы, какие только живут на Севере. Они сходятся сюда для того, чтобы проститься с ночью. И, пока длится этот праздник, никто никого не смеет обижать. Таков закон его величества горного короля Хийси. Потому-то я и не съел тебя. Твоё счастье, Сампо-Лопарёнок, что мы встретились в такой час, а то от тебя давно не осталось бы даже косточки.

— А что, горный король тоже никого сейчас не трогает? — спросил Сампо-Лопарёнок.

— Ну конечно, — ответил волк. — Никто, даже сам король, не посмеет тронуть тебя. Целый час на Растекайсе царит мир. Олени в это время разгуливают под носом у медведей, горные крысы мирно беседуют с росомахами... Но плохо тебе придётся, если

ты останешься на Растекайсе хоть одну лишнюю минуту! Сто тысяч волков и тысяча медведей набросятся на тебя. А если ты даже уйдёшь от них, тебе всё равно не уйти от горного короля.

— Милый волк, не будешь ли ты таким добрым и не поможешь ли мне вовремя выбраться отсюда? — робко спросил Сампо-Лопарёнок.

Волк рассмеялся (на Растекайсе все волки умеют смеяться).

— Даже не надейся на это, мой дорогой Сампо! — сказал он. — Признаюсь тебе по совести, я первый схвачу тебя за горло. Я вижу, что ты неплохо откормлен, и я с удовольствием съем тебя на завтрак, когда праздник кончится.

«Не лучше ли мне вернуться назад?» — подумал Сампо.

Но было слишком поздно. Они уже взобрались на самую вершину Растекайса.

Так вот он какой, этот горный король! Сампо глядел на него во все глаза.

Горный король сидел на троне из каменных скал и свысока поглядывал на своих подданных.

На голове у него была шапка из снежного облака.

Глаза у него были как две полные луны.

Его нос был похож на горную вершину.

Его рот был как расселина в скале.

Его борода была как застывший водопад.

Его руки были длинные и толстые, как стволы горных сосен.

Его пальцы были цепкие, как еловые ветви.

Его ноги были как утёсы.

Его шуба была как снеговая гора.

Вот какой был горный король Хийси!

А если ты спросишь — неужели Сампо-Лопарёнок мог в ночной темноте разглядеть горного короля? — я тебе отвечу: снег внизу так блестел, а вверху в небе играло такое яркое северное сияние, что всё было видно, будто днём.

Возле горного короля толпились тысячи гномов и троллей.

Ты знаешь, какие они?

С головы до пят они совсем серые: у них серые волосы, серые носы, серые глаза, серые щёки, серые руки, серые ноги... И они такие маленькие, что следы их ног на снегу легко принять за беличьи.

Сейчас гномы и тролли собрались на вершину Ра-стекайса со всего света, отовсюду, где царит мрак и холод,— с Новой Земли и Шпицбергена, из Исландии, из Гренландии и даже с Северного полюса. Все они очень боялись солнца и были бы рады, если бы солнце никогда не всходило. Раз уж оно зашло за пустынные горы, пусть там и остаётся!

Немного поодаль от королевского трона выстроились все звери — большие и маленькие,— какие только водятся в Лапландии: тут были свирепые медведи и коварные волки, хитрые росوماхи и кроткие олени, пронырливые горные крысы и бойкие оленьи блохи. Только комары не явились на праздник — они так замёрзли, что не могли даже шевельнуть крыльшками.

Сампо-Лопарёнок слез потихоньку со спины волка и спрятался за высоким выступом скалы. Отсюда ему было всё отлично видно, а его самого не видел никто.

Вот горный король потрянул головой — и сразу в синем ночном небе ещё сильнее запылало северное сияние. Оно охватило весь небосвод длинными бледно-красными лучами. В воздухе послышался треск и гудение, словно загорелся лес и огонь с шумом взбегал по стволам сосен. Северное сияние то разгоралось, то угасало, то ярко вспыхивало, то бледнело, как будто ветер порывами проносился над снежными горами.

Горный король был очень доволен. Он ударил в ладоши, и в ответ ему загрохотали глухие раскаты горных обвалов, а эхо повторило их в глубоких ущельях.

Гномы и тролли завизжали от радости, а звери завывали от страха.

И вдруг над землёй раздался громовой голос горного короля:

— Солнце не смеет больше показываться! Так я хочу! Так будет! Так должно быть!

И послушное эхо повторило его слова:

— Так будет! Так должно быть!..

Гномы и тролли страшно обрадовались.

— Да здравствует вечная тьма и вечный холод! — кричали они изо всех сил. — Так хочет король! Так будет! Так должно быть!

Но тут среди зверей поднялся глухой ропот. Волки и медведи были, пожалуй, согласны, чтобы вечный мрак и вечная тьма царили на земле. Горные крысы были того же мнения. А северные олени и другие звери ничего не имели против лета, хотя лапландские комары порядком изводили их в летние месяцы.

Что же касается маленькой оленьей блохи, то она решительно запротестовала против вечной зимы и вечной ночи.

— Как же так? — пропищала блоха и подпрыгнула повыше, чтобы все её видели. — Как же так? Ведь мы собрались здесь, на Растекайсе, чтобы проститься с ночью...

— Замолчи, жалкая тля! — заревел белый медведь. — Сегодня у нас праздник не такой, как всегда! Сегодня у нас будет настоящее веселье! Солнце никогда больше не взойдёт! Солнце погасло! Солнце умерло!

— Солнце погасло! Солнце умерло! — завывали волки, и даже ледяные горы и каменные скалы содрогнулись от ужаса.

А тролли и гномы с Северного полюса принялись прыгать и хлопать в ладоши.

И снова над пустынной землёй прогремел голос горного короля:

— Знайте все — солнце погасло! Солнце умерло!

Всё живое на земле будет теперь поклоняться мне — королю вечной зимы и вечной ночи!

Тут уж Сампо-Лопарёнок не мог выдержать — он вышел из своего убежища и, задрав голову, крикнул:

— Ты лжёшь, горный король! Ты лжёшь! Солнце не умерло! Я сам видел вчера на небе его гонцов! Солнце взойдёт! И твоя борода растает, как только солнечные лучи покажутся над землёй. Вот увидишь!

Это была неслыханная дерзость. Горный король весь потемнел от гнева. Чёрные снежные тучи сошлись над его головой.

— Кто ты такой? Как смеешь ты со мной спорить? — страшным голосом спросил горный король.

— Почему же мне не спорить с тобой, если ты говоришь неправду? — сказал Сампо-Лопарёнок. — А если ты хочешь знать, как меня зовут, — изволь, я скажу тебе: отец зовёт меня Сампо, а мать...

Но горный король не дослушал его:

— Для того чтобы проглотить тебя, мне достаточно знать, как зовёт тебя отец!

И, забыв свой собственный закон, горный король протянул огромную ручищу, чтобы раздавить Сампо-Лопарёнка.

Но тут вдруг северное сияние померкло и яркий красный луч ударил прямо в ледяное лицо горного короля.

Горный король зажмурился и опустил руку.

И тогда все увидели, что золотой край солнца стал медленно и торжественно подниматься над землёй.

Солнце осветило горные хребты, ущелья, снежные пустыни, заледеневшие сугробы, осветило всех гномов и троллей, всех больших и маленьких зверей и храброго Сампо-Лопарёнка.

Солнце весело посмотрело всем в глаза, заглянуло во все сердца. И всем почему-то стало весело. Даже тролли и гномы с Северного полюса, которые больше всех хотели, чтобы солнце умерло, и те вдруг обрадовались, когда оно взошло. Правда, они всё время от-

ворачивались от солнца, но это было одно притворство. И дело кончилось тем, что на радостях они стали кувыркаться и ходить вверх ногами.

Даже горный король со страхом заметил, что у него самого оттаивает сердце. Но — что было ещё хуже — начала таять его борода, и скоро она быстрыми ручьями побежала по его снеговой шубе.

Трудно сказать, сколько прошло времени с тех пор, как взошло солнце, — никто об этом не думал, даже Сампо-Лопарёнок.

И вдруг он услышал, как за его спиной олень сказал своему детёнышу:

— Пойдём, сын мой! Пора! Надо скорее уходить отсюда, пока волки не смеют нас тронуть!

Тут и Сампо-Лопарёнок вспомнил, какая опасность грозит ему, если он останется на Растекайсе хотя бы одну лишнюю минуту.

Он поглядел по сторонам — олени уже почти все ушли.

И вдруг он увидел великолепного оленя с чудесными золотыми рогами. Недолго думая Сампо-Лопарёнок вскочил на него верхом, и они понеслись во весь дух вниз по крутому склону горы.

В другое время Золоторогий Олень ни за что не позволил бы человеку сесть к себе на спину, но сейчас он не обратил на это никакого внимания.

— Что это за топот слышен позади нас? — спросил Сампо-Лопарёнок, когда они были на середине горы.

— Это тысяча медведей гонится за нами, чтобы растерзать нас на куски, — ответил Золоторогий Олень. — Но не бойся, ещё ни одному медведю не удавалось схватить меня за копыто!

И он мчался через обрывы и пропасти — всё вперёд и вперёд.

— Кто это так громко пыхтит позади нас? — спросил Сампо-Лопарёнок, когда они были у самого подножия горы.

— Это сто тысяч волков гонятся за нами, чтобы съесть нас живьём,— ответил Золоторогий Олень.— Но не бойся, ещё не было на земле волка, который бы догнал меня!— И он понёсся так быстро, что его копыта едва касались земли.

— Что это за гром гремит позади нас?— опять спросил Сампо-Лопарёнок.— Может быть, это горы обвалились?

— Нет,— ответил Золоторогий Олень, и каждая жилка у него задрожала.— Это сам горный король шагает своими семимильными шагами вдогонку за нами. Теперь мы пропали. От него никто не может уйти!

— Милый Золоторогий Олень, давай спрячемся где-нибудь,— сказал Сампо-Лопарёнок.

— Нет,— ответил Золоторогий Олень,— от горного короля нельзя спрятаться. Но если мы успеем добежать до озера, где стоит домик школьного учителя,— мы спасены. Горный король не имеет власти над тем, кто сильнее его.

— Да разве школьный учитель сильнее горного короля?— удивился Сампо-Лопарёнок.— Ведь горный король может раздавить его одним пальцем.

— Это верно,— сказал Золоторогий Олень.— Но дело в том, что школьный учитель совсем не боится горного короля, поэтому-то он и сильнее его.

— Так мчись же, мой добрый Золоторогий Олень, скорее мчись по горам и долам, и, когда мы вернёмся домой, я накормлю тебя золотым овсом из серебряных яслей!

Но Золоторогого Оленя не надо было просить, он и так бежал быстрее быстрого — не бежал, а летел.

Вот уже показался домик учителя...

Одним прыжком Золоторогий Олень перемахнул через ограду, ударом копыта открыл дверь и без сил упал на пороге...

Едва только дверь захлопнулась, как горный король уже бушевал во дворе. Он так колотил по стенам

и крыше, что казалось, весь домик сейчас разлетится в щепы.

А учитель как ни в чём не бывало подошёл к двери и спокойно спросил:

— Кто там стучит?

— Ты ещё спрашиваешь, кто стучит? — закричал горный король. И от его страшного голоса затряслась земля, а домик пошатнулся. — Это я! Отворяй дверь горному королю! У тебя тут спрятался мальчишка, который посмел спорить со мной! Отдавай мне его! Я его сейчас проглочу!

— Ах, ваше величество, вам придётся немного подождать, — вежливо сказал учитель. — Я должен надеть свой парадный костюм и повязать галстук, чтобы достойно встретить такого высокого гостя.

— Ладно уж! — прогремел горный король. — Да смотри поторапливайся, а не то я тебя тоже проглочу, хоть ты и без галстука!

— Нет-нет, как можно, ваше величество! — воскликнул учитель. — Я непременно должен повязать галстук!

Потом он поманил Сампо-Лопарёнка к себе и тихо спросил:

— Откуда ты, малыш? Я никогда раньше не видел тебя в школе.

— А я никогда раньше и не бывал в школе, — ответил Сампо-Лопарёнок. — Я живу на берегу реки Тено-йоки.

— Как же ты попал сюда? — удивился учитель.

— Видите ли, я был на вершине Растекайса, — сказал Сампо-Лопарёнок, — и мы с горным королём поспорили. Он сказал, что солнце никогда больше не взойдёт, а я сказал, что оно непременно взойдёт! И я был прав. Но всё-таки горный король почему-то хочет меня съесть.

— Это, конечно, несправедливо, — сказал учитель. — А скажи мне, как тебя зовут?

— Мать зовёт меня Лопарёнком, а отец...

Но в это время стены домика опять зашатались.

— Ну, скоро ли ты будешь готов? — прогремел горный король.

— Сейчас, сейчас, ваше величество! — ответил учитель.

А сам подошёл к печке, которая почти совсем погасла, и подбросил несколько поленьев. Пламя мигом вспыхнуло, и жаркий огонь загудел в трубе.

— Эй, ты! — заревел горный король. — Советую тебе поторопиться, а не то я растопчу сейчас твой дом!

И он уже занёс ногу над крышей, но сразу же отдёргнул, потому что из трубы посыпались искры и великан так обжёг себе пятку, что чуть не завыл от боли.

Тут как раз дверь отворилась и вышел учитель.

Шея у него была повязана самым лучшим — в красную горошину — галстуком, а в руках у него была яркая лампа. Он поднял лампу как можно выше и почтительно сказал:

— Прошу простить меня, ваше величество, что я заставил вас ждать.

Но горный король не дал ему кончить.

— Как ты смеешь светить мне в глаза — мне, королю вечного мрака! — закричал великан и покрепче зажмурился. — Где мальчишка? Я спрашиваю: где мальчишка, который осмелился со мной спорить? Его зовут Сампо.

— Сампо? Простите, ваше величество, но здесь нет такого мальчика. Если хотите, вы можете сами поглядеть. — И он ещё выше поднял лампу.

— Что? Ты, кажется, тоже вздумал спорить со мной! — загремел горный король.

И он протянул свою страшную ручищу, чтобы схватить учителя. Но так как он очень боялся лампы, то открыть глаза он не решался. Поэтому учителю ничего не стоило увернуться от горного короля. Он ушёл, можно сказать, прямо у него из-под рук.

Тут уж горный король разбушевался не на шутку. Он топал ногами, тряс головой и в конце концов разразился такой метелью, что в один миг весь домик был занесён снегом до самой крыши. Только кончик трубы высовывался ещё наружу, но скоро и его не стало видно...

Когда горный король решился приоткрыть глаза, кругом был мрак, холод и снег...

— Ну-ка теперь поспорь со мной! — закричал горный король и, прихрамывая, зашагал к себе на Растекайс.

С тех пор никто никогда не встречал горного короля. Видно, он не решается больше спускаться с вершины Растекайса.

А наутро взошло солнце, снег растаял, и маленький домик учителя снова стоял как ни в чём не бывало. Сампо-Лопарёнок поблагодарил учителя и стал собираться в путь.

Учитель дал ему свои сани. Сампо-Лопарёнок запряг в них Золоторогого Оленя, и они помчались к берегам реки Тено-йюки, домой, к родным местам.

Старый лопарь и лопарка уж и не надеялись увидеть сына живым. Маленький олень давно вернулся один, с пустыми санями. Как же тут было не подумать, что Сампо-Лопарёнка съели волки!

— Вот, отец, — говорила старая лопарка, утирая слёзы, — хоть и назвал ты нашего сына Сампо, а не принесло ему это счастья...

— Это ты отпугнула от него счастье, — говорил старый лопарь, тяжело вздыхая. — Не называла бы ты его другим именем, так и не случилось бы с ним беды...

Зато и обрадовались же они, когда Сампо-Лопарёнок, живой и невредимый, подкатил к чуму, да ещё на Золоторогом Олене!

— Видишь, жена, — сказал старый лопарь, — не

зря всё-таки назвал я нашего сына Сампо. Он у нас и вправду счастливый!

— А разве я что говорю! — согласилась лопарка.— Только, по-моему, и Лопарёнок хорошее имя. Да что имя! Был бы он хорошим человеком, так и счастье своё найдёт!

И она по-прежнему называла сына Лопарёнком, а отец называл его Сампо.

И снова они зажили все вместе.

Золоторогий Олень тоже остался у них. Правда, Сампо-Лопарёнок кормил его простым овсом из деревянных яслей, но Золоторогому Оленю очень нравилось и это угощение.

А когда Сампо вырос и стал умным и храбрым, как школьный учитель, он сделал своему другу серебряные ясли и каждый день засыпал в них зерно чистого золота.

Но это уже совсем другая история, и о ней ты услышишь в другой раз.

Кнут-Музыкант

Жил на свете мальчик, по имени Кнут. Отца и матери у него не было, и жил он у своей бабушки в бедной хижине на берегу моря. Берег назывался Жемчужным, хотя, по правде говоря, никто никогда не находил здесь даже самой маленькой жемчужины.

У Кнута была одна рубашка, одни штаны, одна куртка и одна шапка. Летом он бегал босиком — и это не так уж плохо. А на зиму у него были шерстяные чулки и деревянные башмаки — это уж совсем хорошо.

Кнут редко бывал сыт, но зато всегда был весел. А ведь не так-то просто смеяться, когда от голода всё время сосёт под ложечкой! Не всякий может этим похвастаться!

Бабушка Кнута пряла шерсть, а Кнут носил продавать её в усадьбу господина Петермана.

На деньги, которые приносил Кнут, бабушка покупала ржаную муку, а из муки пекла лепёшки. Если выручка была хорошая, на столе появлялось даже кислое молоко. Но чаще всего приходилось сидеть на картошке со своего огорода. Правда, её тоже хватало ненадолго — весь огород был не больше бабушкиного одеяла. Много ли соберёшь с такого клочка земли!

Однажды поутру Кнут сидел на Жемчужном берегу и перебирал желтоватые круглые камешки, которые были очень похожи на тёплые варёные картофелины. Только, к сожалению, их нельзя было есть, и Кнут забавлялся тем, что ловко закидывал их в воду.

И вдруг он увидел среди камней маленькую камышовую дудочку. Это была самая обыкновенная дудочка. У Кнута было таких с десятков — и подлиннее, и покороче, и потолще, и потоньше. Но эта, конечно, тоже не была лишней.

Кнут приложил дудочку к губам и легонько дунул.

— Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! — весело залилась дудочка.

Кнут дунул ещё раз, и дудочка жалобно затянула: — Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

Кнут дунул в третий раз, и дудочка ласково запела:

— Баю-бай! Баю-бай!

Кнут снова и снова прикладывал дудочку к губам, но никакой другой песенки она не знала.

Кнут спрятал дудочку в карман, а сам уселся на камень возле воды. В этот день Кнут был очень голоден. На завтрак у бабушки не нашлось ничего, да и на обед, наверно, будет немногим больше.

«Ах, как было бы хорошо попасть сейчас на кухню

господина Петермана!» — подумал Кнут, и ему даже показалось, что он слышит запах жареной салаки.

Чтобы не сидеть сложа руки, Кнут решил закинуть удочку. Но рыба, как назло, не клевала.

После вчерашней бури море было беспокойно. Волны, как большие стеклянные горы, набегали на берег и, коснувшись песка, снова отбегали назад.

И вдруг одна волна — самая большая, самая высокая — подкатилась к ногам Кнута, и в шорохе воды ему слышались слова:

— Кнут, не нашёл ли ты дудочку морской царевны? Она поёт только три песенки. Когда она поёт: «Тра-ла-ла!» — все смеются; когда она поёт: «Баю-бай!» — все засыпают; когда она поёт: «Ой-ой-ой!» — все плачут.

— Вот как! — сказал Кнут. — Значит, это волшебная дудочка? Да, я нашёл её, но теперь-то уж ни за что не отдам. Ступай-ка своей дорогой, волна!

Волна что-то сердито пророкотала, но что — нельзя было разобрать, и отхлынула от берега.

А Кнут достал дудочку из кармана и принялся её разглядывать.

— Так, значит, ты умеешь колдовать? А ну-ка наколдуй, чтобы рыба от меня не уходила!

Кнут дунул в дудочку, и она протяжно запела:

— Баю-бай! Баю-бай!

И вот — не прошло и минуты — у самого берега всплыл один окунь, за ним другой, за другим третий, потом всплыли лососи, щуки, сиги, а там пошла плотва, салака, корюшка и прочая быstroхвостая мелочь, какая только водится в море. Вся рыба, скованная сном, лежала на боку, тихонько покачиваясь на волнах. И уж столько её было, что хоть руками выбирай!

«Ого! Сегодня у меня будет богатый улов!» — подумал Кнут и побежал домой за корзинкой.

Но, когда он вернулся, к берегу нельзя было подойти. Дикie утки, гуси, лебеди и другие незванные

гости слетелись сюда, почуяв добычу, и с жадностью пожирали сонную рыбу.

Самыми ненасытными, самыми горластыми были чайки.

— Хватай! Хватай! — кричали они наперебой так, что было слышно на полмили вокруг.

И вдруг прямо в гущу этого крикливого птичьего базара врезался морской орёл. Он выхватил из воды самого большого лосося и полетел прочь.

Кнут чуть было не заплакал от обиды.

— Вот я вам покажу, воры! — закричал он и, схватив полную пригоршню камней, стал швырять в птиц.

Кому он подбил крыло, кому зашиб лапу, но птицы всё равно не разлетались.

Кто знает, чем бы это кончилось, но тут со стороны залива ударил выстрел, потом ещё и ещё. После каждого выстрела птицы замертво падали в воду и так же, как рыбы, покачивались на волнах.

Скоро почти все птицы были перебиты, а те, которых не настиг выстрел, с громким криком разлетались в разные стороны.

В это время из-за мыса выплыла лодка с тремя охотниками. Это был господин Петерман со своими друзьями.

Сегодня охотники были очень довольны. Ещё бы! Такой охоты у них в жизни ещё не было!

— А, это ты, Кнут! — крикнул господин Петерман. — Как это тебе удалось подманить столько птицы?

— Да я вовсе не подманивал этих птиц, — сказал Кнут. — Я играл на своей дудочке рыбам, а птицы, как видно, тоже захотели послушать мою музыку!

— Видно, ты очень искусный музыкант, — сказал господин Петерман. — С сегодняшнего дня я так и буду называть тебя: Кнут-Музыкант.

— Что ж, я согласен, — сказал Кнут.

Да и почему бы он стал спорить? Ведь Кнут-Му-

зыкант звучит ничуть не хуже, чем, например, Кнут Андерсон, или Кнут Седерлунд, или Кнут Маттсон.

— Послушай, Кнут-Музыкант,— сказал господин Петерман, подбирая из воды убитую птицу,— что это с тобой случилось? Ты стал тощий, как жердь.

— На что же мне быть похожим, если обедать мне приходится вприглядку? — весело сказал Кнут.

— Пожалуй, ты прав,— согласился господин Петерман.— Но сегодня я приглашаю тебя к себе на обед. Ведь, если бы не ты, мы никогда бы не настреляли столько дичи. Только приходи не раньше четырёх, а то птицу не успеют зажарить. Но смотри не опаздывай — я не люблю ждать.

— Благодарю вас,— сказал Кнут,— я приду ровно в четыре.

А сам подумал: «Тому, кто ничего не ел со вчерашнего дня, не так-то легко ждать до четырёх часов».

Наконец лодка, нагружённая дичью, отчалила от берега, а Кнут с пустыми руками пошёл домой.

— Ну, Кнут, много ли ты наловил рыбы? — спросила бабушка.

— Наловить-то я ничего не наловил, а видеть — много видел. Но рыбу съели птицы, а птиц подстрелил господин Петерман.

— Плохо дело, Кнут! — сказала бабушка.— Сегодня на обед у нас только и есть что четыре картофелины, две салаки и пол-ломтя хлеба.

— Пусть всё это останется вам, бабушка,— сказал Кнут.— Я сегодня дома не обедаю. Господин Петерман пригласил меня к себе на обед, и я принесу вам в кармане кусочек сыру.

— Смотри только не ходи через Киикальский лес, Кнут,— сказала бабушка.— Там живут эльфы. Там находятся владения горного короля, снежного короля и королевы лесов. Самое лучшее — идти берегом.

— Берегом очень далеко, бабушка, а я ведь со вчерашнего дня ничего не ел.

— Ну иди как знаешь. Да не думай о еде, а то ещё больше захочется есть.

— Не беспокойтесь, бабушка. По дороге я буду повторять правила грамматики,— сказал Кнут и отправился в путь.

«Неужели же я потащусь по берегу, когда лесом дорога вдвое короче!» — думал Кнут, и, дойдя до поворота, он свернул на тропинку, которая вела прямо в Киикальский лес.

«Существительные бывают собственные и нарицательные... Что сие значит?» — спрашивал самого себя Кнут, пробираясь лесной чащей.

Но он ещё не успел ответить на этот трудный вопрос, как вдруг увидел маленького, сухонького старичка, который изо всех сил толкал тележку, нагружённую железными листами.

— А, здравствуй, здравствуй, Кнут-Музыкант! — сказал старичок. — Что это с тобой? Ты очень похудел!

— Как же я могу потолстеть, когда со вчерашнего дня во рту у меня не было ничего, кроме правил грамматики! Но кто вам сказал, что меня зовут Кнут-Музыкант?

— А я никого не спрашивал. Я сам знаю, кого как зовут.

«Это удивительно,— подумал Кнут.— Ведь даже я не знал ещё сегодня утром, что меня зовут Кнут-Музыкант».

— Не могу ли я чем-нибудь помочь вам? — снова спросил Кнут старичка. — Я вижу, что вам трудно тащить эту тележку.

— Что ж, помоги, если хочешь, Музыкант,— сказал старичок.

Кнут налёг на тележку, и они двинулись дальше в глубь леса.

У подножия горы, спрятавшейся в самой чаще, старичок остановился.

— Ну вот мы и дома,— сказал он.— Пойдём со

мной, Кнут, и я угощу тебя на славу, за то что ты помог мне дотащить тележку.

«Пожалуй, не будет большой беды, если я зайду на минутку»,— подумал Кнут и вслед за стариком полез в расселину горы.

Они долго пробирались по узким каменистым ходам, пока наконец не дошли до огромной пещеры.

Стены, пол, потолок — всё тут сверкало и блестело золотом, серебром и драгоценными камнями.

— Неужели вы здесь живёте? — спросил Кнут.

— Ну да, это мой дворец. Ведь я горный король,— сказал старичок.— И завтра я справляю свадьбу моей дочки. Все мои придворные так заняты приготовлениями к свадебному пиру, что некому позаботиться о моём сегодняшнем обеде. Вот мне и пришлось самому отправиться в кладовую за припасами.

— Но, если я не ошибаюсь, вы привезли какое-то железо,— сказал Кнут.

— Не какое-то, мой мальчик, а листовое, и к тому же самого лучшего сорта. Оно гораздо вкуснее простой железной руды. Листовое железо — моё самое любимое кушанье, особенно если его раскалить добела. Ну-ка признавайся, приходилось тебе когда-нибудь есть листовое железо, да ещё раскалённое добела?

— Что-то не припомню,— ответил Кнут.

— Ну так сейчас ты узнаешь, что это такое! — сказал горный король.— Смотри, вот я кладу в печь два железных листа. Через три минуты они будут совсем белые. Тогда лезь прямо в печь и откуси кусочек свежераскалённого железа.

— Благодарю вас,— сказал Кнут,— но я бы предпочёл кусок свежеевыпеченного хлеба и миску простокваши.

— Посмотрите-ка на него! — воскликнул горный король.— Этот мальчишка, видно, совсем не понимает толка в еде! Полежай, говорят тебе, в печь, железо уже совсем готово!

— Нет уж! В печь я не полезу. Не очень-то приятно сгореть там, как щепка!

— Что за вздор ты мелешь? Там совсем не жарко. Обыкновенная комнатная температура.

И, схватив Кнута за шиворот, старик потащил его к пылающей печи.

Тут уж Кнут не стал долго раздумывать: что было сил рванулся он из рук старика и бросился бежать.

К счастью, он сразу нашёл выход из пещеры. Он бежал по лесу напрямик, не разбирая дороги. Колючие кусты можжевельника хватали его за куртку, словно хотели сорвать её с плеч, еловые ветки кололи ему глаза, вереск и голубика цеплялись за ноги.

Только когда каменная гора осталась далеко позади, Кнут перевёл дух.

«А ведь бабушка недаром говорила, что не надо ходить через Киикальский лес», — подумал Кнут, шагая тропинкой. И, чтобы идти было не так страшно, он снова принялся повторять правила грамматики:

«Существительные бывают собственные и нарицательные... Что сие значит?»

Между тем в лесу становилось всё холоднее и холоднее.

«Что сие значит?» — с удивлением подумал Кнут.

Земля кругом была покрыта снегом, а поперёк дороги высилась огромная снежная гора.

«Вот так штука! — подумал Кнут. — Среди лета — зима!..»

Он сделал несколько шагов по снегу и вдруг провалился в глубокую яму.

Когда Кнут поднялся на ноги, ни леса, ни тропинки не было. Он стоял в сверкающем ледяном дворце. Все стены дворца были украшены зеркалами из чистейшего льда, полы устланы коврами из сверкающего инея, а потолки усыпаны снежными звёздами.

Неуклюжие снежные чучела катались из угла в угол, а посередине стоял снежный великан — пря-

мой, неподвижный, окоченевший. Борода у него была из ледяных сосулек, халат — из тонкого хрустящего льда, а башмаки — из замёрзшего ягодного сока.

— Здравствуй, Кнут-Музыкант! — сказал великан. — Что это с тобой случилось? Ты таешь, как сосулька на солнце.

— Что же в этом удивительного, если со вчерашнего дня я не ел ничего, кроме кусочка калёного железа, — ответил Кнут, стуча зубами от холода.

— И всё-таки не следует горячиться, молодой человек, — сказал великан. — Я — снежный король и от всех своих подданных требую хладнокровия. Поэтому-то из них и получают настоящие снежные шары, крепкие и круглые. И тебя я тоже сделаю круглым, как шар... Эй, Снежное Чучело! Окуни-ка этого мальчишку семь раз в ледяную воду да повесь его на сучок — пусть промёрзнет хорошенько!

— Пойдите! — закричал Кнут. — Я и так уже промёрз от головы до пят. Дайте мне лучше кружку парного молока и кусок жареного мяса.

— Слишком ты горяч, слишком горяч!.. Эй, Снежное Чучело! — приказал великан. — Дать этому мальчишке кусок замороженной ртути и кружку лихорадки!

Тут Кнуту и пришёл бы конец, если бы он не вспомнил вдруг о своей дудочке. Кнут поспешно сунул её в рот и стал дуть изо всех сил.

— Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! — заиграла дудочка.

И сразу лицо великана скривилось — не то от злости, не то от смеха. Он был вне себя от ярости, но почему-то ни с того ни с сего ему захотелось смеяться. Смех так и разбирал его. И чем больше он злился, тем громче смеялся. Он так хохотал, так хохотал, что сосульки со звоном посыпались с его волос и бороды. Его прямо трясло от смеха, и в конце концов колени у него подогнулись, а голова скатилась с плеч и разбилась вдребезги.

И все его придворные тоже покатались со смеху и катались до тех пор, пока совсем не развалились.

Даже ледяные зеркала во дворце и те лопались от смеха.

Кнут и сам чуть не смеялся, но всё-таки он играл и играл на своей дудочке, пока весь дворец не превратился в огромный сугроб... Поднялась метель. Снежный вихрь подхватил Кнута, закружил и куда-то понёс...

Когда Кнут открыл глаза, он снова стоял на лесной тропинке. Снег растаял, по всему лесу зашумели ручьи. Опять вернулось лето.

«Теперь буду глядеть в оба»,— подумал Кнут, пробираясь лесом.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как вдруг увидел чудесную зелёную полянку. Тут было столько земляники, что казалось, будто вся трава забрызгана красными капельками.

«Пожалуй, не случится большой беды, если я полакомлюсь немного ягодами. Ведь обед будет не раньше четырёх»,— подумал Кнут.

Но едва только он протянул руку за земляникой, как все ягодки бросились от него в разные стороны.

«Ну и дела!— подумал Кнут.— В этом лесу, кажется, всё заколдовано, даже земляника».

Он наклонился к самой земле и тут только разглядел, что это вовсе не земляника, а крошечные лесные человечки — эльфы. Ростом они были не выше кустиков земляники, и все — в красных юбочках и красных шапочках.

А на зелёной кочке посреди поляны сидела сама королева эльфов.

— Здравствуй, здравствуй, Кнут-Музыкант! — сказала королева.— Так это ты распугал весь мой народ?

— Прошу простить меня, ваше величество,— сказал Кнут, кланяясь королеве,— но я принял ваших подданных за спелую землянику.

— Бедный мальчик! — воскликнула королева. — Ты, наверно, очень голоден?

— Как же мне быть сытым, если со вчерашнего дня я ничего не ел, кроме калёного железа и замороженной ртути! — сказал Кнут.

— Да, этим, пожалуй, сыт не будешь, — согласилась королева эльфов и, обернувшись к своим фрейлинам, приказала: — Дайте ему маковую росинку и комариную ножку! Пусть бедняга хоть раз поест досыта.

— Благодарю вас, — сказал Кнут. — Но не лучше ли будет, если вы дадите мне корзинку земляники и ведро молока?

— Ну и грубиян ты! — воскликнула королева. — Мало того, что ты явился в моё королевство без спросу и раздавил тридцать моих верных подданных! Ты ещё смеешь спорить со мной!.. Эй, лесные пауки! Сюда! Принимайтесь за работу!

И тотчас с деревьев спустились тысячи длинноногих пауков. Они обступили Кнута со всех сторон и принялись опутывать его паутиной.

Кнут попытался было разорвать паутину руками, но руки его словно прилипли к куртке. Он хотел убежать, но не смог сделать ни шагу, как будто его спеленали. Глаза ему залепила густая паутиновая сетка, и кончилось тем, что он как подкошенный свалился в траву.

Ну и смех поднялся кругом! Вся лесная полянка смеялась над ним. Никогда ещё эльфы так не веселились! Они прыгали и скакали вокруг Кнута, танцевали на нём, щекотали ему нос и шею и вообще были в восторге от всей этой забавы.

— Теперь лежи здесь, пока сам не запросишь капельку росы и комариную ножку! — пищали они ему в самое ухо.

«Плохо моё дело», — подумал Кнут.

И вдруг в голову ему пришла прекрасная мысль.

— Послушайте, маленькие эльфы, — взмолился

Кнут,— для того чтобы вы на меня не сердились, я готов съесть не то что комариную ножку, а даже кусочек тростника! Пусть только кто-нибудь достанет его из моего кармана и сунет мне в рот.

Всем известно, что эльфы очень любопытны. Поэтому им, конечно, захотелось посмотреть, как это человек будет есть тростник.

И вот четверо смельчаков полезли, словно в глубокую пропасть, в карман Кнута. С трудом выволокли они тростниковую дудочку и потащили её сначала вверх по руке Кнута, потом по его плечу, потом по шее, до самого подбородка. Тут они разом взялись за неё, подняли и приставили к губам Кнута.

И снова эльфы принялись танцевать и прыгать вокруг Кнута. Они так громко смеялись, что можно было подумать, будто целые тучи комаров пищат над поляной.

А Кнут, едва только дудочка оказалась у него во рту, дунул в неё легонько, и дудочка жалобно запела: — Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

И сразу на полянке затих весёлый смех. Потом стало слышно, как на траву упала одна капля, потом другая, третья, и вот словно зашумел внезапно хлынувший дождь. Кнут, хоть и не видел ничего, но сразу догадался, что это плачут эльфы. Ему даже стало жалко, что эти маленькие весёлые существа так горюют.

— Послушайте,— сказал наконец Кнут,— если вы освободите меня, я прикажу моей дудочке развселить вас. А не освободите — так вечно и будете лить слёзы!

Ничего страшнее этого эльфы не могли себе представить. Громко всхлипывая, они бросились срывать с Кнута паутину, распутывать ему руки и ноги.

И вот наконец Кнут встал во весь рост и оглядел своих маленьких врагов. Ну и жалкий был у них вид!

Но всё-таки Кнут не мог отказать себе в удовольствии ещё разок пугнуть их.

Он снова дунул в дудочку, и она снова протяжно и жалобно затянула:

— Ой-ой-ой!..

Бедные эльфы! Больше всего на свете они хотели смеяться, а эта ужасная дудочка заставляла их плакать.

Но Кнут не стал долго мучить их. Он ещё раз дунул в дудочку, и громкая, весёлая песня зазвучала над поляной.

— Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! — заливалась дудочка.

Что тут случилось с эльфами! Они чуть не сошли с ума от радости. Они прыгали так высоко, что могли достать даже жаворонков в небе. Кнут то и дело отряхивался, потому что эльфы сыпались на него, словно осенние листья.

— Ну, мне пора идти, — сказал Кнут, когда эльфы вволю наплясались. — До свидания, маленькие эльфы! Веселитесь, да не забывайте о моей дудочке!

И Кнут снова отправился в путь.

«С горным королём, со снежным королём и с эльфами я уже познакомился. Интересно, чем угостит меня королева лесов?..» — думал Кнут, шагая по лесу.

Он отошёл не очень далеко, как вдруг увидел в стороне от тропинки болото, поросшее морошкой.

«А что, если я съем несколько ягодок? — подумал Кнут. — Кажется, это самая обыкновенная морошка — не ходит, не говорит, не плачет и не смеётся».

У края болота лежала огромная старая ель, поваленная, как видно, бурей. Раздвигая густые, мохнатые ветки, Кнут полез через толстый ствол. И вдруг — он так и обмер от страха — ель поднялась во весь рост, а Кнут повис высоко над землёй, зацепившись за ветку.

— Кто это осмелился потревожить меня после обеда? — хриплым, скрипучим голосом проговорила ель. — А, это ты, Кнут-Музыкант! Ты что же, не знаешь, где находишься? Я — королева леса. На семь

миль кругом тянутся мои владения. Видишь, какой у меня прекрасный дворец?

Кнут посмотрел по сторонам, но на семь миль кругом не было видно ничего, кроме дикой, непроходимой чащи.

Стараясь говорить как можно вежливее, Кнут спросил, нельзя ли ему спуститься на землю, чтобы собрать немного морошки.

— Что! Морошки? — зашумела ель. — Если ты голоден, ешь мох. Я прикажу тебе дать семь возов моха. Вот это будет настоящее королевское угощение!

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — но я с большим удовольствием съел бы воз яблочного киселя и семь бочек мёда.

— Кисель, говоришь? Да я из тебя самого сделаю кисель!.. Эй, мой верный орёл! Бери этого мальчишку! Можешь приготовить из него обед для своих птенцов!

Кнут поднял голову. Тут только он увидел на вершухе ели огромного орла, который смотрел на него кровожадными глазами. Хотя сам Кнут и не прочь был пообедать, но ему не очень-то улыбалось достаться на обед орлу. Он хотел спрыгнуть вниз, но не тут-то было — колючие ветки крепко держали его за руки и за ноги.

Кнут совсем приуныл. И вдруг он почувствовал какое-то лёгкое прикосновение — словно кузнечик пробежал по его рукаву, прыгнул на воротник, вскочил к нему на подбородок. Кнут скосил глаза. Это был маленький эльф. Когда все эльфы на поляне плясали и прыгали вокруг Кнута, он попал Кнуту в карман да так и застрял там.

С трудом, точно из глубокой пропасти, выбрался он теперь из кармана и тащил за собой волшебную дудочку, которая была раз в шесть больше его самого.

— Играй! — сказал эльф, приставляя дудочку к губам Кнута.

Кнут сжал дудочку губами и дунул в неё.

— Баю-бай! Баю-бай! — протяжно запела дудочка.

И сразу ель стала зевать, потягиваться всеми своими ветками и наконец, что-то бормоча о невежах, которые помешали ей поспать после обеда, снова растянулась на болоте...

Когда Кнут выкарабкался из-под веток, весь лес храпел так, как будто рычала добрая сотня медведей. Даже у кровожадного орла слипались глаза, и, тяжело взмахивая крыльями, он полетел прочь, засыпая на лету.

Кнут быстро перебрался через деревья, поваленные сном, и вышел на просёлочную дорогу.

Отсюда до усадьбы господина Петермана было уже совсем недалеко.

Кнут прибавил шаг. Но как он ни спешил, а всё-таки к обеду опоздал.

Когда Кнут вошёл в дом, все уже сидели в столовой за столом и ели жареную утку. Утка, как видно, была очень вкусная, и гости, не уставая, хвалили охотника, который её подстрелил, и повара, который её зажарил.

— Добро пожаловать, Музыкант! — сказал господин Петерман, увидев Кнута. — Что же ты опоздал к обеду?

— Как же мне было не опоздать, когда я уже четыре раза был на званых обедах и отведал калёного железа, замороженной ртути, комариной ножки с приправой из утренней росы и на сладкое семь возов моха! — весело сказал Кнут.

— Ого, не слишком ли это много? Боюсь, не объелся ли ты! — воскликнул господин Петерман. — Хорошо, по крайней мере, что мы тебя не ждали. После таких лакомств ты, конечно, откажешься от обыкновенной жареной утки! — И он весело подмигнул гостям, очень довольный своей шуткой. — А чтобы тебе не было скучно смотреть, как мы едим, — добавил

господин Петерман для утешения,— поиграй нам на своей дудочке, Кнут! Ты ведь отличный музыкант!

«Пожалуй, это будет потруднее, чем есть калёное железо и замороженную ртуть»,— подумал Кнут. Но вслух сказал:

— Извольте! Если вам так хочется, я поиграю.

Он вытащил дудочку и легонько дунул в неё.

— Ой-ой-ой! — грустно затагнула дудочка.

И сразу же господин Петерман тяжело вздохнул.

Глядя на него, стали вздыхать и гости, на глазах у всех выступили слёзы, никто больше не хотел вкусной жареной утки.

— Ой-ой-ой! — протяжно пела дудочка.

— Знаешь что, Кнут,— громко всхлипывая, сказал господин Петерман,— лучше уж садись с нами обедать! Что-то твоя музыка не очень весёлая...— И, уткнувшись лицом в салфетку, он залился слезами.

— Ну что ж, если вы просите, я, так и быть, составлю вам компанию,— сказал Кнут.

Он спрятал дудочку в карман и сел к столу.

Понемногу гости успокоились. Они вытерли слёзы и, с опаской поглядывая на Кнута, снова придвинули к себе тарелки.

А Кнут как ни в чём не бывало принялся за суп, за пирог и за жареную утку.

Он был очень доволен, что проучил господина Петермана. Да и утка была отличная. Но что там ни говори, а дома, с бабушкой, обедать гораздо веселее! Поэтому Кнут поспешил домой. Но своё слово он сдержал и принёс бабушке обещанный кусочек сыру.

Возвращался он берегом, и ему пришлось пройти лишние две мили.

И всё-таки дорога эта оказалась вдвое короче, чем дорога через Киикальский лес.

Солнечный Луч в ноябре

муравьи работали без отдыха и срока. Стоял ноябрь, а делу не видно было конца.

Прежде всего надо было наглухо законопатить все щели и щёлочки, чтобы никакой мороз и ветер не пробрался в муравьиное жилище.

Потом нужно было обойти все кладовые и проверить, достаточно ли там запасов, чтобы прожить пять или шесть месяцев в заточении.

Потом хорошенько укрепить все входы и выходы на случай вражеского нападения.

Потом расчистить все муравьиные дорожки, чтобы на них не осталось ни одного сухого листка, ни одной иголки.

И, наконец, надо было залезть на самое высокое дерево и оттуда наблюдать за всем, что делается на свете. А главное — следить за облаками, чтобы не пропустить приближения зимы.

Но не одни только муравьи готовились к встрече зимы. Этим были заняты все жуки, пауки, букашки, козявки — а их на свете 94 квинтильона 18 квадрильонов 400 триллионов 520 миллиардов 880 миллионов 954 тысячи 369!

Попробуй-ка напиши это число!

Мне сказали, что их ровно столько, но я не поручусь, что это правильно. Может быть, их всего только 94 квинтильона 18 квадрильонов 400 триллионов 520 миллиардов 880 миллионов 954 тысячи 368.

Земля уже покрылась инеем — семь миллионов застывших капель, семь миллионов жемчужин было рассыпано по земле, и никто их не поднимал.

Увядающие стебельки трав и деревья оделись в тёмные, печальные платья, и только сосны и ели остались

в своих зелёных шубах, которые они никогда не снимали.

Ветры — резвые сыновья воздуха — сметали с облаков белые пушистые хлопья, чтобы укрыть землю.

Замерзающие волны напевали у берегов свою грустную песню, пока наконец сами не заснули под твёрдым ледяным покровом.

Всюду было холодно, пасмурно, печально...

И вдруг в это ненастное время блеснул Солнечный Луч. Он пробился сквозь тёмную снеговую тучу, заблестел на жемчужинах инея, осветил увядшую траву, помертвевшие деревья, мрачные сосны, взглянул на трудолюбивых муравьёв, на все 94 квинтильона букашек, жуков, пауков — сколько их в точности, я уже позабыл, — и в одно мгновение всё кругом изменилось.

— Что это? — с удивлением сказал филин и зажмурил глаза.

Он сидел на высокой сосне и пел басом: «Осень пришла, я слышу свист бури...» Голос у него был хриплый, скрипучий, но теперь, когда все певчие птицы улетели, и он мог сойти за певца.

— Это ни на что не похоже! — снова сказал филин. — Я даже начинаю фальшивить. Солнце совсем ослепило меня, и я не вижу, что написано в нотах.

Муравьи тоже были недовольны.

— Это никуда не годится! — говорили они с возмущением.

Они с большим трудом только что кончили нанизывать жемчужный иней на стебельки трав, а тут вдруг совершенно некстати блеснул Солнечный Луч, и все жемчужины начали таять.

— Нет, это никуда не годится! — ворчали муравьи. — Убирали, убирали, и вот опять всюду слякоть и грязь!

Но, пока они ворчали, Солнечный Луч уже побежал дальше.

Он скользил по чёрной, голой земле и вдруг наткнулся на засохший осиновый листок. Сюда, под этот листок, забился полевой кузнечик. Целое лето он трещал и прыгал, нисколько не заботясь о том, что с ним будет зимой, и вот теперь лежал полумёртвый от голода и холода.

«Наверно, зима уже кончилась и вернулось лето»,— подумал кузнечик, пригретый Солнечным Лучом.

И ему стало так весело, что он снова затрещал, застрекотал и стал выкидывать такие коленца, что увядший осиновый листок и тот запрыгал вместе с ним.

А добрый Солнечный Луч как будто летел на трепещущих крыльях всё дальше и дальше.

Вот он скользнул по замёрзшему пруду, засверкал на ледяной глади. Здесь уже толпились школьники. Все они смеялись и кричали. Мальчики вычерчивали только что наточенными коньками затейливые узоры на льду, а девочки стояли у берега и осторожно — то одной ногой, то другой — пробовали лёд.

— Не нужно ли кого-нибудь согреть? — спросил Солнечный Луч.

— Нет, нет! — закричали ребята.— Нам и так жарко!

— Только, пожалуйста, лёд не растопи! На коньках кататься так весело!

— Ну, если вам и без меня хорошо, я побегу дальше,— сказал Солнечный Луч.

Около поникшей печальной берёзы он снова остановился.

— О чём ты горюешь? — спросил Солнечный Луч.— Может быть, я могу утешить тебя?

— Нет,— ответила берёза,— меня не надо утешать. Ведь я знаю, что, когда придёт весна, я снова зазеленею и стану ещё лучше, ещё красивее прежнего.

И Солнечный Луч опять побежал дальше.

Вот он заглянул в окно маленького домика и уви-

дел девочку, которая стояла около цветочного горшка и горько плакала.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь тебе? — спросил Солнечный Луч.

— Да, да, как раз ты мне и нужен! — обрадовалась девочка. — Я посадила весной миртовый отросточек. Всё время он так хорошо рос в горшке, а вот теперь совсем завял!

— Ну, этому горю легко помочь, — сказал Солнечный Луч.

И он засветил так приветливо и тепло, что миртовый росток сразу ожил, а у девочки высохли на глазах слёзы.

— До свидания! Весной я вернусь опять! — сказал на прощание Солнечный Луч и побежал дальше.

Ему пора было уже возвращаться домой. Но всё-таки он не утерпел и заглянул ещё в одно окошко.

На этот раз он попал в большую комнату, где всё было перевёрнуто вверх дном: ящики из комода выдвинуты, все вещи разбросаны. По комнате суетилась старушка и в десятый раз перекладывала всё с места на место. Старушка искала связку ключей. Только что они лежали вот здесь, на столе, а теперь точно сквозь землю провалились.

— Вот они! — весело воскликнул Солнечный Луч и уткнулся в связку ключей, словно показывая на них пальцем.

— Ах, да вот же они! — обрадовалась старушка. — Хорошо, когда солнечный луч проглянет. Всё тогда идёт на лад!

А Солнечный Луч уже исчез в окне. Он вдоволь набегался в этот день, и теперь ему надо было спешить. Тяжёлые, чёрные тучи уже затянули всё небо, и только в одном месте оставалась щёлочка, через которую Солнечный Луч мог проскользнуть. Хорошо, что он был такой быстрый, — в один миг он очутился за четырнадцать миллионов миль, у самого солнца.

Он вернулся как раз вовремя.

Тучи плотно сошлись, и тёмная завеса опустилась над землёй.

Но Солнечный Луч не унывал — он знал, что это не навсегда. Поэтому он уселся на самый край солнца и ждал только удобного случая, чтобы снова соскользнуть вниз.

И каждый раз, когда он вспоминал своё путешествие на землю в пасмурный ноябрьский день, он начинал сиять так, как будто уже наступило лето. И в этом нет ничего удивительного: если тебе удалось хоть немного утешить или развеселить кого-нибудь, ты можешь считать, что сделал хорошее дело.

Три брата

ного лет тому назад жил на свете отец с тремя сыновьями.

Выросли сыновья молодцами, один другого лучше.

Вот и говорит им отец:

— Ступайте, дети, по белу свету странствовать, людей посмотрите и какому-нибудь делу научитесь.

Тому из вас, кто самым лучшим мастером вернётся, я свой дом оставлю.

Пошли братья странствовать. Три года бродили они по чужим краям, а через три года вернулись все в один день домой к отцу.

— Здравствуй, отец,— говорят они.

— Здравствуйте, дети,— отвечает отец.— Ну что, научились чему-нибудь?

— Да,— говорят,— научились.

— Чему же вы, дети, научились?

— Я,— говорит младший сын,— брить научился.

— Я,— говорит средний сын,— ковать научился.

— А я,— сказал старший сын,— фехтовать научился.

— Ну и хорошо,— говорит отец.— Хотел бы я посмотреть, ловко ли вы умеете брить, ковать и фехтовать.

А в это время по полю бежал заяц.

— Эх! — закричал младший сын, который брить научился.— Тебя-то мне и надо!

Схватил он тазик и мыло, взбил кисточкой пену, а потом догнал зайца, на бегу намылил ему мордочку и выбрил обе щеки.

Да как чисто выбрил! Ни разу не порезал и ни одного волоска не оставил.

— Хорошая работа,— сказал отец.— Ловко брешь!

И только он это проговорил, как на дороге показалась карета.

— А ну-ка,— говорит средний сын, который ковать научился,— посмотрите, отец, и на моё умение!

Побежал средний сын за каретой, догнал её, оторвал у лошади на всём скаку все четыре подковы и тут же на всём скаку подковал её сызнова.

— Отличная работа! — сказал отец.— Не хуже, чем у твоего брата.

Тут заговорил старший сын:

— Позволь, отец, и мне показать своё умение!

— Что ж,— говорит отец,— покажи.

А как раз в это время пошёл дождь.

Взял старший сын свою шпагу да как начал вертеть её у себя над головой! Так быстро вертит, что ни

одна капля на него не попадает. Дождь льёт всё сильнее и сильнее. Хлещет как из ведра, а старший сын только вертит шпагой и стоит сухой, будто под крышей. Все капли дождевые шпагой отбивает!

Увидел это отец, удивился и сказал детям:

— Все вы искусные мастера — не знаю я, кому из вас дом оставить. Живите все вместе.

Согласились с ним сыновья да так с тех пор вместе и живут.

Гном-Тихогром

ил на свете мельник. Был он стар и беден, и ничего-то у него не было хорошего, кроме дочки. Зато дочка и вправду была хороша — красивая, весёлая, работающая. Старик нахвалиться ею не мог. Вот раз довелось мельнику разговаривать с самим королём. Ну, каждому человеку приятно своими детьми похвастаться. Он возьми да и скажи:

— Есть у меня дочка. Уж такая умница, такая разумница — из соломы золотую пряжу прядёт!

Король очень удивился.

— Неужели, — говорит, — из соломы? Это мне нравится. Если твоя дочь и в самом деле такая мастерица, приведи её завтра ко мне во дворец. Надо испытать её искусство.

Мельник очень обрадовался. А на самом-то деле рано было радоваться. Он, видите ли, попросту хотел сказать, что дочка у него славная рукодельница и может даже из плохого волокна напрямь хорошей пряжи, а из плохой пряжи — наткать хорошего полотна. Только и всего.

А король подумал, что она и вправду умеет прясть из простой соломы золотую пряжу.

В том-то и беда, что короли не всегда понимают, о чём толкуют простые люди. А простые люди не всегда знают, что думают короли.

Но как бы там ни было, а мельник очень обрадовался такому почётному приглашению и велел дочке собираться назавтра в гости к королю.

Она принарядилась, как могла,—надела своё праздничное платье, цветную ленточку на шею, колечко на палец — и, весёлая, отправилась во дворец, раздумывая по дороге о том, что ей велят делать — ткать, шить, вязать или всего-навсего чистить кастрюли и мыть лестницы?..

«Ну пусть что хотят, то и приказывают,—говорила она себе.— Уж я-то не ударю лицом в грязь».

Каково же было её удивление, когда сам король встретил её на пороге, отвёл в комнату, битком набитую соломой, велел принести ей прялку и сказал:

— Ну вот что, девушка! Твой отец рассказал мне, какая ты искусница. Принимайся-ка за работу. Если ты к завтрашнему дню перепрядёшь мне всю эту солому в золото, я тебя по-королевски награжу. А нет—на себя пеняй. Ни тебе, ни твоему отцу несдобровать—вам обоим палач отрубит головы на городской площади.— И с этими словами король вышел, запер дверь на ключ и вернулся к своим делам.

Ах, как испугалась мельникова дочка! Она была мастерица на все руки: умела печь пироги, варить пиво, начинять колбасы; она вышивала золотом по бархату и цветным шёлком по кисее; плела кружева лёгкие, как паутина; умела ткать самое тонкое полотно и вязать из шерсти узорные чулки, колпаки и одеяла,—но прясть из соломы золото она не умела. Да и никто не умеет.

Целый день просидела бедная девушка, ломая голову над тем, как ей выпутаться из беды. Она плакала, вытирала слёзы своим вышитым передником и

опять принималась плакать. Но так ничего и не придумала. Впрочем, она ещё надеялась вечером, когда стемнеет, как-нибудь ускользнуть из этой страшной комнаты.

«Ведь откроют же они дверь хоть на минутку», — думала она.

И в самом деле — дверь открылась. Ей принесли ужин и три толстые свечи, чтобы она могла работать до рассвета. Но не успела она и с места встать, как дверь снова захлопнулась и ключ дважды повернулся в замке.

А под окном ходили всё время двое часовых с алебардами, да и окно находилось под самой крышей. Разве что на крыльях можно было из него вылететь. Но мельникова дочка не умела летать, так же как и прясть из соломы золото.

От таких мыслей она заплакала ещё горше, хотя ей и казалось, что за день она выплакала все свои слёзы до одной.

И вот, когда она уже совсем потеряла надежду на спасенье, в углу что-то заскреблось, словно мышка пробирается из подполья на волю, солома зашевелилась, и в комнате появился маленький юркий человечек — большеголовый, длиннорукий, на тонких ножках.

— Добрый вечер, прекрасная мельничиха! — сказал он. — О чём это ты так горько плачешь?

— Ах, как же мне не плакать! — ответила девушка. — Король приказал мне напрядь из этой соломы золота, а я не умею.

— Ну и что же? — спросил человечек.

— Мне отрубят за это голову, — ответила она.

Человечек задумался.

— Да, это очень неприятно, — сказал он. — Ну, а что ты мне дашь, если я за тебя напяду золота из соломы?

— Цветную ленточку с шеи и мою благодарность до конца дней моих.

— Очень хорошо,— сказал человечек.

Она пододвинула ему свой ужин и зажгла свечу. Ужин он съел с удовольствием, а свечу задул и сказал, что ему и так светло — от собственных глаз.

После этого он уселся перед прялкой и — ж-ж-ж... Колесо так и зажужжало. Не успела девушка сосчитать до трёх, как вся шпулька была обмотана золотой пряжей.

Тогда он взял другую шпульку, третью, четвёртую...

До самого рассвета жужжало колесо прялки. Девушка только и успевала подавать человечку шпульки и сматывать в клубки золотую пряжу.

И вот в комнате не осталось ни одной соломинки. Человечек взял у девушки обещанную ленточку и пропал, будто его и не было.

А тут и король постучался в дверь. Он так и обмер, увидев, что вся солома превратилась в чистое золото. Об одном только он пожалел: о том, что комната, набитая соломой, была недостаточно велика.

Но комнат во дворце было много, а соломы на дворе — ещё больше.

Король велел набить соломой от пола до потолка другую комнату, гораздо больше прежней, сам отвёл туда мельникову дочку и приказал сейчас же приступить за работу, если только жизнь ей дорога.

Бедняжка ничего не ответила и молча села за прялку, вытирая слёзы.

Но, когда стало совсем темно, в комнате опять появился маленький человечек и спросил у неё:

— Что ты мне дашь, если я и на этот раз на пряду тебе золота из соломы?

— Вечную мою благодарность и колечко с пальца.

— Хорошо.

Человечек взял кольцо. И снова завертелось и зажужжало колесо прялки.

А когда наутро король пришёл поглядеть, что поделывает его пряха, он увидел, что она крепко спит, а вокруг неё лежит столько золота, сколько вчера было соломы.

Король ещё больше обрадовался, но сказать «довольно» у него не хватило сил.

Он приказал набить соломой третью комнату. Она была втрое больше, чем обе прежние, вместе взятые, и соломы в ней помещалось тоже втрое больше.

— Ну вот что,— сказал король.— Если ты и эту солому превратишь в золото, ты станешь моею женой и королевой.

«Ничего, что она простая девушка, мельникова дочка,— думал он.— На всём свете я не найду себе невесты богаче, чем она».

И вот девушка опять осталась одна. А когда стемнело, к ней снова явился маленький человечек и спросил:

— Ну что ты мне дашь, если я и в третий раз на пряду для тебя золота из соломы?

— У меня больше ничего нет, кроме благодарности,— ответила она.

— Этого мне мало,— сказал человечек.— Ты скоро станешь королевой. Обещай мне отдать своего первого ребёнка — и я сейчас же сяду за прялку. А нет — прощай!..

«Кто знает, что ещё будет,— подумала мельникова дочка.— Может, король вовсе и не женится на мне? Может, у меня и детей-то никогда не будет...» — И она пообещала человечку своего первенца.

Человечек опять сел за прялку. И, когда король поутру вошёл в комнату, он зажмурился и закрыл лицо руками: вокруг лежало столько золота и оно так блестело, что даже смотреть на него было больно.

Король сдержал слово. Не прошло и трёх дней, как во дворце сыграли пышную свадьбу. И мельникова дочка стала королевой.

А через год у неё родился ребёнок.

Королева была очень счастлива и даже думать забыла о человечке и о своём обещании.

И вот как-то раз ночью, когда она сидела у колыбели, в углу что-то заскреблось, словно мышка хотела выкарабкаться из подполья на волю.

Королева вздрогнула, подняла глаза и увидела, что рядом с ней стоит маленький юркий человечек — большеголовый, длиннорукий, на тонких ножках.

— Ну,— сказал он,— моё — мне! Давай-ка сюда то, что обещала! — И он протянул к ребёнку свои длинные руки.

Ах, как испугалась королева! Как горько она заплакала, умоляя человечка взять у неё все драгоценности, все богатства в королевстве — даже мантию и корону — и только оставить ей ребёнка!.. Но человечек стоял на своём.

— Нет,— говорил он.— Живое, тёпленькое для меня милее всех сокровищ на свете.

Тут уж королева едва не лишилась чувств. Она упала перед человечком на колени и сказала, что умрёт, если он не сжадется над ней.

И человечек сжалился.

— Хорошо,— сказал он.— Даю тебе три дня сроку. Если за это время ты узнаешь, как меня зовут, дитя твоё останется у тебя.— И с этими словами он исчез.

Всю ночь королева перебирала в памяти имена, которые когда-либо слышала. На рассвете она разослала во все концы своего королевства гонцов и велела им разузнать в городах и деревнях, какие где встречаются имена и прозвища.

И вот пришла ночь, и человечек опять появился у неё в комнате.

— Может быть, тебя зовут Каспар? — спросила королева дрожащим от страха голосом.

— Нет.

— Мельхиор?

— Нет.

— Бальцер?

— Нет.

Королева называла по порядку все имена, какие только знала, но человечек всякий раз качал головой и усмеялся.

— Нет,— говорил он.— Меня зовут не так.

На другой день она послала гонцов в соседние государства, чтобы узнать, какие имена дают людям в чужих странах.

Когда человечек явился к ней, она перебрала самые мудрёные имена и прозвища, которые узнала от гонцов.

— Может быть, тебя зовут Реброхвост?

— Нет.

— Круторог?

— Нет.

— Лови-Догоняй?

— Нет, нет.

Что бы она ни сказала, он твердил в ответ одно и то же:

— Меня зовут не так!

И вот наступил третий день. Королева не могла больше припомнить ни одного нового имени и с нетерпением ждала возвращения своих гонцов, которым велела побывать на этот раз в самых глухих углах и закоулках, в хижинах угольщиков и в пещерах горных пастухов.

Один за другим гонцы возвращались во дворец, но никто из них не сказал королеве ничего нового.

Наконец вошёл последний гонец.

— Королева! — доложил он.— Целый день ходил я по горам и лесам, но не услышал ни одного неизвестного нам прозвания. Имён на свете меньше, чем людей. Новые люди рождаются и получают старые имена. Я уж хотел было возвращаться домой, да зашёл невзначай в такую чашу, где только лисы да зайцы желают друг другу доброй ночи, а человеческого духу и не бывало. И тут, меж тремя старыми деревья-

ми, увидел я маленький-маленький домик. Перед домиком был разложен костёр, а вокруг костра плясал человечек — большеголовый, длиннорукий, на тоненьких ножках. Он подскакивал то на одной ноге, то на другой и распевал:

Пусть клубится дымок,
Пусть печётся пирог —
Славный выкуп мне завтра дадут!
На земле никому, никому невдомёк,
Как меня под землёю зовут.
А зовут меня Гном,
А зовут меня Гном,
А зовут меня Гном-
Тихогром!

Можете себе представить, как обрадовалась королева, услышав это имя. Она щедро наградила гонца и села у колыбели поджидать человечка.

Он скоро появился, потирая свои длинные руки и посмеиваясь.

— Ну, госпожа королева,— сказал он,— как меня зовут?

— Может быть, Франц? — спросила она.

— Нет.

— Может быть, Кунц?

— Нет.

— А может быть, Гейнц?

— Нет.

— Ну так, может быть, Гном-Тихогром?

— Это тебе сам чёрт подсказал! Сам чёрт подсказал! — закричал человечек и от гнева так сильно топнул ногой, что она ушла в землю по самое бедро. Тогда он обеими руками схватился за левую ногу и в ярости разорвал себя пополам.

Белоснежка и Краснотопорька

а краю леса, в маленькой избушке, одиноко жила бедная вдова. Перед избушкой у неё был сад, а в саду росли два розовых куста. На одном из них цвели белые розы, а на другом — красные.

И были у неё две дочки — одна белее белой розы, другая румяней красной. Одну прозвали Бе-

лоснежкой, другую — Краснотопорькой.

Обе девочки были скромные, добрые, работающие, послушные. Кажется, весь свет обойди — не найдёшь лучше! Только Белоснежка была тише и ласковей, чем её сестра. Краснотопорька любила бегать и прыгать по лугам и полям, собирать цветы, ловить певчих птичек. А Белоснежка охотнее оставалась подле матери: помогала ей по хозяйству или читала что-нибудь вслух, когда делать было нечего.

Сёстры так сильно любили друг дружку, что всюду ходили вместе, взявшись за руки. И если Белоснежка говорила: «Мы никогда не расстанемся», — то Краснотопорька прибавляла: «До тех пор, пока живы!» А мать заканчивала: «Во всём помогайте друг дружке и всё делите поровну!»

Часто обе сестры уходили вдвоём в дремучий лес собирать спелые ягоды. И ни разу ни один хищный зверь не тронул их, ни один маленький зверёк не спрятался от них в страхе. Зайчик смело брал капустный лист из рук сестёр, дикая коза, как домашняя, паслась у них на глазах, олень весело прыгал вокруг, а лесные птицы и не думали улетать от девочек — они сидели на ветках и пели им все песни, какие только знали.

Никогда никакой беды не приключалось с ними в лесу. Если, бывало, они замешкаются и ночь застанет

их в чаше, они укладывались рядышком на мягкий мох и спокойно засыпали до утра. Мать знала это и нисколько не тревожилась о них.

Белоснежка и Краснозорька так чисто прибирали всегда свой домик, что и заглянуть туда было приятно.

Летом за всем присматривала Краснозорька. Каждое утро, прежде чем просыпалась мать, она ставила возле её постели букет цветов, а в букете непременно было по цветку с каждого розового куста — белая роза и красная.

А зимой в доме хозяйничала Белоснежка. Она разводила в очаге огонь и вешала над огнём котелок на крюке. Котелок был медный, но блестел, как золотой, — так ярко он был начищен.

Вечером, когда за окнами мела метель, мать говорила:

— Поди, Белоснежка, закрой поплотнее дверь!

И они втроём усаживались перед очагом.

Мать доставала очки, раскрывала большую толстую книгу и принималась читать, а обе девочки сидели за своими прялками, слушали и пряли. Подле них на полу лежал барашек, а позади, на нашесте, дремал, спрятав голову под крыло, белый голубок.

Вот как-то раз, когда они сидели так перед огнём и коротали вечер за книгой и прялкой, кто-то робко постучался у дверей, словно просил впустить его.

— Слышишь, Краснозорька? — сказала мать. — Отопри поскорей! Это, наверное, какой-нибудь путник ищет у нас приюта и отдыха.

Краснозорька пошла и отодвинула засов. Она думала, что увидит за дверью усталого человека, застигнутого непогодой.

Но нет, на пороге стоял не человек. Это был медведь, который сразу же просунул в дверь свою огромную чёрную голову.

Краснозорька громко вскрикнула и отскочила назад. Барашек заблеял. Голубок захлопал крылья-

ми. А Белоснежка спряталась в самый дальний угол, за кровать матери.

Медведь посмотрел на них и сказал человеческим голосом:

— Не бойтесь! Я не сделаю вам никакого зла. Я просто очень озяб и хотел бы хоть немного обогреться у вас.

— Ах ты, бедный зверь! — сказала мать. — Ложись-ка вот тут, у огня... Только смотри поосторожнее — не подпали как-нибудь ненароком свою шубу.

Потом она закричала:

— Белоснежка! Краснозорька! Идите сюда поскорей! Медведь не сделает вам ничего дурного. Он умный и добрый.

Обе девочки подошли поближе, а за ними и барашек и голубок. И скоро уже никто из них не боялся медведя.

— Дети, — сказал медведь, — почистите-ка немного мою шубу, а то она вся в снегу.

Девочки принесли метёлку, обмели и почистили густой медвежий мех, и медведь растянулся перед огнём, урча от удовольствия.

А Белоснежка и Краснозорька доверчиво примостились возле него и давай тормошить своего неповоротливого гостя. Они ерошили его шерсть пальцами, ставили свои ножки к нему на спину, тянули его то вправо, то влево, дразнили его ореховыми прутьями. А когда зверь начинал рычать, они звонко смеялись.

Медведь охотно позволял играть с ним и, только когда его уж очень донимали, ворчал:

— Белоснежка! Краснозорька! Пощадите!

Долго ль, дети, до греха?

Вы убьёте жениха.

Когда наступила ночь и пришло время ложиться спать, мать сказала медведю:

— Оставайся-ка тут, перед очагом. Здесь ты, по крайней мере, будешь укрыт от ветра и стужи.

Мохнатый гость остался.

На рассвете девочки отворили дверь, и медведь медленно побрёл в лес по снежным сугробам.

Но с той поры каждый вечер в один и тот же час он приходил к ним, ложился перед очагом и позволял обеим сёстрам тормошить его сколько им вздумается.

Девочки так привыкли к нему, что даже дверей не закрывали, пока не придёт их косматый чёрный приятель.

И вот наступила весна. Когда всё вокруг зазеленело, медведь сказал Белоснежке:

— Прощай. Я должен уйти от вас, и целое лето мы не увидимся.

— Да куда ж ты идёшь, милый медведь? — спросила Белоснежка.

— В лес — охранять свои сокровища от злых карликов, — ответил медведь. — Зимой, когда земля накрепко замерзает, они не могут выкарабкаться наверх и поневоле сидят в своих глубоких норах. Но сейчас солнце обогрело землю, растопило лёд, и они уже, верно, проложили дорогу из своего подземелья на волю, вылезли наружу, всюду шарят и тащат к себе, что приглянется. А уж что попадёт к ним в руки и окажется у них в норе, то не скоро выйдет опять на дневной свет.

Жалко было Белоснежке расставаться с добрым другом. Она в последний раз отворила ему дверь. А он, пробираясь мимо неё через порог, зацепился нечаянно за дверной крюк и вырвал кусочек шерсти. И тут Белоснежке показалось, что под косматой медвежьей шкурой блеснуло золото... Но она и глазам своим не поверила. Медведь опрометью бросился бежать и, прежде чем она успела оглянуться, пропал за деревьями.

Вскоре после того послала мать обеих дочек в лес за хворостом. В чаще девочки набрали на большое

дерево, поваленное наземь непогодой. Ещё издали они заметили, что возле ствола в траве что-то суетится и прыгает. Но что это такое — они не могли разобрать.

Сёстры подошли поближе и увидели карлика — маленького старичка с морщинистым лицом и длинной белой как снег бородой. Кончик его бороды попал в трещину дерева, и малыш прыгал и метался, словно собачонка на верёвочке, но никак не мог вырваться на волю.

Завидев девочек, он выпучил свои красные, светящиеся, как искры, глазёнки и закричал:

— Чего же вы стали? Не можете подойти поближе и помочь человеку?

— Да что ты тут делаешь, старичок? — спросила Краснозорька.

— Глупая любопытная гусыня! — ответил карлик. — Я хотел расколоть дерево, чтобы наготовить себе мелких дровец для кухни. На толстых поленьях пригорают наши нежные лёгкие кушанья. Ведь мы едим понемножку, а не набиваем себе брюхо, как вы, грубый жадный народ!.. Я уж было вколотил в дерево клин, и всё шло отлично, да проклятая деревяшка оказалась слишком скользкой и ни с того ни с сего вылетела обратно. Я не успел отскочить, и мою прекрасную белую бороду защемило, словно тисками. Вот она и застряла в трещине, и я, сколько ни бьюсь, не могу вырваться... Да вы что смеётесь, толстощёкие дуры? Тьфу, и смотреть-то на вас противно!

Девочки изо всех сил старались помочь карлику, но высвободить его бороду им никак не удалось: уж очень крепко зажало её в расщелине.

— Я побегу позову людей, — сказала Краснозорька.

— Пустые бараньи головы! — заскрипел карлик. — Очень нужно звать сюда людей! Хватит с меня и вас двоих. Неужто вы не можете придумать ничего лучшего?

— Потерпи немножко, человечек,— сказала Белоснежка.— Сейчас я тебя выручу.

Она вытащила из кармана маленькие ножницы и отстригла ему кончик бороды.

Чуть только карлик почувствовал себя на свободе, он схватил запрятанный меж корней дерева и доверху набитый золотом мешок и крепко завязал его, ворча под нос:

— Неотёсанный народ!.. Отхватили кусок моей роскошной бороды... Чтоб вам пусто было!

С этими словами он взвалил мешок на плечи и ушёл, даже не поглядев на девочек.

Через несколько дней после того Белоснежка и Краснозорька вздумали наловить к обеду немного рыбы. Придя на берег ручья, они увидели какого-то большого кузнечика, который прыгал около самой воды, словно хотел кинуться в ручей.

Они подбежали поближе и узнали карлика, которого недавно видели в лесу.

— Да что с тобой? — спросила Краснозорька.— Ты, кажется, собираешься прыгнуть в воду?

— Я не такой дурак! — крикнул в ответ карлик.— Неужто вы сами не видите, что это проклятая рыба тянет меня за собой?

Оказалось, что карлик сидел на берегу и удил рыбу. На беду, ветер вздумал поиграть его длинной бородой и намотал её на лесу удочки. А тут, словно нарочно, клюнула большая рыба. У бедняги не хватило силёнки вытащить её на берег. Рыба одолела рыболова и потянула его за собой в воду. Он цеплялся за травинки и соломинки, но никак не мог удержаться. Рыба металась в воде и таскала его за собой по берегу то вправо, то влево... Ещё немного, и она утащила бы его на дно.

Девочки подросли как раз вовремя. Крепко ухватив карлика, они попытались распутать его бороду. Да где там! Борода и леска так тесно переплелись, что думать об этом было нечего.

Оставалось одно: снова достать из кармана маленькие ножницы и остричь ещё клочок бороды.

Чуть только щёлкнули ножницы, карлик закричал не своим голосом:

— Да где это видано, лягушки вы лупоглазые, — так уродовать человека! Мало того, что давеча они отхватили у меня конец бороды, теперь они обкорнали её лучшую часть. Да какая в таком виде своим покажусь! Ах, чтоб вам на бегу подошвы потерять!..

Тут он схватил мешок с жемчугом, запрятанный в камышах, и, не сказав больше ни слова, пропал за камнем.

Прошло ещё дня три, и вот мать послала обеих дочек в город — купить иглол, ниток, шнурков и лент.

Дорога шла через пустынную равнину, по которой тут и там были разбросаны огромные глыбы камня.

Девочки заметили, что в небе парит большая птица. Медленно кружась, она опускалась всё ниже и ниже и наконец села неподалёку от девочек, возле одной из скал.

В то же мгновение они услышали чей-то пронзительный жалобный крик.

Сёстры бросились на помощь и с ужасом увидели, что в когти орла попал их старый знакомый — седобородый карлик. Птица расправила крылья и уже собиралась унести его.

Девочки изо всех сил ухватились за человечка и до тех пор дёргали и тянули его к себе, пока птица не выпустила свою добычу.

Едва карлик опомнился от испуга, он закричал своим скрипучим, визгливым голосом:

— Неужто нельзя было обойтись со мной как-нибудь поосторожней? Вы в клочья разорвали мой кафтанчик из такого тонкого сукна!.. Эх вы, неуклюжие, неповоротливые девчонки!

Он поднял мешок, на этот раз набитый драгоценными камнями, и юркнул в какую-то нору под скалой.

А девочки, ничуть не удивившись, пошли дальше: они уже привыкли к его неблагодарности.

Вечером, окончив в городе свои дела, сёстры возвращались той же дорогой и опять неожиданно увидели карлика.

Выбрав чистое, ровное местечко, он вытряхнул из своего мешка драгоценные камни и разбирал их, не думая, что кто-нибудь так поздно пойдёт мимо скал.

В лучах заходящего солнца блестящие камешки так чудесно мерцали, переливаясь всеми цветами радуги, что сёстры невольно остановились и залюбовались.

Карлик поднял голову и заметил девочек.

— Ну чего стали, разини?— закричал он, и его пепельно-серое лицо побагровело от злости.— Что вам тут надо?..

Он открыл рот, чтобы выкрикнуть ещё какое-то ругательство, но тут послышалось грозное рычание и большой чёрный медведь шаром выкатился из леса.

Карлик в страхе отскочил в сторону, но улизнуть в свою подземную нору ему не удалось: медведь уже был в двух шагах от него.

Тогда, дрожа от ужаса, он запищал:

— Дорогой господин медведь, пощадите меня! Я отдам вам все свои сокровища! Взгляните хоть на те прекрасные камешки, что лежат перед вами... Только подарите мне жизнь! Ну на что я вам, такой маленький и щупленький? Вы даже не почувствуете меня на зубах. Возьмите лучше этих скверных девчонок! Вот это будет для вас лакомый кусочек. Вы же сами видите, что они жирнее молодых перепёлок. Скушайте их обеих на здоровье!..

Но медведь и ухом не повёл, как будто не слышал, что говорит ему злой человечек. Он только ударил его разок своей тяжёлой лапой, и карлик больше не шевельнулся.

Девочки очень испугались и бросились было бежать, но медведь крикнул им вслед:

— Белоснежка, Краснозорька, не бойтесь, подождите! И я с вами!

Тут они узнали голос своего старого приятеля и остановились. Когда же медведь поравнялся с ними, толстая медвежья шкура вдруг свалилась с него, и они увидели перед собой прекрасного юношу, с ног до головы одетого в золото.

— Я королевич,— сказал юноша.— Этот злой карлик похитил мои сокровища, а меня самого превратил в медведя. Диким зверем должен я был скитаться по лесным дебрям до тех пор, пока его смерть не освободит меня. И вот наконец он наказан поделом, а я опять стал человеком. Но я никогда не забуду, как вы пожалели меня, когда я был ещё в звериной шкуре. Больше мы с вами не расстанемся. Пусть Белоснежка станет моей женой, а Краснозорька — женой моего брата.

Так и случилось. Когда пришло время, королевич женился на Белоснежке, а его брат — на Краснозорьке.

Драгоценные сокровища, унесённые карликом в подземные пещеры, снова засверкали на солнце.

Добрая вдова ещё долгие годы жила у своих дочерей спокойно и счастливо. Оба розовых куста она взяла с собою. Они росли под её окном. И каждый год расцветали на них чудесные розы — белые и красные.

Король Дроздобород

У одного короля была дочь, которая прославилась на весь свет своей красотой. И правда, хороша она была выше всякой меры, но зато и высокомерна, как никто. Никого из женихов не считала она достойным своей руки. Кто ни сватался к ней, все получали отказ да ещё какое-нибудь злое словечко или насмешливое прозвище в придачу. Старый король всё прощал своей единственной дочке, но под конец даже ему надоели её прихоти и причуды.

Он велел устроить пышное празднество и созвать из дальних краёв и соседних городов всех молодых людей, ещё не потерявших надежду понравиться королевне и добиться её благосклонности.

Съехалось немало женихов. Их построили в ряд, одного за другим, по старшинству рода и величине дохода. Сначала стояли короли и наследные принцы, потом — герцоги, потом — князья, графы, бароны и, наконец, простые дворяне.

После этого королевну повели вдоль ряда, чтобы она могла поглядеть на женихов, и выбрать себе в мужа того, кто больше всех придётся по сердцу.

Но и на этот раз никто не приглянулся королевне.

Один жених показался ей слишком толстым.

— Пивная бочка! — сказала она.

Другой — долговязым и долгоносым, как журавль на болоте:

— Журавлины долги ноги не найдут пути-дороги.

Третий ростом не вышел:

— От земли не видать — боюсь растоптать!

Четвёртого она нашла слишком бледным:

— Белый, как смерть, тощий, как жердь!

Пятого — слишком румяным:

— Краснокожий, на рака похожий!..

Шестого — недостаточно стройным:

— Свежее дерево — за печкой сушено. Было сырое, стало сухое, было прямое, стало кривое!

Словом, всем досталось на орехи.

Но почему-то хуже всех пришлось молодому королю, который занимал в ряду женихов чуть ли не самое почётное место.

Уж в нём-то, кажется, не было ничего смешного. Всякой девушке пришёлся бы он по вкусу, только не нашей королевне. Она, видите ли, разглядела, что борода у него острее, чем следует, и слишком выдаётся вперёд. И этого было довольно, чтоб потешаться над ним всю.

— Ах! — воскликнула она и засмеялась. — Посмотрите! Посмотрите! У него борода, словно клюв у дрозда! Король Дроздобород! Король Дроздобород!

А так как на свете немало охотников посмеяться над соседом, то словцо это тут же подхватили, и никто с той поры не называл иначе молодого короля, как король Дроздобород.

Но всякой потехе приходит конец.

Когда старый король, отец прекрасной королевы, увидел, что дочка его вовсе и не думает выбирать себе жениха, а только зря потешается над людьми, явившимися по его приглашению, он сильно разгневался и поклялся своей головой и короной, что выдаст её замуж за первого попавшегося нищего, который постучится у ворот.

Прошло два дня. И вот под окнами дворца задрезжали струны, и какой-то бродячий музыкант затянул свою песенку. Пение стоило музыки, да и песня была из тех, что поются не ради веселья, а только для того, чтобы разжалобить слушателей и выпросить у них несколько грошей или кусок хлеба.

Но король прислушался и послал за музыкантом своих слуг.

— Впустите-ка его. Пусть войдёт сюда! — сказал он.

Грязный, оборванный нищий робко вошёл во дворец и пропел перед королём и королевной всё, что знал и помнил. А потом низко поклонился и попросил милостиво наградить его не столько за умение, сколько за старанье.

Король сказал:

— Какова работа, такова и плата. Мне так понравилось твоё пение, братец, что я решил выдать за тебя замуж родную дочь.

Услышав эти слова, королевна в ужасе упала перед отцом на колени, но король даже не поглядел на неё.

— Ничего не поделаешь! — сказал он. — Я поклялся своей головой и короной, что отдам тебя за первого попавшегося нищего, и я сдержу свою клятву!

Сколько ни плакала королевна, сколько ни молила — всё было напрасно. Её тут же обвенчали с нищим музыкантом.

А после венчанья король сказал:

— Не пристало жене нищего жить в королевском дворце. Можешь отправляться со своим мужем на все четыре стороны.

Нищий музыкант, не говоря ни слова, взял за руку молодую жену и вывел за ворота. Первый раз в жизни королевна пешком вышла из отцовского дворца.

Опустив голову, не глядя по сторонам, шла она вслед за своим мужем по каменистой пыльной дороге.

Долго брели они так по равнинам и холмам, по дорогам, дорожкам и тропинкам. И наконец тропинка вывела их в сень густого леса.

Они сели отдохнуть под старым дубом, и королевна спросила, невольно залюбовавшись тенистыми деревьями:

— Чей это лес закрыл небесный свод?
— Владеет им король Дроздобород.
А если б ты была его женой —
То был бы твой.

Королевна задумалась, а потом вздохнула и прошептала:

— Ах, кабы мне дана была свобода,
Я стала бы женой Дроздоборода...

Музыкант искоса поглядел на неё, но ничего не сказал. Они пошли дальше.

И вот перед ними — полноводная река, а вдоль берега стелется свежий, сочный луг.

Королевна опять спросила:

— Чей этот луг над гладью синих вод?
— Владеет им король Дроздобород.
А если б ты была его женой —
То был бы твой.

— Ах, — сказала королевна, глотая слёзы. —
Будь мне возвращена моя свобода,
Я стала бы женой Дроздоборода!

Музыкант нахмурился, покачал головой, но и тут ничего не сказал ей. И они опять пошли дальше.

Когда солнце стало опускаться за холмами, королевна и нищий музыкант подошли к стенам большого богатого города. Над золотыми тяжёлыми воротами возвышалась круглая башня.

Королевна спросила:

— Чей это город с башней у ворот?
— Владеет им король Дроздобород.
А если б ты была его женой —
То был бы твой!

Тут королевна не выдержала. Она горько заплакала и воскликнула, ломая руки:

— Вернись ко мне опять моя свобода —
Я стала бы женой Дроздоборода!..

Музыкант рассердился.

— Слушай-ка, голубушка! — сказал он. — Не больно-то мне по вкусу, что ты на каждом слове по-

минаешь другого и жалеешь, что не пошла за него замуж. А я-то что же, недостаточно хорош для тебя?

Королевна притихла. Не обменявшись ни одним словом, они прошли через весь город и остановились на самой окраине, около маленького, вросшего в землю домика. Сердце дрогнуло в груди у королевны. Она поглядела на домик, на мужа и робко спросила:

— Чей это домик, старый и кривой?

— Он мой и твой!— ответил с гордостью музыкант и отворил покосившуюся дверь.— Здесь мы с тобою будем жить. Входи!

Ей пришлось наклониться, чтобы, переступая через порог, не удариться головой о низкую притолоку.

— А где же слуги?— спросила королевна, поглядев по сторонам.

— Какие там слуги!— ответил нищий.— Что понадобится, сделаешь сама. Вот разведи-ка огонёк, поставь воду да приготовь мне чего-нибудь поесть. Я изрядно устал.

Но королевна не имела ни малейшего понятия о том, как разводят огонь и стряпают, и музыканту пришлось самому приложить ко всему руки, чтобы дело кое-как пошло на лад.

Наконец скудный ужин поспел. Они поели и легли отдохнуть.

А на другой день нищий ни свет ни заря поднял с постели бедную королевну.

— Вставай, хозяйюшка, некогда нежиться! Никто за тебя работать не станет!

Так прожили они дня два, ни шатко ни валко, и мало-помалу все припасы бедного музыканта подошли к концу.

— Ну, жена,— сказал он,— хорошенького понемножку. Это безделье не доведёт нас до добра. Мы с тобой только проедаемся, а зарабатывать ничего не зарабатываем. Начни-ка ты хоть корзинки

плести, что ли... Прибыль от этого небольшая, да зато и труд не велик.

Он пошёл в лес, нарезал ивняку и принёс домой целую вязанку.

Королевна принялась плести корзины, но жёсткие прутья не слушались её. Они не хотели ни сгибаться, ни переплетаться и только исцарапали да покололи её белые ручки.

— Так!—сказал муж, поглядев на её работу.— Вижу, что это дело не для таких белоручек, как ты. Садись-ка лучше прясть. Авось хоть на это у тебя хватит ума да уменья.

Она села за прялку, но грубая нитка врезалась в нежные пальцы, и кровь капала с них так же часто, как слёзы из её глаз.

— Чистое наказание с тобой! — сказал муж. — Ну посуди сама — на что ты годишься!.. Попробовать, что ли, торговать горшками да всякими там глиняными чашками-плошками?.. Будешь сидеть на рынке, моргать глазами и получать денежки.

«Ах,—подумала королевна, — что, если кто-нибудь из нашего королевства приедет в этот город, придёт на площадь и увидит, что я сижу на рынке и торгую горшками!.. Как они будут смеяться надо мной!»

Но делать было нечего. Либо помирай с голоду, либо соглашайся на всё. И королевна согласилась.

Сначала торговля пошла славно. Люди нарасхват брали горшки у прекрасной торговки и платили ей, не торгуясь, всё, что она ни запрашивала. Мало того, иные давали ей деньги да ещё в придачу только что купленные горшки.

Так жили они до тех пор, пока все чашки и плошки до последней не были распроданы. А потом муж снова закупил целый воз глиняной посуды. Королевна уселась на рыночной площади, возле дороги, поставила вокруг свой товар и приготовилась торговать.

Как вдруг, откуда ни возьмись, какой-то пьяный

гусар на горячем коне вихрем вылетел из-за угла и пронёсся прямо по горшкам, оставив за собою облако пыли да груды битых черепков.

Королевна залилась слезами.

— Ах, как мне достанется! — в страхе приговаривала она, перебирая остатки растоптанной посуды. — Ах, что теперь скажет мой муж!..

Она побежала домой и, плача, рассказала ему о своём несчастье.

— Да кто же садится с глиняной посудой на рынке с краю, у проезжей дороги!.. — сказал муж. — Ну ладно!.. Полно реветь! Я отлично вижу, что ты не годишься ни для какой порядочной работы. Нынче я был в королевском замке и спросил там на кухне, не нужна ли им судомойка. Говорят — нужна. Собирайся-ка! Я отведу тебя в замок и пристрою к месту. Будешь, по крайней мере, сыта.

Так прекрасная королевна стала судомойкой. Она была теперь на посылках у повара и делала самую чёрную работу. В глубокие карманы своего большого фартука она засунула по горшочку и складывала туда остатки кушаний, достававшиеся на её долю. А вечером уносила эти горшочки домой, чтобы поужинать после работы.

В то самое время, когда королевна-судомойка чистила на кухне закопчённые котлы и выгребала из очага золу, во дворце готовились отпраздновать большое событие — свадьбу молодого короля.

Настал наконец и торжественный день.

Окончив работу, королевна тихонько пробралась из кухни наверх и притаилась за дверью парадной залы, чтобы хоть издали полюбоваться на королевский праздник.

И вот зажглись тысячи свечей. Огни заиграли на золоте, серебре и драгоценных камнях, и гости — один нарядней другого — стали входить в королевские покои.

Королевна смотрела на них из своего угла, и чем

дольше она смотрела, тем тяжелее становилось у неё на сердце.

«Я считала когда-то, что я лучше всех на свете, что я первая из первых,— думала она.— И вот теперь я — последняя из последних...»

Мимо неё вереницей проходили слуги, неся на вытянутых руках огромные блюда с дорогими кушаньями. А возвращаясь назад, то один, то другой бросал ей какой-нибудь оставшийся кусок — корку от пирога, крылышко птицы или рыбий хвост, и она ловила все эти хвосты, крылышки и корочки, чтобы припрятать их в свои горшочки, а потом унести домой.

Вдруг из залы вышел сам молодой король — весь в шелку и бархате, с золотой цепью на шее.

Увидев за дверью молодую, красивую женщину, он схватил её за руку и потащил танцевать. Но она отбивалась от него изо всех сил, отворачивая голову и пряча глаза. Королевна так боялась, что он узнает её! Ведь это был король Дроздобород — тот самый король Дроздобород, которого ещё совсем недавно она высмеяла неизвестно за что и прогнала с позором.

Но не так-то легко было вырваться из его крепких рук. Король Дроздобород вывел королевну-судомойку на самую середину залы и пустился с ней в пляс.

И тут завязка её фартука лопнула. Горшочки вывалились из карманов, ударились об пол и разлетелись на мелкие черепки. Брызнули во все стороны и первое и второе, и суп и жаркое, и косточки и корочки.

Казалось, стены королевского замка рухнут от смеха. Смеялись знатные гости, прибывшие на праздник, смеялись придворные дамы и кавалеры, смеялись юные пажы и седые советники, хохотали и слуги, сгибаясь в три погибели и хватаясь за бока.

Одной королевне было не до смеха. От стыда и унижения она готова была провалиться сквозь землю.

Закрыв лицо руками, выбежала она из залы и опрометью бросилась вниз по лестнице.

Но кто-то догнал её, схватил за плечи и заставил вернуться назад.

Королевна подняла голову, взглянула и увидела, что это опять был он — король Дроздобород!

Он ласково сказал ей:

— Не бойся! Разве ты не узнаёшь меня? Ведь я тот самый бедный музыкант, который был с тобой в маленьком покосившемся домике на окраине города. И я тот самый гусар, который растоптал твои горшки на базаре. И тот осмеянный жених, которого ты обидела ни за что ни про что. Из любви к тебе я сменил мантию на нищенские лохмотья и провёл тебя дорогой унижений,— чтобы ты поняла, как горько человеку быть обиженным и осмеянным, чтобы сердце твоё смягчилось и стало так же прекрасно, как и лицо.

Королевна горько заплакала.

— Ах, я так виновата, так виновата, что недостойна быть твоей женой...— прошептала она.

Но король не дал ей договорить.

— Полно! Всё дурное осталось позади,— сказал он.— Давай же праздновать нашу свадьбу!

Придворные дамы нарядили молодую королеву в платье, расшитое алмазами и жемчугами, и повели в самую большую и великолепную залу дворца, где её ждали знатные гости и среди них — старый король, её отец.

Все поздравляли молодых и без конца желали им счастья и согласия.

Тут-то и началось настоящее веселье. Жаль только, нас с тобой там не было...

Королевич-лягушка, или Железный Генрих

авным-давно, ещё в те времена, когда обещания исполнялись, а желания сбывались, жил на свете старый король. Все дочери у него были красавицы, а уж младшая была до того хороша, что даже солнце, которое столько видело на своём веку, и то заглядывалось на её личико.

Неподалёку от королевского замка стеной стоял большой тёмный лес, а в лесу под старой липой был колодец.

В жаркие дни королева выходила в лес к старой липе и садилась на каменную ограду колодца. А чтобы не было скучно, она брала с собой золотой мячик, подбрасывала его и опять ловила. Это была её любимая игра.

И вот случилось как-то раз, что мяч взлетел очень уж высоко. Королева подставила ручки, чтобы поймать его, но он пролетел мимо, ударился о землю и, подскочив выше ограды, упал в колодец.

Как ни старалась королева разглядеть свой мячик в тёмной воде, он пропал, словно его никогда не было. Колодец был глубокий, такой глубокий, что и дна-то в нём не было видно.

Королева горько заплакала. Она плакала всё громче, громче и никак не могла утешиться.

Вот сидит она, плачет и вдруг слышит — кто-то говорит ей хрипло:

— Что с тобой, королева? Ты так горько плачешь, что холодный камень и тот пожалеет тебя.

Кто же это сказал? Она поглядела по сторонам и заметила в колодце лягушонка, который выставил из воды свою противную плоскую голову.

— Ах, это ты, бедный мокрошлёп! — сказала она. — Я горюю о моём золотом мячике — он упал в воду...

— Успокойся и не плачь больше, — сказал лягушонок. — Я могу помочь тебе в этой беде. Но скажи сначала, что ты мне дашь, если я достану твою игрушку.

— Всё, что захочешь, милый лягушонок, — сказала королева, — мои платья, мои жемчуга, мои драгоценные камни... Я отдам тебе даже золотую корону, которую всегда ношу!

— Нет, — сказал лягушонок, — не надо мне ни твоих платьев, ни жемчугов, ни драгоценных камней. И твоей золотой короны я тоже не хочу. А хочу я, чтобы ты полюбила меня и подружилась со мной, хочу играть с тобой во всякие игры, сидеть рядом с тобой за твоим столиком, есть из твоей золотой тарелочки, пить из твоего золотого стаканчика и спать в твоей постельке. Вот если ты мне всё это пообещаешь, я сейчас же нырну в колодец и достану твой мячик.

— Ну конечно, обещаю, — сказала королева. — Я сделаю всё, что ты пожелаешь. Только достань мне поскорее мой золотой мяч.

А сама подумала: «Что он там болтает, этот глупый лягушонок? Сидел бы в луже со своей роднёй да квакал! Ну разве он может быть товарищем человеку?»

А лягушонок, едва только она сказала: «Обещаю», сразу скрылся под водой. Он нырнул на самое дно и, прежде чем королева успела сосчитать до пяти, вынырнул с золотым мячиком во рту и бросил его на траву к её ногам.

Королева очень обрадовалась, увидев свою любимую игрушку, подняла мячик и бегом побежала из леса домой.

— Постой! Постой! — крикнул лягушонок ей вслед. — Возьми же меня с собой. Я не могу бегать так быстро, как ты!

Но сколько он ни кричал, сколько ни квакал — она даже не обернулась. Может быть, второпях она его не слыхала — кто знает?! Во всяком случае, она ничего не сказала дома и скоро совсем позабыла про бедного лягушонка, которому пришлось ни с чем спуститься в свой тёмный колодец.

На другой день младшая королева вместе с королём и со всеми придворными сидела за столом и ела из своей золотой тарелочки. И вдруг все услышали: шлёп-шлёп-шлёп-шлёп... Кто-то вскарабкался по мраморной лестнице и, добравшись до верхней ступеньки, постучался в дверь и сказал:

— Королева-младшая, от-во-ри!

Королева вскочила и побежала посмотреть, кто это к ней пришёл. Отворяет дверь, а на пороге сидит лягушонок!..

Она скорее захлопнула дверь, вернулась на своё место и опять села за стол. Но ей стало очень страшно.

Король сразу услышал, что сердце у неё стучит, будто выскочить хочет, и спрашивает:

— Что с тобой, дитя моё? Отчего ты так испугалась? Уж не стоит ли там за дверью какой-нибудь великан, который задумал тебя похитить?

— О нет,— ответила королева.— Это совсем не великан, это просто гадкий лягушонок.

— А чего же ему надо от тебя, этому лягушонку?

— Ах, милый отец! — сказала королева. — Сидела я вчера в лесу, у колодца, играла в мяч, и вдруг мой золотой мячик упал в воду... Я заплакала. Тогда этот лягушонок достал мне его и потребовал, чтобы я за это взяла его к себе в товарищи. Ну я и пообещала, ведь мне и в голову не приходило, что он может вылезти из своей лужи. А теперь он явился сюда и хочет, чтоб я его впустила.

В это время в дверь опять постучали — во второй раз,— и тот же голос хрипло проквакал:

— Королева-младшая, от-во-ри! Разве ты забы-

ла, что сказала мне у глубокого холодного колодца?.. Королевна-младшая, от-во-ри!

Тогда король сказал:

— То, что обещано, должно быть исполнено. Ступай и отвори ему!

Делать нечего! Она пошла и отворила. Лягушонок перескочил через порог и поскакал дальше, вслед за нею, прямо к её стулу. Тут он остановился и говорит:

— Ну посади меня рядом с собой!

Но королевна до тех пор не решалась взять его в руки, пока король не приказал ей.

Едва только лягушонок очутился на стуле, как ему захотелось на стол. Пришлось посадить его на стол. Он уселся и говорит:

— А теперь подвинь поближе ко мне свою золотую тарелочку. Будем есть вместе.

Волей-неволей пододвинула она к нему свою тарелочку.

Лягушонок с удовольствием принялся за еду, а у неё чуть ли не каждый кусочек застревал в горле.

Наконец лягушонок наелся и говорит:

— Ну вот я и сыт. Теперь снеси меня в свою комнату, приготовь свою шёлковую постельку, и ляжем мы с тобой вместе спать. Я что-то устал.

Королевна так и залилась слезами. Ей было противно даже притронуться к этому скользкому, холодному лягушонку, а не то что уложить его рядом с собой в свою чистую мягкую постельку.

Тут король рассердился и сказал:

— Стыдно гнушаться тем, кто помог тебе в беде!

И бедная королевна осторожно взяла лягушонка двумя пальчиками, снесла к себе наверх и посадила в угол.

Но, чуть только она улеглась в постель, лягушонок подполз к ней и говорит:

— Я тоже устал и хочу спать! Возьми меня к себе, а не то я пожалуюсь твоему отцу.

Ах, как рассердилась королева! Она схватила его, размахнулась да как швырнёт изо всех сил.

— Ну теперь-то ты уймёшься наконец, мерзкий лягушонок!..

Лягушонок ударился об пол и вдруг вместо него перед королевой оказался прекрасный королевич с голубыми глазами и золотыми кудрями.

Он рассказал королеве, что злая колдунья превратила его в лягушонка и что из всех людей на свете только она одна, младшая дочь короля, могла освободить его от злых чар. И вот теперь он наконец свободен.

А на другое утро, едва только солнце поднялось над лесом, к воротам королевского замка подъехала карета, запряжённая восьмёркой белых коней. На головах у коней качались страусовые перья, вся упряжь была из золотых цепочек, а на запятках стоял слуга королевича — верный Генрих.

Верный Генрих так горячо любил своего молодого господина и так горько горевал, когда колдунья превратила того в лягушонка, что ему пришлось сковать своё сердце тремя железными обручами, чтобы оно не разорвалось от печали и горя.

В этой-то карете и должен был вернуться королевич с невестой в своё королевство.

И вот верный Генрих усадил молодых в карету, а сам снова стал на запятки, от всего сердца радуясь избавлению своего господина.

Но не успели они доехать до первого поворота, как вдруг что-то треснуло позади, будто сломалось.

Королевич обернулся и говорит:

— Генрих, ломается ось пополам!

— Нет, господин, это кажется вам.

Лопнул тот обруч, которым сковал

Я своё сердце, когда тосковал,

Пока вы в колодце глубоком, студёном

Сидели на дне лягушонком зелёным!

Ещё раз и ещё раз треснуло что-то во время пути, и королевичу с королевной всё казалось, что это ломается карета. А это один за другим лопались железные обручи на сердце верного Генриха, потому что большая радость не умещается в сердце, окованном железными обручами.

Калиф-аист

I

Было это давным-давно, в незапамятные времена, в далёком городе Багдаде. Однажды, в прекрасное послеобеденное время, калиф багдадский Хасид предавался отдыху. Он даже успел немного вздремнуть, утомлённый дневным зноем, и теперь был в самом лучшем расположении духа. Полёживая на диване, он курил длинную трубку розового дерева и попивал кофе из чашечки китайского фарфора. Кофе был отличный, и после каждого глотка калиф от удовольствия по-

глаживал бороду. Словом, он был, что называется, на верху блаженства. В такой час ему что хочешь говори, о чём хочешь проси, — калиф всё выслушает благосклонно и ни на что не разгневается.

Это отлично знал великий визирь калифа — Мансор. Поэтому он всегда являлся к калифу со всеми делами и просьбами в час его послеобеденного отдыха.

Так было и в тот день, о котором идёт речь. Визирь пришёл в своё урочное время, но только на этот раз он не стал просить за виновных, не стал жаловаться на правых, а низко поклонился калифу и молча отошёл в сторону.

Калиф очень удивился. Он выпустил изо рта трубку и сказал:

— Чем озабочен ты, великий визирь? Почему на лице твоём такая печаль?

Визирь скрестил руки на груди и, низко поклонившись своему повелителю, сказал:

— Великий государь! Я не знаю, печально ли моё лицо или нет, но хорошо знаю, что у ворот дворца стоит бродячий торговец со всякими диковинными товарами. И ещё знаю — что я не могу купить у него даже самую ничтожную безделицу, потому что мне нечем за неё заплатить.

Но недаром о калифе шла слава, что, пока в чашке у него есть кофе, а в трубке табак, — милости его нет конца.

Тотчас кликнул он раба и приказал привести торговца в свои покои.

Торговец пришёл. Это был маленький тучный человечек, одетый в рваное тряпье, с тяжёлым сундуком за плечами. Торговец поставил сундук у ног калифа и открыл крышку. Великий аллах! Чего только тут не было! И ожерелья из жемчуга, и самоцветные перстни, и оружие в серебряной оправе, и золотые кубки, и роговые гребни.

Калиф и визирь всё пересмотрели, всё перетрогали, а потом калиф выбрал себе и визирю по красивому

кинжалу, а для жены визиря — гребень, разукрашенный сверкающими камнями.

О цене он даже не стал спрашивать, а просто велел насыпать торговцу полный кошель золота.

Торговец хотел было уже укладывать свои товары в сундук, как вдруг калиф увидел маленькую коробочку вроде табакерки.

— А это что такое? — спросил калиф. — Покажи-ка!

Почтительно склонившись, торговец протянул коробочку. С виду в ней не было ничего примечательного, но когда калиф открыл её, он увидел, что коробочка до краёв полна каким-то чёрным порошком, а сверху лежит пожелтевший клочок пергамента, весь испещрённый непонятными знаками.

— Скажи мне, что тут написано? — спросил калиф.

— Да простит меня великий повелитель, но этого никто не знает,— сказал разносчик.— Много лет тому назад один богатый купец дал мне эту коробочку, а сам он нашёл её на улице священного города Мекки. Если господин пожелает, я готов отдать эту безделицу даром, ибо какая же ей цена, если никто не знает, на что она годится.

Калиф был большой любитель всяких редкостей, даже тех, в которых он ничего не понимал. Поэтому он взял коробочку, а разносчику прибавил ещё десять золотых монет и милостиво отпустил его на все четыре стороны.

Разносчик ушёл, а калиф всё ещё вертел коробочку, словно пытался разгадать тайну, которая в ней была заключена.

— Однако неплохо бы узнать, что тут такое написано,— сказал он, рассматривая со всех концов клочки пергамента.— Не знаешь ли ты, визирь, кто бы мог прочесть эти письма?

— Всемиловитейший господин и повелитель, — ответил визирь,— у Большой мечети живёт человек

по имени Селим, по прозвищу «Учёный». Он может прочесть всякую книгу. Прикажи позвать его,— может быть, он проникнет в тайну этих загадочных знаков.

Калиф так и сделал.

Само собой разумеется, что ему не пришлось долго ждать Селима,— если тебя требует к себе сам калиф, ноги несут тебя так же быстро, как птицу крылья!

И вот, когда Селим явился, калиф сказал ему так:

— Послушай, Селим, люди говорят, что ты человек мудрый и учёный. Взгляни-ка на эту рукопись — может быть, ты разберёшь, что тут написано. Если разберёшь — получишь от меня новый халат, а не разберёшь — получишь двенадцать палочных ударов по пяткам, за то что люди незаслуженно именуют тебя Учёным.

Селим поклонился и сказал:

— Да исполнится воля твоя, о господин!

Долго рассматривал он пожелтевший листок и вдруг воскликнул:

— Прикажи меня повесить, господин, если это не по-латыни!

— Что ж, по-латыни так по-латыни, — милостиво сказал калиф.— Говори, что там написано!

Слово за словом Селим стал переводить загадочные письмена.

И вот что он прочёл:

— «О смертный, ты, который держишь в своих руках этот клочок пергамента, возблаговари аллаха за его милость. Ибо вместе с этим ничтожным клочком пергамента ты держишь в своих руках великую тайну: если ты понюхаешь чёрный порошок из этой коробочки и произнесёшь священное слово: «Мутабор» — ты можешь обернуться всяким зверем лесным, всякой птицей небесной, всякой рыбой морской и будешь понимать язык всех живых существ на земле, в небе и

в воде. Когда же ты пожелаешь снова принять образ человека, поклонись три раза на восток и снова произнеси священное слово: «Мутабор». Но горе тому, кто, приняв образ птицы или зверя, засмеётся. Заветное слово навсегда исчезнет из его памяти, и уже никогда не стать ему снова человеком. Помни об этом, смертный! Горе тому, кто смеётся не вовремя!»

Калиф был очень доволен. Он взял с учёного Селима клятву, что тот никому не откроет этой великой тайны, подарил ему халат не хуже своего и отпустил с миром домой.

Потом он сказал своему визирю:

— Вот это славная покупка! Теперь я буду знать, о чём говорят в моей стране даже птицы и звери. Ни один калиф, с тех пор как стоит Багдад, не мог похвалиться таким могуществом! Приходи ко мне завтра пораньше, пойдём вместе погулять, понюхаем чудесный порошок да послушаем, о чём говорят в воздухе и воде, в лесах и долинах.

II

На другой день, чуть только калиф успел одеться и позавтракать, как визирь, послушный его приказанию, уже явился, чтобы сопровождать своего повелителя во время прогулки.

Калиф сунул за пояс коробочку с волшебным порошком и без всякой свиты, вдвоём с визирем, вышел из дворца.

— Великий калиф! — сказал визирь. — Не пойдут ли нам к прудам, что находятся на окраине города. Я не раз видел там аистов. Это презабавные птицы, у них всегда такой важный вид, как будто они первые советники вашей милости. К тому же они очень разгворчивы и постоянно о чём-то болтают на своём птичьем языке. Если ваша милость пожелает, мы можем испробовать наш чудодейственный порошок,

послушаем, о чём говорят аисты, а заодно испытаем, каково быть птицей.

— Неплохо придумано, — согласился калиф, и они отправились в путь.

Не успели они подойти к пруду, как увидели аиста. Аист с важным видом расхаживал взад и вперёд, выискивая лягушек, и то и дело пощёлкивал клювом. Но что он хотел этим сказать, было совершенно непонятно.

Через минуту калиф и визирь увидели в небе другого аиста, который летел прямо на них.

— Клянусь бородой, всемилостивейший государь, что эти длинноногие заведут сейчас прелюбопытный разговор! — воскликнул визирь. — Не превратятся ли нам в аистов?

— Что ж, я не прочь, — согласился калиф. — Только сначала повторим, что надо сделать, чтобы снова стать людьми. Как там сказано? Надо поклониться три раза на восток, а потом произнести: «Мутабор!» Тогда я снова стану калифом, а ты визирем. Но смотри не смейся, а то мы пропали.

В это время второй аист пролетел у них над самой головой и стал медленно спускаться на землю, громко курлякая.

Калиф, которого уже разбирало любопытство, поспешно достал из-за пояса коробочку, взял оттуда щепотку порошка и передал коробочку визирю. Тот тоже отсыпал себе на понюшку. Потом оба зашмыгали носами и, когда втянули весь волшебный порошок, до последней пылинки, громко воскликнули: «Мутабор!»

И тотчас ноги у них стали тонкими, как спицы, длинными, как ходули, и вдобавок покрылись красной шершавой кожей. Их прекрасные туфли превратились в плоские когтистые лапы, руки стали крыльями, шеи вытянулись чуть не на аршин, а бороды, которыми они так гордились, исчезли совсем. Зато у них выросли предлинные твёрдые носы, на которые можно было опираться, как на палки.

Калиф от удивления просто глазам своим не верил. Наконец он пришёл в себя и сказал:

— Ну и славный же у тебя нос, великий визирь! Клянусь бородой пророка, я в жизни своей не видел ничего подобного. Для великого визиря такой нос — истинное украшение.

— Вы льстите мне, о мой властелин! — сказал визирь и поклонился. При этом он стукнулся носом о землю. — Но осмелюсь доложить, что и вы ничего не потеряли, превратившись в аиста. Я бы даже позволил себе сказать, что вы стали ещё красивее. Но не угодно ли вам послушать, о чём говорят наши новые сородичи, если только правда, что мы теперь можем понимать их речь?

Тем временем второй аист уже спустился на землю. Он почистил клювом свои ноги, оправил перья и зашагал к аисту, который его поджидал.

Калиф и визирь кинулись к ним со всех ног. Правда, они ещё не привыкли ходить на таких тонких и длинных ногах и поэтому всё время спотыкались.

Они притаились в густых кустах и прислушались. Да! Всё было так, как обещала таинственная надпись на пергаменте, — они понимали каждое слово, которое произносили птицы.

Это были две вежливые, хорошо воспитанные аистихи.

— Моё почтение, любезная Длинноножка! — сказала аистиха, которая только что прилетела. — Так рано, а вы уже на лугу!

— Моё почтение, душенька Щелкунья! Я прилетела пораньше, чтобы полакомиться свежими молодыми лягушатами. Может быть, вы составите мне компанию и скушаете лягушачью ножку или хвостик ящерицы?

— Покорнейше благодарю, но мне, право, не до завтрака. Сегодня у моего отца званый вечер, и мне придётся танцевать перед гостями. Поэтому я хочу ещё раз повторить некоторые сложные фигуры.

И молодая аистиха пошла прохаживаться по лужайке, выкидывая самые затейливые коленца. Под конец она поджала одну ногу и, стоя на другой, принялась раскланиваться вправо и влево, помахивая при этом крыльями.

Тут уж калиф и визирь не могли удержаться и, забыв обо всём на свете, громко расхохотались.

— Вот это потеха так потеха! — воскликнул калиф, переводя наконец дух. — Да, такое представление не увидишь ни за какие деньги! Жаль, что глупые птицы испугались нашего смеха, а то бы они, чего доброго, ещё начали петь! Да ты погляди-ка, погляди на них!

Но визирь только махнул крылом.

— Великий государь, — сказал он. — Боюсь, что мы не к добру развеселились. Ведь нам нельзя было смеяться, пока мы обращены в птиц.

Тут и калиф забыл о веселье.

— Клянусь бородой пророка, — воскликнул он, — это будет плохая шутка, если мне придётся навсегда остаться аистом! А ну-ка припомни это дурацкое слово. Что-то оно вылетело у меня из головы.

— Мы должны трижды поклониться на восток и сказать: «Му... му... мутароб».

— Да, да, что-то в этом роде, — сказал калиф.

Они повернулись лицом к востоку и так усердно стали кланяться, что их длинные клювы, точно копыя, вонзались в землю.

— Мутароб! — воскликнул калиф.

— Мутароб! — воскликнул визирь.

Но — горе! — сколько ни повторяли они это слово, они не могли снять с себя колдовство.

Они перепробовали все слова, какие только приходили им на ум: и муртубор, и мурбутор, и мурбурбур, и муртурбур, и мурбурут, и мутрубут, — но ничто не помогало. Заветное слово навсегда исчезло из их памяти, и они как были, так и остались аистами.

Печально бродили калиф и визирь по полям, не зная, как бы освободиться от колдовства. Они готовы были вылезти из кожи, чтобы вернуть себе человеческий вид, но всё было напрасно — аистинная кожа вместе с перьями крепко приросла к ним. А вернуться в город, чтобы все видели их в таком наряде, было тоже невозможно. Да и кто бы поверил аисту, что он — сам великий багдадский калиф! И разве согласились бы жители города, чтобы ими правил какой-то длинноногий, длинноносый аист?

Так скитались они много дней, подбирая на земле зёрна и вырывая корешки, чтобы не ослабеть от голода. Если бы они были настоящие аисты, они могли бы найти себе что-нибудь и повкуснее: лягушек и ящериц тут было сколько хочешь. Но калиф и визирь никак не могли примириться с мыслью, что болотные лягушки и скользкие ящерицы — это самое лучшее лакомство.

Одно было у них теперь утешение — они могли летать.

И они каждый день летали в Багдад и, стоя на крыше дворца, смотрели, что делается в городе.

А в городе царило смятение. Шутка сказать — среди бела дня исчез сам калиф и его первый визирь!

На четвёртый день, когда калиф-аист и визирь-аист прилетели на багдадские крыши, они увидели торжественное шествие, которое медленно двигалось ко дворцу. Гремели барабаны, трубили трубы, пели флейты. Окружённый пышной свитой, на коне, убранном парчою, ехал какой-то человек в красном золототканом плаще.

— Да здравствует Мизра, властитель Багдада! — громко выкрикивали его приближённые.

Тут калиф и визирь переглянулись.

— Теперь я всё понимаю! — печально воскликнул калиф. — Этот Мизра — сын моего заклятого врага,

волшебника Кашнура. С тех пор как я прогнал Кашнура из дворца, он поклялся отомстить мне. Он и торговца подослал, чтобы избавиться от меня и посадить на моё место своего сына.

Калиф тяжело вздохнул и замолчал. Визирь тоже молчал повесив нос.

— Всё-таки не следует терять надежду на спасение,— сказал наконец калиф. — Летим, мой верный друг, в священный город Мекку; может быть, молитва, вознесённая аллаху, снимет с нас колдовство.

Они поднялись с крыши и полетели на восток. Но летели они, как желторотые птенцы, хотя по виду были совсем взрослые аисты.

Часа через два визирь-аист совсем выбился из сил.

— О господин! — простонал он. — Я не могу угнаться за вами, вы летите чересчур быстро. Да к тому же становится темно, не мешало бы нам подумать о ночлеге.

Калиф не стал спорить со своим визирем, он и сам едва держался на крыльях.

К счастью, они увидели внизу, прямо под ними, какие-то развалины, где можно было укрыться на ночь. И они спустились на землю.

Всё говорило о том, что когда-то на этом месте стоял богатый и пышный дворец. То там, то тут торчали обломки колонн, кое-где уцелели узорчатые своды.

Калиф и его визирь бродили среди развалин, выбирая место для ночлега, как вдруг визирь-аист остановился.

— Господин и повелитель,— прошептал он,— может быть, это и смешно, чтобы великий визирь, а тем более аист, боялся привидений, но, признаюсь, мне становится как-то не по себе. Не кажется ли вам, что тут кто-то стонет и вздыхает?

Калиф остановился и прислушался. И вот в тишине он ясно услышал жалобный плач и протяжные стоны.

Сердце у калифа застучало от страха. Но ведь те-

перь он был не только калифом, он был ещё и аистом. А всем известно, что аист — птица любопытная. Поэтому калиф-аист недолго раздумывая ринулся туда, откуда слышались эти жалобные стоны.

Напрасно визирь пытался помешать ему. Он умолял калифа не подвергать себя новой опасности, он даже пустил в дело свой клюв и, точно щипцами, схватил калифа за крыло.

Однако калифа ничто не могло остановить, он рванулся вперёд и, оставив в клюве своего визиря несколько перьев, исчез в темноте.

Но недаром визирь называл себя правой рукой калифа. И, хотя теперь у калифа не было ни правой руки, ни левой, визирь не покинул своего господина и бросился за ним.

Скоро они различили в темноте какую-то дверь.

Калиф толкнул дверь клювом и от удивления остановился на пороге. В тесной каморке, едва освещённой слабым светом, проникавшим сквозь крошечное решётчатое окошко, он увидел большую сову. Сова горько плакала. Из больших круглых глаз её текли крупные, как орех, слёзы.

Но, увидев калифа и визиря, она радостно вскрикнула и захлопала крыльями — совсем так, как хлопают в ладоши дети.

Потом она вытерла одним крылом слёзы и, к великому удивлению калифа и визиря, заговорила на чистейшем арабском языке:

— Добро пожаловать, дорогие аисты! Как я рада вас видеть! Мне давно предсказали, что аисты принесут мне счастье.

Калиф поклонился как можно почтительнее, красиво изогнув длинную шею, и сказал:

— Прелестная совушка! Если я правильно понял твои слова, мы с тобою товарищи по несчастью. Но— увы! — напрасно ты надеешься на нашу помощь. Выслушай нашу историю, и ты поймёшь, что мы сами нуждаемся в помощи так же, как ты.

Когда калиф кончил свою грустную повесть, сова тяжело вздохнула и сказала:

— Да, я вижу, что несчастье, постигшее вас, не меньше моего. Вы, наверное, догадываетесь, что и я от рождения не была совой. Отец мой — властелин Индии, а я его единственная несчастная дочь. Злой волшебник Кашнур, который заколдовал вас, заколдовал и меня. Однажды он явился к моему отцу сватать меня за своего сына Мизру. Мой отец очень рассердился и приказал выгнать Кашнура. И вот тогда Кашнур поклялся отомстить моему отцу. Он переоделся в платье раба и проник во дворец. Как раз в это время я гуляла в саду, и мне захотелось пить. Он поднёс мне какое-то питьё, и не успела я сделать глоток, как стала отвратительной птицей, которую вы видите перед собой. Я хотела закричать, позвать на помощь, но от страха лишилась голоса. А злой Кашнур схватил меня и принёс сюда. «Здесь,— сказал он,— ты будешь жить до конца твоих дней, чтобы пугать всех зверей и птиц своим уродством. Впрочем, ты можешь не терять надежды на спасение,— добавил он со смехом.— Если кто-нибудь согласится взять тебя в жёны — вот такую, какая ты сейчас, с круглыми злыми глазами, с крючковатым носом и острыми когтями,— ты снова станешь человеком. А пока явится к тебе избавитель, сиди здесь. Может быть, теперь ты пожалеешь о том, что твой отец не захотел выдать тебя за моего сына».

Тут сова замолчала и вытерла крылом слёзы, которые снова закапали из её глаз.

Калиф и визирь тоже молчали, не зная, как утешить несчастную принцессу.

— О если бы мне снова стать человеком! — воскликнул калиф.— Я отомстил бы за тебя этому отвратительному колдуну! Но что я могу сделать теперь, когда я сам — жалкая, длинноногая птица! — И он горестно опустил свой клюв.

— Государь! — воскликнула сова.— Мне кажется, не всё ещё потеряно. Забытое слово ты можешь узнать! И когда колдовские чары будут сняты с тебя, может быть, тогда и я избавлюсь от беды. Ведь недаром же мне было предсказано, что аист принесёт мне счастье.

— Говори же скорее! Что я должен сделать, чтобы избавиться от колдовства? — воскликнул калиф.

— Слушай меня,— сказала сова.— Раз в месяц колдун Кашнур и его сообщники собираются среди этих развалин в подземном зале. Там они пируют и похваляются друг перед другом своими проделками, открывают друг другу свои тайны. Я часто подслушивала их. Может быть, и теперь кто-нибудь из них обмолвится и назовёт забытое тобой слово.

— О драгоценнейшая сова! — воскликнул калиф в нетерпении.— Скажи, когда они должны собраться и где этот подземный зал?

Сова помолчала с минуту и наконец сказала:

— Прости меня, великий калиф, но я отвечу тебе только при одном условии.

— Говори же, какое это условие! Мы готовы повиноваться тебе во всём!

И калиф вместе со своим визирем почтительно склонили перед ней головы.

Тогда сова сказала:

— Прости мою дерзость, господин, но мне тоже хотелось бы избавиться от колдовских чар, а это возможно только в том случае, если один из вас возьмёт меня в жёны...

Услышав об этом, аисты несколько растерялись.

Калиф сделал знак визирю, и они отошли в дальний угол.

— Послушай, визирь,— шёпотом сказал калиф,— это предложение не из приятных, но, по-моему, тебе следует согласиться.

— Великий калиф! — прошептал визирь в ужасе.— Вы забываете, что у меня есть жена! К тому же

я старик, а вы ещё молоды. Нет, нет, это вы должны жениться на молодой прекрасной принцессе!

— Откуда же ты знаешь, что она молода и прекрасна? — печально сказал калиф. У него даже крылья опустились, так он был огорчён.

Долго ещё они спорили и уговаривали друг друга. В конце концов визирь прямо заявил, что лучше навсегда останется аистом, чем женится на сове.

Что было делать калифу? В другое время он приказал бы казнить непокорного визиря, но сейчас об этом было бесполезно говорить.

Он набрался мужества и, подойдя к сове, сказал:

— Прекрасная принцесса, я принимаю твоё условие.

Сова была вне себя от радости.

— Теперь я могу открыть вам, что волшебники соберутся сегодня. Вы пришли как раз вовремя! Идёмте за мной, я покажу вам дорогу.

И она повела их по тёмным переходам и полуразрушенным лестницам.

Вдруг навстречу им вырвался откуда-то яркий луч света.

Сова подвела их к пролому в стене и сказала:

— Стойте здесь. Но смотрите будьте осторожны: если вас увидят — всё пропало.

Калиф и визирь осторожно заглянули через пролом. Они увидели огромный зал, в котором было светло как днём от тысяч горевших светильников.

Посредине стоял круглый стол, а за столом сидели восемь колдунов. В одном из них калиф и визирь сразу узнали того торговца, который подсунул им волшебный порошок.

— Ну сегодня мне есть чем похвастать! — говорил он, посмеиваясь. — На этот раз я провёл самого калифа и его визиря. Клянусь аллахом, которым они клянутся, им никогда не вспомнить слова, которое может снять с них колдовские чары!

— А что же это за слово? — спросил один колдун.

— Слово очень трудное, его никто не может запомнить и никто не должен знать. Но вам я открою его — слово это: «Мутабор».

V

Аисты чуть не заплясали от радости, когда услышали заветное слово. Со всех ног — а ведь ноги у них были предлинные — они бросились бежать, так что бедная сова едва поспевала за ними на своих коротеньких ножках.

Выбравшись наверх, калиф с почтительным поклоном сказал ей:

— О мудрейшая сова, о добрейшая принцесса, тебе обязаны мы своим спасением. Позволь же мне в знак благодарности просить твоей руки.

Потом калиф и визирь поспешно повернулись к востоку и трижды поклонились солнцу, выходившему из-за гор.

— Мутабор! — воскликнули они в один голос.

И тотчас перья упали с них, клювы исчезли, и они стали такими, какими были всегда. От радости калиф даже забыл, что он хотел казнить визиря за непослушание. Повелитель и слуга бросились друг другу в объятия, они плакали и смеялись, дёргали друг друга за бороды и ошупывали свои халаты, чтобы убедиться в том, что всё это не сон.

Наконец они вспомнили про сову и обернулись.

И что же! Не сову с круглыми глазами и крючковатым носом увидели они, а красавицу принцессу.

Можете себе представить, как обрадовался калиф!

Если бы он был аистом, он, наверно, пошёл бы сейчас плясать и выкидывать разные коленца, совсем так, как аистиха Щелкунья, виновница всех бед, которые

свалились на его голову. Но теперь он был уже не аистом, а калифом, поэтому он приложил руку к сердцу и сказал:

— Всё к лучшему! Если бы меня не постигло великое несчастье, я не узнал бы теперь величайшего счастья!

И вот, все трое, они отправились в Багдад. И хотя крыльев у них теперь не было, они летели как на крыльях.

Увидев калифа Хасида живым и невредимым, жители Багдада выбегали на улицу, чтобы приветствовать своего владыку.

Правда, и при Хасиде им жилось не очень сладко, но, с тех пор как во дворце поселился злой колдун, им стало ещё хуже.

Хасид приказал тотчас схватить калифа-самозванца и его отца — колдуна Кашнура.

Старому колдуну отрубили голову, а его сына Мизру калиф заставил понюхать чёрного порошка, и тот превратился в аиста. Калиф посадил его в большую клетку и выставил клетку в сад.

Конечно, Мизра мог бы снова сделаться человеком — стоило ему только поклониться три раза на восток и сказать: «Мутабор». Уж конечно, он хорошо помнил это слово, потому что ему было не до смеха.

Но Мизра даже не пытался вернуть себе человеческий вид. Он рассудил — и, пожалуй, рассудил правильно, — что если уж сидишь в клетке, то лучше быть птицей.

Так кончилось это приключение.

Калиф Хасид ещё долго и счастливо жил со своей красавицей женой.

По-прежнему каждый день, в час послеобеденного отдыха, к нему приходил великий визирь, и калиф всегда охотно с ним беседовал.

Они часто вспоминали минувшие дни, когда они были аистами, и калиф пресмешно изображал, как

расхаживал визирь на длинных птичьих ногах, весь обросший перьями, с большущим клювом. Калиф становился на кончики пальцев, неуклюже переступал с ноги на ногу, взмахивал руками, словно он тонул, и изо всех сил вытягивал шею. А потом поворачивался лицом к востоку и, низко кланяясь, приговаривал:

— Муртурбур! Бурмуртур! Турбурмур!

Жена калифа и его дети смеялись до слёз над этим представлением. Да и сам визирь не мог удержаться от смеха. Он, конечно, не смел передразнивать своего повелителя, но если калиф очень уж над ним потешался, визирь заводил разговор о том, как два аиста уговаривали друг друга жениться на страшной сове. Тут калиф сердито хмурил брови, и визирь сразу замолкал. Так не будем же больше вспоминать об этом и мы,

Холодное сердце

I

Всякий, кому случалось побывать в Шварцвальде (по-русски это слово значит «Чернолесье»), скажет вам, что никогда в другом месте не увидишь таких высоких и могучих елей, нигде больше не встретишь таких рослых и сильных людей. Кажется, будто самый воздух, пропитанный солнцем и смолой, сделал обитателей Шварцвальда непохожими на их соседей, жителей окрестных равнин. Даже одежда у них не такая, как у других. Особенно затейливо наряжаются обитатели гористой стороны Шварцвальда. Мужчины там носят чёрные камзолы, широкие, в мелкую складку шаровары, красные чулки

и островерхие шляпы с большими полями. И надо признаться, что наряд этот придаёт им весьма внушительный и почтенный вид.

Все жители здесь отличные мастера стекольного дела. Этим ремеслом занимались их отцы, деды и прадеды, и слава о шварцвальдских стеклодувах издавна идёт по всему свету.

В другой стороне леса, ближе к реке, живут те же шварцвальдцы, но ремеслом они занимаются другим, и обычаи у них тоже другие. Все они, так же как их отцы, деды и прадеды, — лесорубы и плотогоны. На длинных плотах сплавляют они лес вниз по Неккару в Рейн, а по Рейну — до самого моря.

Они останавливаются в каждом прибрежном городе и ждут покупателей, а самые толстые и длинные брёвна гонят в Голландию, и голландцы строят из этого леса свои корабли.

Плотогоны привыкли к суровой, бродячей жизни. Поэтому и одежда у них совсем не похожа на одежду мастеров стекольного дела. Они носят куртки из тёмного холста и чёрные кожаные штаны на зелёных, шириною в ладонь помочах. Из глубоких карманов их штанов всегда торчит медная линейка — знак их ремесла. Но больше всего они гордятся своими сапогами. Да и есть чем гордиться! Никто на свете не носит таких сапог. Их можно натянуть на две четверти выше колен и ходить в них по воде, как посуху.

Ещё недавно жители Шварцвальда верили в лесных духов. Теперь-то, конечно, все знают, что никаких духов нет, но от дедов к внукам перешло множество преданий о таинственных лесных жителях.

Рассказывают, что эти лесные духи носили платье точь-в-точь такое, как и люди, среди которых они жили.

Стеклянный Человечек — добрый друг людей — всегда являлся в широкополой островерхой шляпе, в чёрном камзоле и шароварах, а на ногах у него были красные чулочки и чёрные башмачки. Ростом он был

с годовалого ребёнка, но это нисколько не мешало его могуществу.

А Михель-Великан носил одежду сплавщиков, и те, кому случалось его видеть, уверяли, будто на сапоги его должно было пойти добрых полсотни телячьих кож и что взрослый человек мог бы спрятаться в этих сапожищах с головой. И все они клялись, что нисколько не преувеличивают.

С этими-то лесными духами пришлось как-то раз познакомиться одному шварцвальдскому парню.

О том, как это случилось и что произошло, вы сейчас узнаете.

Много лет тому назад жила в Шварцвальде бедная вдова по имени и прозвищу Барбара Мунк.

Муж её был угольщиком, а когда он умер, за это же ремесло пришлось взяться её шестнадцатилетнему сыну Петеру. До сих пор он только смотрел, как его отец тушит уголь, а теперь ему самому довелось просиживать дни и ночи возле дымящейся угольной ямы, а потом колесить с тележкой по дорогам и улицам, предлагая у всех ворот свой чёрный товар и пугая ребятишек лицом и одежей, потемневшими от угольной пыли.

Ремесло угольщика тем хорошо (или тем плохо), что оставляет много времени для размышлений

И Петер Мунк, сидя в одиночестве у своего костра, так же как и многие другие угольщики, думал обо всём на свете. Лесная тишина, шелест ветра в верхушках деревьев, одинокий крик птицы—всё наводило его на мысли о людях, которых он встречал, странствуя со своей тележкой, о себе самом и о своей печальной судьбе.

«Что за жалкая участь быть чёрным, грязным угольщиком! — думал Петер.— То ли дело ремесло стекольщика, часовщика или башмачника! Даже музыкантов, которых нанимают играть на воскресных

вечеринках, и тех почитают больше, чем нас!» Вот, случись, выйдет Петер Мунк в праздничный день на улицу — чисто умытый, в парадном отцовском кафтане с серебряными пуговицами, в новых красных чулках и в башмаках с пряжками... Всякий, увидев его издали, скажет: «Что за парень — молодец! Кто бы это был?» А подойдёт ближе, только рукой махнёт: «Ах, да ведь это всего-навсего Петер Мунк, угольщик!..» И пройдёт мимо.

Но больше всего Петер Мунк завидовал плотогонам. Когда эти лесные великаны приходили к ним на праздник, навесив на себя с полпуда серебряных побрякушек — всяких там цепочек, пуговиц да пряжек, — и, широко расставив ноги, глядели на танцы, затягиваясь из аршинных кёльнских трубок, Петеру казалось, что нет на свете людей счастливее и почтеннее. Когда же эти счастливыцы запускали в карман руку и целыми пригоршнями вытаскивали серебряные монеты, у Петера спирало дыхание, мутилось в голове, и он печальный возвращался в свою хижину. Он не мог видеть, как эти «дровяные господа» проигрывали за один вечер больше, чем он сам зарабатывал за целый год.

Но особенное восхищение и зависть вызывали в нём три плотогона: Иезекиил Толстый, Шлюркер Тощий и Вильм Красивый.

Иезекиил Толстый считался первым богачом в округе.

Везло ему необыкновенно. Он всегда продавал лес втридорога, денежки сами так и текли в его карманы.

Шлюркер Тощий был самым смелым человеком из всех, кого знал Петер. Никто не решался с ним спорить, а он не боялся спорить ни с кем. В харчевне он и ел-пил за троих, и место занимал за троих, но никто не смел сказать ему ни слова, когда он, растопырив локти, усаживался за стол или вытягивал вдоль скамьи свои длинные ноги, — уж очень много было у него денег.

Вильм Красивый был молодой, статный парень, лучший танцор среди плотогонов и стекольщиков. Ещё совсем недавно он был таким же бедняком, как Петер, и служил в работниках у лесоторговцев. И вдруг — ни с того ни с сего — разбогател! Одни говорили, что он нашёл в лесу под старой елью горшок серебра. Другие уверяли, что где-то на Рейне он подцепил багром мешок с золотом.

Так или иначе, он вдруг сделался богачом, и плотогоны стали почитать его, точно он был не простой плотогон, а принц.

Все трое — Иезекиил Толстый, Шлюркер Тоший и Вильм Красивый — были совсем не похожи друг на друга, но все трое одинаково любили деньги и были одинаково бессердечны к людям, у которых денег не было. И однако же, хоть за жадность их недолюбливали, за богатство им всё прощали. Да и как не простить! Кто, кроме них, мог разбрасывать направо и налево звонкие талеры, словно деньги достаются им даром, как еловые шишки?!

«И откуда только они берут столько денег,— думал Петер, возвращаясь как-то с праздничной пирушки, где он не пил, не ел, а только смотрел, как ели и пили другие.— Ах, кабы мне хоть десятую долю того, что пропил и проиграл нынче Иезекиил Толстый!»

Петер перебирал в уме все известные ему способы разбогатеть, но не мог придумать ни одного маломальски верного.

Наконец он вспомнил рассказы о людях, которые будто бы получили целые горы золота от Михеля-Великана или от Стеклянного Человечка.

Ещё когда был жив отец, у них в доме часто собирались бедняки соседи помечтать о богатстве, и не раз они поминали в разговоре маленького покровителя стеклодувов.

Петер даже припомнил стишки, которые нужно было сказать в чаще леса, у самой большой ели, для того чтобы вызвать Стеклянного Человечка:

Под косматой елью,
В тёмном подземелье,
Где рождается родник,—
Меж корней живёт старик.
Он неслышанно богат,
Он хранит заветный клад...¹

Были в этих стишках ещё две строчки, но, как Петер ни ломал голову, он ни за что не мог их припомнить.

Ему часто хотелось спросить у кого-нибудь из стариков, не помнят ли они конец этого заклинания, но не то стыд, не то боязнь выдать свои тайные мысли удерживали его.

— Да они, наверно, и не знают этих слов,— утешал он себя.— А если бы знали, то почему бы им самим не пойти в лес и не вызвать Стеклянного Человечка!..

В конце концов он решил завести об этом разговор со своей матерью—может, она припомнит что-нибудь.

Но если Петер забыл две последние строчки, то матушка его помнила только две первые.

Зато он узнал от неё, что Стеклянный Человечек показывается только тем, кому посчастливилось родиться в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни.

— Если бы ты знал это заклинание от слова до слова, он непременно бы явился тебе,— сказала мать вздыхая.— Ты ведь родился как раз в воскресенье, в самый полдень.

Услышав это, Петер совсем потерял голову.

«Будь что будет,— решил он,— а я должен попытать своё счастье».

И вот, распродав весь заготовленный для покупателей уголь, он надел отцовский праздничный камзол, новые красные чулки, новую воскресную шляпу, взял в руки палку и сказал матери:

---

¹ Стихи в этой сказке перевёл С. Я. Маршак.

— Мне нужно сходить в город. Говорят, скоро будет набор в солдаты, так вот, я думаю, следовало бы напомнить начальнику, что вы вдова и что я ваш единственный сын.

Мать похвалила его за благоразумие и пожелала счастливого пути. И Петер бодро зашагал по дороге, но только не в город, а прямо в лес. Он шёл всё выше и выше по склону горы, поросшей ельником, и наконец добрался до самой вершины.

Место было глухое, безлюдное. Нигде никакого жилья — ни избышки дровосеков, ни охотничьего шалаша.

Редко какой человек заглядывал сюда. Среди окрестных жителей поговаривали, что в этих местах нечисто, и всякий старался обойти Еловую гору стороной.

Здесь росли самые высокие, самые крепкие ели, но давно уже не раздавался в этой глуши стук топора. Да и не мудрено! Стоило какому-нибудь дровосеку заглянуть сюда, как с ним непременно случалась беда: либо топор соскакивал с топорщица и вонзался в ногу, либо подрубленное дерево падало так быстро, что человек не успевал отскочить и его зашибало насмерть, а плот, в который попадало хоть одно такое дерево, непременно шёл ко дну вместе с плотогоном. Наконец люди совсем перестали тревожить этот лес, и он разросся так буйно и густо, что даже в полдень здесь было темно, как ночью.

Страшно стало Петеру, когда он вошёл в чашу. Кругом было тихо — нигде ни звука. Он слышал только шорох собственных шагов. Казалось, даже птицы не залетают в этот густой лесной сумрак.

Около огромной ели, за которую голландские корабельщики не задумываясь дали бы не одну сотню гульденов, Петер остановился.

«Наверно, это самая большая ель на всём свете! — подумал он. — Стало быть, тут и живёт Стекланный Человечек».

Петер снял с головы свою праздничную шляпу, отвесил перед деревом глубокий поклон, откашлялся и робким голосом произнёс:

— Добрый вечер, господин стекольный мастер!

Но никто не ответил ему.

«Может быть, всё-таки лучше сначала сказать стишки»,— подумал Петер и, запинаясь на каждом слове, пробормотал:

Под косматой елью,
В тёмном подземелье,
Где рождается родник,—
Меж корней живёт старик.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад...

И тут — Петер едва мог поверить своим глазам!— из-за толстого ствола кто-то выглянул. Петер успел заметить островерхую шляпу, тёмный кафтанчик, ярко-красные чулочки... Чьи-то быстрые, зоркие глаза на мгновенье встретились с глазами Петера.

Стекланный Человечек! Это он! Это, конечно, он! Но под ёлкой уже никого не было. Петер чуть не заплакал от огорчения.

— Господин стекольный мастер!—закричал он.— Где же вы? Господин стекольный мастер! Если вы думаете, что я вас не видел, вы ошибаетесь. Я отлично видел, как вы выглянули из-за дерева.

И опять никто ему не ответил. Но Петеру показалось, что за ёлкою кто-то тихонько засмеялся.

— Погоди же! — крикнул Петер.— Я тебя поймаю!—И он одним прыжком очутился за деревом. Но Стекланного Человечка там не было. Только маленькая пушистая белочка молнией взлетела вверх по стволу.

«Ах, если бы я знал стишки до конца,— с грустью подумал Петер,— Стекланный Человечек, наверно, вышел бы ко мне. Недаром же я родился в воскресенье!...»

Наморщив лоб, нахмутив брови, он изо всех сил старался вспомнить забытые слова или даже придумать их, но у него ничего не выходило.

А в то время, как он бормотал себе под нос слова заклинанья, белочка появилась на нижних ветвях ёлки, прямо у него над головой. Она охорашивалась, распушив свой рыжий хвост, и лукаво поглядывала на него, не то посмеиваясь над ним, не то желая его подзадорить.

И вдруг Петер увидел, что голова у белки вовсе не звериная, а человеческая, только очень маленькая — не больше беличьей. А на голове — широкополая, островерхая шляпа. Петер так и замер от изумления. А белка уже снова была самой обыкновенной белкой, и только на задних лапках у неё были красные чулочки и чёрные башмачки.

Тут уж Петер не выдержал и со всех ног бросился бежать.

Он бежал не останавливаясь и только тогда перевёл дух, когда услышал лай собак и завидел вдалеке дымок, поднимающийся над крышей какой-то хижины. Подойдя поближе, он понял, что со страху сбился с дороги и бежал не к дому, а прямо в противоположную сторону. Здесь жили дровосеки и плотогоны.

Хозяева хижины встретили Петера приветливо и, не спрашивая, как его зовут и откуда он, предложили ему ночлег, зажарили к ужину большого глухаря — это любимое кушанье местных жителей — и поднесли ему кружку яблочного вина.

После ужина хозяйка с дочерьми взяли прялки и подсели поближе к лучине. Ребятишки следили, чтоб она не погасла, и поливали её душистой еловой смолой. Старик хозяин и старший его сын, покуривая свои длинные трубки, беседовали с гостем, а младшие сыновья принялись вырезать из дерева ложки и вилки.

К вечеру в лесу разыгралась буря. Она выла за

окнами, сгибая чуть не до земли столетние ели. То и дело слышались громовые удары и страшный треск, словно где-то невдалеке ломались и падали деревья.

— Да, никому бы я не посоветовал выходить в такую пору из дому,— сказал старый хозяин, вставая с места и покрепче закрывая дверь.— Кто выйдет, тому уж не вернуться. Нынче ночью Михель-Великан рубит лес для своего плота.

Петер сразу насторожился.

— А кто такой этот Михель? — спросил он у старика.

— Он хозяин этого леса,— сказал старик.— Вы, должно быть, нездешний, если ничего не слышали о нём. Ну хорошо, я расскажу вам, что знаю сам и что дошло до нас от наших отцов и дедов.

Старик уселся поудобнее, затянулся из своей трубки и начал:

— Лет сто назад — так, по крайней мере, рассказывал мой дед—не было на всей земле народа честнее шварцвальдцев. Теперь-то, когда на свете завелось столько денег, люди потеряли стыд и совесть. Про молодёжь и говорить нечего,— у той только и дела, что плясать, ругаться да сорить деньгами. А прежде было не то. И виной всему — я это раньше говорил и теперь повторяю, хотя бы он сам заглянул вот в это окошко,— виной всему Михель-Великан. От него все беды и пошли.

Так вот, значит, лет сто тому назад жил в этих местах богатый лесоторговец. Торговал он с далёкими рейнскими городами, и дела у него шли как нельзя лучше, потому что он был человек честный и трудолюбивый.

И вот однажды приходит к нему наниматься какой-то парень. Никто его не знает, но видно, что здешний,— одет как шварцвальдец. А ростом чуть не на две головы выше всех. Наши парни и сами народ не мелкий, а этот настоящий великан.

Лесоторговец сразу сообразил, как выгодно держать такого дюжего работника. Он назначил ему хорошее жалованье, и Михель (так звали этого парня) остался у него.

Что и говорить, лесоторговец не прогадал.

Когда надо было рубить лес, Михель работал за троих. А когда пришлось перетаскивать брёвна, за один конец бревна лесорубы брались вшестером, а другой конец поднимал Михель.

Послужив так с полгода, Михель явился к своему хозяину.

«Довольно,— говорит,— нарубил я деревьев. Теперь охота мне поглядеть, куда они идут. Отпусти-ка меня, хозяин, разок с плотами вниз по реке».

«Пусть будет по-твоему,— сказал хозяин.— Хотя на плотях нужна не столько сила, сколько ловкость и в лесу ты бы мне больше пригодился, но я не хочу мешать тебе поглядеть на белый свет. Собирайся!»

Плот, на котором должен был отправиться Михель, был составлен из восьми звеньев отборного строевого леса. Когда плот был уже связан, Михель принёс ещё восемь брёвен, да таких больших и толстых, каких никто никогда не видывал. И каждое бревно он нёс на плече так легко, будто это было не бревно, а простой багор.

«Вот на них я и поплыву,— сказал Михель.— А ваши щепочки меня не выдержат».

И он стал вязать из своих огромных брёвен новое звено.

Плот вышел такой ширины, что едва поместился между двумя берегами.

Все так и ахнули, увидев такую махину, а хозяин Михеля потирал руки и уже прикидывал в уме, сколько денег можно будет выручить на этот раз от продажи леса.

На радостях он, говорят, хотел подарить Михелю пару самых лучших сапог, какие носят плотогоны, но Михель даже не поглядел на них и принёс откуда-го

из лесу свои собственные сапоги. Мой дедушка уверял, что каждый сапог был пуда в два весом и футов в пять высотой.

И вот всё было готово. Плот двинулся.

До этой поры Михель, что ни день, удивлял лесорубов, теперь пришла очередь удивляться плотогонам.

Они-то думали, что их тяжёлый плот будет еле-еле тянуться по течению. Ничуть не бывало — плот нёсся по реке, как парусная лодка.

Всем известно, что труднее всего приходится плотогонам на поворотах: плот надо удерживать на середине реки, чтобы он не сел на мель. Но на этот раз никто и не замечал поворотов. Михель, чуть что, соскакивал в воду и одним толчком направлял плот то вправо, то влево, ловко огибая мели и подводные камни.

Если же впереди не было никаких излучин, он перебежал на переднее звено, с размаху втыкал свой огромный багор в дно, отталкивался — и плот летел с такой быстротой, что казалось, прибрежные холмы, деревья и сёла так и проносятся мимо.

Плотогоны и оглянуться не успели, как пришли в Кёльн, где обычно продавали свой лес. Но тут Михель сказал им:

«Ну и сметливые же вы купцы, как погляжу я на вас! Что ж вы думаете — здешним жителям самим нужно столько леса, сколько мы сплавляем из нашего Шварцвальда? Как бы не так! Они его скупают у вас за полцены, а потом перепродают втридорога голландцам. Давайте-ка мелкие брёвна пустим в продажу здесь, а большие погоним дальше, в Голландию, да сами и сбудем тамошним корабельщикам. Что следует хозяину по здешним ценам, он получит сполна. А что мы выручим сверх того — то будет наше».

Долго уговаривать сплавщиков ему не пришлось. Всё было сделано точь-в-точь по его слову.

Плотогоны погнали хозяйский товар в Роттердам и там продали его вчетверо дороже, чем им давали в Кёльне!

Четверть выручки Михель отложил для хозяина, а три четверти разделил между сплавщиками. А тем всю жизнь не случилось видеть столько денег. Головы у парней закружились, и пошло у них такое веселье, пьянство, картёжная игра! С ночи до утра и с утра до ночи... Словом, до тех пор не возвратились они домой, пока не пропили и не проиграли всё до последней монетки.

С той поры голландские харчевни и кабаки стали казаться нашим парням сущим раем, а Михель-Великан (его стали после этого путешествия называть Михель-Голландец) сделался настоящим королём плотогонов.

Он не раз ещё водил наших плотогонов туда же, в Голландию, и мало-помалу пьянство, игра, крепкие словечки,— словом, всякая гадость перекочевала в эти края.

Хозяева долго ничего не знали о проделках плотогонов. А когда вся эта история вышла наконец наружу и стали допытываться, кто же тут главный зачинщик,— Михель-Голландец исчез. Искали его, искали— нет! Пропал—как в воду канул...

— Помер, может быть? — спросил Петер.

— Нет, знающие люди говорят, что он и до сих пор хозяйничает в нашем лесу. Говорят ещё, что, если его как следует попросить, он всякому поможет разбогатеть. И помог уже кое-кому... Да только идёт молва, что деньги он даёт не даром, а требует за них кое-что подороже всяких денег... Ну и больше я об этом ничего не скажу. Кто знает, что в этих рассказах правда, что басня? Одно только, пожалуй, верно: в такие ночи, как нынешняя, Михель-Голландец рубит и ломает старые ели там, на вершине горы, где никто не смеет рубить. Мой отец однажды сам видел, как он, словно тростинку, сломал ель в четыре обхвата. В чьи плоты потом идут эти ели, я не знаю. Но знаю, что на месте голландцев я бы платил за них не золотом, а картечью, потому что каждый корабль, в который попадает такое

бревно, непременно идёт ко дну. А всё дело здесь, видите ли, в том, что сто́ит Михелю сломать на горе новую ель, как старое бревно, вытесанное из такой же горной ели, трескается или выскакивает из пазов, и корабль даёт течь. Потому-то мы с вами так часто и слышим о кораблекрушениях. Поверьте моему слову: если бы не Михель, люди странствовали бы по воде, как посуху.

Старик замолчал и принялся выколачивать свою трубку.

— Да...— сказал он опять, вставая с места.— Вот что рассказывали наши деды о Михеле-Голландце... И как там ни поверни, а все беды у нас пошли от него. Богатство он дать, конечно, может, но не желал бы я оказаться в шкуре такого богача, будь это хоть сам Иезекиил Толстый, или Шлюркер Тощий, или Вильм Красивый.

Пока старик рассказывал, буря улеглась. Хозяева дали Петеру мешок с листьями вместо подушки, пожелали ему спокойной ночи, и все улеглись спать. Петер устроился на лавке под окном и скоро уснул.

Никогда ещё угольщику Петеру Мунку не снились такие страшные сны, как в эту ночь.

То чудилось ему, будто Михель-Великан с треском распахивает окно и протягивает ему огромный мешок с золотыми. Михель трясёт мешок прямо у него над головой, и золото звенит, звенит — звонко и заманчиво.

То ему чудилось, что Стекланный Человечек верхом на большой зелёной бутылки разъезжает по всей комнате, и Петер опять слышит лукавый тихий смешок, который донёсся до него утром из-за большой ели.

И всю ночь Петера тревожили, будто споря между собой, два голоса. Над левым ухом гудел хриплый густой голос:

Золотом, золотом,
Чистым — без обмана,—
Полновесным золотом
Набивай карманы!
Не работай молотом,
Плугом и лопатой!
Кто владеет золотом,
Тот живёт богато!..

А над правым ухом звенел тоненький голосок:

Под косматой елью,
В тёмном подземелье,
Где рождается родник,—
Меж корней живёт старик...

Ну, а как дальше, Петер? Как там дальше? Ах, глупый, глупый угольщик Петер Мунк! Не может вспомнить такие простые слова! А ещё родился в воскресный день, ровно в полдень... Придумай только рифму к слову «воскресный», а уж остальные слова сами придут!..

Петер охал и стонал во сне, стараясь припомнить или придумать забытые строчки. Он метался, вертелся с боку на бок, но так как за всю свою жизнь не сочинил ни одного стишка, то и на этот раз ничего не выдумал.

Угольщик проснулся, едва только рассвело, уселся, скрестив руки на груди, и принялся размышлять всё о том же: какое слово идёт в пару со словом «воскресный»?

Он стучал пальцами по лбу, тёр себе затылок, но ничего не помогало.

И вдруг до него донеслись слова весёлой песни. Под окном проходили трое парней и распевали во всё горло:

За рекою в деревушке...
Варят мёд чудесный...
Разопьём с тобой по кружке
В первый день воскресный!..

Петера словно обожгло. Так вот она, эта рифма к слову «воскресный»! Да полно, так ли? Не ослышался ли он?

Петер вскочил и сломя голову кинулся догонять парней.

— Эй, приятели! Подождите! — кричал он.

Но парни даже не оглянулись.

Наконец Петер догнал их и схватил одного за руку.

— Повтори-ка, что ты пел! — закричал он задыхаясь.

— Да тебе-то что за дело! — ответил парень. — Что хочу, то и пою. Пусти сейчас же мою руку, а не то...

— Нет, сперва скажи, что ты пел! — настаивал Петер и ещё сильнее стиснул его руку.

Тут два других парня недолго думая накиннулись с кулаками на бедного Петера и так отколотили его, что у бедняги искры из глаз посыпались.

— Вот тебе на закуску! — сказал один из них, награждая его увесистым тумакom. — Будешь помнить, каково задевать почтенных людей!..

— Еще бы не помнить! — сказал Петер, охая и потирая ушибленные места. — А теперь, раз уж вы меня всё равно отколотили, сделайте милость — спойте мне ту песню, которую вы только что пели.

Парни так и прыснули со смеху. Но потом всё-таки спели ему песню от начала до конца.

После этого они по-приятельски распрощались с Петером и пошли своей дорогой.

А Петер вернулся в хижину дровосека, поблагодарил хозяев за приют и, взяв свою шляпу и палку, снова отправился на вершину горы.

Он шёл и всё время повторял про себя заветные слова «воскресный — чудесный, чудесный — воскресный»... И вдруг, сам не зная, как это случилось, прочитал весь стишок от первого до последнего слова.

Петер даже подпрыгнул от радости и подбросил вверх свою шляпу.

Шляпа взлетела и пропала в густых ветках ели. Петер поднял голову, высматривая, где она там зацепилась, да так и замер от страха.

Перед ним стоял огромный человек в одежде плотогона. На плече у него был багор длиной с хорошую мачту, а в руке он держал шляпу Петера.

Не говоря ни слова, великан бросил Петеру его шляпу и зашагал с ним рядом.

Петер робко, искоса поглядывал на своего страшного спутника. Он словно сердцем почуял, что это и есть Михель-Великан, о котором ему вчера столько рассказывали.

— Петер Мунк, что ты делаешь в моём лесу? — вдруг сказал великан громовым голосом.

У Петера затряслись колени.

— С добрым утром, хозяин, — сказал он, стараясь не показать виду, что боится. — Я иду лесом к себе домой — вот и всё моё дело.

— Петер Мунк! — снова загремел великан и посмотрел на Петера так, что тот невольно зажмурился. — Разве эта дорога ведёт к твоему дому? Ты меня обманываешь, Петер Мунк!

— Да, конечно, она ведёт не совсем прямо к моему дому, — залепетал Петер, — но сегодня такой жаркий день... Вот я и подумал, что идти лесом хоть и дальше, да прохладнее!

— Не лги, угольщик Мунк! — крикнул Михель-Великан так громко, что с ёлок дождём посыпались на землю шишки. — А не то я одним щелчком вышибу из тебя дух!

Петер весь съёжился и закрыл руками голову, ожидая страшного удара.

Но Михель-Великан не ударил его. Он только насмешливо поглядел на Петера и расхохотался.

— Эх ты, дурак! — сказал он. — Нашёл, к кому на поклон ходить!.. Думаешь, я не видел, как ты распи-

нался перед этим жалким старикашкой, перед этим стеклянным пузырьком. Счастье твоё, что ты не знал до конца его дурацкого заклинания! Он скряга, дарит мало, а если и подарит что-нибудь, так ты жизни рад не будешь. Жаль мне тебя, Петер, от души жаль! Такой славный, красивый парень мог бы далеко пойти, а ты сидишь возле своей дымной ямы да угли жжёшь. Другие, не задумываясь, швыряют направо и налево талеры и дукаты, а ты боишься истратить медный грош... Жалкая жизнь!

— Что правда, то правда. Жизнь невесёлая.

— Вот то-то же!..— сказал великан Михель.— Ну да мне не впервой выручать вашего брата. Говори попросту, сколько сот талеров нужно тебе для начала?

Он похлопал себя по карману, и деньги забренчали там так же звонко, как то золото, которое приснилось Петеру ночью.

Но сейчас этот звон почему-то не показался Петеру заманчивым. Сердце его испуганно сжалось. Он вспомнил слова старика о страшной расплате, которую требует Михель за свою помощь.

— Благодарю вас, сударь,— сказал он,— но я не желаю иметь с вами дело. Я знаю, кто вы такой!

И с этими словами он бросился бежать что было мочи.

Но Михель-Великан не отставал от него. Он шагал рядом с ним огромными шагами и глухо бормотал:

— Ты ещё расквесишься, Петер Мунк! Я по твоим глазам вижу, что расквесишься... На лбу у тебя это написано. Да не беги же так быстро, послушай сперва, что я тебе скажу!.. А то будет поздно... Видишь вон ту канаву? Это уже конец моих владений...

Услышав эти слова, Петер бросился бежать ещё быстрее. Но уйти от Михеля было не так-то просто. Десять шагов Петера были короче, чем один шаг Михеля. Добежав почти до самой канавы, Петер огля-

нулся и чуть не вскрикнул — он увидел, что Михель уже занёс над его головой свой огромный багор.

Петер собрал последние силы и одним прыжком перескочил через канаву.

Михель остался на той стороне.

Страшно ругаясь, он размахнулся и швырнул Петеру вслед тяжёлый багор. Но гладкое, с виду крепкое, как железо, дерево разлетелось в щепки, словно ударилось о какую-то невидимую каменную стену. И только одна длинная щепка перелетела через канаву и упала возле ног Петера.

— Что, приятель, промахнулся? — закричал Петер и схватил щепку, чтобы запустить ею в Михеля-Великана.

Но в ту же минуту он почувствовал, что дерево ожило у него в руках.

Это была уже не щепка, а скользкая ядовитая змея.

Он хотел было отшвырнуть её, но она успела крепко обвиться вокруг его руки и, раскачиваясь из стороны в сторону, всё ближе и ближе придвигала свою страшную узкую голову к его лицу.

И вдруг в воздухе прошумели большие крылья.

Огромный глухарь с лёту ударил змею своим крепким клювом, схватил её и взвился ввышину. Михель-Великан заскрежетал зубами, завыл, закричал и, погрозив кулаком кому-то невидимому, зашагал к своему логову.

А Петер, полуживой от страха, отправился дальше своей дорогой.

Тропинка становилась всё круче, лес — всё гуще и глуше, и наконец Петер опять очутился возле огромной косматой ели на вершине горы.

Он снял шляпу, отвесил перед елью три низких — чуть не до самой земли — поклона и срывающимся голосом произнёс заветные слова:

Под косматой елью,
В тёмном подземелье,
Где рождается родник,—
Меж корней живёт старик.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный!

Не успел он выговорить последнее слово, как чей-то тоненький, звонкий, как хрусталь, голосок сказал:
— Здравствуй, Петер Мунк!

И в ту же минуту он увидел под корнями старой ели крошечного старичка в чёрном кафтанчике, в красных чулочках, с большой остроконечной шляпой на голове. Старичок приветливо смотрел на Петера и поглаживал свою небольшую бородку — такую лёгкую, словно она была из паутины. Во рту у него была трубка из голубого стекла, и он то и дело попыхивал ею, выпуская густые клубы дыма.

Не переставая кланяться, Петер подошёл и, к немалому своему удивлению, увидел, что вся одежда на старичке: кафтанчик, шаровары, шляпа, башмаки — всё было сделано из разноцветного стекла, но только стекло это было совсем мягкое, словно ещё не остыло после плавки.

— Этот грубиян Михель, кажется, здорово напугал тебя, — сказал старичок. — Но я его славно проучил и даже отнял у него его знаменитый багор.

— Благодарю вас, господин Стекланный Человечек, — сказал Петер. — Я и вправду натерпелся страха. А вы, верно, и были тем почтенным глухарём, который заклевал змею? Вы мне спасли жизнь! Пропал бы я без вас. Но, уж если вы так добры ко мне, сделайте милость, помогите мне ещё в одном деле. Я бедный угольщик, и живётся мне очень трудно. Вы и сами понимаете, что если с утра до ночи сидеть возле угольной ямы — далеко не уйдёшь. А я ещё молодой, мне хотелось бы узнать в жизни что-нибудь получше.

Вот гляжу я на других — все люди как люди, им и почёт, и уважение, и богатство... Взять хотя бы Иезекии-ла Толстого или Вильма Красивого, короля танцев,— так ведь у них денег что соломы!..

— Петер,— строго перебил его Стекланный Человечек и, запыхтев трубкой, выпустил густое облако дыма,— никогда не говори мне об этих людях. И сам не думай о них. Сейчас тебе кажется, что на всём свете нет никого, кто был бы счастливее их, а пройдёт год или два, и ты увидишь, что нет на свете никого несчастнее. И ещё скажу тебе: не презирай своего ремесла. Твой отец и дед были почтеннейшими людьми, а ведь они были угольщиками. Петер Мунк, я не хочу думать, что тебя привела ко мне любовь к безделью и лёгкой наживе.

Говоря это, Стекланный Человечек пристально смотрел Петеру прямо в глаза.

Петер покраснел.

— Нет, нет,— забормотал он,— я ведь и сам знаю, что лень — мать всех пороков, и всё такое прочее. Но разве я виноват, что моё ремесло мне не по душе? Я готов быть стекольщиком, часовщиком, сплавщиком — кем угодно, только не угольщиком.

— Станный вы народ — люди! — сказал, усмехаясь, Стекланный Человечек.— Всегда недовольны тем, что есть. Был бы ты стекольщиком — захотел бы стать сплавщиком, был бы сплавщиком — захотел бы стать стекольщиком. Ну да пусть будет по-твоему. Если ты обещаешь мне работать честно, не ленясь,— я помогу тебе. У меня заведён такой обычай: я исполняю три желания каждого, кто рождён в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни и кто сумеет меня найти. Два желания я исполняю, какие бы они ни были, даже самые глупые. Но третье желание сбывается только в том случае, если оно стоит того. Ну, Петер Мунк, подумай хорошенько и скажи мне, чего ты хочешь.

Но Петер не стал долго раздумывать.

От радости он подбросил вверх свою шляпу и закричал:

— Да здравствует Стеклянный Человечек, самый добрый и могущественный из всех лесных духов!.. Если вы, мудрейший властелин леса, в самом деле хотите осчастливить меня, я скажу вам самое заветное желание моего сердца. Во-первых, я хочу уметь танцевать лучше самого короля танцев и всегда иметь в кармане столько же денег, сколько у самого Иезекиила Толстого, когда он садится за игорный стол...

— Безумец! — сказал нахмурившись Стеклянный Человечек. — Неужели ты не мог придумать что-нибудь поумнее? Ну посуди сам: какая будет польза тебе и твоей бедной матери, если ты научишься выкидывать разные коленца и дрыгать ногами, как этот бездельник Вильм? И какой толк в деньгах, если ты будешь оставлять их за игорным столом, как этот плут Иезекиил Толстый? Ты сам губишь своё счастье, Петер Мунк. Но сказанного не воротишь — твоё желание будет исполнено. Говори же, чего бы ты хотел ещё? Но смотри, на этот раз будь поумнее!

Петер задумался. Он долго морщил лоб и тёр затылок, пытаясь придумать что-нибудь умное, и наконец сказал:

— Я хочу быть владельцем самого лучшего и самого большого стекольного завода, какой только есть в Шварцвальде. Ну и, конечно, мне нужны деньги, чтобы пустить его в ход.

— И это всё? — спросил Стеклянный Человечек, испытующе глядя на Петера. — Неужели это всё? Подумай хорошенько, что ещё тебе нужно?

— Ну, если вам не жалко, прибавьте ко второму желанию ещё пару лошадок и коляску! И хватит...

— Глупый же ты человек, Петер Мунк! — воскликнул Стеклянный Человечек и со злости так швырнул свою стеклянную трубку, что она ударилась о ствол ели и разлетелась вдребезги. — «Лошадок, коляску»!.. Ума-разума надо тебе, понимаешь? Ума-разу-

ма, а не лошадок и коляску. Ну да всё-таки второе твоё желание поумней первого. Стекольный завод — это дело стоящее. Если вести его с умом, и лошадки, и коляска, и всё у тебя будет.

— Так ведь у меня остаётся ещё одно желание, — сказал Петер, — и я могу пожелать себе ума, если это так уж необходимо, как вы говорите.

— погоди, побереги третье желание про чёрный день. Кто знает, что ещё ждёт тебя впереди! А теперь ступай домой. Да возьми для начала вот это, — сказал Стекланный Человечек и вынул из кармана кошелек, набитый деньгами. — Здесь ровно две тысячи гульденов. Три дня тому назад умер старый Винкфриц, хозяин большого стекольного завода. Предложи его вдове эти деньги, и она с радостью продаст тебе свой завод. Но помни: работа кормит только того, кто любит работу. Да не водись с Иезекиилом Толстым и пореже заходи в трактир. Это к добру не приведет. Ну прощай. Я буду изредка заглядывать к тебе, чтобы помочь советом, когда тебе не будет хватать своего ума-разума.

С этими словами человечек вытащил из кармана новую трубку из самого лучшего матового стекла и набил сухими еловыми иглами.

Потом, крепко прикусив её мелкими, острыми, как у белки, зубками, он достал из другого кармана огромное увеличительное стекло, поймал в него солнечный луч и закурил.

Лёгкий дымок поднялся над стеклянной чашечкой. На Петера пахнуло нагретой солнцем смолой, свежими еловыми побегами, мёдом и почему-то самым лучшим голландским табаком. Дым делался всё гуще, гуще и наконец превратился в целое облако, которое, клубясь и курчавясь, медленно растаяло в верхушках елей. А вместе с ним исчез и Стекланный Человечек.

Петер ещё долго стоял перед старой елью, протирая глаза и вглядываясь в густую, почти чёрную хвою, но так никого и не увидел. На всякий случай он низко поклонился большой ёлке и пошёл домой.

Свою старую мать он застал в слезах и тревоге. Бедная женщина думала, что её Петера забрали в солдаты и ей не скоро уже придётся с ним увидеться.

Какова же была её радость, когда её сын вернулся домой, да ещё с кошельком, набитым деньгами! Петер не стал рассказывать матери о том, что с ним было на самом деле. Он сказал, что повстречал в городе одного доброго приятеля, который дал ему взаймы целых две тысячи гульденов, чтобы Петер мог начать стекольное дело.

Мать Петера прожила всю жизнь среди угольщиков и так привыкла видеть всё вокруг чёрным от сажи, как мельничиха привыкает видеть всё кругом белым от муки. Поэтому сначала её не очень-то обрадовала предстоящая перемена. Но в конце концов она и сама размечталась о новой, сытой и спокойной жизни.

«Да, что там ни говори,— думала она,— а быть матерью стекольного заводчика почётнее, чем быть матерью простого угольщика. Соседки Грета и Бета мне теперь не чета. И в церкви я с этих пор буду сидеть не у стены, где меня никто не видит, а на передних скамейках, рядом с женой господина бургомистра, матерью господина пастора и тётушкой господина судьи»...

На следующий день Петер чуть свет отправился к вдове старого Винкфрица.

Они быстро поладили, и завод со всеми работниками перешёл к новому хозяину.

Вначале стекольное дело очень нравилось Петеру.

Целые дни, с утра до вечера, он проводил у себя на заводе. Придёт, бывало, не спеша и, заложив руки за спину, как делал это старый Винкфриц, важно расхаживает по своим владениям, заглядывая во все углы и делая замечания то одному работнику, то другому. Он и не слышал, как за его спиной работники посмеивались над советами неопытного хозяина.

Больше всего нравилось Петеру смотреть, как

работают стеклодувы. Иногда он и сам брал длинную трубку и выдувал из мягкой неостывшей массы пузатую бутылку или какую-нибудь затейливую, ни на что не похожую фигурку.

Но скоро всё это ему надоело. Он стал приходить на завод всего на часок, потом через день, через два и под конец не чаще, чем раз в неделю.

Работники были очень довольны и делали что хотели. Словом, порядка на заводе не стало никакого. Всё пошло кривь и вкось.

А началось всё с того, что Петеру вздумалось заглянуть в трактир.

Он отправился туда в первое же воскресенье после покупки завода.

В трактире было весело. Играла музыка, и посреди зала, на удивление всем собравшимся, лихо отплясывал король танцев — Вильм Красивый.

А перед кружкой пива сидел Иезекиил Толстый и играл в кости, не глядя бросая на стол звонкие монеты.

Петер поспешно сунул руку в карман, чтобы проверить, сдержал ли Стекланный Человечек своё слово. Да, сдержал! Карманы его были битком набиты серебром и золотом.

«Ну так, верно, и насчёт танцев он меня не подвёл», — подумал Петер.

И, как только музыка заиграла новый танец, он подхватил какую-то девушку и стал с ней в пару против Вильма Красивого.

Ну и пляска же это была! Вильм подпрыгивал на три четверти, а Петер — на четыре, Вильм кружился волчком, а Петер ходил колесом, Вильм выгибал ноги кренделем, а Петер закручивал штопором.

С тех пор как стоял этот трактир, никто никогда не видел ничего подобного.

Петеру кричали «ура» и единодушно провозгласили его королём над всеми королями танцев.

Когда же все трактирные завсегдатаи узнали, что

Петер только что купил себе стекольный завод, когда заметили, что каждый раз, проходя в танце мимо музыкантов, он бросает им золотую монету, — общему удивлению не было конца.

Одни говорили, что он нашёл в лесу клад, другие — что он получил наследство, но все сходились на том, что Петер Мунк самый славный парень во всей округе.

Наплясавшись вволю, Петер подсел к Иезекиилу Толстому и вызвался сыграть с ним партию-другую. Он сразу же поставил двадцать гульденов и тут же проиграл их. Но это его нисколько не смутило. Как только Иезекиил положил свой выигрыш в карман, в кармане у Петера тоже прибавилось ровно двадцать гульденов.

Словом, всё получилось точь-в-точь, как хотел Петер. Он хотел, чтобы в кармане у него всегда было столько же денег, сколько у Иезекиила Толстого, и Стекланный Человечек исполнил его желание. Поэтому, чем больше денег переходило из его кармана в карман толстого Иезекиила, тем больше денег становилось в его собственном кармане.

А так как игрок он был из рук вон плохой и всё время проигрывал, то нет ничего удивительного, что он постоянно был в выигрыше.

С тех пор Петер стал проводить за игорным столом все дни, и праздничные и будничные.

Люди так привыкли к этому, что называли его уже не «королём над всеми королями танцев», а просто «Петером-игроком».

Но, хоть он стал теперь бесшабашным кутилой, сердце у него по-прежнему было доброе. Он без счёта раздавал деньги беднякам, так же как без счёта пропивал и проигрывал.

И вдруг Петер с удивлением стал замечать, что денег у него становится всё меньше и меньше. А удивляться было нечему. С тех пор как он стал бывать в трактире, стекольное дело он совсем забросил и теперь

завод приносил ему не доходы, а убытки. Заказчики перестали обращаться к Петеру, и скоро ему пришлось за полцены продать весь товар бродячим торговцам только для того, чтобы расплатиться со своими мастерами и подмастерьями.

Однажды вечером Петер шёл из трактира домой. Он выпил изрядное количество вина, но на этот раз вино нисколько не развеселило его.

С ужасом думал он о своём неминуемом разорении. И вдруг Петер заметил, что рядом с ним кто-то идёт мелкими быстрыми шажками. Он оглянулся и увидел Стеклянного Человечка.

— Ах, это вы, сударь! — сказал Петер сквозь зубы. — Пришли полюбоваться моим несчастьем? Да, нечего сказать, щедро вы наградили меня!.. Врагу не пожелаю такого покровителя! Ну что вы мне теперь прикажете делать? Того и гляди, пожалует сам начальник округа и пустит за долги с публичного торга всё моё имущество. Право же, когда я был жалким угольщиком, у меня было меньше огорчений и забот...

— Так, — сказал Стеклянный Человечек, — так! Значит, по-твоему, это я виноват во всех твоих несчастьях? А по-моему, ты сам виноват в том, что не сумел пожелать ничего путного. Для того чтобы стать хозяином стекольного дела, голубчик, надо прежде всего быть толковым человеком и знать мастерство. Я тебе и раньше говорил и теперь скажу: ума тебе не хватает, Петер Мунк, ума и сообразительности!

— Какого там ещё ума!.. — закричал Петер, задыхаясь от обиды и злости. — Я нисколько не глупее всякого другого и докажу тебе это на деле, еловая шишка!

С этими словами Петер схватил Стеклянного Человечка за шиворот и стал трясти его изо всех сил.

— Ага, попался, властелин лесов? Ну-ка, исполняй третье моё желание! Чтобы сейчас же на этом самом месте был мешок с золотом, новый дом и... Ай-ай!.. — завопил он вдруг не своим голосом.

Стеклянный Человечек как будто вспыхнул у него в руках и засветился ослепительно белым пламенем. Вся его стеклянная одежда раскалилась, и горячие, колющие искры так и брызнули во все стороны.

Петер невольно разжал пальцы и замахал в воздухе обожжённой рукой.

В это самое мгновение над ухом у него раздался лёгкий, как звон стекла, смех — и всё стихло.

Стеклянный Человечек пропал.

Несколько дней не мог Петер позабыть об этой неприятной встрече.

Он бы и рад был не думать о ней, да распухшая рука всё время напоминала ему о его глупости и неблагодарности.

Но мало-помалу рука у него зажила, и на душе стало легче.

— Если даже они и продадут мой завод,— успокаивал он себя,— у меня всё-таки останется толстый Иезекиил. Пока у него в кармане есть деньги, и я не пропаду.

Так-то оно так, Петер Мунк, а вот если денег у Иезекиила не станет, что тогда? Но Петеру это даже и в голову не приходило.

А между тем случилось именно то, чего он не предвидел, и в один прекрасный день произошла очень странная история, которую никак нельзя объяснить законами арифметики.

Однажды в воскресенье Петер, как обычно, пришёл в трактир.

— Добрый вечер, хозяин,— сказал он с порога.— Что, толстый Иезекиил уже здесь?

— Заходи, заходи, Петер,— отозвался сам Иезекиил.— Место для тебя оставлено.

Петер подошёл к столу и сунул руку в карман, чтобы узнать, в проигрыше или выигрыше толстый Иезекиил. Оказалось, в большом выигрыше. Об этом

Петер мог судить по своему собственному, туго набитому карману.

Он подсел к игрокам и так провёл время до самого вечера, то выигрывая партию, то проигрывая. Но сколько он ни проигрывал, деньги у него в кармане не убывали, потому что Иезекиилу Толстому всё время везло.

Когда за окнами стемнело, игроки один за другим стали расходиться по домам. Поднялся и толстый Иезекиил. Но Петер так уговаривал его остаться и сыграть ещё партию-другую, что тот наконец согласился.

— Ну хорошо,— сказал Иезекиил.— Только сначала я пересчитаю свои деньги. Будем бросать кости. Ставка — пять гульденов. Меньше нет смысла: дегская игра!..

Он вытащил свой кошелёк и стал считать деньги.

— Ровно сто гульденов! — сказал он, пряча кошелёк в карман.

Теперь и Петер знал, сколько у него денег: ровно сто гульденов. И считать не надо было.

И вот игра началась. Первым бросил кости Иезекиил — восемь очков! Бросил кости Петер — десять очков!

Так и пошло: сколько раз ни бросал кости Иезекиил Толстый, у Петера всегда было больше ровно на два очка.

Наконец толстяк выложил на стол свои последние пять гульденов.

— Ну, бросай ещё раз! — крикнул он.— Но так и знай, я не сдамся, даже если проиграю и теперь. Ты одолжишь мне несколько монет из своего выигрыша. Порядочный человек всегда выручает приятеля в затруднении.

— Да о чём там говорить! — сказал Петер.— Мой кошелёк всегда к твоим услугам.

Толстый Иезекиил встряхнул кости и бросил на стол.

— Пятнадцать!— сказал он.— Теперь посмотрим, что у тебя.

Петер, не глядя, швырнул кости.

— Моя взяла! Семнадцать!..— крикнул он и даже засмеялся от удовольствия.

В ту же минуту за его спиной раздался чей-то глухой, хриплый голос:

— Это была твоя последняя игра!

Петер в ужасе оглянулся и увидел за своим стулом огромную фигуру Михеля-Голландца. Не смея пошевеливаться, Петер так и замер на месте.

А толстый Иезекиил никого и ничего не видел.

— Дай мне скорей десять гульденов, и будем продолжать игру!— нетерпеливо сказал он.

Петер как во сне сунул руку в карман. Пусто! Он пошарил в другом кармане— и там не больше.

Ничего не понимая, Петер вывернул оба кармана наизнанку, но не нашёл в них даже самой мелкой монетки.

Тут он с ужасом вспомнил о своём первом желании. Проклятый Стекланный Человечек сдержал своё слово до конца: Петер хотел, чтобы денег у него было столько же, сколько в кармане у Иезекиила Толстого, и вот у Иезекиила Толстого нет ни гроша, и в кармане у Петера — ровно столько же!

Хозяин трактира и Иезекиил Толстый смотрели на Петера, вытаращив глаза. Они никак не могли понять, куда же девал он выигранные деньги. А так как Петер на все их вопросы не мог ответить ничего путного, то они решили, что он попросту не хочет расплачиваться с трактирщиком и боится поверить в долг Иезекиилу Толстому.

Это привело их в такую ярость, что они вдвоём накинулись на Петера, избили его, сорвали с него кафтан и вытолкали за дверь.

Ни одной звёздочки не видно было на небе, когда Петер пробирался к себе домой.

Темень была такая, что хоть глаз выколи, и всё-

таки он различил рядом с собой какую-то огромную фигуру, которая была темней темноты.

— Ну, Петер Мунк, твоя песенка спета!— сказал знакомый хриплый голос.— Теперь ты видишь, каково приходится тем, кто не хочет слушать моих советов. А ведь сам виноват! Вольно же тебе было водиться с этим скупым старикашкой, с этим жалким стеклянным пузырьком!.. Нуда ещё не всё потеряно. Я не злопамятен. Слушай, завтра я целый день буду у себя на горе. Приходи и позови меня. Не расскаешься!

Сердце похолодело у Петера, когда он понял, кто с ним говорит. Михель-Великан! Опять Михель-Великан!.. Сломая голову Петер бросился бежать, сам не зная куда.

II

Когда в понедельник утром Петер пришёл на свой стекольный завод, он застал там непрошенных гостей — начальника округа и трёх судейских.

Начальник вежливо поздоровался с Петером, спросил, хорошо ли он почивал и как его здоровье, а потом вытащил из кармана длинный список, в котором стояли имена всех, кому Петер был должен.

— Собираетесь ли вы, сударь, заплатить всем этим лицам?— спросил начальник, строго глядя на Петера.— Если собираетесь, прошу вас поторопиться. Времени у меня немного, а до тюрьмы добрых три часа ходу.

Петеру пришлось сознаться, что платить ему нечем, и судейские без долгих разговоров приступили к описи его имущества.

Они описали дом и пристройки, завод и конюшню, коляску и лошадей. Описали стеклянную посуду, которая стояла в кладовых, и метлу, которой подметают двор... Словом, всё-всё, что только попало им на глаза.

Пока они расхаживали по двору, всё разгляды-

вая, ощупывая и оценивая, Петер стоял в стороне и посвистывал, стараясь показать, что это его нимало не беспокоит. И вдруг в ушах у него зазвучали слова Михеля: «Ну, Петер Мунк, твоя песенка спета!..»

Сердце у него тревожно ёкнуло и кровь застучала в висках. «А ведь до Еловой горы совсем не так далеко, ближе, чем до тюрьмы,— подумал он.— Если маленький не захотел помочь, что ж, пойду попрошу большого...»

И, не дожидаясь, покуда судейские кончат своё дело, он украдкой вышел за ворота и бегом побежал в лес.

Он бежал быстро — быстрее, чем заяц от гончих собак,— и сам не заметил, как очутился на вершине Еловой горы.

Когда он пробежал мимо старой большой ели, под которой в первый раз разговаривал со Стеклянным Человечком, ему показалось, что чьи-то невидимые руки стараются поймать и удержать его. Но он вырвался и опрометью побежал дальше...

Вот и канава, за которой начинаются владения Михеля-Великана!..

Одним прыжком перемахнул Петер на ту сторону и, не успев отдышаться, крикнул:

— Господин Михель! Михель-Великан!..

И не успело эхо откликнуться на его крик, как перед ним словно из-под земли выросла знакомая страшная фигура — чуть ли не в сосну ростом, в одежде плотогона, с огромным багром на плече...

Михель-Великан явился на зов.

— Ага, пришёл-таки!— сказал он смеясь.— Ну что, дочиста облупили тебя? Шкура-то ещё целая, или, может, и ту содрали и продали за долги? Да полно, полно, не горюй! Пойдём-ка лучше ко мне, потолкуем... Авось и сговоримся...

И он зашагал саженными шагами в гору по каменной узкой тропинке.

«Сговоримся?..— думал Петер, стараясь не от-

стать от него.— Чего же ему от меня надо? Сам ведь знает, что у меня ни гроша за душой... Работать на себя заставит, что ли?»

Лесная тропинка становилась всё круче и круче и наконец оборвалась. Они очутились перед глубоким тёмным ущельем.

Михель-Великан, не задумываясь, сбежал по отвесной скале, словно это была пологая лестница. А Петер остановился на самом краю, со страхом глядя вниз и не понимая, что же ему делать дальше. Ущелье было такое глубокое, что сверху даже Михель-Великан казался маленьким, как Стекланный Человечек.

И вдруг — Петер едва мог поверить своим глазам — Михель стал расти. Он рос, рос, пока не стал вышиной с кёльнскую колокольню. Тогда он протянул Петеру руку, длинную, как багор, подставил ладонь, которая была больше, чем стол в трактире, и сказал голосом гулким, как погребальный колокол:

— Садись ко мне на руку да покрепче держись за палец! Не бойся, не упадёшь!

Замирая от ужаса, Петер перешагнул на ладонь великана и ухватился за его большой палец. Великан стал медленно опускать руку, и чем ниже он её опускал, тем меньше становился сам.

Когда он наконец поставил Петера на землю, он уже опять был такого роста, как всегда, — гораздо больше человека, но немного меньше сосны.

Петер оглянулся по сторонам. На дне ущелья было так же светло, как наверху, только свет здесь был какой-то неживой — холодный, резкий. От него делалось больно глазам.

Вокруг не было видно ни дерева, ни куста, ни цветка. На каменной площадке стоял большой дом, обыкновенный дом — не хуже и не лучше, чем те, в которых живут богатые шварцвальдские плотогонны, разве что побольше, а так — ничего особенного.

Михель, не говоря ни слова, отворил дверь, и они

вошли в горницу. И здесь всё было, как у всех: деревянные стенные часы — изделие шварцвальдских часовщиков, — изразцовая расписная печь, широкие скамьи, всякая домашняя утварь на полках вдоль стен.

Только почему-то казалось, что здесь никто не живёт, — от печки веяло холодом, часы молчали.

— Ну присаживайся, приятель, — сказал Михель. — Выпьем по стакану вина.

Он вышел в другую комнату и скоро вернулся с большим кувшином и двумя пузатыми стеклянными стаканами — точь-в-точь такими, какие делали на заводе у Петера.

Налив вина себе и гостю, он завёл разговор о всякой всячине, о чужих краях, где ему не раз довелось побывать, о прекрасных городах и реках, о больших кораблях, пересекающих моря, и наконец так раззадорил Петера, что тому до смерти захотелось поехать по белу свету и посмотреть на все его диковинки.

— Да, вот это жизнь!.. — сказал он. — А мы-то, дураки, сидим весь век на одном месте и ничего не видим, кроме ёлок да сосен.

— Что ж, — лукаво прищурившись, сказал Михель-Великан. — И тебе пути не заказаны. Можно и постранствовать, и делом позаняться. Всё можно — только бы хватило смелости, твёрдости, здравого смысла... Только бы не мешало глупое сердце!.. А как оно мешает, чёрт поberi!.. Вспомни-ка, сколько раз тебе в голову приходили какие-нибудь славные затеи, а сердце вдруг дрогнет, заколотится, ты и струсишь ни с того ни с сего. А если кто-нибудь обидит тебя, да ещё ни за что ни про что? Кажется, и думать не о чем, а сердце ноет, щемит... Ну вот скажи-ка мне сам: когда тебя вчера вечером обозвали обманщиком и вытолкали из трактира, голова у тебя заболела, что ли? А когда судейские описали твой завод и дом, у тебя, может быть, заболел живот? Ну, говори прямо, что у тебя заболело?

— Сердце,— сказал Петер.

И, словно подтверждая его слова, сердце у него в груди тревожно сжалось и забилося часто-часто.

— Так,— сказал Михель-Великан и покачал головой.— Мне вот говорил кое-кто, что ты, покуда у тебя были деньги, не жалея, раздавал их всяким попрошкам да попрошайкам. Правда это?

— Правда,— шёпотом сказал Петер.

Михель кивнул головой.

— Так,— повторил он опять.— А скажи мне, зачем ты это делал? Какая тебе от этого польза? Что ты получил за свои деньги? Пожелания всяких благ и доброго здоровья! Ну и что же, ты стал от этого здоровее? Да половины этих выброшенных денег хватило бы, чтобы держать при себе хорошего врача. А это было бы гораздо полезнее для твоего здоровья, чем все пожелания, вместе взятые. Знал ты это? Знал. Что же тебя заставляло всякий раз, когда какой-нибудь грязный нищий протягивал тебе свою помятую шляпу, опускать руку в карман? Сердце, опять-таки сердце, а не глаза, не язык, не руки и не ноги. Ты, как говорится, слишком близко всё принимал к сердцу.

— Но как же сделать, чтобы этого не было?— спросил Петер.— Сердцу не прикажешь!.. Вот и сейчас — я бы так хотел, чтоб оно перестало дрожать и болеть. А оно дрожит и болит.

Михель засмеялся.

— Ну ещё бы!— сказал он.— Где тебе с ним справиться! Люди покрепче и те не могут совладать со всеми его прихотями и причудами. Знаешь что, братец, отдай-ка ты его лучше мне. Увидишь, как я с ним управлюсь.

— Что?— в ужасе закричал Петер.— Отдать вам сердце?.. Но ведь я же умру на месте. Нет, нет, ни за что!

— Пустое!— сказал Михель.— Это если бы кто-нибудь из ваших господ хирургов вздумал вынуть у тебя сердце, тогда ты бы, конечно, не прожил и мину-

ты. Ну, а я — другое дело. И жив будешь и здоров, как никогда. Да вот поди сюда, погляди своими глазами... Сам увидишь, что бояться нечего.

Он встал, отворил дверь в соседнюю комнату и поманил Петера рукой:

— Входи сюда, приятель, не бойся! Тут есть на что поглядеть.

Петер переступил порог и невольно остановился, не смея поверить своим глазам.

Сердце в груди у него так сильно сжалось, что он едва перевёл дыхание.

Вдоль стен на длинных деревянных полках стояли рядами стеклянные банки, до самых краёв налитые какой-то прозрачной жидкостью.

А в каждой банке лежало человеческое сердце. Сверху на ярлычке, приклеенном к стеклу, было написано имя и прозвище того, в чьей груди оно раньше билось.

Петер медленно пошёл вдоль полок, читая ярлычок за ярлычком. На одном было написано: «сердце господина начальника округа», на другом — «сердце главного лесничего». На третьем просто — «Иезекиил Толстый», на пятом — «король танцев».

Дальше подряд стояли шесть сердец скупщиков хлеба, три сердца богатых ростовщиков, два таможенных сердца, четыре судебных...

Словом, много сердец и много почтенных имён, известных всей округе.

— Видишь, — сказал Михель-Великан, — ни одно из этих сердец не сжимается больше ни от страха, ни от огорчения. Их бывшие хозяева избавились раз навсегда от всяких забот, тревог, пороков сердца и прекрасно чувствуют себя, с тех пор как выселили из своей груди беспокойного жильца.

— Да, но что же теперь у них в груди вместо сердца? — спросил, запинаясь, Петер, у которого голова пошла кругом от всего, что он видел и слышал.

— А вот что, — спокойно ответил Михель.

Он выдвинул какой-то ящик и достал оттуда каменное сердце.

— Это?— переспросил Петер, задыхаясь, и холодная дрожь пробежала у него по спине.— Мраморное сердце?.. Но ведь от него, должно быть, очень холодно в груди?

— Конечно, оно немного холодит,— сказал Михель,— но это очень приятная прохлада. Да и зачем, собственно, сердце непременно должно быть горячим? Зимой, когда холодно, вишнёвая наливка греет куда лучше, чем самое горячее сердце. А летом, когда и без того душно и жарко, ты и не поверишь, как славно освежает такое мраморное сердечко. А главное — оно-то уж не забьётся у тебя ни от страха, ни от тревоги, ни от глупой жалости. Очень удобно!

Петер пожал плечами.

— И это всё, зачем вы меня позвали?— спросил он у великана.— По правде сказать, не того я ожидал от вас. Мне нужны деньги, а вы мне предлагаете камень.

— Ну, я думаю, ста тысяч гульденов хватит тебе на первое время,— сказал Михель.— Если сумеешь выгодно пустить их в оборот, ты можешь стать настоящим богачом.

— Сто тысяч!..— закричал, не веря своим ушам, бедный угольщик, и сердце его забилося так сильно, что он невольно придержал его рукой.— Да не колотись ты, неугомонное! Скоро я навсегда разделаюсь с тобой... Господин Михель, я согласен на всё! Дайте мне деньги и ваш камешек, а этого бестолкового барабанщика можете взять себе.

— Я так и знал, что ты парень с головой,— дружески улыбаясь, сказал Михель.— По этому случаю следует выпить. А потом и делом займёмся.

Они уселись за стол и выпили по стакану крепкого, густого, точно кровь, вина, потом ещё по стакану, ещё по стакану, и так до тех пор, пока большой кувшин не опустел совсем.

В ушах у Петера зашумело, и, уронив голову на руки, он заснул мёртвым сном.

Петера разбудили весёлые звуки почтового рожка. Он сидел в прекрасной карете. Лошади мерно стучали копытами, и карета быстро катилась. Выглянув из окошка, он увидел далеко позади горы Шварцвальда в дымке синего тумана.

Сначала он никак не мог поверить, что это он сам, угольщик Петер Мунк, сидит на мягких подушках в богатой барской карете. Да и платье на нём было такое, какое ему и во сне не снилось... А всё-таки это был он, угольщик Петер Мунк!..

На минуту Петер задумался. Вот он первый раз в жизни покидает эти горы и долины, поросшие еловым лесом. Но почему-то ему совсем не жалко уезжать из родных мест. Да и мысль о том, что он оставил свою старуху мать одну, в нужде и тревоге, не сказав ей на прощание ни одного слова, тоже насколько не опечалила его.

«Ах, да,— вспомнил он вдруг,— ведь у меня теперь каменное сердце!.. Спасибо Михелю-Голландцу — он избавил меня от всех этих слёз, вздохов, сожалений...»

Он приложил руку к груди и почувствовал только лёгкий холодок. Каменное сердце не билось.

«Ну относительно сердца он сдержал своё слово,— подумал Петер.— А вот как насчёт денег?»

Он принялся осматривать карету и среди вороха всяких дорожных вещей нашёл большую кожаную сумку, туго набитую золотом и чеками на торговые дома во всех больших городах.

«Ну теперь всё в порядке»,— подумал Петер и уселся поудобнее среди мягких кожаных подушек.

Так началась новая жизнь господина Петера Мунка.

Два года ездил он по белу свету, много видел, но

ничего не заметил, кроме почтовых станций, вывесок на домах да гостиниц, в которых он останавливался.

Впрочем, Петер всегда нанимал человека, который показывал ему достопримечательности каждого города.

Глаза его смотрели на прекрасные здания, картины и сады, уши слушали музыку, весёлый смех, умные беседы, но ничто его не занимало и не радовало, потому что сердце у него всегда оставалось холодным.

Только и было у него удовольствия, что сытно есть и сладко спать.

Однако все кушанья ему почему-то скоро приелись, а сон стал бежать от него. И ночью, ворочаясь с боку на бок, он не раз вспоминал о том, как хорошо ему спалось в лесу около угольной ямы и как вкусен был жалкий обед, который приносила из дому мать.

Ему никогда теперь не бывало грустно, но зато не бывало и весело.

Если другие смеялись при нём, он только из вежливости растягивал губы.

Ему даже казалось иногда, что он просто разучился смеяться, а ведь прежде, бывало, его мог насмешить всякий пустяк.

В конце концов ему стало так скучно, что он решил вернуться домой. Не всё ли равно, где скучать?

Когда он снова увидел тёмные леса Шварцвальда и добродушные лица земляков, кровь на мгновение прилила к его сердцу, и ему даже показалось, что он сейчас обрадуется. Нет! Каменное сердце осталось таким же холодным, как было. Камень — это камень.

Вернувшись в родные места, Петер раньше всего пошёл повидаться с Михелем-Голландцем. Тот встретил его по-приятельски.

— Здорово, дружище! — сказал он. — Ну что, хорошо съездил? Повидал белый свет?

— Да как вам сказать... — ответил Петер. — Видал я, разумеется, не мало, но всё это глупости, одна скука... Вообще должен вам сказать, Михель, что

этот камешек, которым вы меня наградили, не такая уж находка. Конечно, он меня избавляет от многих неприятностей. Я никогда не сержусь, не грущу, но зато никогда и не радуюсь. Словно я живу наполовину... Нельзя ли сделать его хоть немного поживее? А ещё лучше — отдайте мне моё прежнее сердце. За двадцать пять лет я порядком привык к нему, и хоть иной раз оно и пошаливало — всё же это было веселое, славное сердце.

Михель-Великан расхохотался.

— Ну и дурак же ты, Петер Мунк, как я погляжу, — сказал он. — Ездил-ездил, а ума не набрался. Ты знаешь, отчего тебе скучно? От безделья. А ты всё валишь на сердце. Сердце тут решительно ни причём. Ты лучше послушай меня: построй себе дом, женись, пусти деньги в оборот. Когда каждый гульден будет у тебя превращаться в десять, тебе станет так весело, как никогда. Деньгам даже камень обрадуется.

Петер без долгих споров согласился с ним. Михель-Голландец тут же подарил ему ещё сто тысяч гульденов, и они расстались друзьями.

Скоро по всему Шварцвальду пошла молва о том, что угольщик Петер Мунк воротился домой ещё богаче, чем был до отъезда.

И тут случилось то, что обычно бывает в таких случаях. Он опять стал желанным гостем в трактире, все кланялись ему, спешили пожать руку, каждый рад был назвать его своим другом.

Стекольное дело он бросил и начал торговать лесом. Но и это было только для вида.

На самом деле он торговал не лесом, а деньгами: давал их взаймы и получал назад с лихвою.

Мало-помалу половина Шварцвальда оказалась у него в долгу.

С начальником округа он был теперь запанибрата. И стоило Петеру только заикнуться, что кто-то не

уплатил ему деньги в срок, как судейские мигом налетали на дом несчастного должника, всё описывали, оценивали и продавали с молотка. Таким образом каждый гульден, который Петер получил от Михеля-Голландца, очень скоро превратился в десять.

Правда, сначала господину Петеру Мунку немного докучали мольбы, слёзы и упрёки. Целые толпы должников днём и ночью осаждали его двери. Мужчины умоляли об отсрочке, женщины старались слезами смягчить его каменное сердце, дети просили хлеба...

Однако всё это уладилось как нельзя лучше, когда Петер обзавёлся двумя огромными овчарками. Стоило спустить их с цепи, как вся эта, по выражению Петера, «кошачья музыка» мигом прекращалась.

Но больше всего досаждала ему «старуха» (так называл он свою мать, госпожу Мунк).

Когда Петер вернулся из странствий, снова разбогатевший и всеми уважаемый, он даже не зашёл в её бедную хижину.

Старая, полуголодная, больная, она приходила к нему во двор, опираясь на палку, и робко останавливалась у порога.

Просить у чужих она не смела, чтобы не позорить своего богатого сына, и каждую субботу приходила к его дверям, ожидая подаянья и не решаясь войти в дом, откуда один раз её уже выгнали.

Завидя старуху из окна, Петер, сердито хмурясь, доставал из кармана несколько медяков, заворачивал их в клочок бумаги и, кликнув слугу, высылал матери. Он слышал, как она дрожащим голосом благодарила его и желала ему всякого благополучия, слышал, как, покашливая и постукивая палочкой, пробиралась она мимо его окон, но думал только о том, что вот опять понапрасну истратил несколько грошей.

Да что и говорить, теперь это был уже не тот Петер Мунк, бесшабашный весельчак, который без счёта бросал деньги бродячим музыкантам и всегда был готов помочь первому встречному бедняку. Ны-

нешний Петер Мунк хорошо знал цену деньгам и ничего другого не желал знать.

С каждым днём он делался всё богаче и богаче, но веселее ему не становилось.

И вот, вспомнив совет Михеля-Великана, он решил жениться.

Петер знал, что любой почтенный человек в Шварцвальде с радостью отдаст за него свою дочь, но он был разборчив. Ему хотелось, чтобы все хвалили его выбор и завидовали его счастью. Он объехал весь край, заглянул во все углы и закоулки, посмотрел всех невест, но ни одна из них не показалась ему достойной стать супругой господина Мунка.

Наконец на одной вечеринке ему сказали, что самая красивая и скромная девушка во всём Шварцвальде — это Лизбет, дочь бедного дровосека. Но она никогда не бывает на танцах, сидит дома, шьёт, хозяйничает и ухаживает за стариком отцом. Лучше этой невесты нет не только в здешних местах, но и на всём свете.

Не откладывая дела, Петер собрался и поехал к отцу красавицы. Бедный дровосек был очень удивлён посещением такого важного господина. Но ещё больше удивился он, когда узнал, что этот важный господин хочет посвататься к его дочери.

Как было не ухватиться за такое счастье!

Старик решил, что его горестям и заботам пришёл конец, и недолго думая дал Петеру согласие, даже не спросив красавицу Лизбет.

А красавица Лизбет была покорной дочерью. Она беспрекословно исполнила волю отца и стала госпожой Мунк.

Но невесело жилось бедняжке в богатом доме её мужа. Все соседи считали её примерной хозяйкой, а господину Петеру она никак не могла угодить.

У неё было доброе сердце, и, зная, что в доме сундуки ломаются от всякого добра, она не считала за грех накормить какую-нибудь бедную старушку, вы-

нести рюмку вина прохожему старику или дать несколько мелких монеток соседским детям на сласти.

Но, когда Петер однажды узнал об этом, он весь побагровел от злости и сказал:

— Как ты смеешь швырять направо и налево моё добро? Забыла, что сама нищая?.. Смотри у меня, чтобы это было в последний раз, а не то...

И он так взглянул на неё, что сердце похолодело в груди у бедной Лизбет. Она горько заплакала и ушла к себе.

С тех пор всякий раз, когда какой-нибудь бедняк проходил мимо их дома, Лизбет закрывала окно или отворачивалась, чтобы не видеть чужой бедности. Но ни разу не посмела она послушаться своего сурового мужа.

Никто не знал, сколько слёз она пролила по ночам, думая о холодном, безжалостном сердце Петера, но все знали теперь, что госпожа Мунк не даст умирающему глотка воды и голодному корки хлеба. Она прослыла самой скупой хозяйкой в Шварцвальде.

Однажды Лизбет сидела перед домом, пряла пряжу и напевала какую-то песенку. На душе у неё было в этот день легко и весело, потому что погода была отличная, а господин Петер уехал по делам.

И вдруг она увидела, что по дороге идёт какой-то старенький старичок. Сгибаясь в три погибели, он тащил на спине большой, туго набитый мешок.

Старичок то и дело останавливался, чтобы перевести дух и стереть пот со лба.

«Бедный,— подумала Лизбет,— как трудно ему нести такую непосильную ношу!»

А старичок, подойдя к ней, сбросил на землю свой огромный мешок, тяжело опустился на него и сказал едва слышным голосом:

— Будьте милостивы, хозяйшка! Дайте мне глоток воды. До того измучился, что просто с ног валюсь.

— Как же можно в ваши годы таскать такие тяжести!— сказала Лизбет.

— Что поделаешь! Бедность!..— ответил старичок.— Жить-то ведь чем-нибудь надо. Конечно, такой богатой женщине, как вы, это и понять мудрено. Вот вы, наверно, кроме сливок, и не пьёте ничего, а я и за глоток воды скажу спасибо.

Ничего не ответив, Лизбет побежала в дом и налила полный ковшик воды. Она хотела уже отнести его прохожему, но вдруг, не дойдя до порога, остановилась и снова вернулась в комнату. Отворив шкаф, она достала большую узорчатую кружку, налила до краёв вином и, прикрыв сверху свежим, только что испечённым хлебцем, вынесла старику.

— Вот,— сказала она,— подкрепитесь на дорогу.

Старичок с удивлением посмотрел на Лизбет своими выцветшими, светлыми, как стекло, глазами.

Он медленно выпил вино, отломил кусочек хлеба и сказал дрожащим голосом:

— Я человек старый, но мало видел на своём веку людей с таким добрым сердцем, как у вас. А доброта никогда не остаётся без награды...

— И свою награду она получит сейчас же!— загремел у них за спиной страшный голос.

Они обернулись и увидели господина Петера.

— Так вот ты как!..— проговорил он сквозь зубы, сжимая в руках кнут и подступая к Лизбет.— Самое лучшее вино из моего погреба ты наливаешь в мою самую любимую кружку и угощаешь каких-то грязных бродяг... Вот же тебе! Получай свою награду!..

Он размахнулся и изо всей силы ударил жену по голове тяжёлым кнутовищем из чёрного дерева.

Не успев даже вскрикнуть, Лизбет упала на руки старика.

Каменное сердце не знает ни сожаления, ни раскаяния. Но тут даже Петеру стало не по себе, и он бросился к Лизбет, чтобы поднять её.

— Не трудись, угольщик Мунк!— вдруг сказал старик хорошо знакомым Петеру голосом.— Ты сломал самый прекрасный цветок в Шварцвальде, и он никогда больше не зацветёт.

Петер невольно отшатнулся.

— Так это вы, господин Стекланный Человечек!— в ужасе прошептал он.— Ну да что сделано, того уж не воротишь. Но я надеюсь, по крайней мере, что вы не донесёте на меня в суд...

— В суд?— Стекланный Человечек горько усмехнулся.— Нет, я слишком хорошо знаю твоих приятелей — судейских... Кто мог продать своё сердце, тот и совесть продаст не задумавшись. Я сам буду судить тебя!..

От этих слов в глазах у Петера потемнело.

— Не тебе меня судить, старый скряга!— закричал он, потрясая кулаками.— Это ты погубил меня! Да, да, ты, и никто другой! По твоей милости пошёл я на поклон к Михелю-Голландцу. И теперь ты сам должен держать ответ передо мной, а не я перед тобой!..

И он вне себя замахнулся кнутом. Но рука его так и застыла в воздухе.

На глазах у него Стекланный Человечек вдруг стал расти. Он рос всё больше, больше, пока не заслонил дом, деревья, даже солнце... Глаза его метали искры и были ярче самого яркого пламени. Он дохнул — и палящий жар пронизал Петера насквозь, так что даже его каменное сердце согрелось и дрогнуло, как будто снова забилося.

Нет, никогда даже Михель-Великан не казался ему таким страшным!

Петер упал на землю и закрыл голову руками, чтобы защититься от мести разгневанного Стекланного Человечка, но вдруг почувствовал, что огромная рука, цепкая, словно когти коршуна, схватила его, подняла высоко в воздух и, завертев, как ветер крутит сухую былинку, швырнула оземь.

— Жалкий червяк!..— загремел над ним громо-

вой голос.— Я мог бы на месте испепелить тебя! Но, так и быть, ради этой бедной, кроткой женщины дарю тебе ещё семь дней жизни. Если за эти дни ты не расквешься — берегись!..

Точно огненный вихрь промчался над Петером — и всё стихло.

Вечером люди, проходившие мимо, увидели Петера лежащим на земле у порога своего дома.

Он был бледен как мертвец, сердце у него не билось, и соседи уже решили, что он умер (ведь они-то не знали, что сердце его не бьётся, потому что оно каменное). Но тут кто-то заметил, что Петер ещё дышит, Принесли воды, смочили ему лоб, и он очнулся...

— Лизбет!.. Где Лизбет?— спросил он хриплым шёпотом.

Но никто не знал, где она.

Он поблагодарил людей за помощь и вошёл в дом. Лизбет не было и там.

Петер совсем растерялся. Что же это значит? Куда она исчезла? Живая или мёртвая, она должна быть здесь.

Так прошло несколько дней. С утра до ночи бродил он по дому, не зная, за что взяться. А ночью стояло ему только закрыть глаза, его будил тихий голос:

— Петер, достань себе горячее сердце! Достань себе горячее сердце, Петер!..

Это был голос Лизбет. Он вскакивал, озираясь по сторонам, но её нигде не было.

Соседям он сказал, что жена поехала на несколько дней навестить отца. Ему, конечно, поверили. Но ведь рано или поздно они узнают, что это неправда. Что сказать тогда? А дни, отпущенные ему, для того чтобы он раскаялся, всё шли и шли, и час расплаты приближался. Но как он мог раскаяться, когда его каменное сердце не знало раскаяния? Ах, если бы в самом деле он мог добыть себе сердце погорячей!

И вот, когда седьмой день был уже на исходе, Петер решился. Он надел праздничный камзол, шляпу, вскочил на коня и поскакал к Еловой горе.

Там, где начинался частый ельник, он спешился, привязал лошадь к дереву, а сам, цепляясь за колючие ветки, полез наверх.

Около большой ели он остановился, снял шляпу и, с трудом припоминая слова, медленно проговорил:

Под косматой елью,
В тёмном подземелье,
Где рождается родник,—
Меж корней живёт старик.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный.

И Стекланный Человечек появился. Но теперь он был весь в чёрном: кафтанчик из чёрного матового стекла, чёрные панталоны, чёрные чулки... Чёрная хрустальная лента обвивала его шляпу.

Он едва взглянул на Петера и спросил безучастным голосом:

— Что тебе надо от меня, Петер Мунк?

— У меня осталось ещё одно желание, господин Стекланный Человечек,— сказал Петер, не смея поднять глаза.— Я хотел бы, чтобы вы его исполнили.

— Разве у каменного сердца могут быть желания!— ответил Стекланный Человечек.— У тебя уже есть всё, что нужно таким людям, как ты. А если тебе ещё чего-нибудь не хватает, проси у своего друга Михеля. Я вряд ли смогу тебе помочь.

— Но ведь вы сами обещали мне исполнить три желания. Одно ещё остаётся за мной!..

— Я обещал исполнить третье твоё желание, только если оно не будет безрассудным. Ну говори, что ты там ещё придумал?

— Я хотел бы... Я хотел бы...— начал прерываю-

щимся голосом Петер.— Господин Стекланный Человечек! Выньте из моей груди этот мёртвый камень и дайте мне моё живое сердце.

— Да разве ты со мной заключил эту сделку!— сказал Стекланный Человечек.— Разве я Михель-Голландец, который раздаёт золотые монеты и каменные сердца? Ступай к нему, проси у него своё сердце!

Петер грустно покачал головой:

— Ах, он ни за что не отдаст мне его.

Стекланный Человечек помолчал с минуту, потом вынул из кармана свою стеклянную трубку и закурил.

— Да,— сказал он, пуская кольца дыма,— конечно, он не захочет отдать тебе твоё сердце... И хотя ты очень виноват перед людьми, передо мной и перед собой, но желание твоё не так уж глупо. Я помогу тебе. Слушай: силой ты от Михеля ничего не добьёшься. Но перехитрить его не так уж трудно, хоть он и считает себя умнее всех на свете. Нагнись ко мне, я скажу, как выманить у него твоё сердце.

И Стекланный Человечек сказал Петеру на ухо всё, что надо делать.

— Запомни же,— добавил он на прощание,— если в груди у тебя будет опять живое, горячее сердце и если перед опасностью оно не дрогнет и будет твёрже каменного, никто не одолеет тебя, даже сам Михель-Великан. А теперь ступай и возвращайся ко мне с живым, бьющимся, как у всех людей, сердцем. Или совсем не возвращайся.

Так сказал Стекланный Человечек и скрылся под корнями ели, а Петер быстрыми шагами направился к ущелью, где жил Михель-Великан.

Он трижды окликнул его по имени, и великан явился.

— Что, жену убил?— сказал он смеясь.— Ну и ладно, поделом ей! Зачем не берегла мужнино добро! Только, пожалуй, приятель, придётся тебе на время уехать из наших краёв, а то заметят добрые

соседи, что она пропала,— поднимут шум, начнутся всякие разговоры... Не оберёшься хлопот. Тебе, верно, деньги нужны?

— Да,— сказал Петер,— и на этот раз побольше. Ведь до Америки далеко.

— Ну за деньгами дело не станет,— сказал Михель и повёл Петера к себе в дом.

Он открыл сундук, стоявший в углу, вытащил несколько больших свёртков золотых монет и, разложив их на столе, стал пересчитывать.

Петер стоял рядом и ссыпал в мешок сосчитанные монеты.

— А какой ты всё-таки ловкий обманщик, Михель!— сказал он, хитро поглядев на великана.— Ведь я было совсем поверил, что ты вынул моё сердце и положил вместо него камень.

— То есть как это так?— сказал Михель и даже раскрыл рот от удивления.— Ты сомневаешься в том, что у тебя каменное сердце? Что же, оно у тебя бьётся, замирает? Или, может быть, ты чувствуешь страх, горе, раскаяние?

— Да, немного,— сказал Петер.— Я прекрасно понимаю, приятель, что ты его попросту заморозил, и теперь оно понемногу оттаивает... Да и как ты мог, не причинив мне ни малейшего вреда, вынуть у меня сердце и заменить его каменным? Для этого надо быть настоящим волшебником!..

— Но уверяю тебя,— закричал Михель,— что я это сделал! Вместо сердца у тебя самый настоящий камень, а настоящее твоё сердце лежит в стеклянной банке, рядом с сердцем Иезекиила Толстого. Если хочешь, можешь посмотреть сам.

Петер засмеялся.

— Есть на что смотреть!— сказал он небрежно.— Когда я путешествовал по чужим странам, я видел много диковин и почище твоих. Сердца, которые лежат у тебя в стеклянных банках, сделаны из воска. Мне случалось видеть даже восковых людей, не то

что сердца! Нет, что там ни говори, а колдовать ты не умеешь!..

Михель встал и с грохотом отбросил стул.

— Иди сюда!— крикнул он, распахивая дверь в соседнюю комнату.— Смотри, что тут написано! Вот здесь— на этой банке! «Сердце Петра Мунка»! Приложи ухо к стеклу— послушай, как оно бьётся. Разве восковое может так биться и трепетать?

— Конечно, может. Восковые люди на ярмарках ходят и говорят. У них внутри есть какая-то пружинка...

— Пружинка? А вот ты у меня сейчас узнаешь, что это за пружинка! Дурак! Не умеет отличить восковое сердце от своего собственного!..

Михель сорвал с Петра камзол, вытащил у него из груди камень и, не говоря ни слова, показал его Петеру. Потом он вытащил из банки сердце, подышал на него и осторожно положил туда, где ему и следовало быть.

В груди у Петра стало горячо, весело, и кровь быстрее побежала по жилам.

Он невольно приложил руку к сердцу, слушая его радостный стук.

Михель поглядел на него с торжеством.

— Ну кто был прав?— спросил он.

— Ты,— сказал Петер.— Вот уж не думал, признаться, что ты такой колдун.

— То-то же!..— ответил Михель, самодовольно ухмыляясь.— Ну теперь давай— я положу его на место.

— Оно и так на месте!— сказал Петер спокойно.— На этот раз ты остался в дураках, господин Михель, хоть ты и великий колдун. Я больше не отдам тебе моего сердца.

— Оно уже не твоё!— закричал Михель.— Я купил его. Отдавай сейчас же моё сердце, жалкий во-ришка, а не то я раздавлю тебя на месте!

И, стиснув свой огромный кулак, он занёс его над

Петером. Но Петер даже головы не нагнул. Он поглядел Михелю прямо в глаза и твёрдо сказал:

— Не отдам!

Должно быть, Михель не ожидал такого ответа. Он отшатнулся от Петера, словно споткнулся на бегу. А сердца в банках застучали так громко, как стучат в мастерской часы, вынутые из своих оправ и футляров.

Михель обвёл их своим холодным, мертвящим взглядом — и они сразу притихли.

Тогда он перевёл взгляд на Петера и сказал тихо:

— Вот ты какой! Ну полно, полно, нечего корчить из себя храбреца. Уж кто-кто, а я-то знаю твоё сердце, в руках держал... Жалкое сердечко — мягкое, слабенькое... Дрожит небось со страху... Давай-ка его сюда, в банке ему будет спокойнее.

— Не дам! — ещё громче сказал Петер.

— Посмотрим!

И вдруг на том месте, где только что стоял Михель, появилась огромная скользкая зеленовато-бурая змея. В одно мгновение она обвилась кольцами вокруг Петера и, сдавив его грудь, словно железным обручем, заглянула ему в глаза холодными глазами Михеля.

— Отдаш-ш-шь? — прошипела змея.

— Не отдам! — сказал Петер.

В ту же секунду кольца, сжимавшие его, распались, змея исчезла, а из-под змеи дымными языками вырвалось пламя и со всех сторон окружило Петера.

Огненные языки лизали его одежду, руки, лицо...

— Отдашь, отдашь?.. — шумело пламя.

— Нет! — сказал Петер.

Он почти задыхался от нестерпимого жара и серного дыма, но сердце его было твёрдо.

Пламя сникло, и потоки воды, бурля и бушуя, обрушились на Петера со всех сторон.

В шуме воды слышались те же слова, что и в шипенье змеи и в свисте пламени.

— Отдашь? Отдашь?

С каждой минутой вода подымалась всё выше и выше. Вот уж она подступила к самому горлу Петера...

— Отдашь?

— Не отдам!— сказал Петер.

Сердце его было твёрже каменного.

Вода пенистым гребнем встала перед его глазами, и он чуть было не захлебнулся.

Но тут какая-то невидимая сила подхватила Петера, подняла над водой и вынесла из ущелья.

Он и очнуться не успел, как уже стоял по ту сторону канавы, которая разделяла владенья Михеля-Великана и Стеклянного Человечка.

Но Михель-Великан ещё не сдался. Вдогонку Петеру он послал бурю.

Как подкошенные травы, валились столетние сосны и ели. Молнии раскалывали небо и падали на землю, словно огненные стрелы. Одна упала справа от Петера, в двух шагах от него, другая— слева, ещё ближе.

Петер невольно закрыл глаза и ухватился за ствол дерева.

— Грози, грози!— крикнул он, с трудом переводя дух.— Сердце моё у меня, и я его тебе не отдам!

И вдруг всё разом стихло. Петер поднял голову и открыл глаза.

Михель неподвижно стоял у границы своих владений. Руки у него опустились, ноги словно вросли в землю. Видно было, что волшебная сила покинула его. Это был уже не прежний великан, повелевающий землёй, водой, огнём и воздухом, а дряхлый, сгорбленный, изъеденный годами старик в ветхой одежде плотогона. Он опёрся на свой багор, как на костыль, вобрал голову в плечи, съёжился...

С каждой минутой на глазах у Петера Михель становился всё меньше и меньше. Вот он стал тише воды, ниже травы и наконец совсем прижался к земле. Только по шелесту и колебанию стебельков мож-

но было заметить, как он уполз червяком в своё логово.

...Петер ещё долго смотрел ему вслед, а потом медленно побрёл на вершину горы к старой ели.

Сердце у него в груди билось, радуясь тому, что оно опять может биться.

Но чем дальше он шёл, тем печальнее становилось у него на душе. Он вспомнил всё, что с ним случилось за эти годы,—вспомнил старуху мать, которая приходила к нему за жалким подаянием, вспомнил бедняков, которых травил собаками, вспомнил Лизбет... И горькие слёзы покатались у него из глаз.

Когда он подошёл к старой ели, Стекланный Человечек сидел на мшистой кочке под ветвями и курил свою трубочку.

Он посмотрел на Петера ясными, прозрачными, как стекло, глазами и сказал:

— О чём ты плачешь, угольщик Мунк? Разве ты не рад, что в груди у тебя опять бьётся живое сердце?

— Ах, оно не бьётся, оно разрывается на части,—сказал Петер.—Лучше бы мне не жить на свете, чем помнить, как я жил до сих пор. Матушка никогда не простит меня, а у бедной Лизбет я даже не могу попросить прощенья. Лучше убейте меня, господин Стекланный Человечек,—по крайней мере, этой постыдной жизни наступит конец. Вот оно, моё последнее желание!

— Хорошо,—сказал Стекланный Человечек.—Если ты этого хочешь, пусть будет по-твоему. Сейчас я принесу топор.

Он неторопливо выколол трубочку и спрятал её в карман. Потом встал и, приподняв мохнатые колючие ветви, исчез где-то за елью.

А Петер, плача, опустился на траву. О жизни он нисколько не жалел и терпеливо ждал своей последней минуты.

И вот за спиной у него раздался лёгкий шорох.

«Идёт!—подумал Петер.—Сейчас всему конец!»

И, закрыв лицо руками, он ещё ниже склонил голову.

— Петер Мунк!— услышал он голос Стеклянного Человечка, тонкий и звонкий, как хрусталь.— Петер Мунк! Оглянись вокруг в последний раз.

Петер поднял голову и невольно вскрикнул. Перед ним стояли его мать и жена.

— Лизбет, ты жива!— закричал Петер, задыхаясь от радости.— Матушка! И вы тут!.. Как мне вымолить у вас прощение?!

— Они уже простили тебя, Петер,— сказал Стеклянный Человечек.— Да, простили, потому что ты раскаялся от всего сердца. А ведь оно у тебя теперь не каменное. Воротись домой и будь по-прежнему угольщиком. Если ты станешь уважать своё ремесло, то и люди будут уважать тебя и всякий с радостью пожмёт твою почерневшую от угля, но чистую руку, даже если у тебя не будет бочек с золотом.

С этими словами Стеклянный Человечек исчез.

А Петер с женой и матерью пошёл домой.

От богатой усадьбы господина Петера Мунка не осталось и следа. Во время последней бури молния ударила прямо в дом и сожгла его дотла. Но Петер нисколько не жалел о своём потерянном богатстве.

До старой отцовской хижины было недалеко, и он весело зашагал туда, вспоминая то славное время, когда был беспечным и весёлым угольщиком...

Как же удивился он, когда увидел вместо бедной, покривившейся хижины новый красивый домик. В палисаднике цвели цветы, на окошках белели накрахмаленные занавески, а внутри всё было так прибрано, словно кто-то поджидал хозяев. В печке весело потрескивал огонь, стол был накрыт, а на полках вдоль стен переливалась всеми цветами радуги разноцветная стеклянная посуда.

— Это всё подарил нам Стеклянный Человечек!— воскликнул Петер.

И началась новая жизнь в новом домике. С утра до вечера Петер работал у своих угольных ям и возвращался домой усталый, но весёлый — он знал, что дома его ждут с радостью и нетерпением.

За карточным столом и перед трактирной стойкой его больше никогда не видели. Но свои воскресные вечера он проводил теперь веселее, чем раньше. Двери его дома были широко открыты для гостей, и соседи охотно заходили в дом угольщика Мунка, потому что их встречали хозяйки, гостеприимные и приветливые, и хозяин, добродушный, всегда готовый порадоваться с приятелем его радости или помочь ему в беде.

А через год в новом домике произошло большое событие: у Петера и Лизбет родился сын, маленький Петер Мунк.

— Кого ты хочешь позвать в крёстные отцы? — спросила у Петера старуха мать.

Петер ничего не ответил. Он смыл угольную пыль с лица и рук, надел праздничный кафтан, взял праздничную шляпу и пошёл на Еловую гору.

Возле знакомой старой ели он остановился и, низко кланяясь, произнёс заветные слова:

Под косматой елью,
В тёмном подземелье...

Он ни разу не сбился, ничего не забыл и сказал все слова, как надо, по порядку, от первого до последнего.

Но Стекланный Человечек не показывался.

— Господин Стекланный Человечек! — закричал Петер. — Мне ничего не надо от вас, я ни о чём не прошу и пришёл сюда только для того, чтобы позвать вас в крёстные отцы к моему новорождённому сыночку!.. Слышите вы меня, господин Стекланный Человечек?..

Но кругом всё было тихо. Стекланный Человечек не отозвался и тут.

Только лёгкий ветер пробежал по верхушкам елей и сбросил к ногам Петера несколько шишек.

— Ну что ж, возьму на память хоть эти еловые шишки, если уж хозяин Еловой горы не хочет больше показываться,— сказал сам себе Петер и, поклонившись на прощанье большой ели, пошёл домой.

Вечером старая матушка Мунк, убирая в шкаф праздничный кафтан сына, заметила, что карманы его чем-то набиты. Она вывернула их, и оттуда выпало несколько больших еловых шишек.

Ударившись об пол, шишки рассыпались, и все их чешуйки превратились в новенькие блестящие талеры, среди которых не оказалось ни одного фальшивого.

Это был подарок Стеклянного Человечка маленькому Петеру Мунку.

Ещё много лет в мире и согласии прожила на свете семья угольщика Мунка. Маленький Петер вырос, большой Петер состарился.

И когда молодёжь окружала старика и просила его рассказать что-нибудь о прошлых днях, он рассказывал им эту историю и всегда кончал её так:

— Знал я на своём веку и богатство и бедность. Беден я был, когда был богат, богат — когда беден. Были у меня раньше каменные палаты, да зато и сердце в моей груди было каменное. А теперь у меня только домик с печью — да зато сердце человеческое.

Золушка, или Хрустальная туфелька

Жил-был один почтенный и знатный человек. Первая жена его умерла, и он женился во второй раз, да на такой сварливой и высокомерной женщине, какой никто никогда и не видывал.

У неё были две дочери, очень похожие на свою матушку и лицом, и умом, и характером.

У мужа тоже была дочка, добрая, приветливая, милая — вся в покойную мать. А мать её была самая красивая и добрая женщина на свете.

И вот новая хозяйка вошла в дом. Тут-то и пока-

зала она свой нрав. Всё было ей не по вкусу, но больше всего невзлюбила она свою падчерицу. Девушка была так хороша, что мачехины дочери рядом с нею казались ещё хуже, чем всегда.

Бедную падчерицу заставляли делать всю самую грязную и тяжёлую работу в доме: она чистила котлы и кастрюли, мыла лестницы, убирала комнаты мачехи и обеих барышень — своих сестриц.

Спала она на чердаке, под самой крышей, на колючей соломенной подстилке. А у обеих сестриц были комнаты с паркетными полами цветного дерева, с кроватями, разубранными по последней моде, и с большими зеркалами, в которых можно было увидеть себя с головы до ног.

Бедная девушка молча сносила все обиды и не решалась пожаловаться даже отцу. Мачеха так прибрала его к рукам, что он теперь на всё смотрел её глазами и, наверно, только побранил бы дочку за неблагодарность и непослушание.

Вечером, окончив работу, она забиралась в уголок возле камина и сидела там на ящике с золой. Поэтому сёстры, а за ними и все в доме прозвали её «Золушкой».

А всё-таки Золушка в своём стареньком платье, перепачканном золою, была во сто раз милее, чем её сестрицы, разодетые в бархат и шёлк.

И вот как-то раз сын короля той страны устроил большой бал и созвал на него всех знатных людей с жёнами и дочерьми.

Золушкины сёстры тоже получили приглашение на бал. Они очень обрадовались и сейчас же принялись выбирать наряды и придумывать, как бы причесаться, чтобы удивить всех гостей и понравиться принцу.

У бедной Золушки работы и заботы стало ещё больше, чем всегда. Ей пришлось гладить сёстрам платья, крахмалить их юбки, плоить воротники и оборки.

В доме только и разговору было что о нарядах.

— Я,— говорила старшая,— надену красное бархатное платье и драгоценный убор, который мне привезли из-за моря.

— А я,— говорила младшая,— надену самое скромное платье, но зато у меня будет накидка, расшитая золотыми цветами, и бриллиантовый пояс, какого нет ни у одной знатной дамы.

Послали за искуснейшей модисткой, чтобы она соорудила им чепчики с двойной оборкой, а мушки купили у самой лучшей мастерицы в городе.

Сёстры то и дело подзывали Золушку и спрашивали у неё, какой выбрать гребень, ленту или пряжку. Они знали, что Золушка лучше понимает, что красиво и что некрасиво.

Никто не умел так искусно, как она, приколоть кружева или завить локоны.

— А что, Золушка, хотелось бы тебе поехать на королевский бал?— спрашивали сёстры, пока она причёсывала их перед зеркалом.

— Ах, что вы, сестрицы! Вы смеётесь надо мной! Разве меня пустят во дворец в этом платье и в этих башмаках!

— Что правда, то правда. Вот была бы умора, если бы такая замарашка явилась на бал!

Другая на месте Золушки причесала бы сестриц как можно хуже. Но Золушка была добра: она причесала их как можно лучше.

За два дня до бала сестрицы от волнения перестали обедать и ужинать. Они ни на минуту не отходили от зеркала и разорвали больше дюжины шнурков, пытаясь потуже затянуть свои талии и сделаться потоньше и стройнее.

И вот наконец долгожданный день настал. Мачеха и сёстры уехали.

Золушка долго смотрела им вслед, а когда их карета исчезла за поворотом, она закрыла лицо руками и горько заплакала.

Её крёстная, которая как раз в это время зашла навестить бедную девушку, застала её в слезах.

— Что с тобой, дитя моё?— спросила она.

Но Золушка так горько плакала, что даже не могла ответить.

— Тебе хотелось бы поехать на бал, не правда ли?— спросила крёстная.

Она была фея—волшебница—и слышала не только то, что говорят, но и то, что думают.

— Правда,— сказала Золушка, всхлипывая.

— Что ж, будь только умницей,— сказала фея,— а уж я позабочусь о том, чтобы ты могла побывать сегодня во дворце. Сбегай-ка на огород да принеси мне оттуда большую тыкву!

Золушка побежала на огород, выбрала самую большую тыкву и принесла крёстной. Ей очень хотелось спросить, каким образом простая тыква поможет ей попасть на королевский бал, но она не решилась.

А фея, не говоря ни слова, разрешила тыкву и вынула из неё всю мякоть. Потом она прикоснулась к её жёлтой толстой корке своей волшебной палочкой, и пустая тыква сразу превратилась в прекрасную резную карету, позолоченную от крыши до колёс.

Затем фея послала Золушку в кладовую за мышеловкой. В мышеловке оказалось полдюжины живых мышей.

Фея велела Золушке приоткрыть дверцу и выпустить на волю всех мышей по очереди, одну за другой. Едва только мышь выбегала из своей темницы, фея прикасалась к ней палочкой, и от этого прикосновения обыкновенная серая мышка сейчас же превращалась в серого, мышастого коня.

Не прошло и минуты, как перед Золушкой уже стояла великолепная упряжка из шести статных коней в серебряной сбруе.

Не хватало только кучера.

Заметив, что фея призадумалась, Золушка робко спросила:

— Что, если посмотреть, не попалась ли в крысоловку крыса? Может быть, она годится в кучера?

— Твоя правда,— сказала волшебница.— Поди посмотри.

Золушка принесла крысоловку, из которой выглядывали три большие крысы.

Фея выбрала одну из них, самую крупную и усатую, дотронулась до неё своей палочкой, и крыса сейчас же превратилась в толстого кучера с пышными усами,— таким усам позавидовал бы даже главный королевский кучер.

— А теперь,— сказала фея,— ступай в сад. Там за лейкой, на куче песка, ты найдёшь шесть ящериц. Принеси-ка их сюда.

Не успела Золушка вытряхнуть ящериц из фартука, как фея превратила их в выездных лакеев, одетых в зелёные ливреи, украшенные золотым галуном.

Все шестеро проворно вскочили на запятки кареты с таким важным видом, словно всю свою жизнь служили выездными лакеями и никогда не были ящерицами...

— Ну вот,— сказала фея,— теперь у тебя есть свой выезд, и ты можешь, не теряя времени, ехать во дворец. Что, довольна ты?

— Очень!— сказала Золушка.— Но разве можно ехать на королевский бал в этом старом, испачканном золой платье?

Фея ничего не ответила. Она только слегка прикоснулась к Золушкиному платью своей волшебной палочкой, и старое платье превратилось в чудесный наряд из серебряной и золотой парчи, весь усыпанный драгоценными камнями.

Последним подарком феи были туфельки из чистейшего хрусталя, какие и не снились ни одной девушке.

Когда Золушка была уже совсем готова, фея уса-

дила её в карету и строго-настрого приказала возвратиться домой до полуночи.

— Если ты опоздаешь хоть на одну минутку,— сказала она,— твоя карета снова сделается тыквой, лошади — мышами, лакеи — ящерицами, а твой пышный наряд опять превратится в старенькое, заплатанное платьице.

— Не беспокойтесь, я не опоздаю!— ответила Золушка и, не помня себя от радости, отправилась во дворец.

Принц, которому доложили, что на бал приехала прекрасная, но никому не известная принцесса, сам выбежал встречать её. Он подал ей руку, помог выйти из кареты и повёл в зал, где уже находились король с королевой и придворные.

Всё сразу стихло. Скрипки замолкли. И музыканты и гости невольно загляделись на незнакомую красавицу, которая приехала на бал позже всех.

«Ах, как она хороша!»— говорили шёпотом кавалер кавалеру и дама даме.

Даже король, который был очень стар и больше дремал, чем смотрел по сторонам, и тот открыл глаза, поглядел на Золушку и сказал королеве вполголоса, что давно уже не видел такой обворожительной особы.

Придворные дамы были заняты только тем, что рассматривали её платье и головной убор, чтобы завтра же заказать себе что-нибудь похожее, если только им удастся найти таких же искусных мастеров и такую же прекрасную ткань.

Принц усадил свою гостью на самое почётное место, а чуть только заиграла музыка, подошёл к ней и пригласил на танец.

Она танцевала так легко и грациозно, что все любовались ею ещё больше, чем прежде.

После танцев разносили угощение. Но принц ничего не мог есть — он не сводил глаз со своей дамы. А Золушка в это время разыскала своих сестёр,

подсела к ним и, сказав каждой несколько приятных слов, угостила их апельсинами и лимонами, которые поднёс ей сам принц.

Это им очень польстило. Они и не ожидали такого внимания со стороны незнакомой принцессы.

Но вот, беседуя с ними, Золушка вдруг услышала, что дворцовые часы бьют одиннадцать часов и три четверти. Она встала, поклонилась всем и пошла к выходу так быстро, что никто не успел догнать её.

Вернувшись из дворца, она ещё сумела до приезда мачехи и сестёр забежать к волшебнице и поблагодарить её за счастливый вечер.

— Ах, если бы можно было и завтра поехать во дворец!— сказала она.— Принц так просил меня...

И она рассказала крёстной обо всём, что было во дворце.

Едва только Золушка переступила порог и надела свой старый передник и деревянные башмаки, как в дверь постучали. Это вернулись с бала мачеха и сёстры.

— Долго же вы, сестрицы, гостили нынче во дворце!— сказала Золушка, зевая и потягиваясь, словно только что проснулась.

— Ну, если бы ты была с нами на балу, ты бы тоже не стала торопиться домой,— сказала одна из сестёр.— Там была одна принцесса, такая красавица, такая красавица, что и во сне лучше не увидишь! Мы ей, должно быть, очень понравились. Она подсела к нам и даже угостила апельсинами и лимонами.

— А как её зовут?— спросила Золушка.

— Ну, этого никто не знает...— сказала старшая сестрица.

А младшая прибавила:

— Принц, кажется, готов отдать полжизни, чтобы только узнать, кто она такая.

Золушка улыбнулась.

— Неужели эта принцесса и вправду так хороша?— спросила она.— Какие вы счастливые!.. Нельзя

ли и мне хоть одним глазком посмотреть на неё? Ах, сестрица Жавотта, дайте мне на один вечер ваше жёлтое платье, которое вы носите дома каждый день!

— Этого только не хватало!— сказала Жавотта, пожимая плечами.— Дать своё платье такой замарашке, как ты! Кажется, я ещё не сошла с ума.

Золушка не ждала другого ответа и несколько не огорчилась. В самом деле: что бы стала она делать, если бы Жавотта вдруг расщедрилась и вздумала одолжить ей своё платье!

На другой вечер сёстры опять отправились во дворец—и Золушка тоже... На этот раз она была ещё прекраснее и наряднее, чем накануне.

Принц не отходил от неё ни на минуту. Он был так приветлив, говорил такие приятные вещи, что Золушка забыла обо всём на свете, даже о том, что ей надо уехать вовремя, и спохватилась только тогда, когда часы стали бить полночь.

Она поднялась с места и убежала быстрее лани.

Принц бросился за ней, но её и след простыл. Только на ступеньке лестницы лежала маленькая хрустальная туфелька. Принц бережно поднял её и приказал расспросить привратников, не видел ли кто-нибудь из них, куда уехала прекрасная принцесса. Но никто никакой принцессы не видал. Правда, привратники заметили, что мимо них пробежала какая-то бедно одетая девочка, но она скорее была похожа на нищенку, чем на принцессу.

Тем временем Золушка, задыхаясь от усталости, прибежала домой. У неё не было больше ни кареты, ни лакеев. Её бальный наряд снова превратился в старенькое, поношенное платьице, и от всего её великолепия только и осталось, что маленькая хрустальная туфелька, точно такая же, как та, которую она потеряла на дворцовой лестнице.

Когда обе сестрицы вернулись домой, Золушка спросила у них, весело ли им было нынче на балу и приезжала ли опять во дворец вчерашняя красавица.

Сёстры наперебой стали рассказывать, что принцесса и на этот раз была на балу, но убежала, чуть только часы начали бить двенадцать.

— Она так торопилась, что даже потеряла на пороге хрустальный башмачок,— сказала старшая сестрица.

— А принц поднял его и до конца бала не выпускал из рук,— сказала младшая.

— Должно быть, он по уши влюблён в эту красавицу, которая теряет на балах башмаки,— добавила мачеха.

И это была правда. Через несколько дней принц приказал объявить во всеуслышание, под звуки труб и фанфар, что девушка, которой придётся впору хрустальная туфелька, станет его женой.

Разумеется, сначала туфельку стали мерить принцессам, потом герцогиням, потом придворным дамам, но всё было напрасно: она была тесна и герцогиням, и принцессам, и придворным дамам.

Наконец очередь дошла и до сестёр Золушки.

Ах, как старались обе сестрицы натянуть маленькую туфельку на свои большие ноги! Но она не лезла им даже на кончики пальцев. Золушка, которая с первого взгляда узнала свою туфельку, улыбаясь, смотрела на эти напрасные попытки.

— А ведь она, кажется, будет впору мне,— сказала Золушка.

Сестрицы так и залились злым смехом. Но придворный кавалер, который примерял туфельку, внимательно посмотрел на Золушку и, заметив, что она очень красива, сказал:

— Я получил приказание от принца примерить туфельку всем девушкам в городе. Позвольте вашу ножку, сударыня!

Он усадил Золушку в кресло и, надев хрустальную туфельку на её маленькую ножку, сразу увидел, что больше примерять ему не придётся: башмачок был точь-в-точь по ножке, а ножка — по башмачку.

Сёстры замерли от удивления. Но ещё больше удивились они, когда Золушка достала из кармана вторую хрустальную туфельку — совсем такую же, как первая, только на другую ногу — и надела, не говоря ни слова. В эту самую минуту дверь отворилась и в комнату вошла фея — Золушкина крёстная.

Она дотронулась своей волшебной палочкой до бедного платья Золушки, и оно стало ещё пышнее и красивее, чем было накануне на балу.

Тут только обе сестрицы поняли, кто была та красавица, которую они видели во дворце. Они кинулись к ногам Золушки, чтобы вымолить себе прощение за все обиды, которые она вытерпела от них. Золушка простила сестёр от всего сердца — ведь она была не только хороша собой, но и добра.

Её отвезли во дворец к молодому принцу, который нашёл, что она стала ещё прелестнее, чем была прежде.

А через несколько дней сыграли весёлую свадьбу.

Подарки феи

Жила когда-то на свете вдова, и были у неё две дочери.

Старшая — вылитая мать: то же лицо, тот же характер. Смотришь на дочку, а кажется, что видишь перед собой матушку. Обе, и старшая дочь и мать, были до того грубы, спесивы, заносчивы, злы, что все люди, и знакомые и

незнакомые, старались держаться от них подальше.

А младшая дочка была вся в покойного отца — добрая, приветливая, кроткая, да к тому же ещё красавица, каких мало.

Обычно люди любят тех, кто на них похож. Поэтому-то мать без ума любила старшую дочку и терпеть не могла младшую. Она заставляла её работать с утра до ночи, а кормила на кухне.

Кроме всех прочих дел, младшая дочка должна была по два раза в день ходить к источнику, который был по крайней мере в двух часах ходьбы, и приносить оттуда большой, полный доверху кувшин воды.

Как-то раз, когда девушка брала воду, к ней подошла какая-то бедная женщина и попросила напиться.

— Пейте на здоровье, тётушка,— сказала добрая девушка.

Сполоснув поскорее свой кувшин, она зачерпнула воды в самом глубоком и чистом месте и подала женщине, придерживая кувшин так, чтобы удобнее было пить.

Женщина отпила несколько глотков воды и сказала девушке:

— Ты так хороша, так добра и приветлива, что мне хочется подарить тебе что-нибудь на память. (Дело в том, что это была фея, которая нарочно приняла вид простой деревенской женщины, чтобы посмотреть, так ли эта девушка мила и учтива, как про неё рассказывают.) Вот что я подарю тебе: с нынешнего дня каждое слово, которое ты промолвишь, упадёт с твоих губ либо цветком, либо драгоценным камнем. Прощай!

Когда девушка пришла домой, мать стала бранить её за то, что она замешкалась у источника.

— Простите, матушка,— сказала бедная девушка.— Я нынче и вправду запоздала.

Но едва только она проронила эти слова, как с губ её упали несколько роз, две жемчужины и два крупных алмаза.

— Смотрите-ка! — сказала мать, широко раскрыв глаза от удивления.— Мне кажется, вместо слов она роняет алмазы и жемчуга... Что это с тобой

приключилось, дочка? (Первый раз в жизни она назвала свою меньшую тоже дочкой.)

Девушка попросту, не таясь и не хвалясь, рассказала матери обо всём, что с ней случилось у источника. А цветы и алмазы так и сыпались при этом с её уст.

— Ну, если так,— сказала мать,— надо мне послать к источнику и старшую дочку... А ну-ка, Фаншон, посмотри, что сыплется с губ твоей сестры, чуть только она заговорит! Неужели тебе не хочется получить такой же удивительный дар? И ведь нужно для этого всего-навсего сходить к источнику и, когда бедная женщина попросит у тебя воды, вежливо подать ей напиток.

— Ну вот ещё! Охота мне тащиться этакую даль!— отвечала злючка.

— А я хочу, чтобы ты пошла!— прикрикнула на неё мать.— И сию же минуту, без разговоров!

Девушка нехотя послушалась и пошла, так и не переставая ворчать. Навсякий случай она захватила с собой серебряный кувшинчик, самый красивый, какой был у них в доме.

Едва успела она подойти к источнику, как навстречу ей из лесу вышла нарядно одетая дама и попросила глоток воды. (Это была та же самая фея, но только на этот раз она приняла облик принцессы, чтобы испытать, так ли груба и зла старшая сестра, как о ней рассказывают.)

— Уж не думаете ли вы, что я притащилась сюда, чтобы дать вам напиток?— сказала девушка дерзко.— Ну конечно, только для этого! Я и серебряный кувшинчик нарочно захватила, чтобы поднести воду вашей милости!.. А впрочем, мне всё равно. Пейте, если хотите...

— Однако вы не очень-то любезны,— сказала спокойно фея.— Ну что ж, какова услуга, такова и награда. С нынешнего дня каждое слово, которое сорвётся с ваших губ, превратится в змею или жабу. Прощайте!

Как только девушка вернулась домой, мать кинулась к ней навстречу:

— Это ты, доченька? Ну как?

— А вот так, матушка!— буркнула в ответ дочка, и в то же мгновение две гадюки и две жабы плюхнулись на порог.

— Ах, боже мой!— вскрикнула мать.— Да что же это такое? Откуда?.. А, знаю! Это твоя сестра во всём виновата. Ну, поплатится же она у меня!..— И она кинулась на младшую дочку с кулаками.

Бедняжка в страхе бросилась бежать и укрылась в соседнем лесу.

Там и встретил её молодой принц, сын короля этой страны.

Возвращаясь с охоты, он нашёл в чаще прекрасную девушку и, подивившись её красоте, спросил, что она делает в лесу совсем одна и о чём так горько плачет.

— Ах, сударь,— ответила красавица,— матушка прогнала меня из дому!..

Королевский сын заметил, что с каждым словом девушка роняет из уст цветок, жемчужину или алмаз. Он изумился и попросил объяснить, что это за чудо. И тут девушка рассказала ему всю свою историю.

Королевский сын влюбился в неё. К тому же он рассудил, что дар, которым фея наделила красавицу, стоит дороже любого приданого, какое могла бы принести ему другая невеста. Он увёз девушку во дворец, к своему отцу, и женился на ней.

Ну, а старшая сестра, она с каждым днём становилась всё противнее и несноснее. В конце концов даже собственная мать не выдержала и прогнала её из дому.

Несчастливая нигде и ни у кого не могла найти пристанища и умерла, отвергнутая всеми.

Спящая красавица

или на свете король с королевой. У них не было детей, и это их так огорчало, что и сказать нельзя. Уж каких только обетов они не давали, ездили и на богомолье, и на целебные воды — всё было напрасно.

И вот наконец, когда король с королевой потеряли всякую надежду, у них вдруг родилась дочка.

Можете себе представить, что за праздник устроили в честь её рождения! В гости к маленькой принцессе позвали всех фей, каких удалось найти в стране. Дело в том, что у фей в те времена был прекрасный обычай: наделять своих крестниц различными чудесными дарами. А так как фей оказалось семь, то принцесса должна была получить от них в приданое не меньше семи достоинств или добродетелей.

Фей и другие приглашённые съехались в королевский дворец, где для почётных гостей был накрыт праздничный стол.

Перед феями поставили великолепные обеденные приборы и по ящичку из литого золота. В каждом ящичке лежали ложка, вилка и ножик — тоже из чистого золота самой тонкой работы, усыпанные алмазами и рубинами.

И вот, когда гости уселись за стол, дверь вдруг отворилась и вошла старая фея — восьмая по счёту, — которую позабыли позвать на крестины.

А позабыли её позвать потому, что больше пятидесяти лет она не выходила из своей башни и все думали, что она давно умерла.

Король приказал, чтобы ей тоже подали прибор. Слуги исполнили это в одно мгновение, но золотого ящичка с ложкой, вилкой и ножиком на её долю не

хватило. Этих ящичков было приготовлено всего семь — по одному для каждой из семи фей.

Старая фея, разумеется, очень обиделась. Она подумала, что король с королевой невежливые люди и встречают её без должного уважения. Отодвинув от себя тарелку и кубок, она пробормотала сквозь зубы какую-то угрозу.

К счастью, юная фея, которая сидела рядом с ней, услышала её бормотанье, и, опасаясь, как бы старуха не вздумала наделить маленькую принцессу каким-нибудь очень неприятным подарком, она, чуть только гости встали из-за стола, пробралась в детскую и спряталась там за пологом кровати. Она знала, что в споре обычно побеждает тот, за кем остаётся последнее слово, и хотела, чтоб её пожелание было последним.

Когда кончился обед, наступила самая торжественная минута праздника: феи пошли в детскую и одна за другой стали преподносить крестнице свои дары.

Младшая из фей пожелала, чтобы принцесса была прекраснее всех на свете. Другая фея наградила её нежным и добрым сердцем. Третья сказала, что каждое её движение будет вызывать восторг. Четвёртая обещала, что принцесса будет превосходно танцевать, пятая — что она будет петь, как соловей, а шестая — что она будет играть на всех музыкальных инструментах с одинаковым искусством.

Наконец очередь дошла до старой феи. Старуха наклонилась над кроватью и, тряся головой больше от досады, чем от старости, сказала, что принцесса уколёт себе руку веретеном и от этого умрёт.

Все так и вздрогнули, узнав, какой страшный подарок припасла для маленькой принцессы злая колдунья. Никто не мог удержаться от слёз.

И вот тут-то юная фея появилась из-за полога и громко сказала:

— Утешьтесь, король и королева! Ваша дочь ос-

танется жива. Правда, я не так сильна, чтобы сказанное сделать несказанным. Принцесса должна будет, как это ни грустно, уколоть себе руку веретеном, но от этого она не умрёт, а только заснёт глубоким сном и будет спать ровно сто лет — до тех пор, пока её не разбудит прекрасный принц.

Это обещание немного успокоило короля с королевой.

Однако король решил всё же попытаться уберечь принцессу от несчастья, которое предсказала ей старая злая фея. Для этого особым указом он запретил всем своим подданным под страхом смертной казни прясть пряжу и хранить у себя в доме веретёна и прялки.

Прошло пятнадцать или шестнадцать лет. Как-то раз король с королевой и дочерью отправились в один из своих загородных дворцов.

Принцессе захотелось осмотреть древний замок, и, бегая из комнаты в комнату, она наконец добралась до самого верха дворцовой башни.

Там в тесной каморке под крышей сидела за прялкой какая-то старушка и преспокойно пряла пряжу. Как это ни странно, она ни от кого ни слова не слышала о королевском запрете.

— Что это вы делаете, тётушка?— спросила принцесса, которая в жизни не видывала прялки.

— Пряду пряжу, дитя моё,— ответила старушка, вовсе и не догадываясь о том, что говорит с принцессой.

— Ах, это очень красиво! — сказала принцесса.— Дайте я попробую, выйдет ли у меня так же хорошо, как у вас.

Принцесса быстро схватила веретено и не успела прикоснуться к нему, как предсказание феи исполнилось: она уколола палец и упала замертво.

Перепуганная старушка принялась звать на помощь. Люди сбегались со всех сторон.

Чего только они не делали: брызгали принцессе

в лицо водой, хлопали ладонями по её ладоням, тёрли виски душистым уксусом королевы венгерской — ничего не помогало.

Побежали за королём. Он поднялся в башню, поглядел на принцессу и сразу понял, что печальное событие, которого они с королевой так опасались, свершилось.

С грустью приказал он перенести принцессу в самую красивую залу дворца и уложить там на постель, украшенную серебряным и золотым шитьём.

Трудно описать словами, как хороша была спящая принцесса. Она нисколько не побледнела. Щёки у неё были розовые, а губы красные, точно кораллы. И, хоть глаза у неё были плотно закрыты, слышно было, что она тихонько дышит.

Стало быть, это и в самом деле был сон, а не смерть.

Король приказал не тревожить принцессу до тех пор, пока не наступит час её пробуждения.

А добрая фея, которая спасла свою крестницу от смерти, пожелав ей столетнего сна, была в то время очень далеко от королевского замка.

Но она сразу же узнала об этом несчастье от маленького карлика-сорохода, у которого были семимильные сапоги (это такие чудесные сапоги, что стоит их надеть — и вы за один шаг будете проходить по семи миль).

Фея сейчас же пустилась в путь. Не прошло и часу, как её огненная колесница, запряжённая драконами, уже появилась возле королевского дворца. Король подал ей руку и помог сойти с колесницы.

Фея, как могла, постаралась утешить короля и королеву. А затем, так как это была очень предусмотрительная фея, она сразу же подумала, как грустно будет принцессе, когда через сто лет бедняжка проснётся в этом старом замке и не увидит возле себя ни одного знакомого лица.

Чтобы этого не случилось, фея сделала вот что.

Своей волшебной палочкой она прикоснулась ко всем, кто был во дворце (кроме короля и королевы). А там были придворные, фрейлины, гувернантки, горничные, дворецкие, повара, поварята, скороходы, солдаты дворцовой стражи, привратники, пажи и лакеи.

Дотронулась она своей палочкой и до лошадей на королевской конюшне, и до конюхов, которые расчёсывали лошадям хвосты. Дотронулась до больших дворцовых псов и до маленькой кудрявой собачки, по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног спящей принцессы.

И сейчас же все, кого коснулась волшебная палочка феи, заснули. Заснули ровно на сто лет, чтобы проснуться вместе со своей хозяйкой и служить ей, как служили прежде. Заснули даже куропатки и фазаны, которые поджаривались на огне. Заснул вертел, на котором они вертелись. Заснул огонь, который их поджаривал.

И всё это случилось в одно-единое мгновение. Феи знают своё дело: взмах палочки — и готово!

После этого король с королевой поцеловали свою спящую дочку, простились с ней и тихо вышли из зала.

Возвратившись к себе в столицу, они издали указ о том, чтобы никто не смел приближаться к заколдованному замку.

Но этого можно было бы и не делать, потому что в какие-нибудь четверть часа вокруг замка выросло столько деревьев, больших и маленьких, столько колючего кустарника — терновника и шиповника, — и всё это так тесно переплелось ветвями, что ни человек, ни зверь не мог бы пробраться сквозь такую чашу.

И только издали, да ещё с горы, можно было увидеть верхушки башен старого замка.

Всё это фея сделала для того, чтобы ничьё любопытство не потревожило покоя милой принцессы.

Прошло сто лет. Много королей и королев сменилось за эти годы.

И вот в один прекрасный день сын короля, который царствовал в то время, отправился на охоту.

Вдалеке, над густым дремучим лесом, он увидел башни какого-то замка.

— Чей это замок?— спросил он.— Кто там живёт?

Каждый отвечал ему то, что сам слышал от других. Одни говорили, что это старые развалины, в которых живут привидения, другие уверяли, что все ведьмы в округе справляют в заброшенном замке свой шабаш. Но большинство сходилось на том, что старый замок принадлежит людоеду. Этот людоед будто бы ловит заблудившихся детей и уносит к себе в башню, чтобы съесть без помехи, так как никто не может проникнуть вслед за ним в его логовище — ведь только он один на свете знает дорогу сквозь заколдованный лес.

Принц не знал, кому и верить, но тут к нему подошёл старый крестьянин и сказал, кланяясь:

— Добрый принц, полвека тому назад, когда я был так же молод, как вы, я слышал от моего отца, что в этом замке спит непробудным сном самая прекрасная принцесса на свете и что спать она будет ещё полвека, до тех пор, пока её суженый, сын какого-то короля, не придёт и не разбудит её.

Можете себе представить, что почувствовал принц, когда он услышал эти слова!

Сердце у него в груди так и загорелось. Он сразу решил, что ему-то и выпало на долю счастье пробудить от сна прекрасную принцессу!

Недолго думая принц дёрнул поводья и поскакал в ту сторону, где виднелись башни старого замка, куда влекли его любовь и слава.

И вот перед ним заколдованный лес. Принц соскочил с коня, и сейчас же высокие, толстые деревья, колючий кустарник, заросли шиповника — всё рас-

ступилось, чтобы дать ему дорогу. Словно по длинной прямой аллее, пошёл он к замку, который виднелся вдали.

Принц шёл один. Никому из его свиты не удалось последовать за ним — деревья, пропустив принца, сразу же сомкнулись за его спиной, а кусты опять переплелись ветвями.

Такое чудо могло испугать кого угодно, но принц был молод и влюблён, а этого довольно для того, чтобы быть храбрым.

Ещё сотня шагов — и он очутился на просторном дворе перед замком. Принц посмотрел направо, налево, и кровь похолодела у него в жилах. Вокруг него лежали, сидели, стояли, прислонившись к стене, какие-то люди в старинной одежде. Все они были неподвижны, как мёртвые.

Но, взглядевшись в красные, лоснящиеся лица привратников, он понял, что они вовсе не умерли, а просто спят. В руках у них были кубки, а в кубках ещё не высохло вино, и это ясно показывало, что внезапный сон застиг их в ту минуту, когда они собирались осушить чаши до дна.

Принц миновал большой двор, вымощенный мраморными плитами, поднялся по лестнице, вошёл в залу дворцовой стражи. Латники спали стоя, выстроившись в ряд, с карабинами на плечах, и храпели вовсю.

Он прошёл множество покоев, полных разодетыми придворными дамами и нарядными кавалерами. Все они тоже крепко спали, кто стоя, кто сидя.

И вот наконец он вошёл в комнату с золочёными стенами и золочёным потолком. Вошёл и остановился.

На постели, полог которой был откинут, покоилась прекрасная юная принцесса лет пятнадцати-шестнадцати (если не считать того столетия, которое она проспала).

Принц невольно закрыл глаза: красота её так

сияла, что даже золото вокруг неё казалось тусклым и бледным. Дрожа от восторга, он приблизился и опустился перед ней на колени.

В это самое мгновение час, назначенный доброй феей, пробил.

Принцесса проснулась, открыла глаза и взглянула на своего избавителя.

— Ах, это вы, принц?— сказала она.— Наконец-то! Долго же вы заставили себя ждать!..

Не успела она договорить эти слова, как всё кругом пробудилось.

Первая подала голос маленькая собачка по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног принцессы. Она звонко залаяла, увидев незнакомого человека, и со двора ей ответили грубыми голосами сторожевые псы.

Заржали в конюшне лошади, заворковали голуби под крышей. Огонь в печи загудел что было мочи, и фазаны, которых повара не успели дожарить сто лет тому назад, зарумянились в одну минуту.

Слуги под присмотром дворецкого уже накрывали на стол в зеркальной столовой. А придворные дамы в ожидании завтрака поправляли растрепавшиеся за сто лет локоны и улыбались своим заспанным кавалерам.

В зале дворцовой стражи латники снова занялись своим обычным делом — затопали ботфортами и загревели оружием.

А привратники, сидевшие у входа во дворец, наконец осушили кубки и опять наполнили их добрым вином, которое за сто лет стало, конечно, старше и лучше.

Весь замок — от флага на башне до винного погреба — ожил и зашумел.

А принц и принцесса ничего не слышали. Они глядели друг на друга и не могли наглядеться. Принцесса позабыла, что ничего не ела уже целый век, да и принц не вспоминал о том, что у него с утра

не было во рту маковой росинки. Они разговаривали целых четыре часа и не успели сказать даже половины того, что хотели.

Но все остальные не были влюблены и поэтому умирали от голода.

Наконец старшая фрейлина, которой хотелось есть так же сильно, как и всем другим, не вытерпела и доложила принцессе, что завтрак подан.

Принц подал руку своей невесте и повёл её в столовую.

Принцесса была великолепно одета и с удовольствием поглядывала на себя в зеркал^а, а влюблённый принц, разумеется, ни слова не сказал ей о том, что фасон её платья вышел из моды по крайней мере лет сто назад и что такие рукава и воротники не носят со времён его прапрабабушки.

Впрочем, и в старомодном платье она была лучше всех на свете.

Жених с невестой уселись за стол. Самые знатные кавалеры подавали им различные кушанья старинной кухни. А скрипки и гобои играли для них прелестные, давно забытые песни прошлого века.

Придворный поэт тут же сочинил новую, хотя немного старомодную песенку о прекрасной принцессе, которая сто лет проспала в заколдованном лесу. Песня очень понравилась тем, кто её слышал, и с тех пор её стали петь все от мала до велика, от поварят до королей.

А кто не умел петь песни, тот рассказывал сказку. Сказка эта переходила из уст в уста и дошла наконец до нас с вами.

Кот в сапогах

было у мельника три сына, и оставил он им, умирая, всего только мельницу, осла и кота.

Братья поделили между собой отцовское добро без нотариуса и судьи, которые бы живо проглотили всё их небогатое наследство. Старшему досталась мельница. Среднему — осёл. Ну, а уж

младшему пришлось взять себе кота.

Бедняга долго не мог утешиться, получив такую жалкую долю наследства.

— Братья,— говорил он,— могут честно заработать себе на хлеб. А что станется со мною после того, как я съем своего кота и сделаю из его шкурки муфту? Прямо хоть помирай с голоду.

Кот услышал эти слова, но виду не подал, а сказал спокойно и рассудительно:

— Не печальтесь, хозяин. Дайте-ка мне мешок да закажите пару сапог, чтобы легче было бродить по лесу, и вы увидите, что вас не так уж обделили, как вам это сейчас кажется.

Хозяин кота и сам не знал, верить этому или нет, но он хорошо помнил, на какие хитрости пускался этот плут, когда охотился на крыс и мышей, как ловко он прикидывался мёртвым, то повиснув на задних лапах, то зарывшись чуть ли не с головой в муку. Кто его знает, а вдруг и в самом деле он чем-нибудь поможет в беде!

Едва только кот получил всё, что ему было нужно, он живо обулся, молодецки притопнул, перекинул через плечо мешок и, придерживая его за шнурки передними лапами, зашагал в заповедный лес, где водилось множество кроликов. А в мешке у него были отруби и заячья капуста.

Растянувшись на траве и притворившись мёртвым, он стал поджидать, когда какой-нибудь глупый кролик, ещё не успевший испытать на собственной шкуре, как зол и коварен свет, заберётся в мешок, чтобы полакомиться припасённым для него угощением.

Долго ждать ему не пришлось: какой-то молоденький, доверчивый простачок-кролик сразу же прыгнул в мешок.

Недолго думая кот затянул шнурки и покончил с кроликом безо всякого милосердия.

После этого, гордый своей добычей, он отправился прямо во дворец и попросил приёма у короля.

Его ввели в королевские покои.

Кот отвесил его величеству почтительный поклон и сказал:

— Государь, вот кролик из лесов маркиза де Карабаса (такое имя выдумал он для своего хозяина). Мой господин приказал мне преподнести вам этот скромный подарок.

— Поблагодари своего господина,— ответил король,— и скажи ему, что он доставил мне большое удовольствие.

Несколько дней спустя кот пошёл на поле и там, спрятавшись среди колосьев, опять открыл свой мешок.

На этот раз к нему в ловушку попались две куропатки. Он живо затянул шнурки на мешке и понёс обеих к королю.

Король охотно принял и этот подарок и приказал наградить кота.

Так прошло два или три месяца. Кот то и дело приносил королю дичь, будто бы убитую на охоте его хозяином, маркизом де Карабасом.

И вот как-то раз кот узнал, что король вместе со своей дочкой, самой прекрасной принцессой на свете, собирается совершить прогулку в карете по берегу реки.

— Согласны вы послушаться моего совета?—

спросил он своего хозяина.— В таком случае счастье у вас в руках. Всё, что от вас требуется,— это пойти купаться на реку, туда, куда я вам укажу. Остальное предоставьте мне.

Маркиз де Карабас послушно исполнил всё, что посоветовал ему кот, хоть он вовсе и не догадывался, для чего это нужно.

В то время как он купался, королевская карета выехала на берег реки.

Кот со всех ног бросился к ней и закричал что было мочи:

— Сюда, сюда! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!

Король услышал этот крик, приоткрыл дверцу кареты и, узнав кота, который столько раз приносил ему в подарок дичь, сейчас же послал свою стражу выручать маркиза де Карабаса.

Пока бедного маркиза вытаскивали из воды, кот успел рассказать королю, что у его господина во время купанья воры украли всё до нитки. (А на самом деле хитрец собственными лапами припрятал хозяйское платье под большим камнем.)

Король немедленно приказал своим придворным доставить для маркиза де Карабаса один из лучших нарядов королевского гардероба.

Наряд оказался и впору и к лицу, а так как маркиз и без того был малый хоть куда — красивый и статный,— то, приодевшись, он, конечно, стал ещё лучше, и принцесса, поглядев на него, нашла, что он как раз в её вкусе.

Когда же маркиз де Карабас бросил в сторону королевской дочки два-три взгляда, весьма почтительных, но в то же время очень нежных, она влюбилась в него без памяти.

Отцу её молодой маркиз тоже пришёлся по сердцу. Король был с ним очень ласков и даже пригласил сесть в карету и принять участие в прогулке.

Кот был в восторге от того, что всё идёт как по

маслу, и весело побежал перед каретой. По пути он увидел крестьян, косивших на лугу сено.

— Эй, люди добрые,— крикнул он на бегу,— если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит маркизу де Карабасу, вас всех изрубят в куски, словно начинку для пирога! Так и знайте.

Тут как раз подъехала королевская карета, и король спросил, выглянув из окна:

— Чей это луг вы косите?

— Маркиза де Карабаса!— в один голос отвечали косцы, потому что кот до смерти напугал их своими угрозами.

— Однако, маркиз, у вас тут славное именье!— сказал король.

— Да, государь, этот луг каждый год даёт отличное сено,— скромно ответил маркиз.

А между тем кот бежал всё вперёд и вперёд, пока не увидел жнецов, работающих на поле.

— Эй, добрые люди,— крикнул он,— если вы не скажете королю, что все эти хлеба принадлежат маркизу де Карабасу, так и знайте: всех вас изрубят в куски, словно начинку для пирога!

Через минуту к жнецам подъехал король и захотел узнать, чьи это поля они жнут.

— Поля маркиза де Карабаса,— был ответ.

И король опять порадовался за господина маркиза.

А кот всё бежал и бежал впереди кареты и всем, кто попадался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: «Это дом маркиза де Карабаса», «это мельница маркиза де Карабаса», «это сад маркиза де Карабаса».

Король не мог надивиться богатствам молодого маркиза.

И вот наконец кот прибежал к воротам прекрасного замка. Тут жил один очень богатый великанлюдоед. Никто на свете никогда не видал великана бо-

гаче этого. Все земли, по которым проехала королевская карета, были в его владении.

Кот заранее разузнал, что это был за великан, в чём его сила, и попросил допустить его к хозяину. Он, дескать, не может и не хочет пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения.

Людоед принял его со всей учтивостью, на какую способен людоед, и предложил отдохнуть.

— Меня уверяли,— сказал кот,— что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, вы будто бы можете превратиться в льва или слона...

— Могу!— рывкнул великан.— И, чтобы доказать это, сейчас же сделаюсь львом. Смотри!

Кот до того испугался, увидев перед собой льва, что в одно мгновение взобрался по водосточной трубе на крышу, хоть это было трудно и даже опасно, потому что в сапогах не так-то просто ходить по гладкой черепице.

Только когда великан опять принял свой прежний облик, кот спустился с крыши и признался хозяину, что едва не умер со страху.

— А ещё меня уверяли,— сказал он,— но уж этому-то я никак не могу поверить,— что вы будто бы умеете превращаться даже в самых мелких животных. Ну, например, сделаться крысой или мышкой. Должен сказать по правде, что считаю это совершенно невозможным.

— Ах вот как! Невозможным?— переспросил великан.— А ну-ка, погляди!

И в то же мгновение великан превратился в мышь. Мышка проворно забегала по полу, но кот — на то ведь он и кот! — погнался за ней, разом поймал и проглотил.

Тем временем король, проезжая мимо, заметил прекрасный замок и пожелал войти туда.

Кот услышал, как гремят на подъёмном мосту колёса королевской кареты, и, выбежав навстречу, сказал королю:

— Добро пожаловать в замок маркиза де Карабаса, ваше величество! Милости просим!

— Как, господин маркиз?— воскликнул король.— Этот замок тоже ваш? Нельзя себе представить ничего красивее, чем этот двор и постройки вокруг. Да это прямо дворец! Давайте же посмотрим, каков он внутри, если вы не возражаете.

Маркиз подал руку прекрасной принцессе и повёл её вслед за королём, который, как полагается, шёл впереди.

Все троём они вошли в большую залу, где был приготовлен великолепный ужин. Как раз в этот день людоед пригласил к себе приятелей, но они не посмели явиться, узнав, что в замке гостит король.

Король был очарован достоинствами господина де Карабаса почти так же, как его дочка. А та была от маркиза просто без ума.

Кроме того, его величество не мог, конечно, не оценить прекрасных владений маркиза и, осушив пять-шесть кубков, сказал:

— Если хотите стать моим зятем, господин маркиз, это зависит только от вас. А я — согласен.

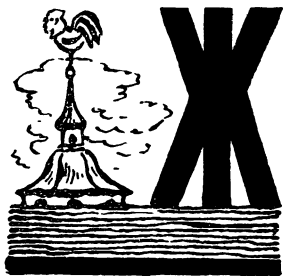
Маркиз почтительным поклоном поблагодарил короля за честь, оказанную ему, и в тот же день женился на принцессе.

А кот в сапогах стал знатным вельможей и с тех пор охотится на мышей только изредка — для собственного удовольствия.

Как петушок попал на крышу

(Испанская сказка)

Жила-была на птичьем дворе прекрасная чёрная курица. На голове она носила маленькую корону, как испанская королева. А на ногах у неё были широкие штаны, как у турецкой султанши. По пятам за ней ходила дюжина цыплят — шесть курочек и шесть петушков.

Курочки были похожи на свою мать, а петушки — на отца, самого храброго и галантного петуха во всей Кастилии.

Мальчики уже немного умели кричать «ку-ку-ре-ку», а девочки премило кудахтали. Все они были очень умные и красивые цыплята.

Но был у курицы ещё один сынок — тринадцатый. Вот уж этот нисколько не походил ни на отца, ни на мать. Сказать по правде, он ни на что не был похож, этот тринадцатый цыплёнок, — у него не хватало одной лапки, одного крыла и одного глаза.

$$2-1=1.$$

Цыплёнок скакал по двору на одной ноге, размахивая одним крылом и посматривая вокруг одним глазом. Но это не мешало ему кричать громче всех и выхватывать из материнского клюва зёрна и червяков вдвое быстрее, чем это делали все его двуглазые и двуногие сёстры и братья.

Казалось бы, уж если вы уродились на свет хромым, кривым и однокрылым, самое лучшее и разумное для вас — вести себя скромно. Но, должно быть, у этого тринадцатого цыплёнка не хватало не только ноги, но и ума в голове. Во всяком случае, он вёл себя задорнее и горделивей, чем все боевые петухи от Бургоса до Мадрида.

Он никому не желал уступать дорогу, никого не удостаивал своей дружбы, ни с кем не хотел делиться ни добычей, ни подачкой.

Целыми часами простаивал он над какой-нибудь канавкой, полной воды, или над лужей, которая никогда не просыхает подле колодца, и, слегка склонив голову набок, любовался своим отражением.

А так как, по обычаю всех петухов, он от восторга закрывал глаза, — вернее было бы сказать, единственный глаз, — то ему и казалось, что он самая прекрасная и важная птица на свете.

Если куры начинали громче обычного кудахтать на своём насесте, он говорил, что это они раскудахтались с досады на то, что он глядит на них только одним глазом.

Если кто-нибудь из братьев нечаянно толкал его или выхватывал у него из-под носа червяка, он кричал:

— Всё зависть! Всё ку-ку-ревность!— и сразу кидался в драку.

Всякое чужое «ку-ку-ре-ку» выводило его из себя. Но как он ни старался перекричать всех своих братьев — родных, двоюродных и троюродных, — это ему никак не удавалось: вокруг было слишком много петухов, ещё более горластых, чем он.

И вот в конце концов он решил попросту покинуть этот жалкий птичий двор, где только и умеют, что кудахтать да дремать, сидя на насесте.

— Матушка, — сказал он. — Испания мне надоела! Я отправляюсь в Рим.

— Куда? Куда? — закричала в ужасе курица.

— В Рим! — сказал тринадцатый цыплёнок. — Мне хочется видеть римского папу. Да и ему, конечно, будет интересно поглядеть на меня.

— Что ты, мой мальчик, — сказала бедная курица, — ведь это страшно далеко! Ты заблудишься.

— Пустяки! — ответил цыплёнок. — Все дороги ведут в Рим.

— Предположим, — сказала курица. — Но будь уверен, что задний двор, на котором ты родился, стоит любого двора, даже королевского. Нигде на свете ты не найдёшь такого уютного курятника, выбеленного чистейшей извёсткой, таких тенистых шелковичных деревьев, под ветвями которых можно укрыться и от дождя и от зноя, такой огромной, такой величественной, такой душистой кучи навоза!.. А сколько здесь червей! Ведь их и разыскивать не нужно — наклони голову и клюнь! Наклони голову и клюнь! Я уж не говорю о том, что здесь ты окружён любящей роднёй. Все петухи и куры вокруг — наши двоюродные и троюродные... И, кроме того, три великопных сторожевых пса днём и ночью охраняют нас от лисицы. Не забывай этого, дитя моё!

— Ах, это-то мне и невыносимо!— сказал цыплёнок и махнул своим единственным крылом.— Эти ищейки не дают нам шагу ступить. Собаки! А уж что касается родни, так будем откровенны, матушка: мои братцы и сестрицы только и умеют горланить да кудахтать, у всех моих двоюродных — куриные мозги, а троюродные ещё в скорлупе были настоящими болтунами. Нет, и не уговаривайте меня! Я ни за что не останусь в этой дыре. Я хочу видеть свет и хочу, чтобы свет увидел меня!

— Ты хочешь, чтобы свет увидел тебя?— спросила курица грустно.— Но разве ты никогда не гляделся в лужицу, друг мой? Разве ты не знаешь, что у тебя не хватает лапки, глаза и крыла? Ох, и тем, кто смотрит в оба, не так-то легко уберечься от всяких бед, а что будет с тобой, мой бедный одноглазый мальчик!

— Вы скоро это узнаете,— ответил тринадцатый цыплёнок и вытянул шею так гордо, как это умеют делать только кастильские петухи.— Да, я не похож на своих братьев, но я и вылупился из яйца для того, чтобы удивить свет и занять в нём высокое положение. Моё место не здесь, на этой навозной куче, среди глупой домашней птицы. Прощайте, матушка! В Рим! В Рим!

— погоди же, погоди, дитя моё!— закричала курица.— Дай мне обнять и благословить тебя!

— Вы слишком чувствительны, матушка,— ответил цыплёнок.— А впрочем, если это вам доставит удовольствие...— И он наклонил голову.

— Выслушай меня, сын мой,— сказала курица, приподнимая лапку.— Два-три совета — это всё, что я могу дать тебе на дорогу. Во-первых, избегай поваров и поварят — их легко узнать по белым колпакам, передникам и ножам, которые они носят сбоку, за поясом. У этих людей нет ни стыда, ни совести. Они настоящие разбойники. Им ничего не стоит зарезать нас среди бела дня и ощипать до последнего пёрыш-

ка... Во-вторых, будь услужлив, приветлив и учтив. Недаром говорят: «Кто меняет в дороге коня на осла — сам осёл; кто меняет услугу на услугу — мудрец». Я сама помню один случай...

— Извините меня, матушка, — перебил её цыплёнок. — Всё это очень интересно, но мне, к сожалению, некогда, я должен спешить. Передайте моё нижайшее кукуреку братьям, сёстрам и прочей родне.

И с этими словами он распустил хвост по ветру, добежал до полуоткрытой калитки, перескочил через порог, и не успела курица опомниться, как он уже скрылся из виду.

Смахнув слезу, она поплелась в тень старых шелковиц, чтобы поискать червей и немного забыться.

А в это время её тринадцатый сын уже мчался в полскака, в пол-лёта по полям, по лугам, по дорожкам и тропинкам — прямо к оливковой роще, которую он приметил вдали.

Сначала путешествие его было очень приятно. Он скакал, летел, бежал, наслаждаясь утренней прохладой, останавливался, чтобы отдохнуть и подкрепиться несколькими зёрнышками, расклевать гусеницу или, как говорится, заморить червячка, а потом опять бежал, летел, скакал...

Но, когда солнце поднялось повыше и стало припекать не на шутку, ему сделалось жарко и сильно захотелось пить.

Так как у него не хватало правого глаза, то он посмотрел налево, потом сделал пол-оборота, ещё раз посмотрел налево и закричал во всё горло:

— Река! Ку-ку-река! Ку-ку-река!

Но это была вовсе не река, а только маленький ручеёк, почти пересохший от зноя.

Наш путешественник сначала перемахнул через гряды гладких, словно отшлифованных камней, потом пересек полосу мягкого, мелкого песка и только тогда увидел наконец, что по самой середине песчаного ложа извивалась струйка воды, но такая узень-

кая, тоненькая, слабенькая, что достаточно было двух листков, упавших с дерева, чтобы совсем остановить её течение.

Однако же не зря сказано: «Где быку и не напиться, там петуху — утопиться!» Для нашего странника и в этом ручейке было довольно воды. Он наклонил к ручью свой гребешок и опустил в воду клюв, потом, по обычаю предков, закинул голову назад, ещё раз наклонился, ещё раз откинулся — и так до тех пор, пока не почувствовал в горле приятную свежесть.

И вот, когда он наклонился к воде в последний раз, она вдруг пролепетала еле слышным от слабости голосом:

— О сеньор, по вкусу ли вам пришлось это питьё? Я бы рада была угостить вас получше, да нечем — это мои последние капли... Я сохну, умираю... Вы сами видите: два жалких листка стали для меня непроходимой преградой. Я не могу поднять их, чтобы унести с собой, и не могу обогнуть их... Умоляю вас, будьте милосердны, отбросьте куда-нибудь в сторону эти два листа! Одним движением клюва вы можете вернуть меня к жизни и открыть передо мной дорогу. После первого же дождя я расплачусь с вами!

— Что? — сказал тринадцатый цыплёнок и раскрыл свой единственный глаз так широко, как только мог. — Вы, кажется, изволите шутить, сеньора Вода? Уж не принимаете ли вы меня за чистильщика канав? Стоило ли покидать свои родовые поместья, чтобы прокладывать путь в свет не себе, а другим! Что же касается дождя, то я не охотник до него. Я хорошо помню, как после одного ливня кто-то назвал меня «мокрой курицей». Это меня-то! Курицей! Да ещё мокрой!.. Нет уж, справляйтесь сами как знаете. А я вам не слуга.

Тут он взмахнул крылом, оттолкнулся от земли шпорой и перелетел на другую сторону ручья...

— Ты ещё вспомнишь обо мне... — пробормотала

Вода, но так тихо и невнятно, что он ничего не слышал, а может быть, не захотел услышать.

К тому времени, когда солнце поднялось на самую середину неба и колокол на церковной башне отсчитал целую дюжину гулких, полновесных ударов, тринадцатый цыплёнок (для краткости мы будем называть его просто Тринадцатый) уже добрался до оливковой рощи. Он нашёл себе уютное местечко в тени, затащил глаз плёнкой и задремал. Ему снился очень приятный сон — будто он занял высокое, самое-самое высокое положение в свете. Это он вместо солнца плыл по небу, светил направо и налево, жёг и припекал кого следует, а солнышко, опустив свой золотой гребешок и свернув лучистые крылья, дремало в роще олив. Да, это был очень, очень приятный сон!

Выспавшись всласть, Тринадцатый проснулся, подскочил на одном месте, крикнул «ку-ку-ре-ку» и отправился дальше.

Скоро он оставил позади оливковую рощу и вышел на укромную полянку, всю заросшую кустами диких роз.

— И кто только насажал здесь столько ко-ко-ко-лючек! — сказал он и от негодования закатил глаз под самый гребень. — Полюбуйтесь-ка на них! Как расфрантились, как раздушились! И смотреть противно, и дышать нечем!.. Нет, надо удирать отсюда поскорее!

И он так сильно взмахнул крылом, что ветки вокруг него закачались, а в траве зашелестело. Он остановился и прислушался.

— Добрый сеньор, — шелестело в траве, — помоги мне! Я Ветер — тот самый, который в хорошие времена вырывает с корнем оливковые деревья и сбрасывает с домов крыши... Видишь, что сделал со мной полуденный зной, — я почти без чувств и лежу на самой земле...

— Ах, так это вы, принц-невидимка? — сказал Тринадцатый, не кланяясь. — Вот уж не ожидал

встретить ваше высочество так низко!.. Что ж это с вами случилось?

— И сам не знаю,— чуть дыша, прошептал Ветер.— Должно быть, я слишком долго играл с розами и они вскружили мне голову...

— Так,— сказал Тринадцатый.— Чего же вы хотите от меня, ветренный принц?

— Ах, меньше малого!— зашелестел Ветер.— Приподними меня чуть-чуть над землёй и взмахни разок-другой своим крылом, чтобы я мог прийти в себя.

— Не понимаю,— сказал Тринадцатый.— Разве можно поднять то, чего не видишь? А я вас не вижу.

— И не надо,— ответил Ветер.— Вот рядом со мной лежит пушинка одуванчика. Подкинь её кверху и гони крылом. А уж я поднимусь вместе с ней. Чуть только я выберусь из этих зарослей, мои крылья сами собой развернутся, и у меня хватит сил долететь вон до тех белых облаков. Их гонят мои братья—это славный, весёлый народ, они поддержат меня до тех пор, пока я не получу наследства от моего деда Урагана. Ну, подними же меня скорей! Подними! Ты не пожалеешь об этой услуге...

Но Тринадцатый только отступил назад на полшага и тряхнул гребешком.

— Сеньор,— сказал он,— ваше высочество! А помните вы, как однажды, всего каких-нибудь восемь дней тому назад, вы изволили залететь в наше поместье и вволю позабавились, гоняя меня по всему двору и раздувая мой хвост, как будто это был не хвост, а парус! Все вокруг смеялись, даже самые желторотые цыплята, а вы—громче всех. Вам было очень смешно, не правда ли? Что ж, как видно, и насмешники оказываются иногда в смешном положении. Советую вам быть ниже травы, тише воды и, лёжа здесь, под ногами у муравьёв, поразмыслить на досуге о том, как дурно смеяться над теми, кто имеет в обществе гораздо больше веса, чем вы.

Сказав эту речь, Тринадцатый выгнул грудь колесом, напыжился, крикнул три раза «ку-ку-ре-ку» и побежал дальше.

На сжатом поле горкой лежали только что вырванные жнецами сорные травы. Лёгкий, чуть видный дымок выбивался из кучи стеблей и листьев. Тринадцатый подошёл поближе, чтобы посмотреть, что тут происходит, и увидел маленький огонёк, который червячком извивался среди зелёных, ещё сырых стеблей, но никак не мог разгореться.

— Ко мне, дружище!— зашипел Огонь.— Скорей, скорей помоги мне, а не то я сейчас угасну... И куда только запропастился мой двоюродный братец— Ветер? Я совсем пропадаю без него. Окажи мне услугу— принеси хоть несколько сухих соломинок, чтобы я мог немного подкрепиться. Уж я не останусь перед тобой в долгу!..

— Ку-ку-ре-ку,— сказал Тринадцатый.— Вы просите у меня всего несколько соломинок? Это, конечно, немного. Но не скажете ли вы мне сначала, ваша светлость, кто зажарил мою покойную бабушку Брамапутру и мою тётку Пулярду?

И с этими словами он вскочил на кучу сорной травы и так плотно придавил её к земле, что Огонь сразу перестал шипеть и последняя струйка дыма растаяла в воздухе.

А Тринадцатый взмахнул крылом и помчался дальше в пол-лёта, в полскока.

К вечеру он увидел перед собой городскую стену, черепичные крыши и высокую колокольню.

— Кук-ура! Ку-ку-Рим! Ку-ку-ре-ку!— закричал он и подпрыгнул так высоко, как только мог.

На самом деле это был вовсе не Рим, а просто маленький кастильский городок, куда окрестные крестьяне возили в базарные дни овощи, свежие яйца и молодых откормленных кур со связанными ногами.

Но Тринадцатый ни у кого ничего не спрашивал, а потому мог думать, что ему было угодно. Он считал,

что уже достиг своей цели и ему остаётся совсем немного — только занять высокое положение в свете.

Как же это сделать? О, это совсем не трудно. Надо только, чтобы вас заметили.

А как сделать, чтобы вас заметили? Надо кричать как можно громче.

И вот Тринадцатый побежал на самую большую площадь в городе — это была площадь перед церковью, — взлетел на паперть и принялся кричать что было сил: «Ку-ку-ре-ку! Ку-ку-ре-ку!»

— Ты слышишь? — сказал своей жене церковный сторож. — Чей это петух заливается у нас на паперти?

— Ума не приложу... — сказала сторожиха. — У нас в городе и нет таких горластых петухов.

— Да и во всей Кастилии нет петуха, который бы кричал в такое неурочное время, — прибавил сторож и вышел посмотреть, кому это вздумалось тревожить добрых людей.

Он поймал буяна за хвост, перевернул вниз головой и потащил к себе на кухню.

— Погляди-ка, жена, на это диво! — сказал он. — За всю свою жизнь не видел я такого удивительного петуха!

— Да разве это петух? — сказала сторожиха. — Это просто полпетушонка. А ведь туда же — кричит, как настоящая птица!

— Ну, что его разглядывать! — сказал сторож. — Давай-ка сюда кипятку, жена, да ошпарь его хорошенько, чтобы легче было ощипать. Мы люди бедные, нам на ужин и полпетуха довольно, — особенно если эта половина достаётся даром.

Сторожиха сняла с очага целый чугунок кипятку.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — заклокотала Вода в чугунке. — Надеюсь, вы узнаете меня, сеньор?

Ах, это была довольно-таки неприятная встреча!

— Помилуйте! Помилуйте, госпожа моя Вода! — закричал Тринадцатый. — Чистая, сладкая, прекрасная Вода!.. Вы лучше всех на свете — я так люблю

вас, когда вы не кипятитесь! Сжальтесь надо мной, не обварите меня!

— А ты пожалел меня, когда я была слабее тебя? — ответила Вода, вся бурля от гнева. — Ты даже не захотел ради меня лишний раз нагнуться.

И она выплеснулась на него с такой яростью, что ни одной пушинки не осталось у него на теле.

Тогда сторож посадил беднягу на вертел и поднёс к огню.

— Господин мой Огонь! — закричал Тринадцатый. — Отец Света! Брат Солнца! Соперник Брильянта! Сжался надо мной! Сдержи свою горячность, умерь своё пламя — не жарь меня!

— А ты пожалел меня, когда я был слабее тебя? — ответил Огонь и засверкал от злости. — Ты не захотел подать мне в беде даже соломинку!

И он до того распалился, что одним дуновением превратил Тринадцатого от головы до шпоры в уголь.

— Ах, чёртова птица! — сказал сторож, вертя перед глазами чёрного, как сажа, и твёрдого, как палка, петуха. — И когда только она успела сгореть так, словно её поджаривали на адском пламени? Да пропади она пропадом! Не стану же я есть на ужин головешку!

Он схватил Тринадцатого за ногу, размахнулся и выкинул на двор — прямо на кучу навоза.

— Ветер! Милый Ветер! — прошептал Тринадцатый еле слышно. — Пожалей меня — мне так горячо... Подуй на меня! Взмахни надо мной своим крылом!..

— А ты пожалел меня, когда я был слабее тебя? — зашумел Ветер. — Пошевелил ради меня крылом? Ну, да уж ладно... Я, так и быть, подую на тебя, коли ты сам просишь. Да только я ведь теперь не прежний. Крылья у меня отросли. Я так на тебя стану дуть, что ты у меня завертишься!

Ветердохнул один разок, и Тринадцатый взлетел на верхушку колокольни — прямо на острую спицу. Дохнул другой раз, и петушок завертелся волчком.

Так он и вертится до сих пор. Куда ветер подует, туда и поворачивается однокрылый, одноногий петушок.

Все уже давно позабыли, что когда-то он скакал по земле и звался Тринадцатый. Теперь его просто зовут Ветряным петушком или Флюгером.

— Ничего,— скрипит Флюгер, когда сильный ветер кружит его на спице,— ничего!.. Пусть я прошёл сквозь огонь и воду, пусть ветер занёс меня под самое небо и вертит, словно на вертеле, а всё-таки я добился своего: занял высокое положение в свете!

Зербино-нелюдим

I

ил когда-то в Салерно молодой дровосек по имени Зербино. Не было у него ни денег, ни родни, ни друзей. Даже словом ему не с кем было перемолвиться. А бросать слова на ветер он не любил. Когда же человек ни с кем не разговаривает и никого ни о чём не спрашивает, то ему никто и не отвечает. А так как Зербино, вдобавок ко всему, не имел привычки совать нос в чужие дела, то соседи считали его дураком.

Они прозвали его Зербино-нелюдим, и прозвище это подходило к нему как нельзя лучше.

Рано утром, когда все в городе ещё спали, Зербино с топором на плече отправлялся в горы и весь долгий день бродил один по лесу.

А вечером, когда солнце уже садилось, он возвра-

шался домой с вязанкой хвороста, чтобы продать её и купить себе что-нибудь на ужин.

У фонтана, мимо которого проходил Зербино, каждый вечер собирались девушки со всего квартала — набрать в кувшины воды и почесать язычки. Ну и доставалось же от них бедному Зербино!

— Зербино! Зербино!— кричали они.— Иди-ка сюда, а то нам скучно одним.

— Расскажи нам что-нибудь, Зербино! Ты ведь мастер рассказывать.

— Спой нам песенку, Зербино! Ты поёшь лучше соловья.

— Зербино, а Зербино! Кто из нас тебе больше по вкусу? К кому ты посватаешься? Ко мне?

— Или ко мне?

— Или, может, ко мне?

— К самой болтливой!— огрызался дровосек, грозя кулаком.

Дружный хохот провожал Зербино, когда он, словно кабан от охотников, убегал от них к себе домой.

Добравшись до своей хижины, он покрепче запира-
рал дверь и садился ужинать.

Ужин у него был немудрёный — кувшин воды и кусок хлеба. Подобрав всё до последней крошки, он заворачивался в старое потёртое одеяло, ложился прямо на пол и крепко засыпал. Ничто не мешало его отдыху — ни сны, ни заботы, ни желанья.

И если счастье в том, чтобы ничего не желать, то самым счастливым человеком на свете был Зербино.

II

Однажды Зербино работал в лесу, подсекая сучья у старого, твёрдого, точно камень, самшита. Он очень устал и решил отдохнуть под деревьями на берегу пруда. Каково же было его удивление, когда он уви-

дел, что у самой воды на траве лежала красавица в платье из лебединых перьев! Красавица крепко спала.

— Уснуть в полдень, на самом солнцепёке!— пробормотал Зербино.— И придёт же такое в голову!.. Нет, что ни говори, а у женщины ума — что у годовалого ребёнка.

Зербино снял с себя куртку, натянул её между ветвями деревьев и устроил над головой у незнакомки навес, чтобы защитить её от солнечных лучей.

Только что кончил он свою работу, как заметил в траве, в двух шагах от красавицы, гадюку. Змея подползала к ней, высунув ядовитое жало.

— Ишь ты!— сказал Зербино.— Такая маленькая и уже такая злая!

И недолго думая двумя ударами топора он разрубил змею на три части.

Но, и разрубленная, змея всё ещё старалась подползти к спящей красавице.

Тогда Зербино носком башмака столкнул в пруд змеиную голову, туловище и хвост, и они зашипели в воде, как раскалённое железо.

В эту самую минуту красавица открыла глаза и, увидев дровосека, воскликнула:

— Зербино! Это ты, Зербино?

— Подумаешь, новости! Я и сам знаю, что я Зербино,— ответил дровосек.

— Друг мой,— сказала красавица,— ты спас мне больше чем жизнь! Поверь, я сумею отблагодарить тебя за твою услугу.

— И не думал я спасать вас,— пробурчал Зербино со своей обычной любезностью.— В другой раз не ложитесь на траву, не поглядев наперёд, нет ли там змей,— вот вам мой совет. А теперь не мешайте мне, я тоже хочу спать.

Он растянулся на траве и закрыл глаза.

— И тебе не нужно никакой награды? Ты ни о чём не просишь меня?— спросила красавица.

— Ну как же, очень прошу: оставьте меня в покое!— сказал Зербино.— Если человек ничего не хочет, значит, у него есть всё, чего он хочет. А если у него есть всё, чего он хочет, значит, он счастлив. Прощайте!— И он захрапел.

— Бедный юноша!— сказала красавица.— Твоя душа спит крепче, чем ты сам. Но что бы ты ни говорил, а я не буду неблагодарной. Без тебя я попала бы в руки злого волшебника, моего старинного врага. Без тебя мне пришлось бы превратиться в ужа и сто лет ползать по земле в змеиной чешуе. Я у тебя в долгу за целый век красоты и молодости. Чем же мне заплатить тебе за твою услугу? А, знаю!.. Ты только что сказал: «Если у человека есть всё, чего он хочет, значит, он счастлив». Пусть же у тебя будет всё, чего ты пожелаешь, пусть каждое твоё желание исполняется. Когда-нибудь ты добром помянешь за этот подарок фею вод!..

Она грижды взмахнула своей ореховой волшебной палочкой и пошла по серебристой водяной дорожке так легко, что вода даже не шелохнулась.

Навстречу ей раскрылись кувшинки, и тростники склонили свои хохлатые головки. Волны, нежно звеня, расступились, и будто солнечный луч скользнул до самого дна.

Потом всё погасло, и стало тихо-тихо.

Только и слышно было, как храпит на берегу Зербино.

III

Солнце уже спускалось за горы, когда дровосек проснулся. Он опять взялся за топор и принялся рубить неподатливое дерево, над которым бился с утра. Топор звенел на весь лес, но проку было мало. Обливаясь потом, Зербино только напрасно колотил по проклятому стволу.

— Эх,— сказал наконец Зербино, рассматривая

свой зазубренный топор,—хотел бы я иметь топорик, который режет дерево, словно масло! И почему это ни один умник не смастерил до сих пор такого топора?

Он отступил на два шага от дерева, размахнулся и ударил с такой силой, что сам не удержался на ногах и растянулся во весь рост, уткнувшись носом в землю.

— Чёрт побери, я, кажется, хватил мимо!—ворчал он.— В глазах у меня, что ли, помутилось?

Но не успел он выговорить эти слова, как дерево дрогнуло и повалилось прямо на него, так что он едва успел отскочить в сторону.

— Вот это удар!—закричал Зербино в восторге.— Раз — и готово! И как чисто срублено!.. Кто не видел, сказал бы, что спилено. Ну, есть ли на свете дровосек, который орудует топором так ловко, как сын моей матери?

Он обрубил все сучья и ветви на дереве и, распутав намотанную вокруг пояса верёвку, уселся верхом на вязанку, чтобы лучше её затянуть.

— А теперь,—пробормотал он,—надо тащить её в город. Экое горе, что у вязанок не бывает ног, вот как у лошадей, например. А то бы я въехал на ней в Салерно, гарцуя вроде тех знаменитых господ, которые от безделья только и знают, что прогуливаются верхом. Хотел бы я посмотреть на себя в таком виде!

И не успел он договорить, как вязанка приподнялась и пустилась рысью, всё скорей и скорей — так что ветер засвистел у Зербино в ушах.

Но Зербино нелегко было удивить чем-нибудь. Он и на этот раз несколько не удивился. Уверенно сидя на своём необыкновенном скакуне, он всю дорогу с жалостью поглядывал на тех бедняков, которые должны ходить пешком, потому что у них нет вязанки дров.

В те времена посреди Салерно была большая площадь, а на этой площади стоял королевский дворец. Царствовал тогда, как всем известно, знаменитый Мушамиель. Кто не знает этого имени, не знает истории.

Всякий день после полудня прохожие могли увидеть на одном из балконов дочь короля Мушамиеля — прекрасную принцессу Алели. Придворные кавалеры и дамы старались развлечь её песнями, сказками и плясками, но принцесса была всегда грустна и задумчива. Да и как было не задуматься!

Вот уже три года каждый день к ней сватались женихи — князья, бароны и принцы, и вот уже три года она отказывала каждый день всем своим женихам — принцам, князьям и баронам.

Дело было в том, что король Мушамиель, который очень хотел поскорее выдать дочку замуж, давал в приданое за нею прекрасный город Салерно, и принцесса Алели не без основания предполагала, что её женихи хотят жениться не столько на ней, сколько на её приданом. Как видите, принцесса Алели была рассудительной девицей, не в пример другим принцессам. Впрочем, она вообще не слишком походила на других принцесс: никогда не смеялась только для того, чтобы показать свои зубки, никогда не молчала только для того, чтобы её считали умной, никогда не болтала только для того, чтобы поболтать. Эта болезнь не на шутку тревожила придворных докторов.

В этот день принцесса Алели была ещё грустнее, чем всегда. Она сидела на балконе и задумчиво глядела вниз, как вдруг на площадь выехал Зербино.

Он скакал верхом на своей вязанке, точно лихой наездник на горячем скакуне.

Придворные дамы так и прыснули со смеху и принялись швырять в него апельсинами, лежавшими на

блюде. Два апельсина угодили наезднику прямо в лицо.

— Смейтесь, смейтесь, зубоскалки!— крикнул Зербино, грозя им пальцем.— Смейтесь до тех пор, пока у вас рот не растянется до ушей!

Придворные дамы расхохотались ещё громче. И сколько ни приказывала им принцесса замолчать и прекратить свои насмешки над бедным малым, они в ответ только покатывались со смеху.

— Добрая барышня,— сказал Зербино, поглядев на принцессу,— что же вы такая печальная? Желаю вам полюбить хорошего парня, который сумеет вас развеселить, и выйти за него замуж.

С этими словами Зербино приподнял шапку и поклонился так вежливо, как только умел.

Если ты едешь верхом не на лошади, а на вязанке дров, первое правило — ни с кем не раскланивайся, будь то хоть сама королева. Зербино совсем забыл про это и попал в беду. Снимая шапку, он выпустил из рук верёвку, которой были связаны ветки. Вязанка развалилась, и Зербино полетел вверх тормашками.

Встав на ноги, он собрал ветки и, взвалив их себе на плечи, отправился своей дорогой. Теперь уже вязанка ехала на нём, а не он на вязанке.

Когда кто-нибудь падает, рискуя сломать себе шею, люди почему-то смеются. Почему? Я не знаю. Мудрецы ещё не объяснили этой тайны. Известно только, что все смеются и что принцесса Алели поступила так же, как и все другие: она засмеялась.

Но вдруг щёки её побледнели. Она встала, прижала руку к сердцу, как-то странно поглядела на Зербино и молча удалилась в свои покои.

А Зербино как ни в чём не бывало вернулся к себе домой.

Своей удачи он и не заметил, а на неудачи, как всегда, не обратил внимания. День выдался славный, он хорошо продал вязанку дров — с него и этого было достаточно.

Он купил себе целую головку сыра, белого и твёрдого, как мрамор, и, разрубив её на куски, отлично поужинал.

Камень, упавший в воду, знает ровно столько же о кругах, которые пошли по воде, сколько знал Зербино о том смятении, которое поднялось во дворце после его ухода.

V

В то время как происходили все эти важные события, на городской башне пробило четыре часа. День выдался жаркий. На улицах было пусто.

Удалившись в залу парламента, король Мушамиль размышлял о благоденствии своего народа. Он спал.

Вдруг чьи-то руки обвились вокруг его шеи и горячие слёзы закатали прямо ему на лысину. Король Мушамиль вскочил в испуге. Перед ним стояла прекрасная Алели.

— Что это значит?— сказал король, удивлённый таким преувеличенным выражением любви.— Поцелуй и слёзы? Ах, дочь своей матери! Ты, верно, хочешь, чтобы я исполнил какое-нибудь твоё желание?

— Нет, дорогой отец. Перед вами покорная дочь, которая только и думает о том, чтобы исполнить ваше желание. Вы хотели выдать меня замуж — я готова доставить вам это удовольствие.

— Ну, слава богу, наконец капризы кончены! За кого же мы выходим, а? За принца Кава?.. Нет? Ну, так за графа Капри?.. Тоже нет? За маркиза Сорренто?.. Как, опять нет? Кто же это такой?

— Я не знаю, дорогой отец.

— Не знаешь? Но ты, по крайней мере, хоть видела его?

— Да, только что. На площади перед дворцом.

— И он с тобою говорил?

— Нет, почти не говорил. Да и к чему слова, когда сердца и так слышат друг друга!

Мушамииль поморщился, почесал за ухом и пристально поглядел на дочь:

— Но, во всяком случае, это принц?

— Ах, я не знаю... Да и какое это имеет значение!

— Очень большое. Ты ничего не смыслишь в политике, дочь моя. Разумеется, ты можешь совершенно свободно, так сказать по своему вкусу, выбрать себе подходящего мужа, а мне — подходящего зятя. Как король и как отец, я совсем не хочу стеснять твою волю... если она совпадает с моей. В противном же случае напоминаю тебе, что я прежде всего обязан заботиться о чести династии и о благе моих подданных, и поэтому я требую, чтобы поступали так, как угодно мне. Ну-с, что же за птица этот твой избранник, которого ты едва видела, с которым почти не разговаривала, но которого ты обожаешь?

— Не знаю,— сказала Алели.

— Вот это замечательно!— воскликнул Мушамииль.— И для того, чтобы болтать весь этот вздор, ты отнимаешь у меня время, принадлежащее моему народу. Эй, камергеры! Позвать сюда фрейлин! Пусть они проводят принцессу в её покои. Ей нездоровится.

Услышав слова отца, Алели залилась слезами и упала к его ногам. В это время дверь открылась и две придворные дамы вошли в королевские покои, покатываясь со смеху.

— Опомнитесь, сударыни! Перед вами король!— закричал Мушамииль, возмущённый таким грубым нарушением придворных правил.

Но чем громче кричал на них король, тем громче хохотали фрейлины, совершенно не заботясь о придворном этикете.

— Эй, стража,— закричал король вне себя от гнева,— схватить этих грубиянок и отрубить им головы! Будут знать, как смеяться над своим королём!

— Ваше величество! — воскликнула Алели,

всплеснув руками.— Вспомните, что вы прославили своё царствование, запретив смертную казнь без суда.

— Ах да,— сказал Мушаммель,— ты совершенно права, дочь моя. Нельзя нарушать законы. Но если нельзя казнить без суда, то пусть их секут без суда до тех пор, пока они не умрут естественной смертью.

— Пощадите их, отец! Умоляю вас!

— Ну хорошо, хорошо!— сказал добрый Мушаммель.— Пусть только они перестанут смеяться и не попадаются мне больше на глаза... Уведите этих дур— я их прощаю. Запереть их в келью. Пусть они там издохнут от тишины и скуки... И довольно об этом.

— Отец!..— зарыдала Алели.

— Ваше величество!— закричали в один голос фрейлины, падая на колени.— Ваше величество, смилуйтесь! Мы не смеемся больше.

И в самом деле, они больше не смеялись, потому что рты у них от непрерывного смеха уже растянулись до самых ушей, как пожелал Зербино.

— Помилуйте, ваше величество! Это не мы смеялись над вами— это над нами насмеялся злой человек. Он околдовал нас.

— Колдун в моём государстве?— сказал король, покачав головой.— Это невозможно. Их нет, потому что я в них не верю.

— Однако, ваше величество,— заметила одна из дам,— что бы вы сказали, если бы увидели человека, который гарцует верхом на обыкновенной вязанке дров, и эта вязанка скачет рысью и выделяет курбеты, как хорошо объезженная лошадь?

— В самом деле?— удивился король.— Да, это похоже на колдовство. Стража! Я приказываю немедленно отыскать этого человека и его вязанку, посадить человека на вязанку и сжечь вязанку вместе с человеком посреди дворцовой площади. Всё!.. Ну, теперь, надеюсь, мне дадут отдохнуть.

— Сжечь моего возлюбленного!— закричала принцесса.— Государь, этот благородный юноша — мой избранник, моя любовь, моя жизнь... Если тронут хоть один волосок на его голове — я умру!

— У меня в доме сущий ад!— сказал бедный Мушамииель.— Какой смысл быть королём, если в собственном вашем дворце вам не дают спокойно вздремнуть часок? Впрочем, я ведь могу избавиться от всех этих хлопот. Позвать сюда Мистигриса! Для чего я держу министра, если не для того, чтобы он говорил мне, о чём я думаю, и знал, чего я хочу и чего не хочу!

VI

Вскоре доложили о приходе господина Мистигриса. Это был маленький человечек, толстый, коротенький, круглый, пузатый. Он не ходил, а катался, как шар. Рысьи глазки, посматривающие разом во все стороны, низкий лоб, утиный нос, толстые щёки и тройной подбородок — вот вам портрет знаменитого министра, который правил Салерно от имени короля Мушамииеля.

Он вошёл, кланяясь и охорашиваясь, отдуваясь и улыбаясь, с видом человека, весело несущего бремя власти и забот.

— Наконец-то!..— сказал король.— У меня в королевстве происходит чёрт знает что, и я, король, узнаю об этом последний!

— Всё в полном порядке,— спокойно отвечал Мистигрис.— У меня в руках донесения королевской полиции. Мир и счастье, как всегда, царят в нашем государстве.

И, развернув длинный свиток, он прочёл:

— «Салернская гавань. Всё спокойно. В таможне украдено не больше обычного. Три ссоры между матросами. Шесть ударов ножом. Пятеро отправлены в госпиталь. Один скончался. Происшествий нет...

Верхний город. Налог удвоен. Благосостояние и нравственность возрастают. Две женщины умерли голодной смертью. Трое мужей избили своих жён. Десять жён избили своих мужей. Тридцать краж. Два убийства. Три отравления. Происшествий нет».

— И это всё, что вы знаете?— рассердился Мушамииель.— Стало быть, я, который вовсе и не обязан знать, что происходит в государстве, осведомлён гораздо лучше вашего. Мне, например, известно, что не далее как сегодня какой-то бездельник проехал по дворцовой площади верхом на вязанке дров и одним взглядом так очаровал мою дочь, что она хочет выйти за него замуж.

— Ваше величество,— ответил Мистигрис, не моргнув глазом,— разумеется, я знаю об этом — министр знает всё!— но я не смел беспокоить ваше величество такими пустяками. Этого человека повесят — и дело с концом!

— Ах, так вы знаете, где он, этот негодяй?

— Конечно, ваше величество,— ответил Мистигрис.— Министр всё видит и всё слышит...

— Прекрасно,— сказал король.— Но, если через четверть часа этот плут не будет здесь, вы сдадите дела министерства людям, которые не только всё видят и слышат, но и действуют. Ступайте!

Мистигрис, приятно улыбаясь, вышел из покоев короля. Но чуть только дверь за ним закрылась, он весь побагровел, словно от удушья, и, чтобы не упасть, вынужден был опереться на первую дружескую руку, которая ему подвернулась. Это была рука городского префекта, который по счастливой случайности оказался в королевской приёмной.

Мистигрис прошёл два шага, потом схватил префекта за ворот и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Синьор, если через десять минут вы не приведёте ко мне человека, разъезжающего по Салерно верхом на вязанке дров, я вас уничтожу. Слышите? У-ни-что-жу! Ступайте!

Ошеломлённый этой угрозой, префект побежал к начальнику полиции:

— Где человек, разъезжающий верхом на вязанке дров?

— На вязанке дров?— удивился тот.

— Попрошу не рассуждать!— закричал префект.— Я этого не потерплю. Вы не знаете своих обязанностей. Если через пять минут этот мошенник не будет здесь, я вас выгоню. Слышите? Вы-го-ню! Ступайте!

Начальник полиции побежал к дежурным полицейским, которые охраняли общественное спокойствие, играя в кости.

— Бездельники!— закричал он.— Если через три минуты вы не приведёте ко мне человека, который разъезжает по Салерно верхом на вязанке дров, я прикажу избить вас до полусмерти. Слышите? До по-лу-смер-ти! Бегом — и ни слова!

Полицейские, ругаясь на чём свет стоит, выбежали на улицу. А Мистигрис, вполне уверенный в чудодейственной силе своего приказа, сложил губы в приятную улыбку и опять отправился к королю, слегка прихорашиваясь и бодро отдуваясь, как человек, легко и весело несущий бремя государственных забот.

VII

Министр шепнул на ухо два слова своему повелителю, и лицо доброго короля просияло. Итак, всё устраивается как нельзя лучше! Колдуна сожгут, и это маленькое происшествие, без сомнения, прославит царствование кроткого Мушамиеля Девятого и навсегда останется для благодарного потомства доказательством его милосердия и мудрости.

Одно только смущало короля — это неутешные слёзы бедной Алели.

Но государственный ум Мистигриса помог и в

этом затруднении. Министр подмигнул королю и, подойдя к принцессе, сказал ей, стараясь смягчить свой пронзительный голос:

— Не плачьте, ваше высочество! Жених не должен видеть вас в слезах. Подите к себе, наденьте свой самый пышный наряд, чтобы показаться ему во всём блеске вашей красоты. Тогда, взглянув на вас, он сразу поймёт, какое счастье его ожидает.

— Верно ли я вас поняла, мой добрый Мистигрис?— воскликнула Алели.— О, благодарю вас, отец, благодарю!

Она бросилась обнимать короля, который до того растерялся, что не мог вымолвить ни единого слова.

Не чуя под собой ног от радости, принцесса убежала из королевских покоев и первому встречному офицеру сама объявила о своей свадьбе.

— Добрый юноша,— сказала она,— мой жених сейчас придёт сюда! Устройте ему торжественную встречу и будьте уверены, что мы сумеем оценить вашу услугу.

Оставшись наедине с Мистигрисом, король гневно посмотрел на своего министра.

— Вы что — с ума сошли?— сказал он.— Как вы осмелились давать за меня слово в моём присутствии? Кажется, вы считаете себя хозяином не только в моём королевстве, но и у меня в доме!.. Кто вам позволил распоряжаться по-своему мною и моей дочерью?

— Ваше величество,— невозмутимо ответил Мистигрис,— прежде всего надо было успокоить принцессу, а дальше видно будет. Политика никогда не заботится о завтрашнем дне. У всякого дня — своя забота.

— А моё слово?

— Вы не сказали ни слова, ваше величество.

— Но это всё равно, что дать слово. И, если я теперь возьму его назад, меня будут считать лжецом...

— Государь,— сказал Мистигрис,— само собой разумеется, король никогда не берёт своего слова

назад... Но есть множество способов сдержать слово, не сдержав его.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ваше величество,— сказал Мистигрис,— давайте спокойно обсудим положение. С одной стороны, вы ничего не обещали принцессе; с другой стороны, своим молчанием вы как бы одобрили её брак. Что ж, пусть принцесса выйдет замуж за своего избранника. А после церемонии мы поступим по закону, который гласит:

«Если дворянин, не имеющий звания барона, желает взять в жёны принцессу королевской крови, с ним надлежит поступить как с дворянином, то есть отрубить ему голову».

«Если дерзкий окажется горожанином — с ним надлежит поступить как с горожанином, то есть повесить его».

«Если же это будет простой мужик — его следует утопить, как собаку».

Видите, ваше величество, как легко сочетать родительскую любовь и правосудие! У нас в Салерно столько всяких законов, что всегда можно подобрать подходящий к случаю.

— А ведь вы, Мистигрис, изрядная каналья,— сказал Мушаммель посмеиваясь.

— Государь, вы мне льстите!— ответил Мистигрис, раздуваясь от гордости.— Я всего-навсего ваш преданный слуга и готов положить жизнь...

— Ну хорошо, хорошо!..— прервал его король.— Довольно слов, перейдём к делу. Найти, повенчать, утопить — вот всё, что я от вас хочу.

VIII

Конечно, слава — хорошая вещь, но и она имеет свои неудобства. Прощай, спокойная жизнь! Всякий бездельник считает своим священным и неотъемле-

мым правом знать лучше вашего, о чём вы думаете, что любите и чего хотите.

Зербино ещё не успел продать свою волшебную вязанку, а уже в Салерно не было ни одного мальчишки, который бы не знал, где он живёт, что ест на ужин, сколько ему лет и как звали его бабушку. Поэтому полицейским ничего не стоило исполнить приказ начальства и разыскать знаменитого дровосека.

Они ворвались к нему во двор как раз в ту минуту, когда Зербино, стоя на коленях, точил свой старый топор, то и дело пробуя лезвие на ногте большого пальца. Вдруг чья-то рука схватила его за шиворот и одним рывком поставила на ноги. Десять затрещин, двадцать подзатыльников — и он очутился на улице.

Таким образом Зербино узнал, что министр интересуется его особой и сам король желает его видеть.

Мудрость и глупость ничему не удивляются. Неизвестно, по какой из этих причин, но Зербино никогда не удивлялся. Не удивился он и на этот раз. Заложив руки за пояс, он спокойно шагал, не обращая внимания на пинки, которые так и сыпались на него градом со всех сторон.

Но всякому терпению приходит конец.

— А нельзя ли потише? — сказал Зербино, когда тяжёлый удар в спину чуть не сбил его с ног.

— Скажите какие нежности! — усмехнулся полицейский. — Не прикажете ли надеть перчатки и вести вас под ручку?

— Хотел бы я, чтобы кто-нибудь из вас оказался на моём месте! — сказал Зербино. — А я бы посмотрел, как вы тогда стали бы смеяться.

— Молчать, мошенник! — И полицейский с размаху отвесил Зербино такой удар, которым можно было бы свалить даже быка.

Но, должно быть, он плохо рассчитал или неловко замахнулся: кулак его почему-то миновал затылок Зербино и угодил прямо в глаз одному из конвойных.

Тот рассвирепел от боли и, не говоря ни слова, вцепился в волосы обидчику. Остальные кинулись их разнимать.

Удары посыпались, как горох из дырявого мешка: сверху, снизу, справа, слева... Началась такая потасовка, что небу стало жарко. Женщины рыдали, дети кричали, собаки лаяли. Пришлось вызвать другой отряд полицейских, чтобы навести порядок и арестовать тех, кто бил, тех, кого били, и тех, кто на это глядел.

А Зербино как ни в чём не бывало засунул руки в карманы и отправился во дворец один.

На дворцовой площади он увидел длинную вереницу нарядных господ, разодетых в шитые золотом камзолы и короткие атласные панталоны. Это были придворные лакеи во главе со старшим лакеем и мажордомом. По распоряжению принцессы они вышли встречать жениха.

Так как им было приказано встретить его с подобающими почестями, они всё время улыбались и низко кланялись, держа шляпы в руках.

Как человек вежливый, Зербино ответил на поклоны поклоном. Придворные лакеи согнулись чуть не вдвое. Зербино ответил ещё вежливее.

Лакеи поклонились ещё ниже.

Так кланялись они друг дружке восемь или десять раз подряд. Зербино устал первый. Он не был воспитан при дворе и не привык гнуть спину.

— Довольно, довольно! — закричал он. — Знаете, как это у нас в песне поётся:

Дама кавалеру
улыбнись,
улыбнись!
Кавалер красоте
поклонись,
поклонись!
После трёх улыбок
поцелуй,
поцелуй!

После трёх поклонов
потанцуй,
потанцуй!

С меня хватит и улыбок и поклонов. Попляшите-ка теперь!

И лакеи, не переставая кланяться, запрыгали, словно кузнечики на лугу.

Так, приплясывая и кланясь, они проводили Зербино во дворец.

IX

Король Мушамииль сидел на троне. Справа от него расположились дамы — принцесса и её фрейлины, слева — Мистигрис и придворные кавалеры.

Чтобы придать себе величественный вид, король Мушамииль смотрел на кончик собственного носа.

Принцесса Алели вздыхала. Мистигрис чинил перья и с видом заговорщика подмигивал одним глазом королю, а другим — принцессе. Придворные стояли неподвижно и глядели задумчиво, как будто и в самом деле о чём-то думали.

Вдруг дверь отворилась. Танцуя сарабанду и раскланиваясь в такт, появились мажордом и лакеи во главе со старшим лакеем.

Эта неприличная и несвоевременная пляска чрезвычайно удивила весь двор. Но все ещё больше удивились, когда вслед за танцующими в зал преспокойно вошёл Зербино, в своей старой куртке и помятой шапке. Он один ничем не был удивлён и поглядывал по сторонам так равнодушно, как будто родился во дворце и весь век ходил по бархатным коврам и сидел в золочёных креслах.

Однако, увидев короля, он сразу догадался, что это и есть хозяин дома, и остановился посреди залы.

Сняв шапку и прижимая её обеими руками к груди, он вежливо поклонился. Потом снова надел

шапку на голову, удобно уселся в кресло и для развлечения стал легонько шевелить носком башмака.

Это так понравилось принцессе, что она вне себя от восторга бросилась на шею королю.

— Ах, отец,—закричала она,—надеюсь, вы теперь сами видите, как хорош тот, кого я избрала!

— Вижу, вижу,—пробормотал полузадушенный её объятиями Мушаммель.—Мистигрис, допросите-ка этого человека. Только поосторожнее. Да, нечего сказать, происшествие! Ах, как счастливы были бы отцы, если бы у них не было детей!

— Не беспокойтесь, ваше величество,—ответил Мистигрис.—Моё правило — справедливость и великодушие.—И, обернувшись к Зербино, крикнул:—Встань, мошенник! И, если тебе дорога твоя шкура, отвечай прямо: кто ты такой?.. Молчишь, негодяй? Значит, ты колдун!

Зербино ничего не ответил и только пожал плечами.

— Теперь мне всё ясно!—сказал Мистигрис.—Твоё заpiresательство подтверждает твою вину. Не желая ни в чём признаться, ты выдаёшь себя своим молчанием.

Зербино усмехнулся.

— Ну конечно!—сказал он.—А вот если бы я признался во всех смертных грехах, то это значило бы, что я невинен, как новорождённый ягнёнок.

— Государь!—закричал Мистигрис. (Во гневе он бывал ещё красноречивее, чем всегда.)—Государь, свершите правосудие! Спасите ваше королевство, спасите весь мир от этого чудовища! Нет казни, которой бы не заслужил такой закоренелый преступник!

— Эх его разобрало!—сказал Зербино, покачивая головой.—Ну, словно с цепи сорвался!.. Ладно уж, лай себе сколько твоей душе угодно, только не кусайся.

Мистигрис словно поперхнулся. Глаза у него налились кровью, зубы оскалились.

— Гав, гав!..—залаял он.— Ваше величество!.. Гав, гав, гав, гав!.. Всем известно ваше милосердие и справедливость... Гав, гав, гав!.. Милосердие повелевает вам позаботиться о ваших подданных и избавить их от этого колдуна... Гав, гав, гав!.. Справедливость требует, чтобы его повесили или сожгли... Гав, гав, гав!.. Вы отец... гав, гав!.. но вы и король... гав, гав! А король... гав, гав, гав!.. должен победить отца... гав, гав, гав!..

— Мистигрис,— сказал король,— спокойнее, спокойнее! Вы говорите горячо, но как-то сбивчиво. К чему столько лишних слов и восклицаний! Что вы предлагаете?

— Государь,— ответил министр,— верёвка, огонь, вода — вот что я предлагаю! Гав, гав, гав!..— И он залаял хриплым лаем.

Король вздохнул и пожал плечами. А принцесса Алели решительно встала со своего места и, перейдя через всю залу, села рядом с Зербино.

— Решайте, государь! — сказала она.— Это мой муж. Его судьба будет и моей судьбой.

Все дамы ахнули и в смущении закрылись веерами. Даже Мистигрис счёл нужным покраснеть.

А король схватился за голову и воскликнул:

— Несчастная, ты сама произнесла свой приговор! Эй, стража! Взять этих людей, немедленно обвенчать их в придворной часовне, а потом посадить на первый попавшийся корабль — и пусть плывут, куда гонит ветер. А с меня довольно!..

Стража сейчас же окружила Зербино и принцессу и увела их из залы. А Мистигрис подошёл к королю.

— О мой повелитель! — воскликнул он.— Вы величайший король в мире! Ваша доброта, снисходительность и милосердие будут служить примером и вызывать удивление потомков. Ах, как расскажет об этом завтра «Официальная газета»! Нам же, потрясённым царственным великодушием, остаётся только молчать и восхищаться.

Но король не слушал его.

— Моя бедная девочка,— сказал он, вытирая слёзы,— что станется с нею?.. Эй, стража! Взять господина Мистигриса и посадить на тот же корабль. Для меня будет утешением думать, что этот пройдоха — возле моей дорогой Алели. К тому же смена министра — это всё-таки некоторое развлечение, а мне в моём родительском горе так нужно хоть немного развлечься и рассеяться... Прощайте, старина Мистигрис!

Министр открыл было рот, чтобы проклясть королей и их неблагодарность, но в эту минуту его подхватили под руки, вывели из дворца и силой втолкнули на корабль.

Корабль отчалил.

А добрый король Мушамиель отёр слезу, скатившуюся по носу, и заперся в парламенте на ключ, чтобы никто больше не мог помешать его послеобеденному отдыху.

Х

Ночь была тихая, лунная. Береговой ветер нёс корабль вперёд, и вот уже вдали показался остров Капри, поднимавшийся из волн, точно корзина цветов.

Зербино правил рулём и напевал какую-то песенку — матросскую, может быть, или песню дровосеков.

У его ног сидела принцесса Алели, не сводя глаз со своего возлюбленного. Прошрое она позабыла, о будущем не думала. Ей было всё равно, куда плыть, только бы плыть с Зербино.

Что касается Мистигриса, то ему путешествие вообще не доставляло такого удовольствия, как принцессе Алели. Он метался по палубе, точно медведь в клетке, и кричал:

— Что станется с нами на этой жалкой посудине? Мы пропадём! Мы непременно пропадём! Ах, если бы этот колдун и в самом деле был колдуном!.. Он мог

бы, по крайней мере, сделаться владетельным князем или даже королём, а меня назначить своим первым министром. Я просто чувствую потребность чем-нибудь управлять... Ну, долго ли мы ещё будем болтаться между небом и землёй? Говорите же! И о чём только вы думаете?..

— Я проголодался,— сказал Зербино.

Алели поднялась с места.

— Друг мой,— сказала она,— я пойду поищу чего-нибудь. Скажите мне, чего бы вы хотели.

— Апельсинов и винограда,— ответил Зербино.

И в ту же минуту, опрокинув Мистигриса, прямо у него из-под ног появилась огромная корзина с апельсинами и виноградом.

«Ага,— подумал Мистигрис, поднимаясь на ноги,— теперь-то я узнал твою тайну, бездельник! Оказывается, ты и в самом деле колдун. Ну что ж... Раз всякое твоё желание сбывается, так и мои желания сбудутся. Недаром же я был министром у самого короля Мушамиеля. Я и тебя заставлю желать того, чего захочу я».

Согнувшись в три погибели и сладко улыбаясь, Мистигрис подошёл к Зербино.

— Синьор Зербино,— сказал он,— я прошу высокой чести быть другом вашей светлости. Может быть, ваша светлость не совсем верно поняли то, что я прятал под вынужденной суровостью моих слов. Но, клянусь честью, всё, что я говорил и делал, было сказано и сделано только для того, чтобы ускорить ваш счастливый брак. Смею надеяться, что вы и впредь позволите мне служить вам, чтобы я мог доказать свою глубочайшую преданность вашей светлости. Я ваш раб, приказывайте мне!

— Пододвинь-ка поближе апельсины и виноград,— сказал Зербино. — Я чертовски проголодался!

— Вот они, синьор! — Мистигрис пододвинул корзину с ловкостью придворного лакея, а сам подумал:

«Мужик! Невежа! Он меня просто не слушает. Нет, надо сначала склонить на свою сторону Алели. Это, пожалуй, будет попроще — как-никак она выросла при дворе».

И, растянув губы в улыбке, он снова заговорил:

— Кстати, синьор Зербино, не думаете ли вы, что вам следует сделать своей молодой жене свадебный подарок?

Зербино удивился.

— Свадебный подарок? — переспросил он. — Да откуда же я его возьму? Со дна моря, что ли, выудить?

— А хоть бы и со дна моря. Вам стоит только захотеть...

Зербино пожал плечами.

— Вот чудак! — сказал он. — Ну и отправляйся за этим подарком на морское дно, если уж тебе тут не сидится. А меня оставь в покое.

В ту же минуту Мистигрис, словно подхваченный чьей-то невидимой рукой, перелетел через борт и камнем врезался в воду.

А Зербино вытащил из корзины новую кисть винограда и стал преспокойно её ощипывать. Алели смотрела ему в глаза.

Вдруг вода под бортом забурила и чья-то круглая, покрытая тиной голова мелькнула среди пены.

— Это, наверно, морская свинья, — сказала Алели.

— Нет, сухопутная, — ответил Зербино и, перегнувшись через борт, вытащил за шиворот мокрого и фыркающего, как дельфин, Мистигриса.

И тут принцесса и Зербино увидели странную вещь: в зубах у толстяка сверкал, как звезда ночью, огромный, великолепный алмаз.

Стплёвываясь и кланяясь, Мистигрис сказал:

— Вот подарок, который король рыб преподносит прекрасной Алели... Теперь вы видите, синьор Зербино, что перед вами самый верный, самый покорный

раб? Если когда-нибудь вы захотите сформировать маленькое министерство, доверьте мне...

— Дайте-ка ещё апельсинов и винограда! — перебил его Зербино.

Мистигрис пододвинул к нему корзину.

— Синьор,— сказал он вкрадчиво,— не кажется ли вам, что эта жалкая барка, плывущая по воле ветра и волн, недостойна нести на себе принцессу Алели, самую благородную и прекрасную из всех принцесс!

— Перестаньте, Мистигрис! — сказала Алели.— Мне хорошо и здесь. Я ни о чём не прошу и ни о чём не жалею.

— Однако, госпожа моя,— сказал Мистигрис,— припомните, когда граф Капри предлагал вам свою руку, он послал в Салерно великолепный корабль красного дерева, весь украшенный золотом и слоновой костью. А матросы, одетые в бархат?.. А шёлковые снасти?.. А три зеркальные каюты?.. Вот что приготовил для вас какой-то ничтожный граф. Я уверен, что синьор Зербино не захочет отстать от него — ведь он так могуществен, так добр, так...

— Этот старичок может оглушить своей болтовнёй,— вздохнул Зербино.— Говорит, говорит... Право, я не прочь иметь такой корабль, хотя бы только для того, чтобы заткнуть болтуну глотку. Надеюсь, это бы его успокоило хоть на часок.

Не успел он произнести эти слова, как принцесса Алели вскрикнула: «Посмотрите!» — и схватила его за руку. Дровосек вздрогнул и оглянулся... Что это? Как очутился он на этом великолепном корабле с белоснежными парусами, похожими на лебединые крылья, с шёлковым шатром над палубой и алебастровыми лампами, освещающими каждый уголок?.. Проворные матросы ловко и бесшумно делали своё дело.

Мистигрис оживился. Вот наконец занятие для человека, привыкшего управлять! Он кинулся распоряжаться, подгонять, приказывать...

Но матросы не обращали на него ни малейшего внимания, будто его совсем не было на палубе. Даже самый маленький юнга и тот не нашёл нужным выслушать его и что-нибудь ответить.

Однако Мистигрис не унывал. Он опять вернулся к Зербино и, самодовольно улыбаясь, сказал:

— Надеюсь, ваша светлость довольны моим усердием и стараниями? Поверьте, всё, чего я хочу,— это заслужить вашу благосклонность!

— Замолчи, болтун! — сказал дровосек.— Я хочу спать. Запрещаю тебе говорить до завтрашнего утра.

Мистигрис хотел пожелать ему спокойной ночи и сказать на прощанье что-нибудь любезное, но, к своему великому изумлению, не мог выговорить ни слова. Не зная, как скоротать время до завтрашнего утра, он отправился в одну из зеркальных кают и улёгся спать.

XI

«Всё надоедает, даже счастье», говорит пословица.

Можете себе представить, как надоело Мистигрису плыть неизвестно куда и неизвестно зачем да ещё всё время молчать! Он только и думал о том, как бы заставить Зербино высадиться на сушу.

Однако действовать надо было осторожно. А то, чего доброго, этот мужик вспомнит, кто он такой, и опять возьмётся за топор. Попробуй-ка тогда стать министром у дровосека!

Едва только Мистигрис снова обрёл дар речи, он пошёл разыскивать Зербино.

Дровосек и принцесса сидели на корме и о чём-то беседовали. Мистигрис остановился, прислушался, и волосы стали у него дыбом.

— Мой друг,— говорила Алели,— подумайте, как были бы мы счастливы, если бы поселились где-ни-

будь тут, на берегу, вдали от всех, в маленькой лесной хижине...

— Да...— задумчиво сказал Зербино.— Завести корову, кур... Это было бы неплохо.

Мистигрис почувствовал, что почва уходит у него из-под ног, и решительно выступил вперёд.

— Ах, синьор!..— закричал он.— Посмотрите же! Посмотрите скорее!.. Как это прекрасно!

— Что такое? — спросила принцесса.— Где? Я ничего не вижу.

— А я и того меньше,— сказал Зербино, хлопая глазами.

— Как? Вы не видите этого сверкающего на солнце мраморного дворца? — удивился Мистигрис.— Не видите эту широкую лестницу, спускающуюся к самому морю среди апельсиновых деревьев и роз?

— Дворец? — испугалась Алели.— Я не хочу во дворец! Опять скучные придворные дамы, назойливые лакеи, опять притворство, сплетни, лесть!.. Нет, нет, я не хочу! Уедем отсюда поскорее!

— Это верно,— согласился Зербино.— Чего мы не видели во дворце!

— Такого дворца, синьор, вы не видели никогда!— закричал Мистигрис не своим голосом.— Он не похож ни на один дворец на свете. В нём нет ни придворных, ни лакеев. Там прислуживают невидимки. Там у столов и кресел есть руки, а у стен — уши!

— А языки у них есть? — спросил Зербино.

— Нет... то есть да,— сказал Мистигрис.— Они говорят, когда их спрашивают, и молчат, когда их не спрашивают.

— Значит, они умнее тебя,— сказал дровосек.— Что ж, пожалуй, я бы хотел иметь такой дворец. Только где же он? Я его не вижу.

— Он перед вами, ваша светлость! — сказал с торжеством Мистигрис.

И в самом деле, корабль уже подошёл к берегу, на котором высился сияющий золотом и мрамором

дворец, самый светлый и весёлый, какой только можно себе представить.

Зербино, принцесса Алели и Мистигрис сошли с корабля и стали подниматься по широкой белой лестнице, среди магнолий и роз.

Мистигрис шёл впереди, отдуваясь на каждой ступеньке.

Подойдя к решётчатым дворцовым воротам, он хотел позвонить, но звонка нигде не оказалось.

— Эй, кто там!..— закричал Мистигрис и стал стучать и трясти решётку изо всех сил.

— Что тебе надо, чужеземец? — металлическим голосом спросила решётка.

— Я хотел бы видеть владельца этого дворца,— сказал Мистигрис с некоторой робостью. (Дело в том, что ему ещё никогда не приходилось разговаривать с кованым железом.)

— Этот дворец принадлежит синьору Зербино,— ответили ворота.— Когда он подойдёт, мы откроемся. Не стучите понапрасну и не трясите нас.

В эту минуту к воротам подошёл Зербино под руку с прекрасной Алели.

Ворота почтительно распахнулись и пропустили их обоих, а заодно и Мистигриса, который семенил сзади.

Они вышли на террасу и невольно остановились, глядя на бесконечное море, сверкающее в лучах утреннего солнца.

— Как хорошо! — сказала Алели.— Не хочется уходить отсюда.

— Да, славно,— ответил Зербино, опускаясь на каменные плиты.— Давайте-ка посидим здесь немного.

Но Мистигрис был вовсе не охотник сидеть на каменном полу.

— Разве тут нет кресел? — спросил он.

— Мы здесь, мы здесь! — закричали дружно чьи-то бархатные голоса, и три мягких кресла вбежали

на террасу со всех четырёх ног — так быстро, как только позволяли их коротенькие выгнутые ножки.

Мистигрис плотно уселся в одно из кресел.

— А не хотите ли вы теперь позавтракать, синьор Зербино? — спросил он.

— Хочу, — сказал Зербино. — Только где же у них тут стол? Вы не видите?

— Здесь, здесь! — ответил густой, низкий голос, и великолепный стол красного дерева степенно и неторопливо подошёл и стал перед ними.

— Это восхитительно! — сказала принцесса. — Но где же кушанья?

— Мы здесь, мы здесь, мы здесь! — закричали наперебой голоса — звонкие, как серебро, и чистые, как хрусталь.

И целый полк блюд, тарелок и тарелочек, ножей, вилок, графинов, стаканов, солонок и соусников в один миг выстроился на столе.

Такого завтрака не подавали даже во дворце у короля Мушамиеля.

— Ну, ваша светлость, — сказал Мистигрис, — довольны ли вы теперь вашим покорным слугой? Не могу скрывать от вас, что всё это — дело моих рук.

— Ты лжёшь! — прогремел у него над головой чей-то голос.

Мистигрис обернулся, но нигде никого не было. Это заговорила колонна, поддерживающая свод галереи.

— Надо быть каменным, как столб, чтобы не оценить чистоты моих намерений, — сказал Мистигрис, с упрёком глядя на колонну. — Никто не может заподозрить меня в неискренности. Я всегда говорил и говорю правду...

— Ты лжёшь! — загремело со всех сторон.

«Что за гнусное место! — подумал Мистигрис. — Если даже стены говорят тут правду, то в этих стенах никогда нельзя будет устроить королевский дворец.

И, стало быть, я никогда не буду тут министром двора. Нет, всё это надо переделать!..»

— Синьор Зербино,— начал он опять,— вместо того чтобы жить в полном одиночестве и беседовать только со стульями, лестницами и воротами, не лучше ли вам милостиво править каким-нибудь добрым народом, который платил бы вам небольшие подати, содержал маленькую армию и окружал вас любовью и преданностью?

— Одним словом, сделаться королём? — спросил Зербино.— Это чего же ради?

— Мой друг, не слушайте его! — сказала Али.— Останемся здесь вдвоём. Нам будет так хорошо!

— Втроём,— поправил Мистигрис.— Для меня такое счастье быть подле вас! Больше я ничего не желаю.

— Ты лжёшь! — опять загудело наверху.

— Да что же это?.. Синьор, никто не смеет сомневаться в моей преданности!

— Лжёшь! Лжёшь!..— загудело во всех углах.

— Синьор Зербино, не слушайте их! — закричал Мистигрис в тревоге.— Я вас уважаю. Я вас обожаю! Клянусь вам...

— Лжёшь! — закричали на все голоса стены, колонны и ступеньки.

— Лжёшь! — зазвенели тарелки и стаканы.

— Лжёшь! — заскрипели стол и кресла и даже затопали ногами.

— Ну, если ты всё время лжёшь,— сказал Зербино,— так убирайся на луну. Недаром же люди врут, что там страна врунов.

Едва он произнёс эти неосторожные слова, как Мистигрис взлетел на воздух, поплыл, словно мыльный пузырь, и пропал за облаками.

Вернулся ли он когда-нибудь на землю? Неизвестно. Некоторые историки утверждают, что он опять появился при каком-то королевском дворе и даже зани-

мает пост министра, но под другим именем. Достоверно только одно: он никогда не показывается там, где говорят правду.

ХII

Зербино и принцесса Алели остались одни. Взявшись за руки, они пошли осматривать свои владения.

Всё кругом было прекрасно. Справа и слева дворец обнимала роща с говорливыми ручейками. Зелёные дубы, тёмно-красные буки, лиственницы в тонких, нежных иглах и широколистые платаны бросали на землю узорную тень.

Цветущие апельсиновые деревья осыпали траву лёгкими лепестками.

В листве переговаривались, звеня, какие-то весёлые птички.

Зербино смотрел по сторонам. Алели смотрела на Зербино.

— Друг мой, вы довольны? — спросила она.

— А чего мне ещё хотеть? — ответил Зербино. — Вот завтра возьмусь за работу. Тут славные деревья, можно будет нарубить больше сотни вязанок.

— Ах, — вздохнула Алели, — вы меня не любите!

— То есть как это — не люблю? — удивился Зербино. — Я вам не желаю никакого зла. Даже наоборот... Вот хотите? Этот дворец будет ваш. Напишите вашему отцу, позовите его в гости, если это доставит вам удовольствие. А мне всё равно. Вы уж не взыщите, если я вас чем-нибудь обидел... Я ведь дровосек... Дровосеком родился, дровосеком и умру! Да вы не плачьте! Чего ж тут плакать?..

Алели залилась слезами.

— Ах, Зербино! — воскликнула она. — Чем я провинилась, что вы так жестоки со мной? Верно, я очень дурна и зла, если вы совсем, совсем не хотите меня любить!

— Ещё чего выдумаете! — Зербино развёл руками. — Я своё место знаю. Да полно вам плакать, это ни к чему не поведёт. И далась же вам эта любовь! Ну вот, опять слёзы!.. Да хорошо, хорошо, если уж вам так хочется, я тоже хочу любить вас!

И вдруг Зербино схватился за сердце, кровь отлила от его щёк, он посмотрел на Алели глазами, полными слёз, и прошептал прерывающимся голосом:

— Я люблю вас, Алели! Я люблю вас!

Не веря своим ушам, Алели взглянула на него и поняла, что и это желание Зербино исполнилось, как и все другие.

Что сказать в заключение?

Говорят, что король Мушаммель, узнав, где находится принцесса Алели, приезжал навестить дочь и зятя, но провёл с ними всего один день, так как опасался, что радость свидания может повредить его здоровью.

А Зербино и Алели счастливо прожили до ста лет (а может быть, и дольше) в прекрасном замке, который подарила им фея вод.

И если вы тоже хотите быть счастливыми, знайте: прежде всего надо научиться желать.

То, чего вы сильно хотите, непременно сбудется.

Пальчик

(Финская сказка)

I

ил когда-то на свете крестьянин. У него было три сына: Пьер, Поль и Жан.

Пьер был толстый, румяный, ленивый и глупый.

Поль — тощий, жёлтый, завистливый и злой.

Жан — маленький, шустрый, весёлый и смелый.

Старшие братья в насмешку называли его Пальчиком и уверяли, что он может спрятаться в отцовском сапоге.

У крестьянина только и было добра, что три сына. В кладовой у него валялись пустые мешки, а в погребе стояли пустые бочки. Поэтому даже тень медной монетки считалась у них в доме богатством.

Рожь была дорогá, жизнь тяжела. И вот, как только сыновья подросли, отец стал уговаривать их пойти побродить по свету, поискать счастья.

— Не так-то легко жить у чужих людей и гнуть спину из-за куска хлеба,— говорил он,— а всё лучше, чем помирать дома с голоду.

Братья подумали, подумали и решили, что оно и вправду лучше.

А неподалёку от тех мест, где они жили, стоял королевский дворец.

Такого великолепного дворца не было, пожалуй, на всём свете. Хоть он и был деревянный, но зато с двадцатью резными балкончиками, а окон в нём была целая дюжина — шесть вверху, шесть внизу, и все со стёклами.

Но вот неожиданно-негаданно за одну ночь прямо перед окнами дворца вырос огромный дуб, да такой ветвистый, что в королевских покоях сразу стало темно.

Король приказал немедленно срубить дуб. Но как ни старались придворные дровосеки, у них ничего не получалось. Самые острые топоры тупились после первого же удара. А если кому-нибудь и удавалось срубить хоть одну ветку, вместо неё в тот же миг вырастали две, да притом вдвое толще срубленной.

Король обещал мешок золота тому, кто избавит его от этого неприятного соседства.

Однако и королевское обещание не помогло. Хочешь не хочешь, а пришлось королю сидеть среди бела дня при свечах.

Но это бы ещё полбеды. Гораздо хуже было то, что колодец королевского замка неизвестно почему вдруг высох до самого дна.

Королю, принцессе и придворным приходилось пить мёд и умываться пивом. Вот до чего дожили! И это в стране, где чуть ли не из-под каждого камня текут ручьи.

Король был в отчаянии. Он обещал наградить поместьями, деньгами и титулом маркиза всякого, кто выкопает во дворе замка колодец такой глубины, чтобы воды из него можно было брать сколько угодно и когда только понадобится.

Охотников до денег, поместий и титулов нашлось немало. Но заработать эту награду оказалось не так-то легко. Где бы ни начинали рыть, лопаты всюду натывались на твёрдый камень.

— Ваше величество,— сказали министры,— вырыть колодец так же невозможно, как срубить дуб.

— Ну что ж,— сказал король,— раз это невозможно, значит, это должно быть сделано.

Хоть королевство его, по правде говоря, было совсем захудалое, упрям он был ничуть не меньше китайского императора.

И вот король приказал вывесить на воротах указ, скреплённый большой королевской печатью.

В указе чёрным по белому было написано: его королевское величество обещает тому, кто срубит дуб и выроет колодец, руку принцессы, своей единственной дочери, да ещё полкоролевства в придачу.

Принцесса была прекрасна, как день, половина королевства тоже чего-нибудь да стоила — поэтому не мудрено, что всякий, что умел держать в руках топор или заступ, захотел попытать счастья.

Не успели слуги вывесить королевский указ, как со всех концов двинулись ко дворцу толпы здоровых молодцов с топорами, пилами, заступами и кирками на плечах.

Они принялись пилить и рубить, копать и долбить, но всё было напрасно: дуб становился твёрже, а гранит не делался мягче.

II

События во дворце взбудоражили весь народ. В городах и деревнях только и разговору было, что о королевском указе.

И вот Пьер, Поль и Жан решили тоже отправиться во дворец, благо дворцовые ворота открывались для всех, кто приходил с топором и заступом.

Не то чтобы братья надеялись жениться на принцессе или получить половину королевства, но — кто знает! — может быть, при дворе найдётся и для них подходящая работа и кусок хлеба. Это всё, чего они хотели.

Дорога была не такая уж длинная и трудная, но не успели братья отойти от дома и ста шагов, как старший из них, Пьер, стал жаловаться, что устал и поранил ноги острыми камнями, а средний брат, Поль, принялся проклинать свою судьбу, а заодно — отца, мать и обоих братьев.

Только меньшой брат, Пальчик, был доволен путешествием и весело шагал, поглядывая по сторонам.

Птицы, пчёлы, кузнечики, травы, камни — ничто не ускользало от его быстрых глаз.

Всё надо было ему знать: в какие цветы любят забираться пчёлы? Почему ласточки летают так низко над рекой? Почему бабочки порхают зигзагами? Но стоило ему заговорить об этом с братьями, как Пьер поднимал его на смех, а Поль обрывал на полуслове, называя пустомелей и дурачком.

По дороге им надо было обойти гору, поросшую от подножия до вершины дремучим лесом.

Откуда-то сверху доносился мерный стук топора и треск ломающихся ветвей.

— Кому это вздумалось на такой высоте рубить лес? — сказал Пальчик. — Право, меня это очень удивляет.

— А меня очень удивило бы, если бы тебя что-нибудь не удивило, — со злостью сказал тощий Поль. — Для дурака всё диво.

Толстый Пьер потрепал младшего брата по щеке и добродушно сказал:

— Эх ты, глупенький! Ну кто же станет стучать в лесу топором? Ясно, что дровосек.

— А всё-таки я пойду посмотреть, кто это, — сказал Пальчик.

— Что ж, ступай, ступай! — сказал Поль. — Желаю тебе сломать шею. Это будет для тебя наука: в другой раз не захочешь знать больше, чем твои старшие братья.

Пальчик не стал спорить и полез вверх, цепляясь за ветки, перескакивая с камня на камень и всё время прислушиваясь к стуку топора, чтобы не сбиться с пути.

Как вы думаете, что увидел он, добравшись до вершины горы? Топор. Да, да, топор, который сам по себе, для собственного удовольствия и без всякой посторонней помощи, рубил огромную сосну.

— Здравствуй, топор,— сказал Пальчик.— Неужели тебе не скучно рубить в одиночку это большое, старое дерево?

— На то я и топор, чтобы рубить! — ответил топор.— Рублю и поджидаю хозяина.

— Отлично! — сказал Пальчик.— Я тут.

Он преспокойно взял топор, положил в свой кожаный мешок и весело спустился к братьям.

— Ну, любознателька, какое чудо ты видел наверху? Что там стучало? — спросил его Поль, криво усмехаясь.

— Это и в самом деле стучал топор,— ответил Пальчик.

— Ну, я же говорил тебе! — сказал Пьер, похлопав его по спине.— Было из-за чего взбираться на такую кручу!

Пальчик ничего не ответил, и они пошли дальше.

Дорога становилась всё труднее. Скоро они оказались в узком скалистом ущелье. Пробираясь по заваленной камнями тропинке, они слышали где-то вдалеке гулкие удары, как будто кто-то бил железом по гранитной скале.

— Что это? — сказал Пальчик.— Неужели там наверху каменоломня?

— Нет, это дятел долбит носом дерево! — сказал Пьер насмешливо.— Право, можно подумать, что этот мальчишка только вчера вылупился из яйца!

Пальчик покачал головой:

— Никогда не слышал, чтобы дятел стучал так громко! Надо пойти поглядеть.

— Дурачок,— сказал Пьер,— не понимает шуток! Разве ты сам не слышишь, что это работают киркой?

— А всё-таки я пойду посмотрю,— сказал Пальчик и на четвереньках полез вверх по крутому утёсу.

Как вы думаете, что он увидел, добравшись до вершины? Кирку! Кирку, которая сама по себе, для собственного удовольствия и без всякой посторонней

помощи, долбила камень. Твёрдый гранит поддавался, словно это был не гранит, а мягкая земля, и с каждым ударом кирка уходила в глубь скалы до самой рукоятки.

— Здравствуй, кирка! — сказал Пальчик. — Неужели тебе не скучно долбить в одиночку этот огромный гранитный утёс?

— На то я и кирка, чтобы долбить, — ответила кирка. — Долблю и поджидаю хозяина.

— Отлично, — сказал Пальчик. — Я тут.

Он преспокойно взял кирку, снял с рукоятки и, положив то и другое в свой кожаный мешок, весело спустился к братьям.

— Ну, какое ещё чудо видела ваша милость наверху? — усмехаясь, спросил Поль.

— Вы и на этот раз были правы: это стучала кирка, — сказал Пальчик и, не прибавив больше ни слова, пошёл вслед за братьями.

Скоро они подошли к прозрачному и чистому ручью. Всем троим очень хотелось пить, и, низко наклонившись, они принялись черпать студёную воду полными пригоршнями.

— Какая вкусная холодная вода! — сказал Пальчик. — Хотел бы я знать, откуда вытекает этот ручей.

— Нашёл о чём спрашивать! — пробурчал Поль, едва не захлебнувшись от злости. — Ручей как ручей! И вытекает он, как и все ручьи на свете, из земли.

— Может быть, — сказал Пальчик. — А всё-таки я пойду посмотрю, где он начинается.

— Можешь лезть хоть на небо, к самому господу богу! — закричал Поль.

А Пьер грустно добавил:

— Какой глупый ребёнок! Ума не приложу, в кого он такой.

И братья зашагали по дороге, а Пальчик бегом побежал в другую сторону, вверх по течению ручья.

Ручей становился всё уже и уже и наконец превратился в тоненькую серебристую ниточку.

И что же, вы думаете, увидел Пальчик, когда добрался до самого начала ручья?

Ореховую скорлупку, из которой, играя на солнце всеми цветами радуги, выбивалась струйка прозрачной воды.

— Здравствуй, скорлупка! — сказал Пальчик. — Неужели тебе не скучно лежать в этой глуши совсем одной?

— Конечно, скучно, да что ж поделаешь, — ответила скорлупка. — Вот уж сколько лет я лежу здесь и поджидаю хозяина.

— Отлично, — сказал Пальчик. — Я тут. — И он преспокойно поднял ореховую скорлупку, заткнул её мхом, чтобы не вытекала вода, и положил в свой кожаный мешок.

После этого он побежал догонять братьев.

— Ну, что, — закричал Поль, завидев его издали, — узнал теперь, откуда ручей течёт?

— Узнал, — ответил Пальчик. — Он вытекает из ореховой скорлупки.

— Этого дурака не переделаешь! — проворчал Поль и махнул рукой.

— Видно, такой уж он уродился... — вздохнув, добавил Пьер.

Пальчик ничего не ответил и весело зашагал вслед за братьями.

«Я увидел то, что хотел увидеть, — думал он, — и узнал то, что хотел узнать. А больше мне ничего и не надо».

III

Наконец братья дошли до королевского дворца.

На воротах они увидели большое объявление о том, что король обещает руку принцессы и полкоролевства человеку любого рода и звания — будь то дворянин, горожанин или даже простой крестьянин, —

если только он исполнит два желания его величества: срубит дуб и выкопает колодец.

Но так как охотников оказалось очень много, а после каждого неудачного удара топора и взмаха кирки дуб разрастался всё шире и гранит становился всё твёрже, то под большим объявлением король приказал повесить маленькое, написанное красными буквами.

Вот что было сказано в этом объявлении:

«Да будет известно всем, что его величество король в своей неисчерпаемой милости повелел отсека́ть правое ухо всякому — будь то крестьянин, горожанин или даже знатный дворянин,— кто вызовется срубить дуб и вырыть колодец, но не сделает ни того, ни другого.

Его величество надеется, что это маленькое наказание послужит к исправлению нравов и отучит дерзких братья не за своё дело».

Для большей убедительности вокруг объявления было прибито десятка два отрезанных ушей с указанием имени и звания их бывших владельцев.

Прочтя это объявление, Пьер засмеялся, закрутил усы, поглядел на свои огромные жилистые руки, потом повертел топор над головой и одним махом срубил самую толстую ветку заколдованного дерева.

И сейчас же вместо неё выросли две ветки, каждая вдвое больше и толще срубленной.

Королевская стража схватила несчастного и тут же на месте отрубила ему правое ухо.

— Эх ты, простофиля! — сказал Поль. — Разве так надо братья за дело?

Он медленно обошёл вокруг дерева, высмотрел узловатый корень, вылезший из земли, несколько раз примерился, а потом с одного удара перерубил корень пополам.

И в то же мгновение два огромных новых корня вырвались из-под земли, и каждый из них дал по креп-

кому молодому побегу, сразу же покрывшемуся листьями.

— Схватить этого негодяя! — закричал в бешенстве король. — Он заслуживает того, чтобы ему отрубили оба уха.

Сказано — сделано. Поль не успел и за ухом почесать, как у него уже не было ушей — ни правого, ни левого.

Тут выступил вперёд Пальчик и сказал, что тоже хочет попытать счастья.

— Гоните прочь этого недомерка! — закричал король. — А если ему так уж хочется избавиться от своих ушей, отрубите их сейчас же, и пусть он убирается на все четыре стороны.

— Простите, ваше величество, — сказал Пальчик, — король должен быть верен своему слову. Я тоже хочу испытать свои силы, а уши отрубить вы мне всегда успеете.

— Ладно, попробуй! — вздохнув, сказал король. — Но берегись, как бы я не приказал в придачу к ушам отрезать тебе и нос!

Однако и эта угроза не испугала Пальчика. Он достал из своего кожаного мешка топор, не без труда насадил его на топорище, которое было чуть ли не больше самого Пальчика, и звонко крикнул:

— Руби, топор!

И топор принялся за дело. Он рубил, колол, крошил, рассекал. Щепки так и летели во все стороны — направо, налево, вверх и вниз... Не прошло и четверти часа, как от дуба осталась только куча дров. Дров было так много, так много, что ими потом целый год топили дворцовые печи.

Когда дерево было срублено и расколото, Пальчик подошёл к балкону, на котором сидели король и принцесса, и, низко поклонившись, сказал:

— Довольны ли вы своим покорным слугой, ваше величество?

— Не совсем,— ответил король, хотя на самом деле он не мог прийти в себя от изумления и радости.— Мне нужен ещё колодец. Если у меня не будет колодца, у тебя не будет ушей.

— Соболаговолите указать место, которое вам нравится,— сказал Пальчик,— и я попытаюсь ещё раз доставить удовольствие вашему величеству.

Король с принцессой и придворными спустился во двор. Королёк подали бархатное кресло, а принцесса уселась на золочёной скамеечке у его ног. С тревогой и любопытством поглядывала она на этого маленького человека, который добивался высокой чести стать её мужем.

— Ну, принимайся за дело! — сказал король и указал место, где уже многие безуспешно пытались вырыть колодец.

Нимало не смущаясь, Пальчик вытащил из кожаного мешка кирку, насадил её на рукоятку и звонко крикнул:

— Долби, кирка!

И кирка принялась долбить и дробить камень так, что осколки гранита брызгами полетели вверх.

Не прошло и четверти часа, как посреди двора, в гранитной скале, был выдолблен глубокий-преглубокий колодец.

— Ваше величество,— спросил Пальчик, кланяясь королю,— достаточно ли глубок этот колодец?

— Глубок-то он глубок,— сказал король,— но в нём нет воды.

— Потерпите ещё одну минуту, ваше величество, и вода будет,— сказал Пальчик.

Он достал из своего мешка волшебную скорлупку и осторожно положил её на край колодца. Потом вытащил из скорлупки кусочек мха, которым она была заткнута, и звонко крикнул:

— Бей ключом!

И сразу же из скорлупки, звеня и рассыпаясь дождём, высокой струёй забил фонтан. В воздухе стало

так свежо, что король, принцесса и все придворные даже продрогли.

А фонтан бил без устали. Не прошло и четверти часа, как вода наполнила колодец, а потом перелилась даже через край.

Пришлось спешно рыть канавы, чтобы спастись от наводнения.

— Ну, теперь вы довольны мной, ваше величество? — спросил Пальчик. — Я сделал всё, что обещал. Надеюсь, и вы исполните свои обещания.

— Да, маркиз Пальчик, — ответил король, — я готов уступить тебе половину моего королевства. Если же ты не охотник носить корону (кстати, должен тебя предупредить, что это дело довольно хлопотливое), можешь получить стоимость короны деньгами. Выбирай сам. Что же касается женитьбы на принцессе, то здесь мало одного моего согласия. Попытайся понравиться ей самой.

— Что же нужно для этого сделать? — спросил Пальчик, подбоченившись и поглядывая на принцессу.

— Ты узнаешь об этом завтра, — ответил король. — А пока ты мой гость. Тебе отведут лучшую комнату в замке.

Король удалился вместе с принцессой и придворными. А Пальчик с братьями остался во дворе замка.

— Ну, дорогие мои, — сказал Пальчик, — теперь вы видите, что я недаром сделал в пути несколько лишних миль!

— Тебе просто повезло, — сухо ответил Поль. — Недаром же говорится: «Дуракам — счастье».

— Ты молодец, малыш! — добродушно сказал Пьер. — Даю второе ухо на отсечение, что ты далеко пойдёшь.

В это время из дворца вышел камергер и пригласил маркиза Пальчика в его покои. Пальчик позвал с собой обоих братьев. И так как считалось, что он в

большой милости у короля, то камергер обещал завтра же найти для Пьера и Поля подходящее занятие при дворе.

IV

В эту ночь король не мог уснуть. Такой зять, как Пальчик, был ему совсем не по вкусу. Его величество ломал голову, раздумывая о том, как бы это сдержать слово и в то же время не сдержать его.

Король долго ворочался с боку на бок и наконец приказал позвать Пьера и Поля. Ему хотелось узнать всю подноготную своего непростого зятя, а кто же лучше братьев мог выдать ему недостатки и слабости Пальчика!

Пьер расхвалил младшего брата как только мог. Это не слишком-то понравилось королю. Гораздо больше удовольствия доставил ему Поль.

Поль, не жалея громких слов и нимало не заботясь о правде, доложил его величеству, что Пальчик с детства был бездельником, хвастуном и нахалом и что было бы просто смешно из-за такого пустяка, как честное слово короля, отдавать за него замуж принцессу.

— Этот мальчишка слишком много думает о себе,— сказал Поль.— После своей случайной удачи он, кажется, считает себя сильнее и умнее всех на свете. Здесь в окрестных лесах живёт великан, который наводит страх на всю округу. Говорят, что к обеду он съедает чуть ли не целого быка в один присест. Так вот, я собственными ушами слышал (тут Поль немного замаялся и хотел было почесать за ухом, но вовремя вспомнил, что у него нет ушей)... собственными ушами слышал, будто наш новоиспечённый маркиз хвалится, что, стоит ему только захотеть, и он заставит этого великана чистить себе сапоги.

— Посмотрим,— сказал король.

После этого он отпустил братьев и спокойно уснул.

На следующее утро его величество приказал позвать Пальчика. Он принял его в присутствии всего двора.

— Мой дорогой будущий зять,— сказал король, делая ударение на предпоследнем слове,— я слышал, что в наших местах живёт великан. Говорят, что он выше самой высокой сосны и может съесть за обедом целого быка. Так вот, я полагаю, что в ливрее с золотыми нашивками, в треуголке с плюмажем и с алебардой в руках этот великан был бы достоин стоять на страже у дверей нашего замка. Моя дочь просит вас сделать ей этот маленький подарок, а после этого она готова подарить вам свою руку и сердце.

— Это нелёгкая задача,— сказал Пальчик,— но, чтобы понравиться её высочеству, я попробую.

Он положил в свой кожаный мешок волшебный топор, волшебную скорлупку, круг сыра и каравай хлеба, вскинул мешок за спину и отправился в лес.

Пьер утирал слёзы, а Поль ухмылялся. Он думал, что Пальчик уже не вернётся, и был очень доволен.

А Пальчик тем временем шагал по лесу, поглядывая то направо, то налево. Но нигде не было и следа великана.

Так бродил он целую неделю и наконец зашёл в такую чащу, где, наверно, никогда не ступала человеческая нога.

Тут он остановился и закричал во весь голос:

Эй, чудовище лесное,
На тебя иду войною!
Выходи на смертный бой —
Я разделаюсь с тобой!..

— Со мной?..— загремел в вершинах сосен страшный голос.— А вот погоди, я тебя сейчас раздавлю, как мышку.

— Ну, ну, не хвастай раньше времени! — сказал Пальчик.

Великан что-то зарычал в ответ, и Пальчик услышал, как затрещали, сгибаясь, деревья и захрустели сломанные ветки.

Великан, тяжело топая, бежал по лесу. Он остановился возле Пальчика и стал озиаться по сторонам, стараясь разглядеть среди деревьев своего противника.

Но никого не было видно.

Наконец, случайно поглядев себе под ноги, он заметил маленького человечка, спокойно сидящего на стволе поваленного дерева.

— Так это ты, муравей, посмел разбудить меня?— заревел великан и так топнул ногой, что земля вздрогнула.

— Да, дружок, это я,— ответил Пальчик.— Мне нужен усердный и послушный слуга, и я решил взять тебя на эту должность.

— Ну и потеха!..— сказал великан.— А вот я сейчас закину тебя на дерево, в это воронье гнездо,— тогда будешь знать, как шататься по моему лесу!

— По твоему лесу?— удивился Пальчик.— Он такой же твой, как и мой. А если ты посмеешь мне сказать ещё хоть одно грубое слово, я в четверть часа вырублю весь этот лес до последнего дерева.

— Фу-ты, напугал!..— засмеялся великан.— Хотел бы я посмотреть, как ты это сделаешь.

— Сейчас увидишь,— сказал Пальчик. Он достал из своего мешка волшебный топор и тихонько сказал: — Руби, топор!

И топор начал рубить, ломать, колоть, крошить... Огромные стволы валялись прямо на великана. Ветки дождём сыпались ему на голову...

— Довольно, довольно!— в страхе закричал великан.— Ты погубишь весь мой лес. Кто ты такой?

— Я могущественный волшебник Пальчик. Стоит мне только сказать слово, и мой топор снесёт тебе голову. Ты ещё узнаешь, с кем имеешь дело!.. А ну-ка, веди меня к себе в дом!

Великан так удивился, что не стал спорить и повёл Пальчика прямо к своему жилью.

По дороге Пальчик проголодался. Он достал из своего мешка каравай хлеба, круг сыра и принялся уплетать за обе щеки.

— Что это ты ешь — такое белое и такое чёрное? — спросил великан, который никогда не видел ни хлеба, ни сыра.

— Камни, — ответил Пальчик и откусил большой кусок сыра.

— Ты ешь камни?

— Да, я их очень люблю. Потому-то я и такой сильный, что ем камни. Да ты сам попробуй — вон там лежит славный камешек! Увидишь, как это вкусно.

Великан, который был так же глуп, как и высок, поднял большую каменную глыбу и принялся грызть.

Но, должно быть, угощение пришлось ему не по вкусу. Он сломал два зуба и отшвырнул камень в сторону.

— Эх, ты! — сказал Пальчик, дожёвывая горбушку. — А ещё великан!

Наконец они подошли к хижине великана. Эта хижина была выше самого высокого дворца и чуть ниже самой высокой горы.

— Слушай, — сказал Пальчик великану, усаживаясь возле очага, в котором с треском пылало несколько сосен, переломленных пополам, — давай уговоримся: один из нас двоих будет хозяином, а другой — слугою. Если я не смогу сделать того, что сделаешь ты, я буду твоим слугой, а ты — моим хозяином. Если же ты не сможешь сделать того, что сделаю я, — я буду твоим хозяином, а ты — моим слугой.

— Идёт! — сказал великан. — Я не прочь иметь слугою такого пройдоху, как ты. Ты будешь за меня думать, а то я ужасно устаю, когда мне приходится ворочать мозгами. Ну, давай начнём наше состязание. Для первого раза сходи-ка на реку, принеси воды, будем варить обед. Вон там, в углу, стоят вёдра.

Чтобы посмотреть на вёдра, Пальчику пришлось задрать голову. Они были в два человеческих роста вышиной и в три обхвата шириной. Пальчику было бы легче утонуть в них, чем сдвинуть с места.

— Ага,— сказал великан, скаля уцелевшие зубы,— испугался, сынок? Ещё бы — где тебе справиться с моими ведёрками! А ведь я каждый день хожу с ними на реку, и даже не хожу, а бегаю.

— Ну и бегай себе на здоровье! — сказал Пальчик.— А что до меня, так я лучше реку заставлю прибежать сюда.

Он украдкой вытащил из мешка свою волшебную скорлупку и сказал шёпотом:

— Бей ключом!

И в ту же минуту кипучая струя с шумом вырвалась из скорлупки, и вода, весело журча, растеклась по всей хижине.

— Не надо, не надо!..— закричал великан в ужасе.— Не зови сюда реку! Уж лучше я сам схожу за водой.

Он подхватил свои огромные вёдра и, перешагнув через лужу, побежал на реку.

Вернувшись в хижину, великан подвесил над очагом чугунный котёл, выплеснул в него воду из одного ведра, бросил тушу только что освежёванного быка, пятьдесят кочанов капусты и целый воз моркови.

Пока суп варился, великан несколько раз пробовал его и снимал пену огромным решетом.

— Ну, готово,— сказал он наконец.— Садись за стол. Посмотрим, сможешь ли ты угнаться за мной в еде. Я так проголодался, что готов съесть этого быка целиком, да и тебя в придачу. Знаешь, бывают такие пряничные человечки? Их едят на сладкое.

— Ладно, ладно,— ответил Пальчик,— ещё посмотрим, кто кого съест.

Он уселся за стол и, пока великан снимал котёл с огня, незаметно подsunул себе под куртку свой большой кожаный мешок.

И вот оба принялись за еду.

Великан отправлял себе в рот кусок за куском, а Пальчик не отставал от него, отправляя кусок за куском в свой мешок.

— Уф,— сказал великан, обсасывая кость,— славно! Теперь пора расстегнуть одну пуговку на жилетке...

— Как! Уже? — спросил Пальчик и опустил в мешок полкочана капусты.— Ты, я вижу, плохой едок.

Великан ничего не ответил. Он заложил за щеку чуть ли не целый окорок и стал его жевать вместе с костью, так что хруст пошёл по всей хижине.

— Уф,— сказал он, проглотив последний кусок,— придётся расстегнуть вторую пуговицу, а то жилетка лопнет.

— Нет, ты мне не товарищ! — сказал Пальчик и сунул в мешок огромный кусок говядины.— Только сели за стол, а ты уже вторую пуговицу расстёгиваешь.

Великан тяжело вздохнул и вытащил из котла три кочана капусты.

Он без передышки проглотил их один за другим и отвалился от стола.

— Уф!..— простонал он.— Надо расстегнуть третью пуговку, а не то я и сам сейчас лопну.

— Эх ты, неженка! — сказал Пальчик.— Ну, давай съедим ещё по кусочку!

— Места нет,— прохрипел великан.— Я по самое горло сыт.

Пальчик засмеялся:

— Ну и что ж из этого! Распори ножом брюхо, а потом зашей его и снова набивай. Вот, смотри!..

И он с размаху распорол свой кожаный мешок сверху донизу.

— Теперь мы можем начинать обед сначала. Берика нож, пори себе брюхо!

— Нет уж, слуга покорный,— сказал великан, отмахиваясь от него обеими руками.

— А если ты мой покорный слуга, так забирай своё добро и неси меня к королю.

Великан послушно посадил своего маленького повелителя к себе на плечо, на другое взвалил мешок золота и зашагал через лес к замку короля.

V

В замке был праздник. Все танцевали и веселились, о Пальчике никто больше не думал. Прошло уже восемь дней с тех пор, как он ушёл. Кто же мог сомневаться в том, что великан его съел?

И вдруг раздался страшный грохот. Дворец задрожал и зашатался от основания до самой крыши.

Это великан ударом ноги вышиб большие дворцовые ворота, которые были для него слишком низки.

Все бросились к окнам и увидели Пальчика — он преспокойно сидел на плече у страшного великана.

Дамы закричали от ужаса, мужчины схватились за шпаги, а Пальчик как ни в чём не бывало перешагнул с плеча великана прямо на балкон второго этажа и, преклонив перед своей невестой колени, произнёс:

— Принцесса, вы желали иметь одного раба, перед вами — два!

Эту любезную фразу на следующий день напечатали в «Придворной газете», и все кавалеры повторяли её своим дамам, хотя ни у кого из них не было такого слуги, как у Пальчика. Но в ту минуту, когда Пальчик произнёс эти слова, они привели в замешательство весь двор.

Разумеется, больше всех были встревожены принцесса и король.

Его величество отозвал свою дочь в сторону и сказал ей шёпотом:

— Дочь моя, к сожалению, у нас нет больше никаких оснований отказывать этому отважному молодому человеку. Пожертвуй собой для блага государ-

ства. Принцессы редко выбирают женихов по собственному вкусу.

Но принцессу не так-то легко было уговорить. Она сделала глубокий реверанс и сказала:

— Дорогой отец! Принцессы, как и все другие девушки, мечтают выйти замуж за того, кто им понравится. Позвольте же и мне выбрать жениха по сердцу.— И, повернувшись к Пальчику, она сказала: — Маркиз Пальчик, я вижу, что вы смелый юноша и что вам везёт во всех делах, за которые вы берётесь. Но, прежде чем согласиться выйти за вас замуж, я хотела бы знать, так ли вы умны и находчивы, как сильны и отважны. Я предлагаю вам последнее испытание. На этот раз вам не придётся бродить по дремучим лесам и покорять великанов. Вашим противником буду я сама, а вашей наградой, если вы окажетесь победителем, будет моя рука.

В знак согласия Пальчик отвесил низкий поклон, и все отправились в тронный зал. К ужасу придворных, великан уже был там.

Он сидел посреди зала на полу, чуть ли не упираясь головой в потолок. Если бы он вздумал встать на ноги, он пробил бы головой крышу.

Пальчик сделал ему знак. Великан сейчас же подполз к нему на четвереньках и уселся у его ног, готовый в любую минуту защитить своего господина. Это была сила на службе у разума.

— Посмотрим,— сказала принцесса,— кто из нас способен, не сморгнув глазом, выслушать любую ложь и небылицу. Первый, кто не выдержит и скажет: «Это уж слишком!» — будет считаться побеждённым.

— В угоду вашему высочеству я готов вытерпеть всё на свете — не только шутиливую ложь, но и суровую правду,— сказал Пальчик.

— Ну что ж, начнём,— сказала принцесса.— Знаешь ли ты, что за луга в наших поместьях? Если два пастуха на разных концах луга заиграют в ро-

жок, то один не услышит другого. Вот какие у нас поместья!

— Это что! — сказал Пальчик. — Посмотрели бы вы, какой скотный двор у моего отца! Если в одни ворота впустить двухмесячную тёлку, то из других она выйдет уже дойной коровой.

— Что же тут удивительного! — сказала принцесса. — Зато, уж наверное, у вас нет такого большого быка, как у нас. Если два человека сядут к нему на рога и каждый возьмёт палку в десять локтей, то всё равно они не смогут дотянуться друг до друга.

— Это что! — сказал Пальчик. — У нашего быка такая голова, что если на рогах у него усядутся два человека, то им не разглядеть друг друга даже в подзорную трубу.

— Что ж тут удивительного! — сказала принцесса. — Но, уж наверное, ваши коровы не дают столько молока, сколько наши. Одного только сыру — не говоря о масле и сметане — у нас столько, что мы складываем из него каждую неделю гору ничуть не ниже большой египетской пирамиды.

— Это что! — сказал Пальчик. — У нас дома делают такие большие круги сыра, что однажды, когда наша кобыла упала в сыроварный котёл, мы искали её целых шесть дней. А когда мы наконец нашли лошадку, оказалось, что она ударилась о дно и сломала себе спинной хребет. Мы вырубили молодую сосенку и поставили её на место хребта. И что же вы думаете, в одно прекрасное утро сосна пустила росток, а через три дня он поднялся так высоко, что я вскарабкался по его веткам на самое небо. А на небе сидела какая-то старушка и пряла пряжу из морской пены. Мне захотелось узнать, прочная ли это пряжа. Я взялся за ниточку, потянул, вдруг — крак! — нитка оборвалась, и я полетел с неба на землю, да так прямо и угодил в мышиную норку. И знаете, кого я там увидел? Мою покойную бабушку и вашего дедушку — покойного короля. Они сидели и вязали на спицах шерстяные

чулки. И за то, что ваш дедушка спустил петлю, моя бабушка дала ему такую оплеуху, что у него даже усы затряслись...

— Ну, это уж слишком! — возмутилась принцесса. — Никто никогда в нашем роду не вязал чулок и не получал оплеух!

— Она сказала: «Это уж слишком!» — закричал великан. — Ура! Принцесса наша!

— Нет ещё, — упрямо сказала принцесса. — Я хочу загадать маркизу Пальчику три загадки. Скажите, маркиз, что вечно падает и никогда не разбивается?

— Ах, эту загадку я слышал ещё от моей матушки! — сказал Пальчик. — Это водопад.

— А ведь верно! — закричал великан и захлопал в ладоши. — Нет, подумайте, кто бы ещё мог догадаться!

Принцесса покраснела с досады.

— Теперь скажите, — продолжала она, нахмурилась брови, — кто каждый день ходит по одной и той же дороге, но никогда по ней не возвращается?

— Ах, эту загадку я слышал ещё от моей бабушки! — сказал Пальчик. — Это солнце.

— Он знает всё на свете! — закричал великан и хлопнул себя по колену.

— Предположим, — сказала принцесса, бледнея от гнева. — Остаётся одна, последняя загадка. Отгадайте: что я думаю, а вы не думаете? Что вы думаете, а я не думаю? Что думаем мы оба? И чего не думаем ни вы, ни я.

Пальчик нахмурился и замолчал.

— Не ломайте понапрасну голову, мой повелитель, — сказал великан. — Я-то хорошо знаю, какое это неприятное занятие — ворочать мозгами! Если задача такая уж трудная, я унесу принцессу — и делу конец! Только мигните мне.

— Силой, мой друг, ничего не сделаешь, — ответил Пальчик. — Кто-кто, а уж ты-то должен это хорошо знать. Помолчи и не мешай мне думать.

Великан замолчал, а Пальчик стал думать. Чем больше он думал, тем веселее становилась принцесса и тем печальнее делался великан.

Но вот Пальчик усмехнулся, поклонился принцессе и заговорил:

— Вы думаете, ваше высочество, что я ни за что не придумаю отгадки к вашей загадке, а я этого не думаю. Я думаю, что вы, ваше высочество, по доброте души, думаете, будто я не так уж недостоин вашей благосклонности, а вы думаете, что я этого не думаю. Оба мы думаем, что на свете немало людей поглупее нас с вами. И, наконец, ни вы, ни я не думаем, что высокий рост моего бедного великана и высокий пост вашего высокочтимого отца являются свидетельством...

— Довольно! — сказала принцесса. — Вот вам моя рука.

— Но что же вы всё-таки думаете обо мне? — воскликнул король. — Или, вернее, не думаете?

— Мы думаем, дорогой отец, что среди королей вы самый мудрый, — и больше мы ничего не думаем.

— Совершенно правильно, — ответил король. — Я и сам это думаю. Маркиз Пальчик, за такие здравые мысли я жалую вам титул герцога.

— Ура! Да здравствует герцог Пальчик! Да здравствует мой повелитель! — закричал великан так громко, что можно было подумать, будто во дворце грянул гром.

К счастью, всё обошлось благополучно, если не считать трёх обмороков и двадцати разбитых стёкол.

VI

О свадьбе принцессы и Пальчика не стоит долго рассказывать. Все свадьбы похожи одна на другую.

Однако правдивый историк не может умолчать о том, что присутствие великана прибавило много блеска этому великолепному торжеству.

При выходе из церкви он поднял карету новобрачных, поставил её вместе с лошадьми себе на голову и так донёс до ворот замка.

Это одно из тех происшествий, которое стоит отметить, потому что их можно увидеть не каждый день.

Вечером в столице было устроено пышное празднество. Пир, речи, свадебные песни, фейерверки, гирлянды и букеты — всего было вдоволь. Словом, было всеобщее ликование.

Во дворце и на городских площадях пели, ели, пили, говорили. Только одному человеку было не до веселья, и он угрюмо сидел, забившись в самый тёмный угол дворца: это был Поль. Он даже радовался, что у него отрезаны уши и от этого он почти не слышит восторженных похвал Пальчику. Он даже был готов сам выколоть себе глаза, чтобы не смотреть на счастливые лица новобрачных. Со злости он в конце концов убежал в лес, и там его съели медведи. От души желаю того же всем, кто завидует чужому счастью.

Теперь остаётся только сказать, что после смерти тестя король Пальчик царствовал целых шестьдесят два года и считался самым мудрым не только среди королей, но и среди людей. А уж о доброте его и говорить нечего! Историки так и прозвали его: Пальчик Добрый.

Но зачем прославлять его доброту? Ведь это свойство всех умных людей. Что бы там ни говорили, а добрых дураков на свете нет. Глупый не бывает добрым, добрый не бывает глупым — поверьте моей многолетней опытности. Если и не все дураки злы (в чём я сильно сомневаюсь), то зато все злые — дураки. В этом и вся мораль моей сказки.

Придумайте лучшую — я найду ей место на этих страницах.

Преданный друг

тарая Водяная Крыса высунула однажды утром голову из своей норы. У неё были блестящие, как бусинки, глаза и жёсткие серые усы, а хвост точь-в-точь длинный шнурок из чёрной резины. Маленькие утята, жёлтые точно канарейки, плавали вдоль и поперёк пруда, а их мать, белая как снег

Утка с ярко-красными лапками, обучала их искусству держаться в воде вниз головой.

— Вас никогда не примут в хорошее общество, если вы не научитесь стоять на голове, — приговари-

вала она и время от времени показывала им, как это делается.

Но утята не обращали на неё никакого внимания. Они были ещё очень маленькие и не могли понять, что хорошего в хорошем обществе.

— Какие непослушные дети! — воскликнула Водяная Крыса. — Право, они стоят того, чтобы их утопили.

— Ничуть не бывало, — возразила Утка. — Во-первых, всякое начало трудно, а во-вторых, родительскому терпению нет предела.

— Ах, я и понятия не имею о родительских чувствах, — сказала Водяная Крыса. — Я человек не семейный. Замужем я никогда не была, да и выходить не собираюсь. Любовь, конечно, вещь очень хорошая в своём роде, но дружба гораздо выше. Право, я не знаю ничего на свете благородней и редкостнее преданной дружбы.

— А в чём, скажите пожалуйста, состоят, по вашему мнению, обязанности преданного друга? — спросила зелёная Коноплянка, сидевшая поблизости на иве и слышавшая весь этот разговор.

— Вот именно! Мне тоже очень хотелось бы это знать, — сказала Утка, а сама отплыла на противоположный конец пруда и там встала вниз головой, чтобы показать добрый пример своим детям.

— Какой глупый вопрос! — воскликнула Водяная Крыса. — Разумеется, я хотела бы, чтобы мой преданный друг прежде всего был предан мне.

— А что бы вы дали ему взамен? — спросила птичка, покачиваясь на серебристой ветке и помахивая своими маленькими крылышками.

— Я вас не понимаю, — удивилась старая Водяная Крыса.

— Позвольте по этому случаю рассказать вам одну коротенькую историю, — сказала Коноплянка.

— Эта история относится ко мне? — спросила Во-

дяная Крыса.— Если да, то я не прочь послушать — я ужасно люблю всякие занимательные истории.

— Мою историю можно применить и к вам,— ответила Коноплянка, и, слетев на берег, она рассказала историю о «Преданном друге».

— Жил-был на белом свете,— начала Коноплянка,— славный, честный паренёк по имени Ганс.

— Это был человек замечательный? — спросила Водяная Крыса.

— Нет,— ответила Коноплянка,— мне кажется, он ничем не был замечателен, кроме разве своего доброго сердца и круглого весёлого лица. Жил он один-одинёшенек в своём маленьком домике и целый день работал у себя в саду. Во всей округе не было такого чудесного сада. Тут росли и гвоздика, и левкой, и даже розы, пунцовые и чайные. Лиловые и золотистые крокусы, фиалки, тёмные и светлые, колокольчики, дикий базилик, ирисы, златоцвет и первинка — всё расцветало в свой черёд. Месяц сменялся месяцем, и цветок сменялся цветком, сияя свежестью лепестков и наполняя воздух благоуханием. Да, нечего сказать, в этом саду было на что посмотреть и что понюхать.

У маленького Ганса было множество друзей, но самым верным, преданным ему другом считал себя большой, толстый мельник. Да, богатый мельник был так предан маленькому Гансу, что всякий раз, когда проходил мимо его сада, перегибался через забор и набирал целый букет цветов или охапку душистых трав. А если уже наступала пора плодов, то он набивал карманы сливами и яблоками.

— У истинных друзей всё должно быть общее,— говорил мельник, а маленький Ганс улыбался и кивал головою. Он очень гордился тем, что у него есть друг с такими благородными взглядами.

Правда, соседи иной раз удивлялись: как это богатому мельнику никогда не приходит в голову отблагодарить чем-нибудь маленького Ганса, ведь у него в амбарах накопилась добрая сотня мешков с мукой,

а на лугу пасётся шесть дойных коров и целое стадо тонкорунных овец. Но маленький Ганс не ломал головы над такими вопросами, и ничто не доставляло ему такого удовольствия, как слушать рассуждения мельника о том, что такое истинная дружба, как она великодушна и самоотверженна.

Итак, маленький Ганс с утра до ночи работал в своём саду. Весною, летом и осенью он был совершенно счастлив, но, когда приходила зима и в запасе у него не было ни цветов, ни плодов, которые он мог бы отнести на рынок, ему приходилось терпеть и холод и голод. Частенько ложился он в постель без ужина, если не считать нескольких сушёных груш или твёрдых орехов. К тому же зимой он чувствовал себя очень одиноким. Мельник не имел привычки навещать его в эту пору.

— Не следует беспокоить маленького Ганса, пока не сойдёт снег,— говорил обыкновенно мельник своей жене.— Когда человеку приходится плохо, его лучше оставить одного и не докучать ему своими посещениями. Таков, по крайней мере, мой взгляд на дружбу, и я убеждён, что я прав. Подожду, пока придёт весна, и уж тогда навещу его. Он даст мне большую корзину первоцвета, и это доставит ему такое счастье!

— Ты всегда заботишься о других,— отвечала жена, сидя в покойном кресле у камина, где ярко пылали сосновые дрова.— Только о других! Просто наслаждение послушать, как ты рассуждаешь о дружбе. Я уверена, что сам священник не умеет говорить такие прекрасные слова, хоть он и живёт в трёхэтажном доме и носит на мизинце золотое кольцо.

— А нельзя ли позвать маленького Ганса к нам сюда? — спросил мельника его младший сын.— Если ему так плохо, я поделюсь с ним кашей и покажу ему моих белых кроликов.

— Что за глупый мальчишка!—воскликнул мельник.— Право, не знаю, какой толк посылать тебя в школу. Ты там, как видно, ничему не научился. Ведь

если бы Ганс пришёл сюда к нам и увидал бы наш тёплый очаг, наш добрый ужин и славный бочонок красного вина, он, пожалуй, позавидовал бы нам, а зависть — это самая ужасная вещь на свете, она может испортить характер любого человека. Нет уж, кто-кто, а я не допущу, чтобы характер у Ганса испортился. Я его лучший друг и всегда буду зорко следить, чтобы он не подвергнулся соблазну. Притом, если бы Ганс пришёл сюда, он, пожалуй, попросил бы у меня отпустить ему в долг немного муки, а я никак не мог бы сделать этого. Мукá — мукóй, а дружба — дружбой, смешивать их не следует. Ведь и слова эти пишутся различно, и означают они совершенно разные вещи. Это для каждого ясно.

— Как хорошо ты говоришь! — сказала жена мельника, наливая себе большую кружку тёплого эля. — Право, я даже чуть не задремала. Ну, точно в церкви.

— Многие поступают хорошо, — ответил мельник, — но хорошо говорят очень немногие, и это показывает, что уметь говорить — искусство более трудное, а потому и гораздо более ценное.

И он через стол строго посмотрел на своего маленького сына, которому стало так стыдно за себя, что он опустил голову, покраснел и заплакал прямо к себе в чай. Впрочем, он был ещё так мал, что его можно простить!..

— Тут и конец вашей истории? — спросила Водяная Крыса.

— Разумеется, нет, — ответила Коноплянка. — Это только начало.

— Вы, значит, совсем отстали от века, — заметила Водяная Крыса. — Каждый порядочный современный рассказчик начинает с конца, потом переходит к началу, а кончает серединой. Это новый метод. Я всё это слышала на днях от одного критика, который гулял тут вокруг пруда с каким-то молодым человеком. Он

долго толковал на эту тему, и я уверена, что он прав, потому что у него были синие очки и большая лысина, и стоило только юноше сделать какое-нибудь замечание, как он тотчас же отвечал: «Фу!» Но продолжайте лучше вашу историю. Мне страшно нравится мельник. Я сама переполнена прекрасными чувствами, так что между нами много общего.

— Ну так вот,— сказала Коноплянка, прыгая то на одной ножке, то на другой,— едва зима миновала и первоцвет стал приоткрывать свои бледно-жёлтые звёздочки, мельник сказал жене:

— Пора навестить маленького Ганса.

— Ах, какое у тебя доброе сердце! — воскликнула жена.— Ты всегда думаешь о других. Только не забудь захватить с собою корзину для цветов.

Мельник связал крылья мельницы толстой железной цепью и спустился с холма, захватив с собою большую корзину.

— Доброе утро, маленький Ганс,— сказал мельник.

— Доброе утро,— ответил маленький Ганс, опираясь на лопату и улыбаясь во весь рот.

— Ну, как ты провёл эту зиму? — спросил мельник.

— Ах,— воскликнул маленький Ганс,— как мило с вашей стороны, что вы меня об этом спрашиваете! Признаться, подчас мне приходилось очень туго. Но вот наступила весна, и я опять счастлив, и цветы мои растут понемножку.

— А мы зимой частенько говорили о тебе, Ганс,— сказал мельник.— Не проходило и дня, чтобы мы не думали: как-то ты поживаешь.

— Это очень, очень мило с вашей стороны,— повторил Ганс.— А я уж начинал было бояться, не забыли ли вы меня.

— Ты меня удивляешь, Ганс,— сказал мельник.— Дружба не забывается. Вот этим-то она и прекрасна.

Боюсь, впрочем, что ты не понимаешь, в чём поэзия жизни. Кстати, как хороши эти твои первоцветы!

— Да, они действительно хороши,— согласился Ганс.— Мне прямо-таки повезло, что их нынче уродилось так много. Завтра я отнесу их на рынок и продам дочери бургомистра, а на эти деньги выкуплю мою тачку.

— Выкупишь тачку? Неужели ты хочешь этим сказать, что заложил её? Ну и глупость же ты сделал!

— Да, уж так вышло,— ответил Ганс.— Зимой, видите ли, мне пришлось круто. Денег не было даже на хлеб. Поэтому я сначала заложил серебряные пуговицы с моей воскресной куртки, потом — серебряную цепочку, потом — мою большую трубку и, наконец, тачку. Но теперь я опять всё это выкуплю.

— Ганс,— сказал мельник,— я подарю тебе свою тачку. Правда, она не совсем в порядке. У неё не хватает, кажется, одного бока, и с колёсными спицами что-то неладно, но, как бы там ни было, я подарю её тебе. Я знаю, это щедрый подарок, и многие найдут, что я поступаю страшно глупо, отдавая её даром, но я не похож на других. Я полагаю, что великодушные — это самая сущность дружбы. К тому же недавно я купил себе новую тачку. Да, теперь ты можешь быть совершенно спокоен: тачка у тебя будет.

— Ах, это в самом деле очень великодушно с вашей стороны! — воскликнул маленький Ганс, и его широкое круглое лицо так и засветилось от радости.— Я мигом почию вашу тачку, у меня как раз есть хорошая длинная доска.

— Длинная доска? — переспросил мельник.— Да ведь это именно то, что мне нужно для моего амбара. Там, понимаешь ли, прохудилась крыша, и, если её не починить, всё зерно у меня отсыреет. Как хорошо, что ты вспомнил про эту доску! Нет, прямо замечательно, что одно доброе дело всегда порождает другое. Я подарил тебе мою тачку, а ты хочешь подарить мне свою доску. Правда, тачка стоит гораздо больше, чем доска,

но при истинной дружбе таких вещей не замечают. Достань-ка её, пожалуйста, поскорей, и я сегодня же примусь за работу в моём амбаре.

— Сию минуту! — воскликнул Ганс. Он сейчас же побежал в сарай и притащил оттуда доску.

— Ну, не такая уж она длинная, — заметил мельник, осматривая её. — Боюсь, что когда я почию у своего амбара крышу, то от неё останется слишком мало для починки тачки. Но это, конечно, уж не моя вина. А теперь, раз я подарил тебе мою тачку, я уверен, что тебе захочется дать мне побольше цветов. Вот корзина, можешь наполнить её до самого верха.

— До самого верха? — переспросил Ганс с некоторой грустью, потому что это была довольно-таки большая корзина, и он видел, что если наполнить её доверху, то для рынка уж ничего не останется, а ему очень хотелось выкупить свои серебряные пуговицы.

— Ну, знаешь ли, — отозвался мельник, — раз я подарил тебе тачку, я не думал, что попросить у тебя несколько цветочков будет уж слишком много. Я, может быть, неправ, но мне казалось, что дружба, истинная дружба, свободна от всякого эгоизма.

— Дорогой мой друг, мой лучший друг! — воскликнул маленький Ганс. — Я с радостью отдам вам все цветы из моего садика. Мне гораздо дороже ваше мнение обо мне, чем какие-то серебряные пуговицы.

И он побежал и сорвал все свои чудесные первоцветы и наполнил ими корзину мельника.

— До свидания, маленький Ганс! — сказал мельник и зашагал к себе на горку с доской на плече и корзиной в руках.

— До свидания! — ответил маленький Ганс и весело принялся за работу. Нет, что ни говори, а хорошо, что у него опять будет тачка.

На другой день он прибывал вьющуюся жимолость над своим крылечком, как вдруг услышал голос мельника, доносящийся откуда-то с дороги. Ганс живо со-

скочил с приставной лестницы, сбежал в сад и поглядел через ограду.

Там стоял мельник с большим мешком муки на спине.

— Дорогой Ганс,— сказал мельник,— надеюсь, ты не откажешься снести за меня этот мешок муки на рынок.

— Ах, мне очень жаль,— ответил Ганс,— но я, право, так занят сегодня. Мне нынче нужно прибить все мои вьющиеся растения, полить все цветы и подрезать траву.

— Вот как,— сказал мельник.— А мне казалось, что если я как друг дарю тебе тачку, то и ты как друг можешь мне оказать маленькую услугу. А иначе — что же это за дружба?

— О нет, не говорите так! — воскликнул маленький Ганс.— Я ни за что на свете не хотел бы поступить не по-дружески.

И он сбежал в дом за шапкой, взвалил на плечи большой мешок с мукой и поплёлся на рынок.

День был очень жаркий, дорога была очень пыльная, и Ганс, не дойдя и до шестого верстового камня, так устал, что вынужден был присесть и отдохнуть. Тем не менее он храбро продолжал путь и наконец дошёл до рынка. Потолкавшись там немного, он продал муку за очень хорошую цену и сейчас же пустился в обратный путь: ему хотелось добраться домой засветло, чтобы ненароком не встретиться ночью с грабителями.

— Ну и трудный же нынче выдался денёк,— сказал себе Ганс, ложась в постель.— Но всё-таки я рад, что не отказал мельнику. Он мой самый лучший друг, да к тому же обещал подарить мне свою тачку.

На следующий день, рано утром, мельник пришёл получить деньги за муку, но маленький Ганс так устал накануне, что был ещё в постели.

— Однако же ты лентяй, честное слово,— сказал

мельник.— Я тебе собираюсь подарить свою тачку, а ты бездельничаешь. Праздность — великий грех, и я решительно не могу потерпеть, чтобы кто-нибудь из моих друзей был бездельником и лентяем. Ты не обижайся, что я так откровенно, попросту говорю с тобой. Разумеется, мне и в голову не пришло бы сказать это, если бы я не был твоим другом. Но что было бы хорошего в дружбе, если бы человек не мог сказать другому в глаза всё, что он думает? Всякий может наговорить разных сладких слов, льстить, подлаживаться, но истинный друг всегда говорит неприятные вещи и не боится огорчить того, кого любит. Да, если только он истинный друг, он, конечно, предпочтёт поступить именно так, лишь бы это принесло пользу.

— Мне очень жаль, что вы недовольны мной,— сказал маленький Ганс, протирая глаза и снимая ночной колпак,— но я так устал, что мне хотелось поваляться немножко в постели и послушать, как щебечут птицы. Я, знаете ли, всегда лучше работаю после того, как наслушаюсь их песен.

— Что ж, я очень рад,— сказал мельник, похлопывая Ганса по спине,— потому что я, видишь ли, пришёл просить тебя заглянуть ко мне на мельницу, как только ты встанешь, и починить в моём амбаре крышу.

Бедному маленькому Гансу очень хотелось поработать в саду, потому что он не поливал своих чудесных цветов уже двое суток, но ему неприятно было отказать мельнику, ведь тот был ему таким преданным другом.

— А по-вашему, это было бы очень нелюбезно с моей стороны, если бы я сказал вам, что мне сегодня некогда? — спросил он робким, нерешительным голосом.

— Ну конечно,— ответил мельник.— Вот уж не думал, что ты считаешь мелкую услугу таким большим одолжением,— особенно если принять во внимание, что я собираюсь подарить тебе мою тачку. Впро-

чем, если ты не хочешь, я, разумеется, пойду и починую крышу сам.

— О, ни в коем случае! — воскликнул маленький Ганс и, тотчас же вскочив с постели, оделся и побежал чинить амбар.

Он проработал весь день до заката солнца, а на закате мельник пришёл посмотреть, как идёт у него работа.

— Ну, маленький Ганс, поправил крышу? — крикнул он весело.

— Всё в порядке! — ответил Ганс и спустился с лестницы.

— Ах, нет работы приятнее той, которую мы делаем для другого, — сказал мельник.

— Какое наслаждение — слушать вас! — ответил Ганс, присаживаясь и отирая пот со лба. — Уверяю вас, это настоящее наслаждение. Боюсь только, что у меня никогда не будет таких возвышенных мыслей, как у вас.

— О, это придёт! — ответил мельник. — Старайся побольше размышлять, и со временем это придёт. До сих пор у тебя была только практика дружбы, когда-нибудь ты овладеешь и теорией.

— Вы в самом деле так думаете? — спросил Ганс.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил мельник. — Но теперь уже, раз ты починил крышу, тебе лучше идти домой и отдохнуть как следует, потому что мне хочется, чтобы завтра ты отвёл моих овец в горы.

Бедный маленький Ганс не решился возразить, и на другое утро мельник пригнал своих овец к его домику, и Ганс отправился с ними в горы. Целый день ушёл на то, чтобы отвести овец на горное пастбище, а с пастбища обратно — к мельнице, и, вернувшись домой, Ганс так устал, что заснул прямо в кресле и проснулся только при ярком свете дня.

— Вот славно проведу я наконец время у себя в саду! — сказал он и тотчас же принялся за работу.

Однако с этой поры ему не слишком-то много при-

шлось ухаживать за своими цветами. Дело в том, что друг его мельник что ни день заходил к нему и посылал его с разными поручениями — то в ближний город, то в дальнее село, а то брал его с собою помогать на мельнице. Временами маленький Ганс приходил в отчаяние и боялся, как бы его цветочки не подумали, что он совсем забыл о них. Но он утешал себя мыслью, что мельник его лучший друг. «К тому же он собирается подарить мне свою тачку,— обычно говорил он при этом,— а это очень щедро и великодушно с его стороны».

Так и работал маленький Ганс для мельника, а мельник говорил всевозможные прекрасные вещи о дружбе. Все его изречения Ганс записывал в тетрадку и потом перечитывал по ночам, потому что очень любил учиться.

И вот однажды вечером, когда маленький Ганс сидел у своего очага, раздался сильный стук в дверь. Ночь была бурная, ветер так страшно завывал и ревел вокруг домика, что сначала Ганс принял и этот стук за шум бури. Но вот раздался второй удар, а потом и третий, громче двух первых.

— Верно, это какой-нибудь бедный путник,— сказал себе Ганс и бросился к двери.

Там стоял мельник с фонарём в одной руке и большой палкой в другой.

— Дорогой Ганс! — воскликнул мельник. — Я в большой тревоге: мой маленький сын упал с лестницы и расшибся, и я иду за доктором. Но доктор живёт так далеко, а ночь такая ужасная, что мне пришлось в голову: не лучше ли будет тебе пойти за доктором вместо меня.

— Разумеется! — воскликнул маленький Ганс. — Да я прямо за честь считаю, что в такую минуту вы обратились ко мне. Сейчас же иду за доктором. Одолжите мне только ваш фонарь, потому что ночь, сами видите, очень тёмная, и я боюсь, как бы мне не свалиться в канаву.

— Извини, дружок,— ответил мельник,— но фонарь у меня новенький, и было бы очень досадно, если бы с ним что-нибудь случилось.

— Ну ничего, я обойдусь и без фонаря!— воскликнул маленький Ганс, надел свою тёплую куртку, тёплую красную шапку, повязал шею шарфом и вышел.

Что за буря встретила его за порогом! Кругом было до того темно, что маленький Ганс почти ничего не видел, а ветер так и валил его с ног. Но мужество не покидало маленького Ганса, и, пройдя около трёх часов, он наконец добрался до цели и постучался в дверь докторского дома.

— Кто там? — спросил доктор, высовывая голову из окна своей спальни.

— Это я, господин доктор. Я — маленький Ганс.

— Что тебе нужно, Ганс?

— Сын мельника упал с лестницы и расшибся, и мельник просит вас поскорее приехать!

— Хорошо! — ответил доктор и велел подать лошадь, большие сапоги и фонарь.

Потом он спустился вниз и уехал верхом по направлению к дому мельника. А маленький Ганс поплёлся за ним пешком.

Буря меж тем становилась всё сильнее и сильнее, дождь лил потоками. Маленький Ганс не мог, конечно, угнаться за лошадей и брёл в темноте наугад, сам не зная куда. В конце концов он сбился с дороги, заблудился и попал в болото, по которому и днём-то было очень опасно ходить, потому что в нём было много глубоких ям. Там бедный Ганс и утонул. На другой день пастухи нашли его тело в большой яме, наполненной водою, и принесли домой.

Все пошли на похороны маленького Ганса, потому что все его любили. Но первым лицом на похоронах был, разумеется, мельник.

— Я был его лучшим другом,— говорил мельник,— и потому справедливость требует, чтобы я первый следовал за его гробом.

И он шёл во главе процессии в длинном чёрном плаще и время от времени вытирал глаза большим носовым платком.

— Смерть маленького Ганса — большая потеря для каждого из нас, — сказал кузнец, когда похороны окончились и все уютно уселись в трактире, попивая душистое вино и закусывая сладким печеньем.

— Для меня, во всяком случае, это огромная потеря, — отозвался мельник, — потому что ведь я уже почти подарил ему мою тачку, а теперь я положительно не знаю, что мне с ней делать. Дома она мешает, а продать — так ведь, пожалуй, никто не купит: уж очень она старая и поломанная. Впредь буду осторожнее и никому ничего не стану дарить. Всегда приходится расплачиваться за свою щедрость.

— Ну? — сказала Водяная Крыса после долгого молчания.

— Ну, это конец, — сказала Коноплянка.

— А что же было дальше с мельником?

— Ах, право, не знаю, — ответила Коноплянка. — Да мне, откровенно говоря, до этого и дела нет.

— Вот и видно сейчас, что вы по натуре совсем не отзывчивы, — заметила Водяная Крыса.

— Боюсь, что вам не будет ясна мораль этого рассказа, — сказала Коноплянка.

— Что не будет ясно? — переспросила Водяная Крыса.

— Мораль.

— Вы хотите сказать, что в этом рассказе есть мораль?

— Разумеется, — ответила Коноплянка.

— Ну, однако, — сказала Водяная Крыса с большим раздражением, — мне кажется, вам следовало бы предупредить меня об этом заранее. Если бы вы это сделали, уж я наверное не стала бы вас слушать. Несомненно, я сказала бы: «Фу!», как тот критик.

Впрочем, я и теперь могу это сделать.— И она во весь голос крикнула: «Фу!» — взмахнула хвостом и спряталась в нору.

— Как вам нравится эта Водяная Крыса?—спросила Утка, подплывая к берегу.— У неё очень много хороших черт, но, что касается меня, во мне так сильно развито родительское чувство, что без слёз я не могу смотреть на неисправимых холостяков и старых дев.

— Боюсь, что я рассердила её,— ответила Коноплянка.— Дело в том, что я рассказала ей историю с моралью.

— Ах, это всегда очень опасно,— сказала Утка.
И я с ней совершенно согласен.

СОДЕРЖАНИЕ

Г.-Х. АНДЕРСЕН (1805—1875)

(Дания)

Перевела А. Ганзен

Гадкий утёнок. Пересказали Т. Габбе и А. Любарская . . .	3
Соловей. Пересказали Т. Габбе и А. Любарская	14
Дюймовочка. Пересказала Т. Габбе	27
Снежная королева. Пересказали Т. Габбе и А. Любарская . . .	41
Стойкий оловянный солдатик. Пересказали Т. Габбе и А. Любарская	77
Лесной холм. Пересказала Т. Габбе	83
Свинья-копилка. Пересказала Т. Габбе	93

П.-К. АСБЪЁРНСЕН (1812—1885)

(Норвегия)

Пересказала А. Любарская

Вороны Ут-Рёста	97
Рассказы Берты Туппенхаук	106
Королевские зайцы	121

З. ТОПЕЛИУС (1818—1898)

(Финляндия)

Пересказала А. Любарская

Зимняя сказка	135
Сампо-Лопарёнок	146
Кнут-Музыкант	164
Солнечный Луч в ноябре	180

БРАТЬЯ ГРИММ

ЯКОБ (1785—1863), **ВИЛЬГЕЛЬМ** (1786—1859)

(Германия)

Пересказала Т. Габбе

Три брата	185
Гном-Тихогром	187
Белоснежка и Краснотрубка	195
Король Дроздобород	204
Королевич-лягушка, или Железный Генрих	213

В. ГАУФ (1802—1827)

(Германия)

Калиф-аист. <i>Пересказала А. Любарская</i>	219
Холодное сердце. <i>Пересказали Т. Габбе и А. Любарская</i>	235

Ш. ПЕРРО (1628—1703)

(Франция)

Перевела и пересказала Т. Габбе

Золушка, или Хрустальная туфелька	291
Подарки феи	300
Спящая красавица	304
Кот в сапогах	313

Э. ЛАБУЛЭ (1811—1883)

(Франция)

Перевела Т. Габбе

Как петушок попал на крышу. (Испанская сказка.) <i>Пересказала Т. Габбе</i>	319
Зербино-нелюдим. <i>Пересказали Т. Габбе и А. Любарская</i>	330
Пальчик. (Финская сказка) <i>Пересказали Т. Габбе и А. Любарская</i>	361

ОСКАР УАЙЛЬД (1856—1900)

(Англия)

Преданный друг. <i>Пересказала Т. Габбе</i>	384
---	-----

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА. ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
ПО ДОРОГАМ СКАЗКИ

Сказки писателей разных стран

Ответствен. редактор С. К. Беркман, Художест. редактор Т. М. Токарева. Технический редактор Е. М. Захарова. Корректоры Л. М. Короткина и В. К. Мирингоф. Сдано в набор 28/VIII 1970 г. Подписано к печати 25/XI 1970 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л 25. (Уч.-изд. л 18,49). Тираж 100 000 экз. ТП 1971 № 484. Цена 96 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Зак. 1131.

Цена 96 коп.

